

Декан

Москва
2020

УДК 821.16
ББК 82.3

- A17 Альтшулер Эдгарт Бенционович
«Декан» : роман — М. : Издательство «Просеков» : редакция Владимира Механика : 2020. — 400 с., ил.
ISBN 978-5-9905672-6-9

Книга «Декан» является продолжением романа «Жизнь как подвиг», в котором описана страшная судьба людей, оказавшихся в Норильском исправительно-трудовом лагере и построивших в бескрайней северной тундре один из промышленных гигантов России — Норильский горно-металлургический комбинат (НГМК).

Залогом успехов НГМК была не только производственная деятельность выдающегося инженерно-технического корпуса, но и квалифицированные кадры, подготовку которых осуществляли с 1944 года в рамках Норильского горно-металлургического техникума (НГМТ), заключённые — академики, профессора, доктора наук, а с 1961 — Норильский государственный индустриальный институт (НГИИ). И хотя после ликвидации зоны в 1956 году многие из них, выпущенные на свободу, уехали из Норильска, но ещё долгие годы профессорско-преподавательский состав НГИИ сохранял заложенный их репрессированными коллегами высокий профессиональный и интеллектуальный уровень обучения студентов.

Автор книги, доктор технических наук, профессор Альтшулер, приехавший в Норильск в 1963 году и проработавший в НГИИ двадцать восемь лет, успел прикоснуться к этому удивительному явлению, что и постарался описать в своём романе.

Книга «Декан» охватывает значительный период времени, разные города, страны и предназначена для широкого круга читателей.

УДК 821.16
ББК 82.3
A17

ISBN 978-5-9905672-6-9

© Э. Б. Альтшулер: текст, 2020
© Изд. «Просеков»: оформление, 2020

Эдгарт Альтшулер

Декан

Роман

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОСЕКОВ

От автора

*Посвящается моей жене Гале —
верному и надёжному спутнику жизни*

Создание в 1935 году далеко за Полярным кругом, на 70-м градусе северной широты, Норильского исправительно-трудового лагеря — Норильлага — было не от желания советского государства загнать несколько десятков тысяч заключённых за «Можай», а возможностью использовать для строительства Норильского горно-металлургического комбината бесплатный каторжный труд. Однако для реализации этой грандиозной задачи требовались не только отморозенные и голодные эски, но и грамотные инженерно-технические работники, которых хронически в Норильске не хватало.

Осознание руководством Норильского комбината важности стоящих перед ним задач определило принятие решения о подготовке своих специалистов. В соответствии с этим в июне 1944 года, по приказу Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК и НКВД СССР, был открыт Норильский горно-металлургический техникум, преподавание в котором осуществлялось силами заключённых Норильлага. В разные годы в Норильском техникуме работали члены-корреспонденты АН СССР, лауреаты Государственных премий, заслуженные деятели науки и техники, профессора, доктора наук. Можно только представить, что чувствовали эти люди, вырывавшиеся на короткое время из лагеря для проведения занятий. Как они старались передать всё, что знали, своим слушателям.

В 1961 году на базе Норильского горно-металлургического техникума был создан Норильский государственный индустриальный институт, в состав которого Норильский техникум вошёл на правах среднетехнического факультета.

Норильлаг был ликвидирован в 1956 году, но Норильский промышленный район по-прежнему остро нуждался в рабочей силе и квалифицированных кадрах. Поэтому в том же году Норильск был объявлен молодежной комсомольской стройкой, и в течение года сюда прибыло около тридцати тысяч молодых людей со всех концов страны. Ехали на Крайний Север поодиночке и семьями,

после окончания института и демобилизации из рядов Советской армии. Причины у всех были разные: кого влекла романтика Севера, кто думал заработать денег, а кого гнали в Заполярье непростые жизненные обстоятельства. Тяжелейшие климатические условия Норильска никого не пугали. Никто не считал себя героем, совершающим какой-то исключительный поступок, и не требовал для себя особых льгот. Работа в Норильске увлекала и захватывала, а искренние и честные отношения между людьми были поистине уникальными.

Не обошла эта романтическая идея и меня. Окончив в 1963 году Новочеркасский политехнический институт, я добился направления в Норильский индустриальный институт, где проработал впоследствии двадцать восемь лет, прошагав по всем ступеням научно-педагогической деятельности. В том числе шестнадцать лет был деканом факультета.

В 2017 году в Москве была издана моя первая книга — «Жизнь как подвиг», в которой я рассказал о замечательных людях, прошедших через страшный сталинский Норильлаг и построивших уникальный Норильский комбинат. В этом же издательстве вышла и настоящая книга — «Декан», являющаяся продолжением первой и посвящённая Норильскому институту.

Книгу «Декан» я писал много лет. Откладывал в сторону и возвращался к ней. Забывал о ней на некоторое время и снова садился за письменный стол. Что же побуждало меня к этому? Во-первых, потребность рассказать о самом северном в мире вузе и его профессорско-преподавательском составе, представлявшем собой «сборную Советского Союза по высшему образованию». А во-вторых, желание поделиться своим многолетним опытом работы деканом факультета, показать, как выстраивались непростые отношения со студентами, преподавателями, кафедрами, ректоратом, общественными организациями, городскими властями.

Думаю, что нет человека, имеющего высшее образование, который никогда бы не сталкивался с деканатом. Одни вспоминают эту вузовскую инстанцию с теплотой, другие с горечью, но уверен, что никто не остался к ней равнодушным. Наверняка у моих студентов уже есть взрослые дети, а может, и внуки, но многих из них я помню по именам. И это доставляет мне радость, так как через воспоминания я постоянно возвращаюсь в свою молодость.

Я давно уехал из Норильска, но до сегодняшнего дня он не от-

пускает меня. Я продолжаю сравнивать свои настоящие мысли и поступки с теми, что были в моём норильском прошлом, и ничего не могу поделать с этим. Да и не хочу. Это навсегда со мной. Это внутри меня.

Прожив много лет в Норильске, где всё другое — климат, люди, заработки, отношение к работе, друзья — я продолжаю восхищаться этим городом и слагать ему гимны.

И последнее. Убедительно прошу читателей не искать в героях моих книг своих знакомых, хотя и не отрицаю, что за многими из них стоят реальные люди.

*Профессор
Эдгарт Альтшулер*

Пролог

Забыть нельзя,
Вернуться невозможно.
Звезда любви стораёт надо мной...
О. Кириосова «Фантазия»

Профессор Алексей Натанович Соловьёв сидел на одном из последних рядов огромного зала бывшего московского кинотеатра с многозначительным названием «Рассвет», арендованного Министерством науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации для проведения Всероссийского совещания деканов. Данное мероприятие отличалось от традиционных, в которых не раз принимал участие Алексей Натанович. Во-первых, оно было двухдневным, без заседаний участников по секциям, а во-вторых, в фойе кинотеатра отсутствовал буфет. Первое объяснялось ограниченным бюджетом, выделенным Министерством на проведение совещания, второе — катастрофическим дефицитом продуктов в стране.

Уклон пола в зале (или, как это называют в планировочных требованиях к кинотеатрам, — профиль пола) был спроектирован по всем правилам, а потому перед взором Алексея Натановича открывалась никем не заслоненная панорама лысых и седых голов, с редким вкраплением шевелюр натурального, природного цвета. Это обстоятельство указывало на то, что российские вузы добросовестно выполняют требование высшей школы России и назначают на должность деканов опытных профессоров и доцентов. Правда, непонятно, о каком опыте может здесь идти речь, потому как — если сам не погрузишься в тяжелейшую деканскую работу — никакой другой опыт тебе не поможет. Да у декана всё равно нет свободного времени, чтобы интересоваться чужим опытом. Он всегда занят на различных совещаниях, комиссиях, советах. А ещё ему нужно выполнять свою учебную нагрузку, находить время для общения со студентами и преподавателями, работать с получаемыми отовсюду документами.

Из состояния глубокого самоанализа профессора Соловьёва вывел очередной выступающий. Говорил он без бумажки. Чётко

и убедительно. Как перед строем. Это был какой-то ответственный кадровик министерства. Из его выступления Алексей Натанович случайно выхватил один фрагмент:

— Хочу довести до сведения уважаемых деканов, что на сегодняшний день большое число российских вузов за Уралом живого доктора наук, профессора в глаза не видели. Более того, в этих вузах существуют кафедры, в основном специальные и общеобразовательные, которые возглавляют старшие преподаватели без учёной степени. Проблема кадров высшей квалификации в Сибирском и Дальневосточном регионах стоит очень остро. Следует принять экстренные меры по её решению.

«Проснулись, — подумал про себя Алексей Натанович. — Об этом нужно было говорить лет двадцать назад, а не сейчас, когда всё в стране разваливается после Перестройки. Никто не хочет серьёзно заниматься наукой и готовить диссертации. Экономически невыгодное мероприятие плюс огромные хлопоты». И здесь Алексей Натанович вспомнил курьёзный случай, который произошёл с ним самим много лет назад. После защиты докторской диссертации он возвратился из Москвы в Норильск и встретился на улице со своим старым знакомым, преподавателем музыкального училища:

— О, Лёша! Что-то я тебя давно не видел.

— Да занят был. Докторскую диссертацию защищал.

Знакомый похлопал его по плечу и успокаивающим тоном сказал:

— Не расстраивайся, старик. С кем не бывает.

В этот момент выступающий поменялся — на трибуну резво вбежал один из заместителей министра и начал резюмировать образовательный блок вопросов. Он сразу принялся энергично наставлять деканов, грозя им всеми карами:

— Надо ужесточить требования к студентам дневной формы обучения, усилить контроль за посещением ими занятий, наказывать материально за прогулы. Недопустимо такое положение, что с первого и второго курсов большинства вузов страны отчисляется почти половина студентов. В особенности это касается студентов, обучающихся по бюджету. Проблемой студентов младших курсов должны серьёзно заниматься не только работники деканатов, но и весь профессорско-преподавательский состав вузов.

После этой фразы Алексей Натанович совершенно потерял интерес к выступающей номенклатуре и затеял внутренний диалог

с самим собой: «А в чём, собственно говоря, причина такого огромного отсева студентов? Дело в том, что в последние годы в вузы принимается, с целью выполнения плана, слабый контингент. Это с одной стороны. А с другой, преподаватели получают смешную зарплату и рассматривают вуз как одно из мест работы, бегая с одной на другую. Студенческая аудитория перестала их увлекать, а студент превратился из ученика и последователя в предмет приложения квалификации. Более того, преподаватель в силу дефицита времени общения со студентом не успевает его узнать и полюбить. Отношения между ними перестали быть тёплыми и доверительными. Холодно стало в студенческой аудитории и скучно. А что такое не любить студента? — продолжал копаться в себе профессор Соловьёв. — Это не любить себя, свою прекрасную юность, буйную молодость, полную незабываемых поступков».

Алексей Натанович заулыбался, так как его память услужливо подогнала один забавный случай из его деканской жизни. Звали её Лиля. Красивая, самоуверенная, неглупая девушка, студентка третьего курса. Лилия регулярно пропускала занятия, но экзамены в сессию сдавала успешно. Куратор предупредила старосту группы, чтобы тот, как только Лилия появится в институте, сразу направил её к декану. И вот однажды открывается дверь в его кабинет, и на пороге появляется роскошная дама в песцовой шубе и шляпе.

— Разрешите, Алексей Натанович. Мне староста сказал, что вы меня просили зайти?

— А, заходите, Лилия. Я вас в шубе сразу и не узнал. Почему вы не разделитесь в гардеробе?

— Прошу прощения, но в институт я зашла на минутку.

— Понятно. Я вас пригласил к себе, так как вы регулярно пропускаете занятия. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Ничего. Просто у меня много других дел, помимо института.

— Но тогда я вынужден снять вас со стипендии.

— Снимайте, но от этого мой стиль жизни не изменится.

Спокойный, без эмоций разговор между деканом и студенткой завершился в принципе ничем. Следующую сессию Лилия провалила, и была отчислена из института. А ещё через год они случайно встретились в Москве.

Будучи в командировке, Соловьёв очень хотел попасть на концерт Хазанова в Театр эстрады. Билетов в кассе, естественно, не было, и поэтому ему пришлось спрашивать лишний билетик

на улице. В это время к театру подъехал автомобиль, из которого вышла красивая дама в сопровождении мужчины. И тут Соловьёв услышал:

— Алексей Натанович, добрый вечер. — Это была Лиля. — А что вы тут делаете?

— Да вот — ищу лишний билетик. Хочу попасть на концерт.

Лилия повернулась к своему спутнику и тоном, не терпящим возражения, сказала:

— Дайте моему бывшему декану контрамарку. Желаю вам здоровья. — И, не дожидаясь слов благодарности с его стороны, гордо проследовала дальше.

Поток деканов, желающих выступить на совещании, не иссякал. Всё было скучно и предсказуемо. Какая-то сплошная говорильня на общие темы. И тут на трибуну поднялся пожилой, с усталым лицом человек — декан одного из университетов на Кавказе. Он говорил с сильным акцентом, но о таких вещах, которые сразу заставили притихнуть весь зал.

— Дорогие коллеги! Я работаю деканом факультета больше пятнадцати лет. Это прекрасная, замечательная должность. Всё время общаешься с молодыми, энергичными, жизнерадостными людьми. Видишь, как на твоих глазах мальчики и девочки превращаются в серьёзных взрослых людей. Это одна сторона медали. Но есть и вторая. В моём университете одной из самых больших проблем является отчисление неуспевающих студентов. В связи с этим у декана, как правило, возникают серьёзные проблемы. Вся родня таких студентов каждый день приходит к нему. Набивается полный кабинет. Все плачут, причитают, просят. Подарки под дверь подкладывают. После работы встречают и провожают до самого дома. А в последнее время обстановка в нашем университете стала просто угрожающей. Месяц назад ворвались ко мне в кабинет два молодчика и заявляют: «Слушай нас внимательно и запоминай. Мы представляем организацию «Народный фронт». Пришли тебе кое-что объяснить. Первое. Приказ на отчисление студентов из университета теперь обязательно будет визировать наш человек. Без его подписи приказ считается недействительным. Второе. Заведующих кафедрами из русских и евреев на факультете быть не должно. У нашего народа есть много своих умных и образованных людей. И третье. Все предметы должны преподаваться только на родном языке». Эти «представители» говорили не шутя,

но я набрался храбрости и попытался им ответить. Насчёт визи-рования приказов на отчисление студентов, мол, не возражаю, но для этого должно быть распоряжение ректора университета. Заведующих кафедрами так просто взять и убрать нельзя. Это уважаемые люди и работают на выбранных по конкурсу должностях. Если мы их уволим, любой суд без разговоров восстановит. Что касается преподавания в нашем университете на родном языке, то это нереально. Есть дисциплины, по которым все учебники, лабораторные практикумы и учебные пособия написаны только на русском. На нашем языке не существует даже простейших терминов. Тогда они стали мне угрожать напрямую: «Ты нас, дядя, не серди, а то мигом слетишь с этого места. Да и с семьёй у тебя начнутся проблемы. Понял?». Что я мог сказать? Понял, говорю. А когда они ушли, я сразу позвонил проректору по учебной работе нашего университета и всё ему рассказал. А он мне только и ответил: «Делай то, что тебе сказали. Пожалей себя и своих близких». Вот и всё. Извините за грустный рассказ.

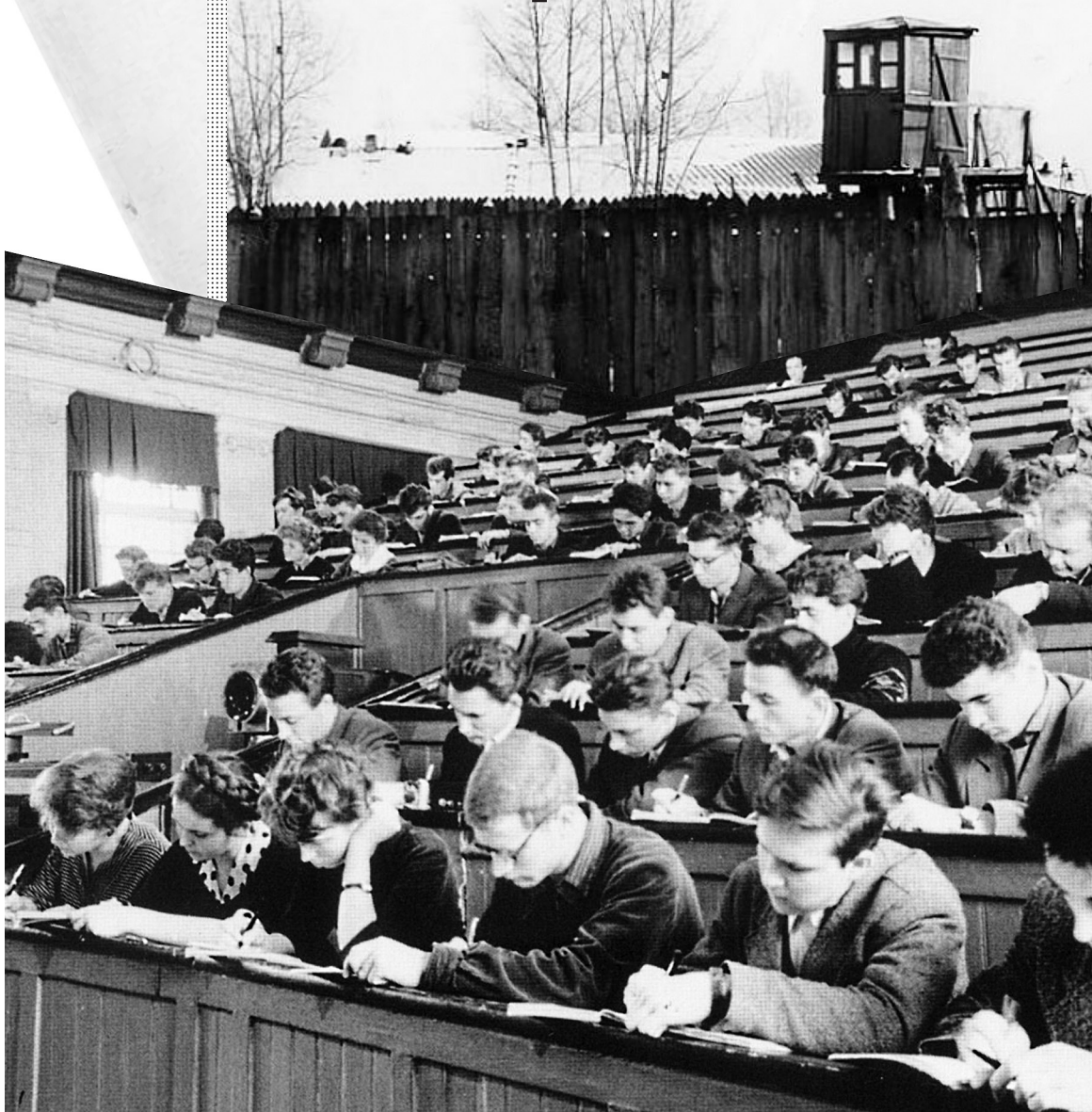
Кавказец сошёл с трибуны, а зал молчал. Все были в шоке. Тишина стояла звенящая — ни аплодисментов, ни реплик. Деканы России вдруг почувствовали, что на пороге беда и нужно принимать серьёзные меры для кардинального изменения ситуации в головном отряде общества — студенчестве. Если такое положение вещей имеет место хотя бы в одном университете страны, это уже страшно. Предвестником всех хороших и плохих событий во все времена была атмосфера в высших учебных заведениях. А она в настоящее время очень тревожная.

Все последующие выступления после декана с Кавказа казались какими-то мелкими и ненужными. Слушали их плохо. Каждый наверняка сидел и думал о том, что бы сделал он, если бы подобный инцидент произошёл у него на факультете.

В конце совещания состоялось вручение Почётных дипломов и грамот особо отличившимся работникам российских вузов. Церемония прошла как-то скромно и совсем не празднично. Среди награждённых был и бывший декан Норильского технологического института, а ныне профессор Московского высшего технического университета имени Баумана Алексей Натанович Соловьёв.

Часть первая

Таёжный Боливар

От трения рубка нагреется, жидкость в ней закипит и пар выбросит рубку вверх (рис. 54).
Нальём в пробирку немного воды и закроем её пробкой. При нагревании пробирки вода за счет расширения толкнет пробку, и она вылетит. При этом выделится энергия.
Теплота, выделяющаяся при сгорании топлива, используется для нагрева воды. При этом происходит расширение воды, которая вытекает из пробки. При этом выделяется энергия.
Механическая энергия, выделяющаяся при сгорании топлива, используется для нагрева воды. При этом происходит расширение воды, которая вытекает из пробки. При этом выделяется энергия.
Механическая энергия, выделяющаяся при сгорании топлива, используется для нагрева воды. При этом происходит расширение воды, которая вытекает из пробки. При этом выделяется энергия.

Глава 1. Корни

1.1

В июне 1939 года из посёлка Уренгой, бывшей ненецкой фактории, вышла группа людей под руководством старшего оперуполномоченного Колоскова. Маршрут, проложенный им по карте напрямую от Уренгоя до излучины реки Мессояха, где они должны были встретиться с головным отрядом, вышедшим из Норильска, составлял приблизительно 350 километров. Это расстояние, с учётом неизвестной местности и погодных условий, Колосков предполагал преодолеть со своими людьми за десять дней. Места, куда направлялась группа, сочетали в себе таёжно-тундровый ландшафт и пользовались плохой репутацией. Недаром Уренгой, означает в переводе «гиблое место». Карликовые берёзки и ржавая вода в озёрах — из-за большого содержания в почве железа — вот и вся природа. Под ногами сплошной мох, зыбко проседающий при каждом шаге.

Группа состояла, не считая самого Колоскова, из 10 человек: шестеро заключённых, два солдата внутренних войск и двое вольнонаёмных рабочих. Каждый нёс на себе примерно 30 килограммов груза неизвестного назначения. Заключённые прибыли в Уренгой по особому распоряжению из разных лагерей ГУЛАГа. В отношении них Колосков не получил от начальства особых указаний (кроме данных о том, что все они политические и каждый является каким-то техническим специалистом), а потому не вводил по отношению к ним никаких ограничений: все ели из одного котла и спали в одной палатке. На ночь, тем не менее, выставлял охрану, хотя и понимал, что заключённые никуда не убегут.

Не знал старший оперуполномоченный и какая конечная задача стоит перед его объединённым отрядом, но — судя по облегчённому режиму содержания заключённых — задача эта, очевидно, была особой государственной важности.

На шестой день пути случилось непредвиденное: один из заключённых — Воронов — оступился и, по всей видимости, сломал в подъёме ногу. Ступня сразу распухла так, что не влезала в ботинок. Воронов попробовал двигаться без обуви, но страшная боль всё равно не давала ступить ни шагу. Сначала Колосков поручил

одному из охранников найти хорошую палку и сделать из неё удобный костыль для заключённого. Однако костыль глубоко уходил в болотистую почву, и каждый раз требовались большие усилия, чтобы вытащить его обратно. Это серьёзно замедляло движение всей группы.

До места встречи с основным отрядом оставалось ещё более ста километров. Опаздывать было ни в коем случае нельзя, поэтому утром следующего дня, перед выходом на маршрут, Колосков объявил своё решение:

— Группа продолжает движение по намеченному графику. Заключённый Воронов и конвоир Семёнов догоняют нас в темпе, позволяющем двигаться заключённому. Вопросы есть?

— Есть.

— Задавайте, рядовой Семёнов.

— А как нам знать, куда вы пошли?

— Ориентир нашего движения — зарубки на деревьях. Мы будем их делать через каждые пятьдесят метров. Провианта оставляю вам на четыре дня. Больше не понадобится, чтобы догнать нас и выйти на точку встречи с основным отрядом.

1.2

Через несколько километров тайга сменилась тундрой. Вместо деревьев пошёл сплошной кустарник. На некоторых участках, кроме мха, вообще ничего не было, и заключённому Воронову с конвоиром Семёновым стало ясно, что на след своей группы они выйти уже не смогут. К вечеру нашли более или менее сухое место и остановились на ночлег. Трудно было сказать, сколько они прошли за день, но явно не более десяти километров. Опухоль на ноге у заключённого не спадала, а только увеличилась по сравнению со вчерашним днём. Было ясно, что при движении ни о каком улучшении не может быть речи. Чтобы нога заживала, больному требуется длительное состояние покоя.

Разожгли костёр, очень скромно поели.

— Боливар не выдержит двоих, — вдруг произнёс Воронов.

— Что вы сказали? — настороженно спросил Семёнов.

— Это из О. Генри. Есть у него такой рассказ — «Дороги, которые мы выбираем». Я имею в виду, что вы должны оставить меня здесь и идти дальше догонять своих. Вдвоём у нас ничего не полу-

чится. Если мы даже и догоним их, то очень нескоро. А продуктов у нас осталось только на три дня. Так что картина безрадостная.

— А кто такой Боливар?

— Это конь — ценное средство передвижения в критической ситуации.

— Не надо так говорить. Бросить вас я не могу — меня командир назначил в наряд. А люди увидят, что нас нет, и вернуться за нами. Я думаю, что всё будет хорошо.

Воронов внимательно посмотрел на своего охранника. Молодой наивный парень. Совершенно невыразительное лицо: увидишь такого — на следующий день и не вспомнишь. Наверное, из какой-нибудь глухой деревни, где люди ещё верят в человеческую доброту и порядочность, а всех старших называют на «вы».

— Как вас звать? — спросил Воронов.

— Семёнов я. Николай. Девятнадцати лет отроду. Призван в армию в прошлом году из Олонецкого района Карельской автономной республики, — поторопился всё сразу сообщить о себе конвоир.

— В вашем районе все так же хорошо, как и вы, говорят по-русски?

— Да, все. Некоторые ещё и на финском, если принято в семье. А зачем вы меня об этом спрашиваете?

— Дело в том, что мой жизненный опыт подсказывает, что вместе нам придётся провести не один день.

— Приказываю отставить вредные разговоры! Без паники.

— Да нет никакой паники. Просто реальность, и больше ничего.

— Прекратить эти разговоры! — повторил конвойный, но уже без особой уверенности добавил: — Я за вас сейчас отвечаю и не имею права поддерживать пораженческие настроения.

Оба замолчали. Каждый думал о своём, но, по сути, об одном и том же: остаться в незнакомом месте без карты, а главное, без какого-либо инструмента, чтоб хотя бы элементарно обустроиться, было смертно подобно. Да ещё и провиант заканчивается.

Первым затянувшееся молчание нарушил Воронов:

— Думаю, что нам с этого места двигаться никуда не следует. Если Колосков будет нас искать, ему проще будет вернуться по своим же следам. А если мы уйдём с маршрута, нас вообще не найдут.

— Что-то не то вы предлагаете. Вам случалось плутать в глухих местах? Опыт есть?

— К сожалению, нет.

— А у меня есть. Я с отцом много ходил по таким лесам. Всяко было. Кстати, вас как звать?

— Заключённый Воронов, статья 58-я, часть 2-я.

— Самая вражья статья, а вы ещё советы даёте! — строго заметил конвойный.

— Хорошо, больше ничего предлагать не буду. Давайте лучше я расскажу немного о себе, чтобы скоротать время?

— А по имени-отчеству-то вас как? — уже примирительно спросил Семёнов.

— Александр Николаевич.

— Ну, рассказывайте, пока я вам лапти сплету. В них удобнее по трясине ходить.

— Тогда слушайте. Что будет непонятно — спрашивайте. С удовольствием всё объясню.

1.3

В 1933 году Натан Захарович Соловьёв приехал в Ростов-на-Дону из Иркутска в командировку. В поезде его крепко продуло, и он обратился в районную поликлинику с высокой температурой, где ему первую помощь оказала молодой врач Елена Степановна Савельева. В благодарность за это, как любил подшучивать, он на ней и женился, а в довершение ко всему переехал в Ростов жить. В 1941 году ушёл на фронт. По окончании войны, имея звание полковника и вторую группу инвалидности, демобилизовался из армии. Так как на полную ставку по состоянию здоровья работать уже не мог, устроился на несколько часов в неделю преподавать военное дело в школе. Жена Натана Захаровича, доктор Савельева, после войны стала ведущим хирургом города Ростова — заведовала хирургическим отделением в центральной городской больнице.

Лёша Соловьёв родился в 1946 году в полковом госпитале и был четвёртым, самым младшим ребёнком в семье. На момент рождения мальчика у Соловьёвых было уже три девочки — одиннадцатилетняя Оля и шестилетние близнецы Даша и Наташа, которые во время войны жили у родителей Натана Захаровича в Иркутске. Рождение сына сначала очень обрадовало Натана Захаровича, но потом он как-то скис и иногда полусуто выговаривал жене:

— Ну что ты, Ленка, наделала. С нашими девками мы более или

менеe разобрались в этой жизни — одна после другой будет всё донашивать. А с пацаном что делать? Караул...

— И что? В чём дело-то? — однажды жёстким тоном спросила жена.

— Денег у нас совсем нет, а главное — не предвидится. Я добытчик, к сожалению, никакой.

— Натан, что ты всё время стонешь? Нет денег, нет денег... Нашёл проблему! Ну, возьму дополнительные дежурства. Или кому-нибудь что-нибудь отрежу — частным образом. В конце концов, ко мне очереди на операцию на полгода вперёд расписаны — взятки начну брать. Успокойся и не ной.

За многие годы супружеской жизни Натан Захарович не имел возможность убедиться, что Елена Степановна слов на ветер не бросает. Чего доброго и в самом деле начнёт ночами пропадать в больнице, а там недалеко и до взяток. Расстроившись вконец от разговора с женой, он пошёл на кухню курить.

— Ты же мне обещал бросить, — сказала, подсаживаясь к нему с папиросой и спичками, жена.

— С тобой бросишь. Нервы мне постоянно мотаешь.

— Слабак ты, Натан. А я вот захочу — и брошу.

— Захоти — и я после этого подумаю.

1.4

Наступил 1957 год — год Международного фестиваля молодёжи и студентов в Москве. Вся страна пела и плясала, готовясь к необычному празднику. Не было ни одной школы, ни одного института или производственного коллектива, где бы не проводились смотры художественной самодеятельности, в которых участвовала огромная масса людей. Каждый надеялся получить заветную путёвку в столицу. В школе, где Натан Захарович Соловьёв преподавал в старших классах, тоже шла подготовка к Международному фестивалю. Однако военруку было не до веселья. Сегодня должно было состояться предварительное распределение на работу его старшей дочери: Оля заканчивала учебу на физическом факультете Ростовского государственного университета по специальности «Рентгеноспектральный анализ».

Список мест распределения для молодых специалистов деканат физического факультета вывесил на доске объявлений в двенадцать

часов дня. Напротив фамилии Соловьёвой стояло предлагаемое ей место работы — учитель физики сельской школы Миллеровского района Ростовской области. Оля понимала, что родители ждут её дома с новостями, но ужасно боялась их реакции. В особенности папиной, который, как бывший военный, сразу «рубил с плеча». Чтобы не рассказывать по отдельности каждому члену семьи о результатах распределения, Оля решила вернуться домой попозже. Открыв входную дверь своим ключом, она увидела, что все уже сидят за столом и ужинают.

— Всем привет, — бодро бросила Оля с порога.

— Привет, — ответил за всех её младший брат Лёша. — Что нового?

— Лёша, отстань от Оли, — резко оборвала сына мать. — А ты быстро мой руки и садись кушать.

Всё было как всегда: папа сидел, уткнувшись в газету, мама сновала от стола к плите и обратно. Двойняшки Даша и Наташа, заканчивающие десятый класс, тихо перешептывались между собой. Тарахтел за столом, как обычно и по всякому поводу, только один Лёша.

— Ну как дела, Оля? Что-то ты не очень весёлая, — осторожно спросил Натан Захарович, не отрываясь от газеты.

— Так она тебе всё и расскажет, — не упустил возможности влезть в разговор Лёша.

Но Оля, которая всегда отделялась от родительских вопросов односложным «нормально», сегодня подробно рассказала о состоявшемся на факультете предварительном распределении.

Мать сразу сняла передник и присела за стол, отец отложил газету. В кухне воцарилась напряжённая тишина.

— Ну и где этот Миллеровский район? — спросил Натан Захарович не предвещавшим ничего хорошего тоном.

— Подожди, Натан, со своим районом, — оборвала его Елена Степановна. — Оля, расскажи толком, что там у вас сегодня произошло. При чём тут учитель физики в школе? С твоей-то специальностью... Я так понимаю, это не школьная дисциплина.

— Правильно понимаешь, мама, но в дипломе будут указаны две специализации: «Исследователь. Преподаватель физики».

— А почему тебе предложили место преподавателя, а не исследователя? — продолжала допытываться Елена Степановна.

— Потому что все исследовательские места являются пер-

сональными и уже заняты нашими выпускниками по заявкам предприятий.

— Какие ещё есть варианты? — не отставала от дочери мать.

— Не знаю, — буркнула Оля.

— Ты мне лучше скажи, на каком месте стоишь в своей группе по баллам? — спросил молчавший до этого отец.

— На втором, а в списке на распределение записана девятой.

— Так. От кого зависит решение о твоём распределении?

— Вообще, от декана факультета. Он всему голова. Но сегодня собрание с нами проводил заведующий выпускающей кафедры вместе с заместителем декана.

— А декан знает о местах распределения студентов? — снова задал вопрос Натан Захарович.

— Конечно, знает. Он же председатель комиссии.

— Понятно. Напомни-ка мне, Оля, — не отставал отец, — кто декан твоего факультета?

— Профессор Валентин Петрович Докучаев. Но он очень занятой человек, и к нему не прорваться.

— Я тоже занятой, — пробурчал себе под нос Натан Захарович и, резко встав из-за стола и даже забыв сказать жене спасибо за ужин, ушёл с газетой в другую комнату.

1.5

Проверив расписание своих уроков на завтра, Натан Захарович удостоверился, что после двух часов дня будет свободен. Для себя он уже всё решил: завтра пойдёт в университет и встретится с этим «очень занятым» деканом. Изложит ему свою просьбу и постарается убедить не посылать дочь на работу в сельскую школу, а распределить в какой-нибудь научно-исследовательский институт или, в крайнем случае, предоставить ей возможность свободного трудоустройства. А значит, теперь ему нужно, как на войне, продумать весь план завтрашнего «сражения».

Натан Захарович никогда ничего не откладывал в долгий ящик, поэтому сразу же сел за стол в большой комнате, где дети делали уроки, и начал составлять текст заявления.

*«Декану физического факультета РГУ
проф. Докучаеву В. П.
от гр. Соловьёва Н. З.*

Заявление

Уважаемый профессор Докучаев В. П.!

К Вам обращается гвардии полковник в отставке, кавалер шести орденов Советского Союза, инвалид второй группы Соловьёв Натан Захарович — с огромной просьбой справедливо решить вопрос распределения на работу моей дочери Соловьёвой Ольги Натановны.

Моя дочь в этом году заканчивает Ваш факультет по специальности «Рентгеноспектральный анализ». Все годы обучения в университете она была отличницей, постоянно принимала участие в научно-исследовательской работе кафедры. В списке выпускников физического факультета по вышеуказанной специальности моя дочь по баллам вторая. Однако выбор места будущей работы ей предоставлен только за номером девять и, к сожалению, только как учителю физики в сельской школе. Объяснение, данное вашими сотрудниками, что первые восемь мест забронированы соответствующими предприятиями, которые подали заявки на конкретных выпускников, меня не устраивает. Здесь всё плохо пахнет и не соответствует духу советской морали.

Глубоко уверен, что направление на работу молодых специалистов не может быть похожим на заказ мест в ресторане, а должно учитывать результаты учёбы студента в университете за пятилетний период. Хочу отметить, что моя дочь, Ольга Соловьёва, в течение всех лет обучения в университете была активным участником художественной самодеятельности и являлась солисткой танцевального коллектива. За отличную учёбу и общественную работу она неоднократно награждалась различными призами и Почётными грамотами.

Надеюсь на положительное рассмотрение моего заявления.

С уважением,

Соловьёв Н. З.

18 апреля 1957 года».

Сначала Натан Захарович хотел обсудить текст заявления со своим директором школы, Артёмом Ивановичем Николаевым, которого знал ещё с фронта. Но потом решил, что этого делать не следует, так как порядок распределения выпускников университета директор школы может и не знать. С другой стороны, Артём Иванович — известный в городе человек, депутат городского совета, может быть ему полезен в будущем при поисках работы для Оли.

1.6

На следующий день, во вторник, после работы Натан Захарович, не заходя домой, отправился на поиски физического факультета Ростовского университета. Четырёхэтажное здание типовой постройки с соответствующей вывеской он нашёл без особого труда. На входе его никто не остановил и не попросил предъявить документы. В фойе было много молодых людей, которые громко разговаривали между собой. Миновав их, он быстро поднялся на второй этаж и нашёл дверь с табличкой «Деканат». Возле двери стояли две девушки, которые явно не решались зайти внутрь.

— Извините, девушки, вы студентки физического факультета?

— Да, — с готовностью ответила одна из них. — А кто вам нужен?

— Мне нужен декан факультета.

— Профессор Докучаев редко бывает в своём кабинете. Можете поговорить с его заместителем Новосёловым. А лучше всего спросите секретаря Анну Андреевну. Она всё знает.

В приёмной рядом с дверью, где было написано «Декан факультета. Профессор Докучаев Владимир Петрович», стоял большой стол, за которым сидела немолодая женщина в строгом чёрном платье.

— Здравствуйте, — поздоровался Натан Захарович. — Я бы хотел поговорить с деканом факультета.

— К сожалению, его нет.

— А когда он будет?

— Этого я вам сказать не могу. А что вы хотите?

— Меня интересует вопрос, связанный с распределением на работу моей дочери Ольги Соловьёвой.

— Со всеми вопросами, связанными со студентами, следует обращаться к заместителю декана Новосёлову. Сейчас у него лекция,

но он будет на месте приблизительно через час. Его кабинет напротив.

— Простите, а могу я вам оставить своё заявление на имя декана?

— Пожалуйста.

— Когда можно прийти за ответом?

— В понедельник на следующей неделе.

Вечером за ужином Натан Захарович рассказал семье о своем визите в университет. Домочадцы внимательно слушали, но высказаться никто не спешил. Даже Лёша сидел молча, почуяв важность момента.

Первой в разговор вступила Оля:

— Ты, вообще, правильно сделал, папа, что не пошёл разговаривать с замом. Распределение молодых специалистов — это не его прерогатива.

— А что такое прерогатива? — спросил очень внимательно слушающий Лёша.

— Прерогатива — это персональное право принимать решение по какому-либо вопросу, — серьёзно ответила младшему брату Оля.

— Не понял. А что, все остальные в вашем университете не имеют такого права, — не унимался Лёша.

— Всё, прекрати! — прикрикнула на сына мать. — Сидишь и мешаешь взрослым разговаривать. Вот, из-за тебя мысль потеряла... А, да, вспомнила. Я о другом хочу сказать: может, ты, Натан, поторопился с заявлением?

— Почему ты считаешь, что поторопился?

— Потому что этим заявлением ты дал ход официальному рассмотрению дела. Теперь трудно будет воспользоваться нашими связями и решить этот вопрос без лишнего шума.

— Ничего страшного, — стал оправдываться Натан Захарович. — Одно другому никогда не мешало.

— А что тут плохого — быть сельской учительницей? — подключилась к общему разговору Даша. — Я помню, был даже такой фильм — с Верой Марецкой.

— Ладно, дочь, — оборвал Дашу отец, — только не надо нас агитировать за советскую власть.

Но тут, как обычно, в разговор снова влез Лёша:

— А мне не совсем понятно, кто такой этот декан, что у него

наш папа должен что-то просить? Папа должен приказать — а тот обязан выполнять!

— Всё, Лёша, с тобой закончили, — скомандовала Елена Степановна. — Чистить зубы — и в кровать.

1.7

В понедельник Натан Захарович, как и положено военному человеку, точно после обеда был в приёмной декана факультета.

— Здравствуйте, Анна Андреевна.

— Здравствуйте.

— Я Соловьёв, отец вашей студентки Оли Соловьёвой.

— Да, я вас узнала.

— Скажите, пожалуйста, есть ответ на моё заявление?

— Да, есть.

Анна Андреевна открыла папку, на которой сверху было написано «С подписи» и протянула Натану Захаровичу его заявление с резолюцией проф. Докучаева: «Заместителю декана Новосёлову М. И. Рассмотреть данное заявление в установленном порядке. Докучаев».

— Извините, и это всё?

— Всё. А что вы, уважаемый товарищ, хотите?

— Хочу переговорить с деканом лично.

— Нет, сейчас он занят. Следующий приём по личным вопросам у профессора Докучаева будет только 6 мая. Я могу вас записать на эту дату.

За неплотно прикрытой дверью в кабинете декана раздавались мужские голоса, но Натан Захарович их не слышал. Ему было совершенно ясно, что откладывать рассмотрение столь важного вопроса, как будущее Оли, ещё почти на месяц ни в коем случае нельзя. Решение пришло сразу: сейчас он пойдёт домой, наденет свою парадную форму и вернётся обратно. А там посмотрим, на чьей стороне правда.

Дома никого не было, так что никому ничего не пришлось объяснять. Натан Захарович схватил кусок чёрного хлеба, налил стакан молока и быстро, не присаживаясь, поел. Затем подошёл к платяному шкафу, в котором одно отделение было полностью занято его вещами — от ботинок до каракулевой папахи, переоделся, потом присел за обеденный стол и наскоро написал записку жене:

«Лена, привет! Пошёл на встречу с Олиным деканом. Когда вернусь — не знаю.

Целую. НЗ»

Через час полковник Соловьёв во всём великолепии своего парадного мундира, с полной грудью орденов вошёл в приёмную профессора Докучаева. Пока он снимал плащ, вышколенная Анна Андреевна мгновенно метнулась в кабинет декана:

— Владимир Петрович, в приёмной товарищ Соловьёв в таком потрясающем виде, что аж страшно...

— Благодарю вас, Анна Андреевна, я сам доложу о себе. — Натан Захарович аккуратно отодвинул от двери растерявшуюся секретаршу. — Гвардии полковник Соловьёв, — отрапортовал он с порога. — Прошу вас, товарищ декан, уделить мне несколько минут внимания.

— А почему вы, товарищ полковник, врываетесь ко мне в кабинет без разрешения? Да ещё в головном уборе? — искренне возмутился профессор Докучаев.

— Прошу прощения, товарищ декан. Общевоинской устав допускает ношение головного убора в помещении.

— Я тоже знаю воинский устав, товарищ полковник. Был на фронте, служил в танковых войсках. В 1943-м комиссован по ранению. Присаживайтесь. Слушаю вас. И снимите, пожалуйста, свою фуражку.

Натан Захарович сел на стул, снял фуражку и положил её на стол, повернув кокардой в сторону декана.

— Я вам несколько дней назад подавал заявление относительно распределения на работу моей дочери Ольги Соловьёвой.

— Знаю вашу дочь. Хорошая студентка.

— Очень приятно. И поэтому вы посылаете её работать учителем в сельскую школу?

— Мы направляем её в Миллеровский отдел народного образования. А там ей уже конкретно определяют место работы.

— Но она не хочет работать учительницей, заканчивая с красным дипломом университет. Для такой жизненной перспективы достаточно было бы и пединститута.

— Согласен с вами, товарищ полковник. Но мы в этом году все места для трудоустройства молодых специалистов получили только в сельских школах.

— Уважаемый Владимир Петрович, — Натан Захарович первый раз обратился к декану по имени-отчеству. — Поймите, у нас четверо детей. Оля старшая — опора в семье, она помогает нам с младшими. Я инвалид второй группы, нередко плохо себя чувствую. Жена пропадает на работе без выходных.

— А кто у вас жена, товарищ полковник?

— Врач. Заведует хирургическим отделением центральной городской больницы.

— Елена Степановна Савельева?

— Так точно.

— Елена Степановна — прекрасный врач. Должен вам признаться, что она в своё время очень помогла нашей семье.

— Приятно слышать, — ответил Натан Захарович, и в его голове прозвучала надежда.

— Ладно, давайте сделаем таким образом. Пусть через неделю Оля зайдёт ко мне, а я подумаю, что можно сделать.

1.8

После разговора с деканом Натан Захарович домой не торопился. Он был очень доволен, что не стал ждать, пока проблема с распределением дочери разрешится сама собой, а активно вмешался в процесс, проявив находчивость и инициативу. Правда, никакого результата ещё нет, но появилась уверенность, что всё будет хорошо.

Время приближалось к шести часам. В рюмочной, куда Натан Захарович заглянул по дороге, сидело всего два человека: те, кто должен был выпить днём, уже давно сделали это, а вечерняя волна любителей опрокинуть стаканчик была ещё на подходе. Натан Захарович взял стакан красного вина, кусок чёрного хлеба с селёдкой и отошёл к свободному столику. Не успел сделать и пары глотков, как услышал:

— Что празднуем, товарищ генерал?

К нему подошел неопрятно одетый мужчина средних лет.

— Международный праздник трудящихся — 1 Мая.

— Вы что, шутите? Он же ещё только через две недели.

— Смотрите, уважаемый, есть такая русская поговорка: кто празднику рад, тот пьян накануне.

— Красиво сказали. Тогда, может, угостите винцом человека, постоянно делающего в жизни ошибки?

— Это можно. Возьмите у стойки стакан вина и скажите буфетчице, что я заплачу.

Домой Натан Захарович вернулся в приподнятом настроении. Он чувствовал себя победителем. Его глаза сияли ярче, чем все ордена на груди. Семья в полном сборе сидела за обеденным столом и ждала папу. На почётном месте хозяина дома восседала жена Лена. Дети сидели по бокам от неё, по двое с каждой стороны стола.

— Ну, и куда это ты, Натан, ходил сегодня, нацепив на себя весь этот иконостас? — грозно спросила Лена, закуривая очередную папиросу «Беломорканала». Постоянно курила в доме она одна, а все остальные члены семьи, как выражался Натан Захарович, не торопясь дошли от дыма.

— Я же тебе, Лена, в записке написал, куда пошёл...

— Я читала. А теперь расскажи всем о результатах своего визита в университет.

— Ну что, мои дорогие, — не торопясь начал Натан Захарович, — должен вам сказать, что после душевной беседы с деканом факультета есть надежда на положительное решение вопроса с Олиным распределением.

— Ура!.. — раздались громкие возгласы всех присутствующих. Близнецы визжали от удовольствия, но громче всех орал Лёша, хотя и не совсем понимал причину общего восторга.

Натан Захарович подробно, в лицах — за секретаря факультета и за декана, пересказал семье все события дня, сам получив от этого огромное удовольствие.

Когда он закончил, Лена спросила у мужа:

— И на каком основании декан факультета может принять решение в пользу нашей дочери?

— Думаю, что он будет советоваться по этому поводу с заведующим выпускающей кафедры. Ведь он не просто так сказал, что Оля — хорошая студентка.

— Ладно, поживём — увидим. В любом случае ты молодец, папа. А теперь отвечай: есть будешь? Я, правда, вижу, что дорога домой у тебя прошла через рюмочную.

— Конечно, буду, товарищ майор медицинской службы!

1.9

Дома Натан Захарович полностью подчинился приказам жены, переложив на неё обязанности главы семьи. Эта позиция позволяла ему жить спокойно и комфортно. Сама Елена Степановна не возражала против такого распределения ролей. Всем своим поведением, внешним видом, а иногда и прямыми высказываниями любила подчеркнуть, что она врач-хирург, а не какой-нибудь там терапевт. Пройдя с военным госпиталем всю войну, Елена Степановна умела в нужной ситуации отпустить резкое словцо, а иногда и ругнуться матом. С больными обращалась сурово, но доброжелательно, за что её все любили и уважали. Когда к ней обращались с жалобой на здоровье, Елена Степановна никогда не сочувствовала — наоборот, хохотнув своим прокуренным голосом, подбадривала больного грубоватой шуточкой: «Это хорошо, что у тебя болит. Лишнюю копейку дашь заработать».

Благодаря новостям, которые принёс Натан Захарович, атмосфера в доме Соловьёвых была радостной и тёплой. Все старались сказать что-нибудь приятное друг другу, пока среди оживленного разговора Елена Степановна не обнаружила, что за столом отсутствует Лёша. Младшего сына она нашла в большой комнате, лежащим на диване в своей любимой позе — на животе и читающим какую-то толстую книгу. В ногах у него пристроилась маленькая серая собачка по кличке Грелка. Лёша считал себя единственным хозяином Грелки, но не возражал, когда кто-то из домашних хотел с ней поиграть. Грелка в свою очередь допускала до себя всех членов семьи Соловьёвых, но почему-то грозно рычала, когда кто-нибудь дотрагивался до домашних тапочек Елены Степановны. Такое поведение Грелки уже давно стало своеобразным аттракционом, который регулярно проделывали с ней все домочадцы. Но это никак не влияло на стойкую отрицательную реакцию собаки.

История приобретения Грелки на птичьем рынке Ростова звучала в доме Соловьёвых многократно, причем постоянно в ней появлялись дополнительные подробности. Например, последний раз возник спор, кто первым назвал собаку Грелкой. Спор закончился ничем, так как на авторство претендовали все члены семьи. Но дело было в том, что сначала Елена Степановна хотела купить Лёше попугайчика, предполагая убить этим сразу двух «зайцев»: во-первых, привить сыну любовь к животным, а во-вторых, занять его чем-то

интересным, когда он оставался дома один. С этой целью в ближайшее воскресенье Лёша с мамой и папой отправились на птичий рынок. Накануне Натан Захарович нашёл в подсобке биологического кабинета школы старую поломанную клетку, починил её и даже приделал к дверце клетки маленький колокольчик.

Всё было готово к покупке попугайчика. Но прямо у входа на рынок семью Соловьёвых ожидали неприятности — Лёша потерялся. Всегда дисциплинированный мальчик, а тут как в воду канул. Мама и папа заметались между рядами торговцев, выкрикивая имя сына на весь базар, но это не дало никаких результатов. Тогда Елена Степановна решила снова вернуться к воротам рынка, где и обнаружила Лёшу. Он стоял рядом с какой-то пожилой женщиной в стареньком пальто и неотрывно глядел на неё — вернее, на то, что выглядывало у ней из-за пазухи. Это была голова маленькой собачки с двумя угольками слезящихся глаз и мокрой чёрненькой пуговкой носа.

— Сыночек, ты чего тут стоишь? Мы с папой тебя обыскались. Это всё-таки базар.

Лёша даже не пошевелился, как будто не к нему взволнованным голосом обращалась мама. Как зачарованный, он смотрел на собачку, не замечая ничего вокруг. Через несколько минут к маме присоединился папа, который грозным тоном попытался привлечь внимание сына. Но обычно послушный мальчик никак не реагировал на родителей.

— Лёша, приди в себя! Что с тобой происходит? — встряхнул его отец.

— Ничего, папа, не происходит, только я тебя очень прошу: купи мне вместо попугайчика вот эту собачку. Не нужен мне попугайчик, — со слезами в голосе попросил сын.

Натан Захарович был в растерянности, не зная, что ответить. С одной стороны, Лёша никогда ничего не просил, живя в своём особом мире. С другой он понимал, что тех денег, которые жена выделила на покупку попугайчика, безусловно, не хватит на приобретение собачки. В любом случае, он был не в силах отказать единственному сыну, самому младшему ребёнку в семье

Оглянувшись на Лену, которая стояла рядом с каменным лицом, Натан Захарович спросил у продавщицы:

— Мамаша, что у вас за собачка? Какой породы?

— Карликовый пудель. Вырастет, будет серой окраски.

— А документы есть на собачку?
— Какие документы?
— Документы, подтверждающие её породу.
— Чего? Нет у меня никаких документов. Да вы спросите Ваську, который на углу птичками торгует. Он всё подтвердит.
— Вы, уважаемая, вчера могли дать Ваське три рубля, так сегодня он подтвердит, что из этого щенка снежный барс вырастет.

Юмора старушка не поняла, но, видя заинтересованность покупателя и страдальческое лицо его сына, снизила цену. Впрочем, Натана Захаровича это не вдохновило.

— Да за такие деньги, мамаша, я месяц работаю. Дорого это для нас.

— А сколько дашь?
— Ровно половину.
— Нет, не пойдёт.
— Ну, смотри.

Натан Захарович уже собирался уходить, когда маленькая ручка сына крепко жала его ладонь. Этим рукопожатием — без слов, без слёз, без просьб — сын давал отцу клятву, что всегда будет его слушаться и беспрекословно ухаживать за собачкой. Для Натана Захаровича это было сигналом прекратить торговаться и купить собачку. Ко всеобщей радости, бабушка ещё немного сбросила цену и протянула кутёнка Лёше.

Когда собачку принесли домой, все наперебой стали хватать её — каждому хотелось поддержать щенка на руках. Он оказался ласковым и вздрагивал от каждого шороха. Маленькая, с мягкой приятной шерстью, излучающая покой и тепло, собачка была как грелка. Так её и назвали — Грелка. Как и обещала бабушка с рынка, за год она из чёрной превратилась в серебристую.

1.10

Когда Елена Степановна зашла в комнату, ни сын, ни собака даже не пошевелились. Лёша был увлечён чтением, а Грелка, прижавшись к нему, делала вид, что спит.

— Лёша, тебе неинтересно, о чём мы говорим за столом? — недовольным голосом спросила мать.

— Сначала было интересно, а потом стало скучно, — продолжая читать книгу, откровенно ответил Лёша.

- Ты не переживаешь за свою сестру?
- Очень переживаю.
- Ну, и в чём дело? Кстати, что ты там читаешь?
- Энциклопедический словарь.
- Что тебя в нем так заинтересовало?

Лёша сначала застеснялся, но потом, как бы оправдываясь, тихо сказал:

— Просто хочу знать, кто такой декан и почему, чтобы с ним поговорить, нужно заранее записываться на приём.

— Ну и что? Теперь знаешь?

— Знаю. Написано, что декан является руководителем факультета в высшем учебном заведении и отвечает за качество учебной, воспитательной и научной работы на факультете.

— Ну, всё, Лёша. Не морочь мне голову. Идём, нас все ждут, — нетерпеливо перебила сына Елена Степановна.

— Подожди, мама. У меня есть вопрос. Объясни мне, пожалуйста, что такое «качество учебной, воспитательной и научной работы на факультете»?

— Здесь, по всей видимости, речь идёт об успеваемости студентов и их поведении на занятиях, — попыталась ответить Елена Степановна.

— Но это же не школа? Это университет, в котором учится наша Оля. Здесь нет оценок за поведение.

— Так. Заканчивай умничать и марш на кухню.

Лёша встал с дивана и нехотя пошёл за мамой, не получив ответа на свои вопросы. За ним, опустив голову, поплелась Грелка.

Глава 2. Надежды

2.1

Воронов говорил негромко и медленно, подбирая простые слова, чтобы конвоир всё понял.

— Прошло уже три года, как я нахожусь в заключении. Первые восемь месяцев меня держали в Крестах, из них пять месяцев в одиночке. А когда перевели в общую камеру, в грязной одежде, со свалывшейся бородой, кто-то из заключённых признал во мне денкинского офицера. На все отговорки, что я в белой армии по возрасту служить не мог, никто не поверил. С этой легендой я и пошёл по этапу до мордовских лагерей, где трудился два с лишним года на торфоразработках. Пока не отобрали в отряд Колоскова.

— А где вы родились и что делали до заключения? Кто родители и всякое такое?

— Родился в Санкт-Петербурге в 1914 году. Отец имел в городе несколько магазинов пушных товаров. Мама занималась воспитанием и образованием детей. Нас было пятеро — две девочки и три мальчика. Я был самый младший. Два моих старших брата погибли на войне с германцами, одна сестра умерла в 1919 году от холеры. Сразу после её смерти папа продал все магазины, и мы уехали в Крым. Там жила мамина двоюродная сестра. Её муж был предводителем дворянства в одном из крымских городов. В 1920 году, когда все бежали вместе с Врангелем за границу, наша семья оказалась в Турции. Год мы там прожили, а через год мой папа, гордый и принципиальный человек, отказался существовать в эмиграции на подачки. Нашёл контрабандистов, заплатил им хорошие деньги и вернулся один в Крым. Больше его никто никогда не видел. А ещё через полгода моя мама со мной и старшей сестрой уехала из Турции во Францию.

В Париже нас приютили дальние родственники. Они определили меня в лицей, где я девять лет учился на полном пансионе. Свободно говорю на французском и английском языке. После окончания лицея решил через российское торговое представительство вернуться на родину, в Ленинград. В 1932-м поступил в Ленинградский политехнический институт, на факультет водного хозяйства, который в 1937 году окончил по специальности «Гидросооруже-

ния». Устроился на работу в ленинградский проектный институт, но успел поработать инженером всего пять месяцев, как меня арестовали и осудили на пятнадцать лет за контрреволюционную деятельность.

Когда Воронов закончил свой рассказ, Семёнов вдруг тихо произнёс:

— Жить в покое и согласии с собой — вот цель земного существования человека.

— Как-как вы сказали? — изумился Воронов.

— Это не я сказал, это мой отец сказал, когда меня на воинскую службу забирали в 37-м. И ещё он сказал: «Честно служи людям, и они тебе всё вернут с благодарностью».

— У вас что, отец духовного звания?

— Нет. Правда, верующий. И очень справедливый человек.

На этом их беседа закончилась. Семёнов никаких вопросов Воронову не задавал: разговаривать с заключённым — хоть они и были здесь вдвоём — по всем инструкциям конвоиру строго запрещалось. Да и что он мог спросить у этого образованного человека, когда и половины слов не понял из его рассказа. Так они и сидели молча, пока костер не начал догорать.

— Вы вот что, — обратился Николай к Воронову. — Последите за огнем, пока я хвороста ещё насобираю.

Семёнов ушел в темноту, а Воронов остался сидеть, вытянув ноющую ногу. Каждый из них думал о прошедшем дне, дорисовывая образ нового знакомого. Хотя разница в возрасте между ними, как выяснилось, была всего пять лет, Воронов, заметно уставший от жизни человек, к тому же измученный постоянной болью в ноге, выглядел значительно старше своих лет. В то время как Семёнов, несколько минут назад сидевший у костра в шапке, сдвинутой на затылок, покрасневшийся от огня и словно попавший в родную стихию, смахивал на подростка. Сейчас они больше походили на отца и сына, а не на арестанта и конвоира.

2.2

Прошло ещё три дня. Семёнов и Воронов упорно шли вперёд. Разговаривали друг с другом только в случае крайней необходимости: Воронов делал вид, что он заключённый, Семёнов — что он его охраняет.

Запасы еды, как они ни экономили, подошли к концу. Нужно было принимать какое-то решение. На четвёртый день, проснувшись рано утром, Семёнов объявил:

— Заключённый Воронов, слушайте мою команду. Я уйду на поиски кого-нибудь, кто сможет нам помочь. Одни мы не справимся. Вы остаётесь здесь и ждёте моего возвращения. Никуда с этого места не уходите. На всякий случай возьмите мой нож, он может вам пригодиться. Всё понятно?

— Понятно.

Воронову и в самом деле было всё понятно. Он был абсолютно уверен в том, что за ними никто не придёт. Задание у группы, судя по тому, как Колосков всех торопил, сокращая до минимума время отдыха, было непростое. Возвращаться за людьми, которые в принципе ему не очень нужны и, более того, никак не могут повлиять на выполнение задания, он не станет — это было явной фантазией молодого конвоира. То, что Семёнов принял окончательное решение догонять группу с человеком, который практически не в состоянии идти, — тоже было нереально. Конечно, конвоир может его просто пристрелить. За заключённого, которого ликвидировал в силу сложившейся ситуации, он получит, в крайнем случае, выговор. Но был у Семёнова ещё один вариант — уйти и не вернуться. Хотя в глубине души Воронов почему-то не верил, что этот молодой человек может так поступить.

День клонился к вечеру, а Семёнов всё не возвращался. Александр Николаевич с большим трудом встал и, загребая больной ногой мокрый мох, заковылял в ту сторону, куда опустилось солнце. Он решил идти назад, на запад, где была хоть какая-то вероятность встретить жилые поселения. Но пройти ему удалось не более ста метров — боль в ноге становилась невыносимей. В какой-то момент его сознание помутилось, и он упал. Воронов чувствовал, что весь горит. Особенно почему-то лицо. По всей видимости, когда сломал ногу и пытался идти босиком без ботинка, ещё и простудился. Мох, под которым вечная мерзлота, в такие игры играть не любит. Через какое-то время стало немного легче. Воронов перевернулся на живот, лицом в мокрый мох, и затих. Жар стал спадать, и он забылся в коротком сне.

Прошли сутки, как ушёл конвойный. Несмотря на летний месяц, ночью было очень холодно. Как только начало светать, почти

окоченевший Воронов снова пополз вперёд. А ближе к вечеру второго дня его нашёл Семёнов.

— Что же вы, уважаемый, ушли с того места, где я вас оставил?

— Я подумал, что вы уже не вернётесь и пополз в том направлении, откуда мы пришли.

Чувствовал он себя плохо и Семёнова видел как в тумане. С большим усилием, приподнявшись на локте, Воронов спросил:

— Как вы меня нашли?

— А чего тут было искать? Я как-никак в тайге вырос, а вы такую канаву за собой оставили, что только слепой не заметит. Да вы, я вижу, промокли насквозь. Сейчас костер разожгу и согреетесь.

2.3

Лёша Соловьёв, тихий воспитанный ребенок, находился в семье на особом положении. Рождение мальчика после трёх девочек сначала вызывало у домашних слёзы умиления, желание по нянчить и подержать его на руках. Но спустя несколько месяцев Елена Степановна была вынуждена составить график — кто будет сидеть с маленьким ребёнком дома. На няньку у Соловьёвых не было денег, а посещать ясли Лёша не мог из-за того, что часто болел.

Рос Лёша в окружении старших сестёр, которые играть с ним никогда не хотели. Да и ему с ними было неинтересно. Все игрушки в доме — куклы, кроватки, платица, шарики — покупались в течение многих лет только для девочек. А когда родители это поняли и купили Лёше лук со стрелами, то оказалось, что он и к этому равнодушен.

Зато Лёше нельзя было оторвать от книг. При этом ему было всё равно, что читать: художественную литературу, справочники или даже какие-то специальные инструкции. Он мог часами разглядывать географические атласы, внимательно разбирая все надписи под картинками. Иногда брал у сестёр (правда, без спроса) контурные карты и по памяти раскрашивал их, причем без единой ошибки. Но самым любопытным было то, с каким увлечением Лёша читал толстые книги по медицине, которые Елена Степановна собирала ещё с довоенных времён. Когда кто-нибудь из домашних спрашивал его, где можно посмотреть информацию о какой-нибудь болезни — например, о коклюше или кори — он безошибочно указывал на нужное место в соответствующей книге. Все считали, что Лёша непременно будет врачом.

Примерно с шести лет Лёша начал принимать участие в домашней игре в слова, на которую собиралась вечером вся семья Соловьёвых. Смысл её заключался в том, что из одного длинного слова, например «абракадабра», нужно было составить другие слова. На выполнение задания давалось десять минут. По истечении этого времени кто-нибудь из играющих зачитывал свой список, остальные вычёркивали, если у них оказывались такие же слова. У кого оставалось больше всех невычеркнутых слов, тот и выигрывал. В этом лексическом турнире маленький Лёша, как правило, проигрывал. Но когда начинали играть в города, то равных ему не было. Особенно всех домашних умиляло то, что он мог подробно рассказать о любом названном городе: в какой стране находится, сколько людей в нём живёт, чем они в основном занимаются, какие там есть учебные и культурные учреждения. В спор с ребёнком никто вступать не решался, так как все знали, что он практически всегда прав.

Но вскоре у Лёши появилось другое увлечение. Дело в том, что практически каждый вечер Натан Захарович играл сам с собой в шахматы. Но даже в трёхкомнатной квартире ему было непросто найти для этого место. Дальняя комната была полностью оккупирована дочерьми. За столом в большой проходной комнате тоже кто-нибудь сидел и занимался. Оставалась только их с Еленой Степановной спальня, где Натан Захарович мог сосредоточиться на игре. Однако в девять часов вечера на родительскую кровать укладывали Лёшу (уже потом, когда все отходили ко сну, его переносили на диван в большую комнату). Так и ходил Натан Захарович со своими шахматами из комнаты в комнату, пытаясь найти для себя уединённое место. Устроившись, наконец, где-нибудь и открыв «Избранные партии» Ботвинника, он затихал. Но однажды, когда Натан Захарович увлечённо разбирал очередную шахматную комбинацию, он услышал за спиной голос Лёши:

— Папа, ты не туда пошёл конём.

Натан Захарович не заметил, что сын зашёл в родительскую спальню и внимательно наблюдает за тем, что происходит на шахматной доске.

— А ты откуда знаешь, что не так? Ты что, умеешь играть в шахматы? — с недоумением уставился на него Натан Захарович.

— Не могу сказать, что умею играть, но твою книжку про шахматы знаю почти наизусть, — спокойным тоном сообщил отцу Лёша.

— Так. А ну садись рядом — будем вместе разбирать наследие великих шахматистов.

Оказалось, что Лёша, читая книгу Ботвинника, запомнил все ходы рассматриваемых партий и мог без труда их воспроизвести.

— Молодец, сыночек. А не хочешь ли сыграть со мной партию — другую?

— Нет, папа, я боюсь.

— Не надо бояться, чего бояться? Шахматную нотацию ты знаешь, а ходы используй из тех партий, которые видел в книге.

Теперь каждый вечер папа с сыном играли в шахматы, что устраивало всех, так как они уходили в родительскую спальню и никому не мешали. Сначала Натан Захарович давал Лёше фору в виде ферзя или ладьи. Лёша пытался сопротивляться, но всё равно отец неизменно побеждал сына. Потом Натан Захарович перестал жертвовать Лёше шахматные фигуры, и они стали играть на равных. Но однажды, даже не заметив, как это произошло, Натан Захарович проиграл. Не очень расстроившись и понимая, что это простая случайность, он предложил Лёше сыграть ещё одну партию. И снова проиграл. Это уже повергло его в шок. Натан Захарович никак не мог согласиться с тем, что шестилетний мальчик может обыграть взрослого человека.

2.4

Елена Степановна готовила ужин, когда на кухню зашёл Натан Захарович. Сев у окна, он потянулся к папиросам жены, хотя давно уже бросил курить.

— У тебя что-то случилось, Натан? Чем ты так расстроен? — спросила Елена Степановна, не отрываясь от плиты.

— Понимаешь, Лена, я последнее время стал проигрывать нашему сыну в шахматы, — пожаловался Натан Захарович.

— Ну и что? — рассмеялась Елена Степановна. — Ты гордиться должен, что у нас такой талантливый мальчик. А ты расстраиваешься по такому поводу.

— Ты не понимаешь, о чём я тебе говорю.

— Почему не понимаю? Понимаю. Просто у тебя в очередной раз защемило самолюбие. Натан, очнись. Я тебе так скажу: самолюбие — не грыжа. С этим можно жить долго и счастливо.

— Ты считаешь, что не надо ничего делать?

— Ничего. Впрочем, знаешь, что я подумала? В компенсацию

своих отрицательных эмоций на почве шахмат научи-ка ты Лёшу играть в преферанс. Тебе же всё равно нужен партнёр. С девчонками у тебя не получается побаловаться картами, так приобщи к этому сына.

— Ты что, Лена, ребёнку неполных семь лет! Какой преферанс? Да он десять карт в одной руке не удержит.

— Будет держать двумя руками — что за проблема?

— Ну, можно попробовать...

— Вот и хорошо. А сейчас, отец, зови всех на ужин.

На следующий день, расставляя вместе с сыном фигуры на шахматной доске, Натан Семёнович, как бы между прочим, заметил:

— Слушай, Лёша, а давай я тебя научу играть в преферанс. Не сомневаюсь, что эта игра тебе понравится.

— Давай, папа. Только ты мне о ней сначала немного расскажи.

— Конечно, конечно. Преферанс — это карточная игра, в которой каждый игрок может заработать деньги своим умом и памятью. Для этого нужно, прежде всего, знать правила игры в преферанс и чётко их выполнять.

— Может, есть книги по преферансу, как по шахматам? — робко спросил отца Лёша.

— Не встречал. Может, и есть. Но ты не переживай. Я тебе всё подробно расскажу.

— А как ты, папа, сам научился играть в преферанс?

— На фронте. Когда было какое-нибудь затишье, с товарищами играл. Вот и научился. Главное в преферансе быть предельно внимательным — меньше говорить, больше наблюдать за партнёрами. Ну что, сын, приступим?

2.5

Натан Захарович вытащил из карточной колоды все шестёрки и разложил оставшиеся карты на три кучки по десять карт в каждой. Потом ещё две карты отложил в сторону.

— Значит, так. В игре в преферанс принимают участие, как правило, четыре человека. Можно играть втроем и даже вдвоем, как в нашем случае. Когда играют два человека, преферанс называют гусарским. Но всегда раздают карты на четверых играющих. Две карты, отложенные в сторону, называются прикупом. Ими может

воспользоваться только тот из партнёров, который выиграл «торговлю». Понял, сынок?

— Ничего я не понял. Давай, покажи это в игре.

— Давай, умный ты мой. Сегодня мы с тобой поиграем без записи, хотя в преферанс без записи не играют. Однако этим займёмся позже, так как здесь есть определённая специфика.

— Так в шахматах тоже есть запись ходов.

— Это совсем не то. Ну что, начнём?

— Начнём. Раздавай, папа, карты.

— Ой, забыл тебе, сын, ещё сказать. В преферанс играют только на деньги.

— Но это, как говорит наша мама, неинтеллигентно.

— Может, и неинтеллигентно, но так принято, так как хулиганством и авантюризмом можно испортить всю игру. А в этом случае человек наказывается за все свои выходки рублём.

— И мы тоже будем играть на деньги?

— Конечно. Или это будет тогда не преферанс. Я тебе деньги дам на первых порах займы, а там разберёмся.

— Как это разберёмся? Откуда я их возьму, чтобы с тобой расплатиться?

— У мамы попросишь. Я же знаю, что она тебя балует. За моей спиной даёт деньги на семечки, мороженое.

С этого вечера Натан Захарович и Лёша играли в преферанс. Играли серьёзно, без поддавок, расплачиваясь друг с другом за каждую партию. Запись на первых порах вёл Натан Захарович, но через несколько месяцев каждый из них записывал сам за себя. Натан Захарович продолжал учить сына, желая довести уровень его игры, как минимум, до своего.

— Учти, Лёша, преферанс — это игра, в которой ты должен надеяться только на себя. Здесь не должно быть никаких авантурных вариантов: грамотное использование своих карт плюс игровая интуиция. Моя задача научить тебя первому, а второе само придёт к тебе с опытом.

— А что делать, папа, с тем, что называют карточным азартом? Я это понятие много раз в книгах встречал.

— Должен тебя, сынок, сразу предупредить: преферанс и азарт — понятия несовместимые. Игра в расчёте на счастливый случай может тебе дорого стоить. А нечистые на руку люди, увидев

в тебе азартного человека с неустойчивой психикой, могут этим воспользоваться.

— Так что, в преферанс следует играть только со знакомыми людьми?

— Желательно. Но в случае, если ты сел играть с незнакомыми партнёрами, не соглашайся на дорогой вист. И ещё. Никогда ни с кем не играй в долг. Только на те деньги, которые у тебя есть. Ты понял меня?

— Понял, папа, понял.

Папины советы Лёше очень пригодились в дальнейшем. В преферанс он играл всегда умно, спокойно и уважительно по отношению к партнёрам. Через эту интеллектуальную игру Лёша познакомился в своей жизни со многими интересными людьми.

2.6

Через год, в семь лет, Лёша пошёл в первый класс. Отводили его в школу всей семьёй, но на родительские собрания регулярно ходил только Натан Захарович. Учился Лёша очень хорошо, легко и со вкусом. Учителя его всегда хвалили.

Как-то раз после родительского собрания классная руководительница спросила Натана Захаровича:

— Скажите, пожалуйста, а чем ваш способный ребёнок ещё, помимо школы, занимается?

— Книги читает, в шахматы играет, марки собирает, — ответил Натан Захарович.

— Неужели вы его не учите музыке? В такой семье, как ваша, и чтобы ребёнок не ходил в музыкальную школу? Это очень странно.

Вернувшись из школы, папа за ужином пересказал свой разговор с учительницей и тут же об этом пожалел, так как вся семья Соловьёвых принялась рьяно его обсуждать. Первой высказалась Елена Степановна:

— Натан, ну что ты поднимаешь совершенно несвоевременные вопросы? Хотя бы со мной сначала посоветовался.

— А что за такой серьёзный вопрос, что мне нужно предварительно советоваться с тобой?

— Потому что у нас нет сейчас на это денег. Девочки заканчивают школу и нам предстоит в конце учебного года сумасшедшие

расходы: платья, туфли, выпускной вечер. Да о чём вообще здесь говорить?

— Нет, Лена, подожди. Лёше уже почти десять лет. Когда же ты собираешься учить его музыке?

— Никогда. Почему это обязательно нужно делать? Наши девочки выросли без музыки всем на загляденье, и мальчик обойдётся.

— Ты не права. К сожалению, детство наших девочек пришлось на войну. А сейчас другое время.

— Я поддерживаю папину идею, — вступила в разговор старшая Оля. — Лёша должен получить всестороннее образование, в том числе и музыкальное.

— А я против, — громко запротестовала Даша. — Ольке что — она скоро уедет в свой Миллеровский район, а мы с Наташкой будем весь день слушать его гаммы. Лёшка ничего не умеет делать без фанатизма.

— Во-первых, Оля не уезжает ни в какой район, — жёстко парировал отец. — А во-вторых, не вам решать этот вопрос.

— Это почему же, Натан, не им решать? — встала на защиту дочери Елена Степановна. — Ты что, узурпировал в нашей семье власть? Демократия так демократия — давайте голосовать.

— А давайте, — махнул рукой Натан Захарович.

Он понимал, что, согласившись на голосование, ставит себя под удар. Три голоса против его предложения — жена и близнецы — были налицо, и он мог позорно проиграть, оставшись вдвоём со старшей дочерью. Теперь всё решал голос Лёши, который весь вечер молчал.

— Ну что, сынок, — обратился Натан Захарович к Лёше, — ты за кого: за маму или за папу?

— Я как ты, — робко ответил Лёша.

— Ну вот. Подводим итоги: три на три. Так как я глава семьи, то у меня два голоса. Итак, счёт четыре против трёх за то, чтобы Лёшка учился музыке.

— Это с какого же перепуга у тебя, Натан, два голоса? — попыталась возразить Елена Степановна.

— Отставить разговоры, майор Соловьёва. Я, как старший по званию, приказываю закончить дискуссию на эту тему.

Когда все дети разошлись по своим комнатам и родители остались на кухне одни, Елена Степановна сурово заметила мужу:

— Я не поняла, товарищ полковник, что за цирк вы сегодня устроили? Что это за голосование в свою пользу? И объясни, наконец, на каком инструменте будет учиться музыке наш сын? Сразу хочу предупредить: я на этот твой проект могу выделить из семейного бюджета только пять рублей в месяц.

— Значит, как я понимаю, ты не хочешь купить для нашего ребёнка пианино?

— Ты какой-то смешной, Натан. А куда мы его в нашей квартире поставим? Настругал, понимаешь, детей, а теперь ещё что-то от меня хочет.

— Да ничего я от тебя не хочу, — огрызнулся Натан Захарович.

— Ну и хорошо, — примирительно заключила Елена Степановна.

На кухне воцарилась тишина, которую через некоторое время нарушил сам Натан Захарович.

— А как ты, Лена, смотришь, если Лёша будет учиться играть на виолончели?

— Плохо. Ребёнок всю жизнь будет таскать на себе эту бандуру. Не хочу я ему такой доли.

— Ну, тогда остаётся скрипка, — робко предложил Натан Захарович.

— Не возражаю. Только помни, Натан, наш разговор о деньгах.

На следующий день Натан Захарович пошёл в районную музыкальную школу, которая располагалась в красивом одноэтажном доме и имела семь комнат, называемых классами, а также небольшой концертный зал человек на 70 — для экзаменационных и концертных выступлений учащихся и преподавателей школы. В зале стояли два хороших рояля, один из которых всегда был накрыт белым чехлом. Директора школы в кабинете не оказалось и секретарь посоветовала Натану Захаровичу поговорить о сыне с заведующей учебной частью.

— Здравствуйте, — приоткрыл в кабинет завуча дверь Натан Захарович, — извините за беспокойство. Я хочу учить сына игре на скрипке в вашей музыкальной школе.

— Очень хорошо. Фамилия и имя вашего сына. Сколько ему лет?

— Соловьёв Лёша, девять лет.

— Значит так. Если он успешно пройдёт прослушивание, то начнёт обучение в нашей школе с первого сентября следующего

года. За обучение на отделении скрипки взимается плата полтора рубля в месяц. Какую скрипку купить, вам порекомендует педагог, в классе которого Лёша будет заниматься.

— Прошу прощения за вопрос: а сколько стоит самая маленькая скрипка?

— Где-то в пределах двадцати рублей.

— Спасибо. Всего хорошего.

— До свидания.

2.7

С момента поступления в музыкальную школу Лёшу как подменили. Раньше его нельзя было оторвать от книг, а теперь он целыми днями играл на скрипке. Придя из общеобразовательной школы, Лёша уже не расставался со своим инструментом до того времени, как нужно было идти спать. Как правило, он начинал заниматься в большой комнате. Потом, после криков, что он уже всем надоел своим пикианием, переходил на кухню. Оттуда его через некоторое время выдавливали в ванную, требуя плотно закрыть за собой дверь. Когда Лёшу и здесь не оставляли в покое, он уходил из квартиры на лестничную клетку и продолжал играть там. Скрипки менялись практически через год, и не только потому, что Лёша взрослел. Прямо на глазах он превращался в зрелого исполнителя.

Перерыв в музыкальных упражнениях Лёши наступал только летом, когда он ездил в пионерский лагерь. Лагерь был ведомственный, от городского отдела здравоохранения, так что Елене Степановне не составляло большого труда отправлять туда сына ежегодно. Лагерь находился в живописном месте на берегу Азовского моря, и Лёша с удовольствием проводил в нем две смены подряд.

В одну из лагерных смен, после шестого класса, Лёша оказался как-то на спортивной площадке, где ребята играли в баскетбол. Лучше всех играл высокий парень из первого отряда, которого все в лагере называли не по имени, а по фамилии — Каймакчи. Лёша с большим интересом наблюдал за его игрой, сидя на лавочке. Когда мяч после сильного броска парня улетел за пределы площадки, тот крикнул ему:

— Эй, пацан, мяч принеси.

Лёша спокойно посмотрел в ту сторону, куда улетел мяч, и ответил с достоинством:

— Эй, Каймакчи, ты на меня не кричи. — Но за мячом не бежал.

Все засмеялись от неожиданной шутки, а баскетболист с интересной фамилией двинулся в сторону Лёши.

— Тебе что, баскетбол не нравится?

— Нравится.

— Чего тогда за мячом не бежишь? Все на первых порах подносят мастерам мячи.

— Ну вот когда ты станешь мастером, тогда и я начну это делать.

— Ишь ты, умный какой... Ладно, научиться играть хочешь?

— Хочу.

— Ну, тогда айда на площадку.

С этого дня Лёша стал регулярно ходить на площадку и играть в баскетбол со старшими ребятами, а вернувшись из пионерлагеря, продолжал поддерживать с ними приятельские отношения. Благодаря этой игре он за одно лето вытянулся на целых одиннадцать сантиметров. И хотя всё равно оставался на две головы ниже своих новых друзей и на несколько лет моложе, по своим интересам и общему развитию Лёша отлично вписывался в компанию девятиклассников. Его так увлекла игра, что после летних каникул он записался в баскетбольную секцию спортивного общества «Динамо», а ещё через год стал играть за сборную команду своего района. Участвуя в городских и областных соревнованиях, Лёша выполнил норматив первого спортивного разряда.

2.8

В начале учебного года в седьмом классе с Лёшей произошёл инцидент, закончившийся приглашением родителей в школу. Поводом для этого явилось полное отсутствие у Лёши тетради по математике. Плюс его дерзкое поведение, выразившееся в том, что контрольную работу он сдал преподавателю Валентину Николаевичу Попову на одном листке. Причём записаны на этом листке были только условие каждой задачи и ответ, без изложения хода решения.

После урока Валентин Николаевич оставил Лёшу в классе для серьёзного разговора:

— Лёша, что за выходки? Почему ты так неуважительно ведёшь себя по отношению ко всем ученикам класса?

— Не понял, о чём это вы, Валентин Николаевич?

— Как о чём? О твоей контрольной работе, — показал учитель Лёше злополучный почти пустой листок.

— Извините, но я не собирался никого обижать. В любом сборнике задач принята такая система изложения учебного материала: формулируется условие задачи и приводится в конце сборника ответ.

— И как же мне проверить ход твоего решения?

— Я могу, конечно, если требуется, всё подробно написать. А если не хотите, то можете просто сверить мой ответ задачи с правильным, который у вас, наверняка, есть. Кстати, эти задачи я решал разными способами и получал в ответе одно и то же.

— Скажи, Лёша, честно: тебе, наверное, скучно в своём классе заниматься математикой?

— Да. Очень скучно.

— Почему, если не секрет?

— Не секрет. Просто у меня старшая сестра училась на физическом факультете университета, и я её некоторые учебники по дифференциальному и интегральному исчислению уже прочитал.

— Понятно. Я расскажу о нашей беседе директору школы. Мы подумаем, что с тобой делать.

Через несколько дней после этого разговора Елену Степановну и Натана Захаровича пригласили к директору школы Николаю Фёдоровичу Судакову. Он предложил родителям Лёши перевести сына в специализированную школу с углублённым изучением математики, но после бурного обсуждения на семейном совете, это предложение было отклонено. На вторую встречу с директором школы Натан Захарович пошёл один.

— Ну, что вы решили? — участливым тоном спросил директор.

— Вы знаете, Николай Фёдорович, мы подумали и пришли к заключению, что нам это не подходит.

— Позвольте узнать, почему?

— Во-первых, мы не уверены, что через некоторое время Лёша не обгонит по программе свой класс и в специализированной школе. И тогда нужно будет принимать какое-то другое кардинальное решение.

— В этом пункте я могу с вами согласиться, хотя не знаю учебной программы специализированной школы. Хорошо, а что, во-вторых?

— А во-вторых, Лёше нужно будет добираться от нашего дома

до новой школы двумя транспортами около двух часов. Значит, на дорогу каждый день ему придётся тратить четыре часа. А этого, при очень плотном графике его дневной нагрузки, мы не можем допустить.

— Значит, переходить в специализированную школу вы не хотите. А что в таком случае вы хотите?

— Мы просим оставить Лёшу в вашей школе, но предоставить ему возможность учиться по индивидуальному графику. Кроме того, разрешить ему посещать лекции по математике и физике в университете.

— Хорошо, Натан Захарович. Пишите заявление на моё имя и изложите в нём свою просьбу. Мы рассмотрим её на педагогическом Совете школы и примем решение.

Через две недели Натана Захаровича пригласил в школу классный руководитель Лёши и вручил ему выпуск из решения педагогического Совета, состоящего из двух пунктов. В первом пункте ученику седьмого класса Алексею Соловьёву разрешалось посещение занятий по математике в восьмом классе этой же школы. Во втором — администрация школы ходатайствовала перед ректоратом Ростовского государственного университета о зачислении, в порядке эксперимента, ученика восьмого класса Алексея Соловьёва вольнослушателем на первый курс физического факультета с посещением занятий по графику, согласованному с деканатом.

2.9

В начале 1962 года подошло время Алексею Соловьёву получать паспорт. Процедура рутинная, все молодые люди через неё проходят без проблем. Натан Захарович заранее зашёл в районное отделение милиции и взял там для сына необходимые бланки. Вечером, когда Лёша вернулся с занятий из университета, он протянул ему их и сказал:

— Вот, Лёша, заполни, а я потом проверю.

— Папа, а зачем проверять? Я и сам в состоянии всё правильно написать, — возразил вдруг Лёша.

— На всякий случай, — ответил папа.

На следующий день, придя с работы, Натан Захарович заметил на верхней полке этажерки с книгами заполненные Лёшей в двух экземплярах бланки для паспортного стола. Всё было написано

чётко и грамотно, но в графе «национальность» значилось: «еврей». Национальность детей многократно обсуждалась в семье Соловьёвых, когда три их дочери получали паспорта. Никто не возражал против записи «русская». При разговорах на эту тему Лёша всегда присутствовал, но делал вид, что это его не интересует. А сейчас, оказывается, у него есть мнение, отличное от общего. Натан Захарович хорошо знал своего сына. Если он что-то решил, то это не просто так. За этим стоит чёткая и продуманная позиция. В её пользу будут приводиться веские аргументы, ссылки на авторитетные источники. Поэтому, прежде чем затевать серьёзный разговор с Лёшей, Натан Захарович решил поставить в известность жену, не будучи уверенным, что беседа пройдёт гладко. И, к сожалению, оказался прав.

Сегодня Елена Степановна должна была вернуться с работы в шесть часов вечера. Никакого дежурства или дополнительных приёмов больных не планировалось. Натан Захарович помог жене снять пальто, подал тапочки. Настроение у Елены Степановны было хорошее. Правда, немного устала. Детей дома не было — все были вечером чем-то заняты.

— Ну что, Натан, будем обедать, а то неизвестно, когда все придут. Что-то ты неважно выглядишь. Случилось что-нибудь?

— Да нет, всё в порядке.

— Не уверена, судя по твоему виду. Давай рассказывай, пока я буду накрывать на стол.

Елена Степановна достаточно хорошо знала мужа, чтобы не заметить его подавленное состояние. Уже по голосу и манере отводить взгляд она точно знала: что-то произошло.

— Дело в том, Леночка, что Лёша сегодня заполнил бланки на получение паспорта.

— Ну, и что тут особенного?

— Ничего особенного, за исключением того, что в графе национальность он написал «еврей».

Елена Степановна без звука опустила на табуретку. Побледнев, она какими-то не своими губами спросила у мужа:

— Зачем?..

— Что зачем? — переспросил Натан Захарович.

— Зачем он хочет стать евреем?

— Что значит стать? Он и так по моей линии еврей.

— Натан, перестань делать вид, что ничего не понимаешь!

— Да понимаю, конечно. Но в отношении нашего сына ситуация такая, что нужно будет с ним это обсуждать.

Лёша вернулся домой около десяти вечера. Накормив сына, Елена Степановна присела напротив него. Она решила поговорить с ним на тему получения паспорта сама — без нервов и криков со стороны мужа.

— Ну что, сыночек, как дела? Что нового?

— Да всё в порядке. Сегодня получил зачёт у профессора Михельсона. Он меня даже похвалил.

— А что ещё тебе осталось сдать за второй курс?

— Ой, мама, много чего. Но ты не волнуйся, всё будет в порядке.

— Да я не волнуюсь. Я с тобой о другом хочу поговорить. Мы сегодня с папой увидели бланки, где ты записал себя евреем...

— Да. Записал. Эта великая нация, и я хочу к ней принадлежать.

— Подожди, не торопись. Давай без лозунгов. Ты знаешь, что случилось с евреями во время Великой Отечественной войны, буквально двадцать лет тому назад? Тебя эта страшная катастрофа ничему не научила? Зачем тебе всю жизнь находиться «под прицелом» всяких мерзавцев? Зачем тебе специально подставляться? И потом, ещё твой дедушка говорил мне, что у евреев национальность передаётся по матери.

— Во-первых, все, кому надо и кому не надо, всё равно будут знать, что я еврей. У меня же отчество Натанович, а не Степанович, как у тебя. А во-вторых, я хочу гордиться своим сильным и умным отцом, а не прятаться за твоей, мамочка, спиной.

— Почему ты считаешь, что записать себя русским — это спрятаться за мою спину? Ты живёшь в советском государстве и являешься его гражданином. Что тут плохого? В нашей стране все равны.

— Всё правильно. Я в любом случае остаюсь гражданином своей страны, но евреем.

— Сыночек, я тебя умоляю: почитай серьёзные книги, посоветуйся с кем-нибудь. Не руби с плеча.

Елена Степановна, мужественная, волевая женщина, бывший фронтовой хирург, прошедшая все ужасы войны, смотрела на сына жалобными глазами. В них были мольба, боль, искренняя материнская забота. Но сын стоял на своём.

— Мама, ну с кем мне советоваться? Это не тот вопрос, по которому нужно у кого-то спрашивать совета. Я так чувствую, и никто

меня в этом не переубедит. И потом. У всех народов национальность детей определяется по отцу, так как в его семени заложен весь генетический набор качеств будущего ребёнка. Не может из семян арбуза вырасти пшеница. Не может.

— А почему же у евреев всё иначе?

— В те далёкие времена у евреев это был акт высочайшей гуманистической силы. Через Ближний Восток проходило бесчисленное множество племен. Еврейские мужчины тоже были в походах или на заработках. Установить, кто отец ребёнка, было практически невозможно. Поэтому было принято считать ребёнка евреем только в случае, если его мать еврейка. Подходу евреев к определению национальности по матери уже несколько тысяч лет, и он явно устарел. Ровно по этой же причине устарело понятие, что формированием личности ребёнка занимается женщина, а не мужчина. В этом акте больше экономической, чем моральной подоплёки.

— Очень хорошо. А теперь вернись к нашей семье.

— Пожалуйста, вернулся. По отношению к нашей семье оба тезиса спорны, если не сказать абсурдны. Ты же не сомневаешься, что моим отцом является папа?

— Конечно, не сомневаюсь.

— Далее. Сколько я себя помню, папа всегда был рядом со мной: книжки читал, в шахматы со мной играл, на всякие кружки водил. Ты всегда была занята своей работой. А сколько времени мы с ним проговорили обо всём на свете, так и сосчитать нельзя.

Натан Захарович стоял за дверью кухни и слышал весь разговор жены с Лёшей. По большому счёту его уже не интересовал результат их беседы. Он был просто счастлив от того, что у него такой замечательный сын.

А ещё через два дня Елену Степановну и Натана Захаровича на кухонном столе ждала вечером записка:

«Дорогие родители, пошёл оформлять паспорт. Я вас очень люблю, но своего решения не изменю».

2.10

Декан физического факультета профессор Докучаев сдержал своё обещание, данное полковнику Соловьёву, — подумать на тему распределения его дочери Ольги. В принципе, думать здесь было не о чем. Министерство высшего образования РСФСР прислало список

мест распределения выпускников физического факультета, где, за исключением брони, сплошь были сельские школы. Оставался только один вариант — предоставить выпускнице Соловьёвой свободное распределение. Но для этого требовались серьёзные основания.

Беседовать по этому поводу со студенткой Соловьёвой лично казалось Докучаеву не совсем этичным. Декан должен стоять «на страже» выполнения распоряжения министерства, а не нарушать его. Поэтому наиболее подходящей кандидатурой для озвучивания рекомендации был заведующий выпускающей кафедрой, профессор Викентий Викентьевич Виноградов. Студенты называли его между собой «три вэ», так как выговорить его имя-отчество вслух было совсем не просто.

В конце рабочего дня, когда секретарь факультета ушла домой, декан позвонил на кафедру:

— Добрый вечер, Викентий Викентьевич. У вас есть время зайти ко мне?

— Ну конечно, Валентин Петрович. Сейчас приду.

Кабинет профессора Докучаева был просторный и светлый, с окном во всю стену. Слева от входной двери, в нише, располагался большой стол с приставкой, вокруг которого стояло несколько простых стульев. Старинная лампа с зелёным абажуром создавала в кабинете уютную, спокойную обстановку. Большую потолочную люстру Валентин Петрович почти никогда не включал, поэтому в кабинете всегда стоял таинственный полумрак. Справа от входа в кабинет, как бы за дверью, стояли журнальный столик и два кожаных кресла. Все на факультете знали, что если профессор Докучаев приглашает гостя за маленький столик, то разговор намечается тёплый и дружеский, а если за большой, то обещает быть официальным, а может, даже и нелिцеприятным.

— Скажите, пожалуйста, Викентий Викентьевич, как по вашей кафедре прошло распределение студентов? — спросил декан профессора Виноградова, когда оба удобно расположились в креслах за маленьким столом.

— К сожалению, похвастаться нечем, — без энтузиазма ответил заведующий кафедрой.

— Что так? С чем связан такой пессимизм?

— Дело в том, Валентин Петрович, что ряд студентов остались недовольными местом работы, которое мы им предложили.

— Но список распределения молодых специалистов мы получили из министерства. Нравится он нам или нет, мы должны выполнять распоряжения сверху.

— Но это нечестно по отношению к нашим выпускникам, — не сдавался профессор Виноградов. — Пять лет назад мы приглашали их учиться в университете на перспективной специальности, позволяющей в будущем работать в научно-исследовательских институтах и проблемных лабораториях. А сейчас, по окончании университета, посылаем учителями физики в школу, тем самым латая кадровые дыры министерства. Я уже не говорю о том, что для работы с учащимися школ нужно иметь соответствующую подготовку.

— Полностью согласен с вами, Викентий Викентьевич. И тем не менее такова реальность, в которой мы живём. Кстати, вы помните студентку Соловьёву Ольгу?

— Конечно, это одна из лучших наших студенток. Отличница, общественница, все годы принимала участие в научно-исследовательской работе кафедры.

— Ну так вот. Несколько дней назад ко мне приходил её отец с просьбой не посылать её в сельскую школу. Кстати, тоже, как и мы с вами, фронтовик. Гвардии полковник. Воевал на Северо-Западном фронте. Вся грудь в орденах. Я обещал ему подумать. Может быть, у вас есть какие-либо соображения по этой студентке, Викентий Викентьевич?

— К сожалению, нет. Штатное расписание нашей кафедры вам, Валентин Петрович, хорошо известно. У нас нет ни одной вакансии.

— А как вы смотрите на то, что мы дадим этой студентке право самостоятельного трудоустройства?

— Кафедра не будет возражать. Но для этого потребует соответствующее обоснование.

— Вот и хорошо. Пригласите Ольгу Соловьёву к себе на кафедру и перескажите ей наш с вами разговор. А мы поддержим — что там у нее будет с «обоснованием».

В комиссию по распределению молодых специалистов физического факультета Ростовского государственного университета студентка пятого курса Соловьёва Ольга Натановна представила развёрнутое медицинское заключение, из которого следовало, что она, находясь во время Великой Отечественной войны в эвакуации в городе Воткинске, переболела брюшным тифом в тяжёлой форме.

С учётом этого Соловьёва О. Н. постоянно в течение года нуждается в профилактической сдаче анализов при любом заболевании, в том числе и простудном. На основании данного медицинского заключения и выписке из протокола заседания выпускающей кафедры студентке Соловьёвой О. Н. предоставляется возможность свободного трудоустройства.

2.11

Поиском места работы для Оли занималась вся семья Соловьёвых. Папа и мама говорили на эту тему со своими друзьями и знакомыми, спрашивали у всех, кто мог чем-нибудь в этом вопросе помочь. Младшие девочки внимательно просматривали каждый день все местные газеты. Даже Лёша участвовал в решении проблемы, читая на заборах и стенах домов различные объявления. Несколько раз Оля созванивалась с будущими работодателями и ходила на собеседования. Как правило, речь шла о секретарских обязанностях или работе лаборантом. И каждый раз ей отказывали в приёме из-за диплома о высшем образовании, аргументируя тем, что для этих должностей она бесперспективна, так как при первой же возможности уйдёт от них.

Тема трудоустройства старшей дочери обсуждалась практически каждый вечер за ужином уже в течение двух месяцев. Однако сегодня разговор на эту тему пошёл в необычном русле, а инициатором его стала Даша.

— Странное дело. Мы с Наташей отлично окончили школу, готовимся к поступлению в вуз, а на нас никто никакого внимания не обращает. Все разговоры только об Ольке. Какая она бедненькая и несчастная. А может быть, нашей сестрице в данной непростой ситуации просто-напросто снизить планку требований и уже с неё начать расти вверх?

Все сидели и молчали, воздерживаясь от комментариев, но вечером, когда Елена Степановна и Натан Захарович остались на кухне одни, жена спросила мужа:

— Натан, что ты думаешь по поводу сегодняшнего Дашкиного выступления?

— Думаю, что она по большому счёту права. Пора спуститься с небес на землю и согласиться на то, что Оле в настоящее время предлагают.

— Но ей же предлагают должности вспомогательного персонала, — с некоторым возмущением заметила Елена Степановна.

— Ну, на это нам идти не следует, а вот поискать работу учителем физики в школе — имеет смысл.

— Вот и поговори завтра со своим директором школы.

— Хорошо. Попробую.

На следующий день после уроков Натан Захарович постучал в дверь директора Николаева.

— Заходи, Натан Захарович, не стесняйся, — приветливо встретил его Артём Иванович. — Давно не виделись. Ты занят своими делами, мне тоже всегда некогда.

Кроме руководства школой, Артём Иванович вел ещё уроки истории в старших классах. Был он сухим и замкнутым человеком, со всеми всегда разговаривал официальным тоном, делая единственное исключение для Натана Захаровича, с которым был на «ты» ещё с военных времён.

— Давай, уважаемый, рассказывай, как твоя жизнь, — продолжал директор.

— Да всё по-старому. Ничего, кроме того, что дети растут, а мы стареем.

— Открыл Америку! И что, с этим оригинальным тезисом ты и пришёл ко мне?

— Не совсем, но почти угадал. Пришёл я к тебе, Артём Иванович, за помощью. Дело в том, что моя старшая дочь Оля в этом году окончила с отличием Ростовский университет, физический факультет, и получила свободное распределение. Но, к сожалению, уже в течение двух месяцев не может найти работу по специальности. Может, у тебя в школе есть вакансии?

— Должен тебя, Натан Захарович, огорчить. Мы в этом году вынуждены были уволить одного преподавателя физики, так как на седьмой и восьмой классы приходится, из-за военных лет, спад рождаемости. Но я поговорю с коллегами. Если будет что-нибудь интересное в других школах, сразу с тобой свяжусь.

2.12

Через три недели Артём Иванович сообщил Натану Захаровичу, что в одной вечерней школе требуется учитель физики. Однако расположена школа далеко от центра, в рабочем районе. Но если

семье Соловьёвых это предложение подходит, то можно позвонить завучу и договориться о встрече.

На звонок Оли секретарь сообщила, что ей назначена встреча на два часа дня в субботу. В назначенное время Оля постучала в дверь кабинета заведующей учебной частью, которая оказалась немолодой полной женщиной с очень приятным голосом. Лидия Ивановна Парасюк пригласила Олю присесть за большой стол, наполовину заваленный бумагами, и после нескольких формальных фраз спросила:

— Скажите, Ольга Натановна, почему вы, закончив университет с красным дипломом, соглашаетесь работать в вечерней школе простым учителем физики?

— Дело в том, что я по состоянию здоровья получила право свободного трудоустройства. Но, к сожалению, нигде не могу найти работу по специальности.

— Но вы хоть немного представляете себе специфику учебного процесса в вечерней школе?

— Нет, не представляю.

— Хорошо, тогда я очень кратко введу вас в курс дела. Во-первых, ваши ученики будут, как правило, старше вас. Во-вторых, из-за посменной работы и всяких там авралов они будут пропускать занятия. В-третьих, задёрганные производством и семьёй, они нередко будут приходить в школу с невыполненными уроками.

Заметив растерянное лицо Ольги, Лидия Ивановна от души рассмеялась.

— Вы не огорчайтесь, Ольга Натановна. В нашей работе есть, кроме минусов, и плюсы. И самый большой из них — огромное уважение наших учеников к своим учителям. А это дорогого стоит. Вам теперь общая картина стала более понятной?

— Да, спасибо.

— Вот и хорошо. Подумайте над тем, что я вам рассказала. А если решитесь — приходите: у нас как раз учительница физики в декретный отпуск уходит. Так что минимум на год я вам ставку гарантирую, а дальше видно будет.

2.13

Прошёл год, как Оля Соловьёва начала работать в вечерней школе преподавателем физики. Отношения с коллегами у неё были сугубо

деловыми, а точнее — никакими, так как, придя в школу, она сразу шла в кабинет физики и находилась там до конца рабочего дня. А вот отношения с учащимися у Оли складывались замечательно: все с удовольствием общались с молодой учительницей, которая всегда была готова ответить на любой вопрос.

Второй преподаватель физики — Михаил Иванович Карликов, часто жалующийся на здоровье пожилой человек, все заботы по физическому кабинету переложил на плечи Оли. В школе ни для кого не было секретом, что вечерами Михаил Иванович попивает. Ходили также разговоры, что Олю приняли на работу, так как в конце учебного года старый физик собирается на пенсию. Это было и так, и не так. Михаил Иванович и в самом деле подумывал в скором времени уйти на пенсию. А вот с Ольгой он вёл весьма интересные разговоры.

— Олечка, — так Михаил Иванович ласково называл свою молодую коллегу, — вам ни в коем случае нельзя надолго задерживаться в школе. Причём неважно в какой — вечерней или дневной. Вы должны заниматься наукой и поступать в аспирантуру. У вас редкое сочетание исследовательского склада ума и колоссальной работоспособности.

— Спасибо, Михаил Иванович, за тёплые слова, но мне нужно отработать три года как молодому специалисту.

— Совсем нет. Вы же пришли в школу не по распределению, а на основании свободного найма. Так что у вас совсем другие условия увольнения. А хотите, я вас познакомлю с одним из своих выпускников? Он работает на кафедре физики Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта и серьёзно занимается рентгеновской спектроскопией.

— Конечно, хочу. Это почти моя специальность. Я по ней университет оканчивала.

— Вот и хорошо. Вам будет о чём с ним поговорить. А теперь записывайте номер телефона его кафедры. Спросите Михайлова Доната Михайловича. Скажите, что от меня.

Несколько дней Оля уговаривала себя позвонить Михайлову, но всё время находила причины этого не делать. Наконец, оставшись дома одна по причине лёгкого недомогания, она набрала его номер.

— Простите, можно пригласить к телефону товарища Михайлова?

— Сегодня Дона на кафедре не будет. Что ему передать? — спросил кто-то безразличным тоном.

— Спасибо. Ничего не надо.

— Пожалуйста. — И положил трубку.

Только на третий раз к телефону подошёл сам Михайлов.

— Дон вас слушает. Говорите.

— Извините, вас беспокоит Оля Соловьёва. Мне ваш телефон дал Михаил Иванович Карликов. Я закончила в прошлом году физический факультет Ростовского университета, и Михаил Иванович сказал, что нам с вами будет интересно поговорить на тему спектроскопии.

— Ничего не понял. Но давайте «для поговорить» подъезжайте в наш институт завтра к двенадцати часам. Я буду вас встречать в вестибюле около вешалки. У меня рыжая борода. Договорились?

— Договорились, — только и успела сказать в ответ Оля.

2.14

То, что Донат Михайлов — личность уникальная, Оля поняла сразу, но о чём с ним говорить, она не представляла. Плохо, что сегодня на работе не будет Михаила Ивановича, с которым можно было бы посоветоваться по поводу завтрашнего разговора. Но потом она вспомнила слова отца, который часто повторял: «Если тебе нечего сказать человеку при встрече, задай ему вопрос. Он начнёт на него отвечать и, скорее всего, плавно перейдёт на рассказ о себе. А дальше уже видно будет».

В двенадцать часов дня в вестибюле центрального корпуса Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта практически никого не было. Вторая пара занятий должна была закончиться только через двадцать пять минут. Сдав в гардеробной свой плащ и получив номерок, Оля поискала глазами Доната. Рядом с мраморной лестницей на второй этаж она увидела молодого рыжебородого мужчину. Донат тоже заметил у гардероба девушку, которая, сдав на вешалку плащ и берет, не побежала напрямик к зеркалу, а просто поправила волосы рукой.

Подойдя к Донату, Оля протянула руку:

— Соловьёва Ольга Натановна, преподаватель физики.

— А я Дон. Просто Дон. Ну и о чём, милая девушка, вы хотели со мной поговорить?

— А мы что, так и останемся стоять в вестибюле?

— Понимаете, уважаемая Ольга Натановна, я ассистент. Отдельного кабинета, к глубокому сожалению, не имею. На кафедре всегда много людей, и поговорить нам спокойно не дадут. Так что могу предложить для нашей беседы шикарный подоконник на втором этаже, который находится в моём персональном распоряжении без ограничения времени.

Оля улыбнулась шутке Дона, и её неуверенность сразу куда-то исчезла. Они взгромоздились на подоконник и проговорили на всякие темы почти два часа. Однако на основной вопрос, касающийся научной деятельности и последующего поступления в аспирантуру, времени не хватило. Посмотрев на часы, Оля засобиралась на работу.

— Знаете что, Дан...

— ...Дон.

— ...да, Дон, запишите, пожалуйста, мой домашний телефон и позвоните, когда у вас будет свободное время. Мы продолжим наш разговор, если не возражаете.

И через день он позвонил. Ему понравилась эта умная, серьёзная, думающая девушка. А ещё через месяц Дон представил Олю заведующему кафедрой физики, профессору Виталию Андреевичу Гладкову.

После короткого разговора профессор предложил Оле поступать на следующий год к нему в очную аспирантуру. Гладков был учёным с мировым именем, автором ряда монографий и учебников, по которым училось не одно поколение студентов. Но, прежде всего, это был умный и интеллигентный человек, чья доброжелательная улыбка и уважительная манера беседовать с любым как с равным, независимо от занимаемого положения, никого не оставляли равнодушным. И даже когда профессор высказывал своё критическое мнение по какому-либо поводу, делал он это с таким тактом, что человек был только благодарен ему за его слова.

2.15

Донат и Оля встречались уже почти полгода, правда, только по выходным, так как в будние дни Оля вечерами была занята в школе. Но этого для них было явно недостаточно, так как они всё больше

чувствовали потребность видеть друг друга каждый день. И однажды Донат предложил:

— Оля, знаешь, что я подумал: а давай я буду встречать тебя вечером с работы и провожать домой вместо твоего папы? Зачем затруднять пожилого человека?

— Ну, во-первых, мой папа никак не тянет на определение «пожилой человек». В нём ещё столько энергии, что молодые могут позавидовать. А во-вторых, чего ты, Дон, хитришь? Хочешь видеться со мной, кроме выходных, ещё и в будние дни? Так и скажи.

— Честно признаюсь — хочу. Тебя не проведёшь.

— Ладно, пойдём навстречу пожеланиям рыжебородых трудящихся!

С этого дня возвращение Оли с работы растягивалось почти на два часа. Родители каждый день с волнением ожидали позднего прихода дочери, пока, наконец, не взбунтовались. Когда Оля в очередной раз пришла домой за полночь, Натан Захарович заявил:

— Ну, вот что, Оля, хватит этой конспирации. Давай, приводи к нам домой моего дублёра. А то мы с мамой получим, в конце концов, инфаркт.

— Я готова. Вы только скажите, когда нам с Доном прийти.

— Давай в субботу, если мать не возражает. Лена, ты до какого часа в субботу работаешь?

— До двух.

— Ну вот и приходи со своим Педро на обед к трём часам.

— С Доном, папа. С Доном.

— Ну, хорошо. С Доном. А как его, на самом деле, зовут?

— Донат. Донат Михайлов. А в институте его все от преподавателей до студентов называют просто Доном.

— Ясно, — подытожил Натан Захарович. — Ну, ты, дочь, хоть пару слов о нём скажи. Чтобы было понятно, кто он и чего.

— Дон на два года раньше меня окончил Ростовский институт инженеров железнодорожного транспорта с красным дипломом и сразу был принят в аспирантуру по кафедре физики. На этой кафедре он со второго курса занимался люминесцентным анализом и в настоящее время готовит по этой теме диссертацию.

— Так это он познакомил тебя с профессором Гладковым, о котором ты нам рассказывала? — спросила Елена Степановна, которая до этого делала вид, что разговор между дочерью и мужем её мало интересует.

— Да, он. Что ещё можно добавить? Сам Дон из Азова. Закончил там школу с золотой медалью. Мама учительница, папа работает на какой-то автомобильной базе. Сестёр и братьев у него нет. По национальности украинец. Рассказывал, что у него кто-то из предков был активным участником создания Запорожской Сечи. Устраивает вас?

— Вполне. Веди своего казака.

2.16

К обеду, который готовил сам папа, собралась вся семья Соловьёвых. Мама отказалась от частного приёма больных, а близнецы Даша и Наташа сбежали с последней пары лекций. Даже Лёша, вечно куда-то спешащий, остался в субботу дома. Все предвкушали знакомство с Олиным «женихом».

Около трёх часов дня раздался звонок в дверь, и на пороге появилась Оля. Дверь открыл Лёша, который всегда успевал делать это первым. За Олей стоял молодой человек с рыжей бородой.

Борода Дона всегда выделяла его из толпы. Достаточно было один раз её увидеть, чтобы запомнить его навсегда и больше никогда ни с кем не попутать. История появления этой «достопримечательности» у Дона была связана с переходным возрастом, когда на его лице стали выскакивать прыщи. Борьба с ними при помощи различных мазей не приносила успеха. Врачи только успокаивали, что со временем это само пройдёт. Такой «пассивный» подход к собственной внешности Дона не устраивал, и он начал отпускать бороду. С одной стороны, борода облегчала Дону общение с людьми, а с другой, иногда приводила к нежелательным последствиям — он выглядел каким-то отстранённым и заносчивым. Однако стоило ему улыбнуться, как его смешливые серые глаза в сочетании с рыжей бородой делали Дона очень симпатичным и приятным молодым человеком.

Стол накрыли на кухне. Это означало, что никакого официоза нет. Семья Соловьёвых будет просто обедать и предлагает гостю к ней присоединиться. Обед, как обычно, состоял из первого блюда, второго и компота. Закуска и выпивка за столом отсутствовали. Правда, перед обедом Натан Захарович заикнулся было по поводу рюмочки чая, на что Елена Степановна ответила ему, чтобы он не позорился перед детьми.

Как-то само собой получилось, что на Дона никто особого внимания не обращал и никаких вопросов ему не задавал. Все члены семьи Соловьёвых за обедом вели себя по отношению к гостю естественно и корректно. С Лёшей родители предварительно провели соответствующую беседу и попросили его побольше помалкивать. И всё-таки Лёша не удержался и в конце обеда обратился к молодому человеку:

- А скажите, дядя Донат...
- Можно просто Дон, — перебил его гость.
- А скажите, Дон, вы играете в шахматы?
- Да, но не очень сильно. У меня только второй разряд.
- Ничего себе. А давайте сыграем?
- Давай.

С этого момента Лёша уже не отпустил от себя Дона. Сыграв с ним шахматную партию вничью, он потом до самого вечера всем рассказывал, какой Дон хороший парень.

И Дон с того дня стал в семье Соловьёвых в самом деле желанным гостем. С Еленой Степановной он регулярно обсуждал рецепты приготовления казацкой еды. С Натаном Захаровичем разгадывал кроссворды, а близнецам помогал выполнять студенческие задания. Для Лёши, после того как он сыграл с Доном в футбол против дворовых пацанов, он стал единственным и непререкаемым авторитетом.

2.17

В 1959 году в семье Соловьёвых произошли два знаменательных события: старшая дочь Оля поступила в очную аспирантуру Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта по кафедре физики, а младший сын Лёша, ученик седьмого класса средней школы, был официально приглашён на собеседование в деканат физического факультета Ростовского государственного университета.

В университет Лёшу сопровождали мама, папа и Оля. Близнецы должны были подойти к назначенному часу, но не смогли из-за сдачи какого-то важного зачёта. Руководила мероприятием Оля, которая сказала родителям, чтобы они ожидали её с Лёшей в вестибюле.

У Оли было праздничное настроение: приятно было прийти через два года в свой университет, да ещё привести с собой младшего брата. В деканате Олю встретили объятиями и поцелуями. Забросали вопросами: что она делает, где работает, по какому поводу

пришла? А когда узнали, что Оля сопровождает младшего брата, радостным восклицаниям не было конца.

— Вот, Олечка, представление на твоего брата, посланное школой с резолюцией декана, — вынула секретарь факультета из папки «С подписи» какую-то бумагу. На ней сверху было написано:

*«Заместителю декана
доценту Новосёлову В. П.
Прошу обеспечить проведение собеседования с Алексеем Соловьёвым.
Число, подпись».*

Доцент Новосёлов отвёл Олю и Лёшу на кафедру высшей математики. Все преподаватели, за исключением доцента Колобова, были на занятиях.

— Николай Петрович, по поручению профессора Докучаева нужно побеседовать вот с этим молодым человеком и оценить возможность его обучения в нашем университете на правах вольнослушателя.

Поручения деканата выполнялись на факультете, как правило, беспрекословно, но доцент Колобов неожиданно возмутился:

— Извините, а почему я? Я же не приёмная комиссия!

— Понимаете, Николай Петрович, данный юноша ещё учится в школе, но желает прослушать университетские курсы по математике и физике. В случае положительного результата вашего с ним собеседования, мы его зачислим вольнослушателем на первый курс физического факультета.

— Ну, хорошо, давайте попробуем. Вас как звать, молодой человек?

— Алексей Соловьёв.

— Вот вам, Алексей, задача. Ваши предложения по её решению.

Когда Лёша решил задачу, Николай Петрович дал ему ещё одну, потом ещё. Покончив с очередной задачей, Лёша заявил доценту Колобову:

— А вот эту задачу можно решить и более изящным образом. Хотите покажу?

— Покажи... Ну, ты просто молодец!

Все рассмеялись, а доцент Колобов объявил:

— Хороший парень. Вполне готовый студент.

И только тут Оля вспомнила, что в вестибюле их уже несколько часов дожидаются мама с папой. Вместе с Лёшей они бегом спустились по лестнице и с криком «ура» бросились в объятия родителей.

— Ну, что? — нетерпеливо спросил Натан Захарович.

— Всё в порядке, — ответил Лёша. — Сказали, что мне можно посещать занятия.

— Вот видишь, Лена, сын весь в меня. Такой же умный и красивый.

— Прекрати, Натан, эти разговоры, не порти мне ребёнка, — одёрнула мужа Елена Степановна.

И счастливая семья Соловьёвых отправилась домой.

2.18

На следующий день распоряжением по физическому факультету Алексей Соловьёв был зачислен вольнослушателем на первый курс Ростовского государственного университета. Однако из-за не совпадения расписаний в школе и вузе Лёша посещал не все лекции и практические занятия в университете. В связи с этим он был обязан в конце каждого месяца предоставлять своему куратору соответствующий отчёт по пройденному материалу. Куратором Лёши по его просьбе был назначен доцент Колобов, который проводил с ним первое собеседование. Мальчик ему тоже очень понравился, и Николай Петрович получал от общения с ним истинное удовольствие. В дополнение к текущим заданиям Колобов готовил Лёшу к зональным и всесоюзным олимпиадам по физике и математике, где тот, как правило, занимал призовые места.

Через месяц после зачисления в университет Лёша пошёл записываться в библиотеку. Дежурный библиотекарь, увидев Лёшу в читальном зале, с недоумением спросила:

— Тебе что нужно, мальчик? Это университетская библиотека.

— Я хочу записаться в библиотеку и заказать книгу, — ответил Лёша и протянул библиотекарю свой студенческий билет.

С любопытством посмотрев на юного студента, она спросила:

— Какая книга тебя интересует?

— Я бы хотел посмотреть книгу «Русская техника» под редакцией профессора Данилевского.

— В библиотеке, мальчик, книги читают, а не смотрят, — строгим голосом заметила библиотекарша.

— Извините. Конечно, почитать, — поправился Лёша.

— Эту книгу нужно заказывать по каталогу. На исполнение заказа требуется приблизительно час времени. А пока ты можешь посмотреть журналы и газеты, которые есть в свободном доступе.

— Хорошо, спасибо. А у вас есть журнал «Шахматы в СССР»?

— Да, есть. Он лежит вместе со всеми.

После того как Лёша получил заказанную книгу, он нашёл свободный стол с настольной лампой и погрузился в чтение. Книга имела множество иллюстраций и была объёмом более четырёхсот страниц. Владея от рождения способностью видеть сразу всю страницу, а не отдельные строчки, Лёша за несколько часов полностью её прочитал. Когда в конце вечера он сдавал книгу, библиотекарь его спросила:

— Мальчик, тебе оставить эту книгу на следующий раз или как?

— Нет, спасибо, я уже её прочитал, — ответил, уходя, Лёша.

Обомлевшая библиотекарьша с нескрываемым интересом проводила его взглядом, но от комментария воздержалась.

2.19

В 1963 году Алексей Соловьёв закончил среднюю школу города Ростова-на-Дону с золотой медалью и одновременно два курса физического факультета (блок физико-математических дисциплин) Ростовского государственного университета. Ни у кого не было сомнения, что он продолжит обучение в университете, но всё оказалось совсем не так. Однажды за ужином, когда семья Соловьёвых обсуждала перспективы своих финансовых возможностей в связи с возможным выходом Елены Степановны на пенсию, Лёша заявил:

— Мама, а что вы так расстраиваетесь по поводу уменьшающегося семейного бюджета? Я собираюсь поехать учиться в Москву, и там сам себя буду обеспечивать.

— Ничего не понял, — вступил в разговор папа. — В какую Москву?

— Как в какую? В столицу нашей родины, — усмехнулся Лёша. — Или вы думаете, что мальчик Лёша будет продолжать бегать по Ростову в коротких штанишках и неукоснительно претворять в жизнь родительскую программу жизни?

— И где же, если не секрет, вы, Алексей Натанович, собираетесь учиться в Москве? — с ехидцей спросил папа.

— В МВТУ имени Баумана. Высшее техническое училище. А точнее, самый престижный технический институт в Советском Союзе.

— Послушай, сын, а с чего это ты вдруг надумал туда поступать?

— Почему вдруг? Совсем не вдруг. Во-первых, мне скучно учиться в университете. Законы, формулы, доказательства... Я хочу что-нибудь изобретать, конструировать, создавать, запускать. В общем, хочу заниматься космическим машиностроением.

— Ну, а во-вторых?

— А во-вторых, мои друзья собираются ехать учиться в Москву.

— Какие друзья?

— Да так. Разные.

— Что-то ты темнишь, Лёша.

— Да не темнит он, папа, — вмешалась в разговор Даша. — Он просто стесняется сказать, что едет в Москву за Катькой Иванцовой. Лёшка по ней сохнет уже третий год.

— Это правда, Лёша?

Лёша обречённо мотнул головой. Врать он не умел, а обманывать своих родителей не хотел. Всё и в самом деле было связано с его одноклассницей Катей. Влюблённый Лёша готов был ехать за ней не то что в Москву, а хоть на край света.

Разговор между Лёшей и Катей состоялся ещё полгода назад, когда он вместе со своим другом Витей Соколовым провожал Катю домой.

— Ну что, птички мои (так все в классе называли Лёшу и Витю), куда вы собрались поступать после школы? — спросила у них Катя.

Находчивый Витя, который тоже не совсем ровно дышал к Кате, решил сыграть на опережение и задал встречный вопрос:

— А ты куда?

— Хочу учиться в Москве, в Плешке. Мне тётя посоветовала поступать туда. Она работает в Ростовском гортопе.

— Ничего не понял, — перебил Катю Лёша. — Чья плешка? Что такое гортоп?

— Ну, ты деревня, Соловей. Плешка — это Московский институт народного хозяйства имени Плеханова, а гортоп — топливный отдел Ростовского горисполкома.

— Понятно. А мы тоже едем поступать в Москву. Правда, Соловей? — влез снова в разговор Виктор. — Но не в твою, Катька, барахолку, а в серьёзный институт.

— Не в барахолку, а в Плешку, — обиженно огрызнулась Катя.

— Ну ладно, особого значения не имеет.

— И в какой же институт вы собрались поступать?

— В Московское высшее техническое училище имени Баумана — МВТУ, — веско ответил Лёша.

— Ага, — согласно закивал головой Виктор.

— Мне тётя говорила, что иногородним в московский институт поступить трудно.

— Будем очень стараться, — ответил за двоих Виктор. — Не боги ведь горшки делают.

— Обжигают, — поправил его Лёша.

— Что обжигают?

— Горшки, Витя, горшки. Читай, друг мой, классиков.

— Не выпендривайся, Соловей. Катька и без того знает, что ты у нас самый умный.

— И это правильно, как говорит наш директор школы. Пока, ребятня.

На этом разговор о будущей жизни между Катей, Виктором и Лёшей в этот день закончился.

Глава 3. Разочарования

3.1

Семёнов быстро вскипятил воду в чайнике, достал из вещмешка две алюминиевые кружки и разлил по ним кипяток. В каждую кружку бросил какой-то травы и помешал палочкой. Потом ещё порылся в мешке и вытащил оттуда четвертушку хлеба. Разломил её пополам и дал кусок заключённому.

— Вы знаете, Воронов, я сразу понял, что они не вернуться за нами. Старший уполномоченный Колосков даже не показал место на карте, куда они направляются. А если и вернуться — не хочу я с ними никуда идти.

Воронов внимательно посмотрел на Семёнова. Тот был серьёзен и собран. По всему было видно, что конвойный принял для себя какое-то трудное, но окончательное решение и ему нужно выговориться.

— А знаете, что я ещё вам скажу? — продолжал Семёнов, глядя прямо в глаза Воронову. — У нас точно такой же начальник, как Колосков, три года назад бегал по деревне с пистолетом. Кого-то искал, наверное. А может, спьяну. Потом прицепился к мальчонке, который голубей гонял, пистолетом ему начал в грудь тыкать, кричать. Тётка Матрёна заслонила собой сына, так он её застрелил. У нас в семье никто никогда не любил советскую власть...

Семёнов замолчал, как бы собираясь с духом, потом заговорил снова:

— В общем, нашёл я тут километрах в пятнадцати отсюда старое зимовье. В нём уже давно никто не живёт. Приведём его в порядок, и на первых порах у нас будет крыша над головой. Сейчас потихоньку туда и пойдём.

— Подожди, Николай! Так ты хочешь дезертировать из армии?

— Да, хочу.

— Но ты понимаешь, что за нарушение воинской присяги тебе полагается расстрел?

— Понимаю, но другого случая может не представится. А искать нас не будут, я уверен. Старший уполномоченный Колосков так तो роился, что даже фамилию мою перепутал, когда отдавал приказ вас конвоировать. Да и никогда они нас в этой глуши не найдут.

Мы тут переждём маленько и пойдём дальше. А там найдём жильё получше или новое построим.

Семенов говорил быстро и горячо, словно боялся, что его перебьют, но Воронов попытался остудить его пыл.

— Подумай, Николай, на что идёшь. Мне как заключённому просто добавят срок за побег, а тебя сразу в расход пустят. Ты ещё молодой, тебе жить да жить надо.

— Интересное дело получается! Я, деревенский парень с четырьмя классами образования, уговариваю вас, политического, врага народа. А вы ещё и отказываетесь.

— Я не отказываюсь. Да и какой я враг? Вся моя вина в том, что я родился не в той семье и не в то время. А сейчас и семьи-то никакой у меня не осталось. Но хочу предостеречь тебя от необдуманного поступка.

— Уж сколько я думал — передумал — и не передать. В общем, собирайтесь, пойдём смотреть наше новое жильё, пока ещё светло. Давайте, помогу вам встать на ноги.

3.2

Сегодня природа устроила показательное выступление. Ветер со снегом дул такой силы, что сорвал с цепи собачью будку. Увидев, что начинается чёрная пурга, Николай заблаговременно пустил большую тундровую собаку по кличке Таможня в балок. Эту кличку собаке дали хозяева, когда нашли её маленьким испуганным щенком.

— Ну, теперь у нас есть защита от всех врагов, — шутил тогда Воронов. — Такую собаку никто не одолеет.

Таможня благодарно ткнулась носом в руку Николая, когда он её завёл в балок, и разлеглась около порога. В балке было тепло и тихо — только потрескивали в печке дрова. Сегодня они гостей не ждали, хотя была суббота. Нужно быть ненормальным, чтобы выйти в такую погоду на улицу.

— Александр Николаевич, вы мне при первом нашем знакомстве рассказывали, что мальчишкой попали с белой эмиграцией в Турцию. Там всегда жарко или бывает всё-таки холодно, как у нас в России? — спросил Семёнов Воронова.

— Летом там хорошо, тепло, много фруктов и овощей. А вот зимой даже при плюсовой температуре холодно и сыро. Я около года

жил с родителями в Константинополе, в его азиатской части. Там квартиры были дешевле. Хозяин дома, где мы снимали квартиру, топил котёл только несколько часов по утрам. В остальное время нужно было просто хорошо одеваться.

— А ваши родители где-нибудь в Турции работали?

— Понимаешь, Николай, эмиграция — это не перемена места жительства. Это катастрофическое изменение душевного состояния человека, переход от гордости и самодостаточности к презрению и самобичеванию. Папа оказался более готовым к переезду в другую страну и более гибким во всех отношениях, чем мама. Он уже через неделю пел по вечерам в русском ресторане. У него был небольшой, но очень приятный голос. Мама же вместе с моей старшей сестрой целыми днями сидела дома и проклинала папу за его авантюру с отъездом из России.

— А вы что делали в это время?

— Ничего. Начальное образование я получил в семье, когда мама со мной занималась, а в Турции нигде не учился. Днём читал книги на французском, которых у хозяина была целая библиотека. Вечером ходил с папой в ресторан.

— Зачем в ресторан?

— В ресторане было всегда тепло, и можно было согреться. А после закрытия нас с папой иногда бесплатно кормили. Кроме того, весь вечер слушая турецкий язык, я уже через полгода бойко говорил по-турецки.

— Так вы, получается, неплохо там, в общем-то, устроились.

— Это только тебе кажется. Дело в том, что через какое-то время папе надоело петь, он ушёл из ресторана и стал играть на скачках. В основном проигрывал. А потом и вовсе запил. Сидел и плакал. Его замучила ностальгия.

Николай внимательно слушал рассказ Воронова о далёкой заморской стране, её народе, тёплом море, обычаях и привычках. Вопросов почти не задавал, но, услышав незнакомое слово, спросил:

— Александр Николаевич, а что такое ностальгия?

— Ностальгия — это тоска по чему-то утраченному. Я, кстати, тоже спросил в своё время у папы, что означает это слово.

— И что он ответил?

— Он сказал: у каждого человека своя ностальгия. А потом добавил: «Понимаешь, сын, я здесь просто задыхаюсь. Мне не хватает

российских запахов. Запаха матери, полевых цветов, свежескошенного сена, прелых осенних листьев, ранней клубники и ещё много другого. Вот так».

3.3

На ростовском железнодорожном вокзале вся семья Соловьёвых провожала Лёшу в Москву поступать в институт. Фирменный поезд «Ростов — Москва» должен был отправиться с первого пути, но на всякий случай, если возникнут изменения в расписании, пассажиры ожидали его прибытие на втором этаже галереи. В Москву вместе с Лёшей ехал Натан Захарович. В связи с серьёзностью момента, как он всем объявил, к пиджаку своего костюма, с левой стороны, он прикрепил внушительного размера орденскую планку, а с правой — значок инвалида Великой Отечественной войны. Какую роль он собирался играть в этой поездке, никто не знал, но отговаривать его было бесполезно. Несколько раз Натан Захарович ходил смотреть информационное табло, зачем-то заглядывал в справочное бюро. Было заметно, что он нервничает, хотя особых причин для этого не было.

— Натан, кончай мелькать перед глазами — от этого поезд раньше не придёт, — одернула Елена Степановна мужа.

В то время как Натан Захарович суетился, она с трудом удерживала за руку своего трёхлетнего внука Дениса. Тот, переживая, что дедушка всё время куда-то уходит, рвался сесть на его чемодан, чтобы его не украли. Небольшого роста, крепенький малыш, он темпераментом и рыжими волосами был копия отец. Денис не мог стоять на месте и ничего не делать, а так как взрослые не обращали на него внимания, то своим поведением он их постоянно провоцировал. По аналогии с Натаном Захаровичем, которого родные и друзья называли «эн зэ», Дениса Донатовича все называли «дэ дэ». Такое обращение к ребёнку, ёмкое и звонкое, всем окружающим очень нравилось. Но больше всех этим был доволен сам Денис.

Лёша тоже вёл себя как-то беспокойно: невпопад отвечал на вопросы провожающих и всё время оглядывался. Причиной его возбуждённого состояния было то, что в Москву этим же поездом должна была ехать Катя Иванцова. К сожалению, Лёша точно не знал дату её отъезда — сегодня или в какой-то другой день. На всякий случай он договорился с Катей встретиться в ближайшую

субботу в семь часов вечера под часами на Центральном телеграфе. Друг Лёши Витя Соколов от поступления в московский институт отказался. Под хохот друзей он честно признался, что уровень его школьных знаний, в особенности по математике, не позволяет ему выезжать за пределы Ростовской области. По совету своих родителей Витя решил поступать в Ростовский медицинский институт на лечебный факультет. При этом всем, кто смеялся над его выбором, он пообещал, что, став врачом, жестоко отомстит.

Посадка на поезд была объявлена точно по расписанию. Провожающие целовали папу и Лёшу в несколько заходов. Пожеланиям и причитаниям вперемежку со слезами не было конца. Можно было подумать, что Лёша уезжает куда-то в Сибирь на золотые прииски, а не поступать в столичный вуз. При этом оказалось, что Елена Степановна умудрилась насобирать три больших чемодана вещей. На все вопросы, зачем так много, она отвечала: один чемодан — вещи Натана Захаровича, второй — с продуктами, а третий — для Лёши. Но никто не сомневался, что она снарядила своего младшенького на все случаи жизни.

Сев в поезд, Натан Захарович тут же достал из чемодана съестные припасы и стал угощать соседей по купе. До Воронежа с ними ехала молодая пара. За трапезой отец выложил попутчикам всю подноготную сына: что Лёша закончил школу с золотой медалью, что параллельно со школой учился в Ростовском государственном университете и сдал контрольные экзамены по математическому блоку дисциплин за весь университетский курс. Сейчас они едут поступать в МВТУ имени Баумана — самый лучший технический вуз в Советском Союзе. Когда молодая пара сошла и в купе подсели двое командировочных, Натан Захарович не поленился снова повторить им свой рассказ о Лёше.

3.4

Было далеко за полдень, когда ростовский поезд подошёл к Казанскому вокзалу. Чтобы получить направление на проживание в общежитие, Соловьёвым нужно было успеть попасть в приёмную комиссию института до конца рабочего дня. Натан Захарович подхватил два чемодана и быстро пошёл в сторону привокзальной площади. Лёша со своим чемоданом и школьным портфелем еле поспевал за отцом. В очереди на такси они были третьими. Ждать

пришлось не более десяти минут. Водитель, молодой приветливый парень, вышел из машины и помог поставить чемоданы в багажник. Сев на своё место, спросил:

— Куда едем, уважаемые?

— В приёмную комиссию МВТУ имени Баумана.

— До корпуса, где приёмная комиссия, не довезу, но постараюсь как можно ближе. С учётом того, что вы с чемоданами.

— И много желающих поступить ты уже отвёз туда? — спросил общительный Натан Захарович.

— Нет, не много, — ответил водитель такси.

— Почему? — не унимался Натан Захарович.

— Потому что институт серьёзный. Никто не хочет свернуть себе шею на вступительных экзаменах.

— Молодец. Хороший ответ. Но мы с сыном этого не боимся.

— Удачи вам.

Очереди в приёмной комиссии на сдачу документов не оказалось, и всё было закончено в течение двадцати минут. Но, закрыв папку, в которой уместилась вся Лёшина жизнь от рождения до сегодняшнего дня, беседующая с ними женщина сказала:

— Документы у вас в порядке, но вы, молодой человек, должны подойти послезавтра в комнату номер 112 на собеседование по математике.

— Какое ещё собеседование? — удивленно спросил Натан Захарович. — У моего сына золотая медаль.

— Я вижу, что есть медаль, но у нас такие правила. Бывает, что абитуриент с медалью и грамотами различных олимпиад, а собеседование не проходит.

— Всё бывает. Жуликов на белом свете много, — огрызнулся Натан Захарович. — До свидания.

Собеседование проводил молодой человек лет двадцати пяти. Из направления приёмной комиссии он занёс в свою ведомость фамилию и имя Лёши, после чего молча положил перед ним чистый лист бумаги и написал на нём первое задание. За ним последовало второе, третье, четвёртое. После правильного ответа на пятое задание проверяющий так же молча поставил в направлении «отлично», расписался и отдал документ Лёше. А ещё через две недели Алексей Натанович Соловьёв был принят на первый курс МВТУ имени Баумана на факультет «Энергомашиностроение». Всем зачисленным в институт была назначена стипендия.

С получением места в общежитии тоже проблем не было. Лёша поселился в двухместной комнате с мальчиком из Новосибирска, как и он, зачисленным на первый курс. Хотя при поселении в общежитие наличия золотой медали оказалось недостаточно — основную роль в положительном решении этого вопроса сыграла справка о том, что Лёша из многодетной семьи.

На следующий день после зачисления студентов первого курса распределили по трём строительным бригадам. Бригада, в которую попал Лёша, состояла из демобилизованных солдат и медалистов. Им было поручено поставить металлическую ограду вокруг большого, в четыре игровых площадки теннисного корта. Работали дружно, никто не отлынивал. В перерыве все вместе садились обедать, свалив на брезентовую палатку в одну кучу всё, что принесли с собой. Три недели совместной работы в строительной бригаде позволили Лёше познакомиться со своими сокурсниками и почувствовать себя московским студентом.

Устроив сына и купив ему всё необходимое на первое время, Натан Захарович вернулся в Ростов.

3.5

Каждую субботу Лёша, как было условлено с Катей, приходил к семи часам вечера на Центральный телеграф. В первый раз перед предстоящим свиданием он купил в переходе метро скромный букетик цветов, но Катя не пришла. Собираясь домой, Лёша отдал цветы какой-то незнакомой девушке, которая тоже кого-то ждала. Катя появилась только на четвёртую субботу. Без объяснений по поводу своего отсутствия в течение почти трёх недель, Катя, как ни в чём не бывало, весёлым тоном окликнула Лёшу:

— Привет, Соловей! Давно стоишь?

— Да нет, только четвёртый день... Мы же договорились встретиться с тобой в первую субботу после приезда, или ты забыла?

— Ну, ты даёшь, Соловей. Не догоняешь, что почём или притворяешься? — перебила его Катя. — Я же не такая, как ты: принёс свой аттестат — и пожалуйста в студенты. У меня всё значительно сложнее. Одних шпаргалок сколько нужно написать.

— Так давай я тебе помогу.

— Что? Шпаргалки писать?

— Нет, я в этом деле не помощник.

— Ну, вот видишь. Никакого проку от тебя нет. Слушай, а пошли, тут рядом, на улице Горького, есть меховой магазин.

— Пошли, а зачем?

— Посмотрим одну шубку.

— Какую шубку? — уставился Лёша на Катю. — Во-первых, сейчас лето. А во-вторых, зачем что-то смотреть без возможности купить. Давай лучше поедem в парк Горького. Погуляем, покатаемem на колесе обозрения, мороженого покушаем.

— Ну, ты детский сад, Соловей. Ничего в женщинах не понимаешь. Я думала, хоть в кафе пригласишь, а ты — колесо обозрения, мороженое...

— У меня нет денег на кафе, Катя. Папа оставил мне немного на жизнь, пока стипендию не дадут.

— Ну, вот когда появятся деньги, тогда и назначай девушкам свидание. А сейчас будь здоров.

3.6

Катя ушла, а Лёша продолжал стоять на ступеньках Центрального телеграфа. Мигающий свет электронного табло падал на его расстроенное лицо, периодически освещая то лоб, то нос. Он не понимал, что произошло с Катей за те несколько недель, что они не виделись. Ведь в Ростове она была нормальной девушкой и у них были тёплые, дружеские отношения. Лёша не скрывал, что Катя ему нравится, и она, кажется, отвечала ему взаимностью. Неужели притворялась, а он этого не замечал? Что же могло так резко измениться в её жизни за это время?

Лёша почувствовал, что у него горят щёки. Почему всё было так хорошо и вдруг стало так плохо? Ведь они знают друг друга уже много лет? Лёша смотрел на большие московские часы, ожидая от них ответа на свои вопросы.

— Что тут непонятного? — моргнули часы. — Всё понятно. Катя обиделась на тебя за то, что ты не пригласил её в кафе, а предложил прогуляться по парку. Она расценила это как оскорбление.

«Наверное, её уже кто-то приглашал в ресторан до меня, и она сравнивает теперь этого человека со мной. Но у меня и в самом деле нет денег».

— Тогда на что ты претендуешь? — вновь моргнули часы. — Всё правильно.

«Ладно, оставим ресторан в покое. А её выходка с шубой — это вообще ни в какие ворота не лезет. Какая-то насмешка или грубая провокация?»

— Ну, с шубой она перехватила. Хотела тебя просто поставить на место.

«Ничего себе перехватила. Да она просто вытерла об меня ноги. И что же мне делать в этой ситуации? Как её вернуть?»

— Никак. Она должна сама вернуться. Одумается и завтра придёт сюда в это же время.

«Значит и я должен завтра тоже прийти?»

— Конечно, должен. Она тебя сегодня проверяла. Поэтому если ты завтра не придёшь, то это конец ваших отношений.

«А может быть, завтра, в самом деле, пригласить Катю в кафе? Показать ей, что я уже не мальчишка, а взрослый человек, отвечающий за свои поступки? Деньги можно взять из тех, что оставил мне папа на пару месяцев».

— А если тебе не хватит на жизнь?

«Ничего страшного, если даже немного поголодаю. В конце концов, в институтской столовой на столах бесплатно стоят хлеб и горчица. Чем не обед для студента».

— Ну, смотри. Тебе решать, — подбадривающе моргнули часы в последний раз.

Каждый вечер в течение следующей недели Лёша приходил на Центральный телеграф и по два часа стоял в надежде, что Катя придёт на встречу с ним. Улыбнётся, ласково посмотрит на него, и всё встанет на свои места. Но чуда не произошло. Кати не было. А однажды Лёше приснилось, что ему вручают диплом об окончании института. Играет музыка, все его поздравляют, дарят цветы. В первом ряду сидит Катя, смотрит на него злыми глазами и спрашивает: «Ну что, дурачок, научила я тебя с девушками обращаться?».

Утром Лёша проснулся и сам себе строго сказал: всё, больше никаких пустых свиданий. Хватит изводить себя и заниматься глупостями. Я приехал в Москву учиться, а не потакать прихотям девчонки, в которую был влюблён. Может быть, когда у Кати начнутся занятия, съезжу к ней в институт, чтобы пообщаться и пожелать успехов. А уж как она на это отреагирует, её личное дело.

3.7

В институте Лёше нравилось всё: товарищи по группе, студенческая столовая, большие светлые аудитории, лекции по различным дисциплинам. Особенно его захватил новый предмет — начертательная геометрия. Её вёл худой, с нездоровым цветом лица старший преподаватель Осинцев, который всё время быстро чертил на доске, не поворачиваясь к аудитории и не интересуясь, успевают ли студенты записывать за ним. Предмет был достаточно сложный для первокурсников и не всем понятный. Студенты нервничали, переспрашивали друг у друга, стараясь не отстать от преподавателя. Но Осинцев темпа изложения материала не снижал. Пожалуй, единственным, кто сохранял полное спокойствие, был Лёша. Он ничего не записывал за преподавателем, а старался сразу весь материал понять и запомнить.

После окончания очередного занятия по начертательной геометрии вокруг Лёши собиралась кучка студентов, которым он объяснял суть того, что было на лекции. Все ругали Осинцева и его методику преподавания, но это, как оказалось, был ещё не предел студенческих мучений. Гнусное нутро этого преподавателя в полной мере проявилось, когда студенты перед сессией стали сдавать ему для получения зачёта ээпюры. Осинцев ставил на их чертежах жирные вопросы красным карандашом. Стереть эти вопросы или срезать лезвием не представлялось возможным. В цейтноте времени, перед сессией, студентам приходилось перечерчивать ээпюры заново.

Огромное удовольствие Лёша получал от лекций по высшей математике. Для потока из двух групп их блестяще читала доцент Гризодубова (говорили, что это какая-то родственница знаменитой лётчицы). Вообще, Лёша мог на лекции по математике не ходить, потому что всё это уже изучал в Ростовском университете. Но то, как преподносила материал Гризодубова, приводило его в полный восторг.

Так как на лекциях Лёша ничего не писал, а только слушал, то садился он, как правило, за последний стол в среднем ряду (чтобы не вызывать лишних вопросов у преподавателя). И всё было бы хорошо, пока спустя чуть больше двух недель после начала занятий, он не оказался в эпицентре неприятного инцидента с серьёзными последствиями. В тот день, когда все студенты уже заняли свои ме-

ста, в аудиторию зашёл худой высокий человек. Он держал в руках соломенную шляпу, которую — по ходу своего движения к кафедре, за которой стояла доцент Гризодубова, — положил на стол Лёши. Лёше шляпа явно мешала, и он передал её соседу, а тот, в свою очередь, положил её на подоконник. Переговорив с преподавателем, мужчина направился к выходу из аудитории и снова подошёл к столу, за которым сидел Лёша.

— Простите, я здесь оставлял свою шляпу.

— Не видел я никакой шляпы, — ответил Лёша.

— Ну как же так? — удивился мужчина, но, не став с ним спорить, вышел.

А через двадцать минут в аудиторию вошла секретарь факультета, на котором учился Лёша.

— Извините, Валентина Михайловна, — обратилась она к Гризодубовой, — позвольте мне забрать шляпу профессора Скорохова и пригласить к декану одного из студентов вашего потока. — После чего, взяв с подоконника соломенную шляпу, секретарь подошла к Лёше:

— А вас, молодой человек, я попрошу следовать за мной.

3.8

Они подошли к двери с табличкой «Декан факультета энергомашиностроения профессор Морозов Владимир Николаевич».

— Заходите, — сказала секретарь строгим голосом. — Вас там очень ждут.

Лёша толкнул тяжёлую дверь и оказался в большой комнате. В глубине её стоял массивный письменный стол, за которым сидел седой мужчина. Это и был, по всей видимости, профессор Морозов. К столу примыкал длинный узкий стол с несколькими стульями. На одном из стульев сидел мужчина, с которым Лёша недавно «схлестнулся» по поводу шляпы, и сосредоточенно листал какую-то папку.

— Здравствуйте, вы меня вызывали? Я студент первого курса Алексей Соловьёв.

— Заходите, — без ответного приветствия угрюмо кивнул седой мужчина. — Вы с какой целью поступили в наш институт?

— Учиться, естественно, — ответил Лёша.

— Ну, так учитесь, а не хулиганьте. Вы зачем устроили балаган

в учебной аудитории со шляпой декана механического факультета? Отвечайте, — строгим тоном спросил он.

— Я не знал, что это декан факультета.

— А если не декан, значит, можно делать всё, что заблагорассудится?

— Не знаю. Но думаю, что стол, за которым сидит на лекции студент, это не вешалка, — парировал Лёша.

— Да, но вы ещё позволили себе поиздеваться над профессором Скороходовым, заявив, что не видели его шляпу!

— Я просто машинально передал её соседу, чтобы он положил её на подоконник, и забыл об этом.

— Я вижу, что вы не совсем понимаете, молодой человек, куда вы пришли, — подытожил Морозов. — Впрочем, мы с профессором Скороходовым подумаем, как вас образумить. Вы свободны.

Выйдя из кабинета, Лёша понял, что возмездие за попранную корпоративную деканскую честь неотвратимо. Но он и представить себе не мог, каким оно будет. А два декана, серьёзные занятые люди, сидели и размышляли, как наказать молодого человека, студента с двухнедельным стажем пребывания в вузе, за неуважение к их высокой административной должности.

— Понимаете, Владимир Николаевич, — рассуждал профессор Скороходов, — можно объявить студенту Соловьёву выговор. Даже строгий. Но в студенческой среде это не воспринимается как серьёзное наказание. Любой выговор автоматически снимается через год. Исключить его из института за данный проступок мы не можем. Остаются два достаточно жёстких варианта, позволяющих чему-то научить Соловьёва: первый — выгнать из общежития, второй — снять со стипендии.

Профессор Морозов слушал своего коллегу очень внимательно.

— Видите ли, Владимир Владимирович, лишить общежития иногороднего студента, да ещё из многодетной семьи, нельзя.

— Ну, тогда остаётся вариант снятия со стипендии, — оживился Скороходов. — Только нам с вами, Владимир Николаевич, нужно решить — на какой срок: на месяц или до конца семестра?

— С учётом того, что он не извинился перед вами, Владимир Владимирович, думаю, что следует лишить его стипендии до конца семестра.

— Договорились. Служебную записку к основанию для приказа я вам передам через своего заместителя. Всего хорошего.

3.9

Пожав друг другу руки, деканы разошлись, удовлетворенные успешно проведенной операцией отмщения. А студент первого курса Алексей Соловьёв, согласно приказу по институту, был снят со стипендии до конца семестра (хотя за сентябрь он всё-таки успел её получить). Копия приказа была вручена Лёше под роспись секретарём факультета.

И опять всё было связано с деканатом. Что же это за инстанция такая мерзкая? Лёша ещё не забыл разговоры дома за столом по поводу распределения Оли, а теперь вот и сам влип в историю. Ему было очень грустно и обидно, что его студенческая жизнь началась с такой неприятности. Обращаться к родителям за помощью он принципиально не хотел. Деньги, которые оставил ему на первое время отец, подходили к концу. Нужно было как-то выживать. Вспомнилась поговорка, которую часто повторял его школьный учитель физики: «Если в ситуацию есть вход, то из неё должен быть и выход».

Чтобы хоть немного поднять себе настроение, Лёша решил пойти поиграть в баскетбол. Благодаря первому разряду, его сразу после зачисления в студенты взяли в первую сборную института. Тренировки обычно начинались в шесть часов вечера и продолжались два часа. Так как на улице было ещё тепло, то проходили они на открытой баскетбольной площадке институтского спортивного городка при электрическом освещении.

Тренировки с первой сборной института проводил, как правило, сам старший тренер Ашот Степанович Варданын. Спокойный, думающий человек с большим жизненным опытом, он всегда заботливо относился к своим ребятам. Но сегодня он всё больше поглядывал на Лёшу Соловьёва, так как ещё утром из ректората на кафедру физического воспитания принесли копию приказа о снятии его со стипендии.

После тренировки Ашот Степанович попросил Соловьёва задержаться.

— Лёша, что произошло? Что ты такое сделал, что тебя сразу на весь семестр лишили стипендии? — участливо спросил тренер.

— Даже не знаю, что здесь рассказывать. Просто какое-то недоразумение, — ответил Лёша.

— А ты не стесняйся — расскажи. Может, я тебе чем-нибудь смогу помочь?

И Лёша рассказал. И про шляпу, и про то, как под перекрёстным огнём двух деканов не раскаялся. А главное, что не извинился перед профессором Скороходовым. Ашот Степанович внимательно его слушал.

— Что я могу тебе сказать, Лёша. Сняли тебя со стипендии не за шляпу, а за характер. Не надо с деканом конфликтовать и выяснять отношения. От него всё в твоей жизни на много лет вперёд зависит.

— Так уж и зависит!

— А вот узнаешь потом. Скороходова, правда, я и сам недолюбываю. Однажды обратился к нему по поводу поездки на сборы двух легкоатлетов, так он не только отказал мне в просьбе, но ещё мораль прочитал. И всё-таки давай лучше подумаем, как тебе помочь компенсировать потерю стипендии. Надо же на что-то жить.

— Как вы можете мне помочь, Ашот Степанович?

— А знаешь что? Давай я возьму тебя на должность помощника тренера с почасовой оплатой. Будешь тренировать второй состав сборной в свободное от учёбы время. Согласен?

— Согласен. Но я собирался в этом году поступить ещё на вечернее отделение механико-математического факультета Московского университета.

— Не страшно. Поступишь на следующий год. Это возможно?

— Конечно, возможно.

— Ну, вот и хорошо.

3.10

Из-за всех этих приятных и неприятных событий первых недель учебы в институте Лёша никак не мог найти время, чтобы съездить в Институт народного хозяйства имени Плеханова и повидаться с Катей. Наконец он решил сделать это в субботу утром, когда в расписании стояли практические занятия по математике. Вёл их тот молодой преподаватель, который проводил с Лёшей собеседование при поступлении в институт. Увидев студента Соловьёва в своей группе, он сразу же предложил ему сдать экстерном коллоквиум за семестр и не посещать занятия до зимней сессии.

Желание встретиться с Катей, единственным человеком в Москве, который связывал Лёшу с прежней жизнью в родном горо-

де, было сильнее обиды на неё за их последнюю встречу. Но ехал он на её поиски, не зная, по какой специальности она поступила в институт, на каком факультете учится, в каком общежитии живёт. Институт народного хозяйства занимал огромную территорию и включал в себя несколько зданий. Единственное, что Лёша знал твердо, так это то, что приёмная комиссия любого института всегда расположена в главном корпусе на первом этаже. Туда он и направился.

Ему повезло — приёмная комиссия работала, продолжая набор студентов на вечернюю и заочную формы обучения. Лёша толкнул дверь и оказался в большой комнате с пятью столами в разных концах. Кроме него, посетителей в комнате не было. Только за одним из столов сидела немолодая женщина.

— Вас что интересует, молодой человек? — приветливо спросила она.

— Я хочу получить информацию о своей однокласснице Кате Иванцовой. Она поступала на дневной факультет вашего института в этом году.

— А на какую специальность она подавала заявление?

— К сожалению, не знаю.

— Тогда вам придётся обратиться в деканаты факультетов, так как в приёмной комиссии этих сведений нет.

Когда Лёша услышал слово «деканат», у него сразу испортилось настроение.

— Извините меня, пожалуйста, а, может быть, всё-таки можно посмотреть книгу приёма документов? Дело в том, что мы учились с Катей в одном классе, и больше у меня, кроме неё, в Москве знакомых нет.

— Нет, нельзя. А вы сами что делаете в Москве?

— Учусь в МВТУ имени Баумана. На первом курсе.

— Покажите свой студенческий билет.

— Пожалуйста.

Женщина взяла студенческий билет Лёши и стала внимательно его рассматривать.

— Вы тоже поступили в институт в этом году?

— Ну да. Мы вместе окончили школу в Ростове-на-Дону и приехали в Москву. Понимаете, мне эта девочка очень нравится. Помогите, пожалуйста, её найти.

То ли вежливое обращение этого интеллигентного мальчика,

то ли суть его просьбы, связанной с отношением к девочке, сыграли свою роль, но сотрудница приёмной комиссии сменила, что называется, гнев на милость. Она не только разыскала по журналу, на какую специальность поступала Екатерина Васильевна Иванцова в институт народного хозяйства, но и выяснила, что эта абитуриентка в конце августа забрала свои документы как не прошедшая по конкурсу.

3.11

Зимой, после первой сессии, которую он сдал на все пятёрки, Лёша решил поехать на каникулы к родителям в Ростов. Семья Соловьёвых встречала его на перроне железнодорожного вокзала в том же составе, что и провожала. Впереди всех прыгал на палке рыжий племянник Денис, которому к этому времени уже исполнилось четыре года. Его придерживал за кашне такой же рыжий, как и сын, муж Оли Донат. За ними в распахнутом пальто широким шагом шёл Натан Захарович, увлекая за собой Елену Степановну. В хвосте колонны медленно плелись сёстры Оля и Наташа.

— Здоров, самородок, — первым заключил Лёшу в свои объятия Донат. — Наслышан о твоих успехах. Молодец.

За Донатом выстроилась вся родня. Когда очередь дошла до мамы, она прижалась к сыну и долго не хотела его отпускать. Потом, чуть отстранив от себя, непонятно кому в укоризну сказала:

— Плохо выглядишь. Займись собой.

Наобнимавшись и нацеловавшись, семья дружной толпой направилась к остановке троллейбуса. Папа весь сиял и всё пытался забрать у Лёши чемодан, а рыжий племянник тянул к нему свою пухлую ладошку, желая поздороваться с Лёшей за руку как взрослый. В родительском доме всех ждал праздничный обед в честь московского гостя. Старая трёхкомнатная квартира, в которой Лёша вырос, показалась ему какой-то маленькой и тесной. По нагромождению книг было видно, что здесь живут весьма занятые люди, которым совершенно безразлично, как выглядит их дом. Но главный сюрприз для Лёши был впереди. Это была его любимая Грелка. Из-за своих коротких ножек собака не могла запрыгнуть даже на стул, а тут, увидев Лёшу, вдруг оторвалась от пола и оказалась в его объятиях. Семимесячная разлука с хозяином была для

неё настолько тяжёлой, что собаку просто колотило. Она визжала, хрипела, царапалась от счастья, и казалось, что её сердечко вот-вот выскочит из груди.

— Мама, что мне с Грелкой делать? — взмолился Лёша.

— Прижми её крепко к себе и не отпускай. У неё от радости, как у человека, может инфаркт случится. Но она скоро успокоится. И дай ей, наконец, тебя лизнуть.

Все быстро расселись за большим столом в гостиной. По поводу приезда Лёши на столе появились даже бутылка вина и бутылка водки. Все с удовольствием подняли несколько тостов за родителей и за детей. В разговорах, анекдотах, шутках не заметили, как просидели до самого вечера. На последнем тосте за будущие успехи младшего сына Елена Степановна вдруг расплакалась.

— Мама, ты чего плачешь? — участливо спросил Лёша. — У меня же всё в порядке. Я живой и невредимый.

— Нет, не из-за тебя, сыночек. Ты рядом, а вот Даша неизвестно куда закатилась со своим мужем.

— Лена, перестань, я тебе говорю, — попытался одёрнуть её папа. — Зачем ты снова заводишь этот разговор? Сама расстраиваешься и другим портишь настроение.

Но Елена Степановна не слушала мужа и продолжила говорить своё:

— Мужчине что? Он как бегемот толстокожий. Ничего не знает и не чувствует. А матери отпустить ребёнка от себя, да ещё девочку, — это же какое здоровье надо иметь, чтобы пережить? Я бы послала к ней папу на помощь, так за ним самим уже пригляд нужен. А ехать вдвоём — долго и дорого. Да и работаю я ещё. В общем, не знаю, что делать.

— А ничего не делать, — заметил Лёша. — Вот я пожил немного один, без мамы и папы, покрутился в своих проблемах и сразу встал взрослым. А так бы всё ходил в «ребёнках». Переход от детства к взрослой жизни каждый человек должен делать вовремя. И не нужно эту ситуацию драматизировать и отдалять. Даша правильно сделала, что уехала и живёт самостоятельно. Разберётся, тем более что она замужем.

— Ну, ты даёшь, Алексей Натанович, — восхищённо воскликнул Донат. — Вот что значит пожить в столице. Стал такой грамотный и рассудительный, аж завидно. Желаю тебе здоровья и успехов!

Разошлись не скоро. Когда все легли спать, Лёша и Натан Захарович ещё долго сидели на кухне. Папе было очень интересно знать всё, что касалось жизни в Москве его младшего сына.

Как ни соскучился Лёша по своей семье — по маме, папе, сёстрам, но, приехав на каникулы в Ростов, он больше всего хотел встретиться с Катей. Но Катя передала через свою подругу, что видеть его не хочет.

Часть вторая

Самостоятельная ЖИЗНЬ

Библиотека СССР имени В. И. Ленина
ул. ЦУКО, в. г. ГЕЛЬФРЕПХ. 1939

Глава 4. Первые проблемы

4.1

За прошедшие годы Семёнов и Воронов сменили три зимовья. Первое, прожив в нём почти 12 лет, они оставили по причине его ветхости и непригодности для дальнейшего проживания. Печка в нём была плохая, да и тесновато — двоим не развернуться. Второй переезд был связан с появлением в их районе геологоразведочных экспедиций, которые занимались поиском нефти и природного газа. Пришлось срочно уезжать, пока их не обнаружили.

Место для третьего, последнего пристанища Воронов и Семёнов выбрали в районе посёлка Алыкель, недалеко от Норильска. Нашли старое, но хорошо сохранившееся охотничье зимовье, расширили его, добавив к нему ещё две комнаты. Рядом с домом построили настоящую баню, которая нависала вторым выходом над небольшим озерком. Это позволяло прямо из парной съехать по жёлобу и окунуться в неглубокую ледяную воду. Зимой озеро промерзало до дна и сливалось с вечной мерзлотой. Жили на новом месте Семёнов и Воронов тихо. Далёко никуда не ездили. Да и куда поедешь, если из документов на двоих только солдатская книжка Семёнова, выданная 11 октября 1938 года. Однако не успели они более или менее обустроиться, как гости пожаловали сами.

Был конец марта 1969 года. Солнце в тундре даже под вечер светило так, будто спешило наверстать упущенное за время полярной ночи. Воронов и Семёнов сидели на крыльце и грелись в теплых лучах, когда к зимовью неслышно подъехали нарты. Из них вышли два человека в национальной одежде.

— Здравствуйте, уважаемые. Меня зовут Юкко, — на хорошем русском языке представился более молодой гость. — Всё-таки соседи ваши. Вот, приехали познакомиться. А это староста нашего посёлка Василий Афанасьевич Парамонов.

После обмена рукопожатиями, гости вытащили из нарт две большие сумки.

— Там мясо. Очень вкусное, — с улыбкой сказал Юкко и протянул Воронову первую сумку. — А здесь мороженая рыба. Мы вас научим делать из рыбы всякие блюда по-нашему. Этим у нас занимаются только мужчины. Хорошо?

И не дожидаясь ответа, Юкко поставил на крыльцо вторую сумку.
— Откуда у вас такой хороший русский язык? — спросил Воронов.

— Я окончил в 1956 году северный факультет Ленинградского государственного университета по специальности «культурология Севера». Сейчас работаю в нашем посёлке заведующим клубом.

— А как вы нас нашли?

— А вас никто и не терял, — подмигнул Юкко. — Наши родственники сообщили, что два хороших человека из их района — Боливар и Стрелок — переехали в наш. Тундра маленькая. Все друг друга знают. Это вам не Ленинград.

И все дружно рассмеялись.

4.2

Отсмеявшись, Александр Николаевич строго посмотрел на Семёнова.

— Николай, это что ещё за Боливар? Твоих рук дело?

— Моих, Александр Николаевич. Помните наш первый разговор при знакомстве? А учитывая, что ненцам труднее выговорить Александр, чем Боливар, так имя это за вами и закрепилось.

— А себя, значит, ты Стрелком назвал.

— Не я, это они меня так назвали, когда я с ними на меткость выстрела поспорил. Вы же знаете, что я с пяти лет с отцом на охоту ходил. Стреляю без промаха.

— А ещё ваш товарищ, — перебил Семёнова староста Парамонов, — приходил два дня назад к нам в посёлок. Хлеб покупал, консервы, а папирос ему в магазине не дали, потому что не было. А сейчас всё будет, если вы нам поможете решить одну проблему.

— Что за проблема? — насторожился Воронов.

— Вообще, она не наша, она их проблема, но нашей стала... Дайте я лучше вам бумаги покажу.

Василий Афанасьевич протянул Воронову нарисованную от руки карту посёлка и какие-то документы, в которых Александру Николаевичу, как инженеру-гидростроителю, не стоило большого труда разобраться. Всё было ясно и просто: до земли людей, которые жили здесь испокон веков, добралось советское государство с «громадём» своих народно-хозяйственных планов освоения Севера и стало теснить местное население. В данном случае речь шла

об отчуждении большого участка земли, принадлежащего посёлку, для строительства газопровода.

Суть проблемы Воронову была понятна, но Василий Афанасьевич всё говорил и говорил, вставляя для убедительности в русский текст ненецкие слова.

— Понимаете, уважаемый, что произошло. Приезжала комиссия из трёх человек. Мы их встретили очень хорошо. Накормили, напоили. Подарков надарили. А они взамен оставили нам эти бумаги. Вроде мы должны их подписать. А мы ничего в них не понимаем. Что делать?

Василий Афанасьевич и Юкко с надеждой смотрели на Воронова, а тот, внимательно выслушав гостей, зачем-то несколько раз перевернул карту, словно пытаясь на ней ещё что-то рассмотреть, потом ответил серьёзно:

— Пока вы точно не поймёте, что требуют от вас эти люди, ничего не подписывайте. — Воронов сделал акцент на слове «ничего». — Это, во-первых. А во-вторых, вам нужно обязательно пригласить грамотного адвоката, который поможет вам.

— А вы не сумеете помочь? Мы вам за это двух оленей подарим, — робко спросил Василий Афанасьевич.

— И не думайте — с государством шутить нельзя. Это, как правило, очень плохо кончается. Делайте то, что я вам посоветовал. И без всяких фокусов.

— А кто из вас двоих старше? — неожиданно спросил Юкко, имея в виду Воронова и Семёнова.

— По возрасту я, а по званию он, — ответил с улыбкой Воронов и погладил свою седую бороду.

Провожая гостей, Александр Николаевич попросил Юкко привезти ему книги, которыми в библиотеке посёлка никто не пользуется.

4.3

Лёша учился без особого напряжения, с удовольствием, успешно совмещая учёбу в МВТУ и МГУ. Первую экзаменационную сессию он сдал досрочно на все пятёрки. Ашот Степанович, у которого он подрабатывал в качестве помощника тренера, посоветовал Лёше оформить в деканате индивидуальный график посещения лекций и не тратить время на бесполезные для него занятия.

— Не хочу я иметь никаких дел с деканатом, — заартачился сначала Лёша. — Как вспомню свой разговор с профессором Морозовым, так мне становится не по себе. У меня на слово деканат идиосинкразия.

— Будь мужчиной, — не отставал от него тренер. — Тебе ещё столько всяких разных разговоров за свою жизнь придётся переговорить, что этот покажется просто игрой на дудочке. Тем более что такого рода документы готовит и представляет на подпись декану методист вашего факультета Лариса Николаевна. К ней и обращайся.

— Да декан сразу вычеркнет мою фамилию, как только её увидит.

— Не вычеркнет. Ты когда принесёшь заявление в деканат, сначала поговори с Ларисой Николаевной. Она умная и адекватная женщина. От неё очень многое зависит.

Лариса Николаевна весьма доброжелательно отнеслась к просьбе Лёши разрешить ему свободное посещение занятий. Ей был симпатичен этот интеллигентный молодой человек, который непонятным образом в начале своей студенческой жизни угодил под «деканский каток» и остался на целый семестр без стипендии. Он не был похож на нарушителя порядка, а уж тем более на хулигана, который хочет обратить на себя внимание. Но Лариса Николаевна его сразу предупредила:

— Учти, Соловьёв, подобное разрешение даётся студентам-отличникам только на лекции и коллоквиумы. На лабораторные занятия и экзамены ты должен являться в соответствии с общим расписанием или сам договариваться с преподавателями о сроках их выполнения и сдачи.

— А скажите, пожалуйста, мне нужно каждый раз получать отдельное направление на досрочную сдачу экзамена или результат моего экзамена преподаватель сам внесёт в общую ведомость? — почтительно спросил Лёша у Ларисы Николаевны.

— Направление ты должен брать в каждом отдельном случае или у меня, или у секретаря факультета. Всё понятно?

— Понятно.

— А теперь объясни: зачем тебе свободное посещение занятий? — строго спросила Лариса Николаевна.

Лёша поначалу замялся с ответом, но потом, вспомнив последний разговор с Ашотом Степановичем, твердо сказал:

— Когда меня сняли со стипендии, я должен был на что-то жить.

Просить деньги у родителей я не мог. Стыдно было. Поэтому пошёл работать.

— А где ты работаешь?

— Помощником тренера нашей институтской команды по баскетболу.

— Серьёзная работа. График свободного посещения занятий после приказа по факультету согласишься с замдекана Батуриным. Всё понятно?

— Всё.

— Ну что же. Тогда свободен.

4.4

На третьем курсе, при сдаче реферата по спецкурсу, который вёл доцент Григорий Борисович Большаков, Лёша столкнулся с непонятной для себя ситуацией. На первой странице подготовленного им реферата вместо оценки было написано: «Прошу переговорить. Число и подпись». Получив реферат с такой резолюцией, Лёша пошёл искать преподавателя.

Большакову на вид было лет сорок. Подтянутой, спортивного вида, с голубыми глазами и открытой улыбкой, он на всех сразу производил приятное впечатление. Увидев в дверях кафедры студента Соловьёва, Григорий Борисович жестом пригласил его войти.

— Присаживайтесь, Соловьёв. Как вас звать?

— Алексей.

— Вы, наверное, по поводу своего реферата? Очень хорошо. Прежде всего, хочу вас спросить: вы сами писали реферат или кто-то помогал?

— Конечно, сам. А что, я что-то неправильно сделал?

— Нет, всё правильно. Не буду скрывать — реферат мне понравился. Особенно хочу отметить ваш подход к решению задачи, которой реферат посвящён. В деканате мне сказали, что вы параллельно с нашим институтом учитесь ещё на мехмате МГУ?

— Да. Мне там осталось учиться ещё полтора года.

— Понятно. Так я вот о чем. У меня есть к вам интересное предложение — принять участие в работе по научно-исследовательской теме, которой я занимаюсь. За это я буду платить вам небольшие деньги. Это с одной стороны. А с другой, вы приобщитесь к серьёзной науке под моим руководством.

— Даже не знаю, что вам ответить, Григорий Борисович. Я бы с удовольствием, но у меня просто нет свободного времени.

— Молодой человек, занятие наукой — это процесс, который не имеет временных рамок. Здесь нельзя использовать понятие «у меня нет времени». Оно здесь не работает. Если научная деятельность вас захватит, то вы ни о чём другом думать не будете и найдёте для этого время. Если нет, то нет. Соглашайтесь на мое предложение, а дальше видно будет.

Лёша оставил тренерскую работу и с головой ушёл в науку под руководством доцента Большакова. За время учёбы в институте им лично и в соавторстве было опубликовано пять научных статей и тезисов докладов на различных конференциях. Преддипломную практику Лёша проходил в городе Калининграде Московской области. Там же ему предложили работать после окончания вуза, гарантируя временную прописку.

Естественно, что Большаков знал об этом предложении со стороны оборонной структуры, но противодействовать ему не мог. Его попытки уговорить заведующего кафедрой профессора Васнецова оставить студента Соловьёва в аспирантуре результатов не дали.

— На выпускников нашего института ректорат выделил кафедре только одно аспирантское место, и его уже забрал профессор Колесников. Поэтому вашему протезу нужно будет поработать на производстве и только после этого поступать в аспирантуру на нашу кафедру.

— Я понимаю, Николай Порфирьевич, — не отступал Большаков, — но боюсь, что если мы его отпустим, он к нам больше не вернётся. Будет очень жаль, если мы потеряем такого перспективного молодого человека.

— Не вернётся, так не вернётся. Ничем вам при всём желании, Григорий Борисович, помочь не могу.

Но этим дело не закончилось. Профессор Колесников по каким-то причинам отказался от забронированного места, и тогда Большаков решил вернуться к разговору с заведующим кафедрой. Для этого ему нужно было заручиться согласием самого будущего аспиранта. Григорий Борисович написал записку в деканат с просьбой срочно прислать к нему студента Соловьёва. Лёша пришёл к нему на кафедру в тот же день.

— Заходи, Алексей. Я тебя ищу, чтобы обсудить место твоей будущей работы после окончания института.

— А я думал, вы знаете о моём предварительном распределении в Калининград?

— Знаю, но у меня для тебя есть другое предложение — поступить в аспирантуру на нашу кафедру. Раньше я не мог обсуждать с тобой эту тему, так как не было вакантного места. Сейчас оно появилось. Теперь мне нужно твоё согласие.

— Конечно, я согласен.

— Не торопись, обдумай всё. Работа на режимном предприятии имеет, как правило, свои плюсы и минусы. Плюс заключается в том, что у тебя будет зарплата в два раза больше, чем аспирантская стипендия. А минус — ты должен будешь заниматься тематикой своего отдела. То есть о науке тебе на некоторое время придётся забыть. Подумай, но только до завтра, так как послезавтра будет заседание кафедры.

— Для меня зарплата не имеет принципиального значения. Хочу заниматься наукой с вами.

Но тут Лёша несколько поторопился со своим заключением о материальной стороне жизни, так как через несколько месяцев он неожиданно для всех женился.

4.5

16 января 1969 года, пообедав в столовой, студент шестого курса Лёша Соловьёв наслаждался одиночеством в своей общежитской комнате. Занятий в институте в этот день не было, поэтому он, подложив под спину подушку и поедая своё любимое овсяное печенье, предавался чтению сразу двух книг, переходя от одной к другой. Первая была по динамике сложных систем, в которой весь текст состоял из сплошных формул, вторая посвящалась жизни и творчеству молодого Фета. Лёша любил подобные сочетания и часто к ним прибегал, как он сам говорил, для встряски мозгов. В четыре часа дня в общежитие вернулся его сосед по комнате Виктор Морозов. Открытый, добрый парень. Нельзя сказать, что они дружили, но отношения их были вполне приятельские. Сейчас Витя зашёл в комнату с каким-то задумчивым видом, держа в руках два бумажных кулька. Из первого выглядывало горлышко винной бутылки, во втором, судя по запаху, были жареные пирожки. Оба кулька он аккуратно положил на свою тумбочку.

— Здорово, Лёша.

— Привет, Витя. По какому поводу намечается банкет?

На вопрос соседа по комнате Виктор ответил не сразу. Сначала он не спеша снял пальто и шапку, повесил их на гвоздь, который заменял им вешалку. Потом так же, не торопясь, прошёл вглубь комнаты и сел за стол, где они обычно занимались.

— Ну и чего ты молчишь? Не томи, — с улыбкой спросил Лёша.

Видно было, что Виктор что-то задумал, но стесняется об этом говорить, хотя это «что-то» было для него очень важным. В конце концов, он выдал из себя:

— Понимаешь, Лёша, мне очень нравится одна девушка с курса. Её зовут Марина. Мы с ней встречаемся уже почти год. Сегодня я хотел пригласить её в наш Дворец культуры на танцевальный вечер, но потом передумал и решил привести её сюда, к нам. По этому поводу купил бутылку вина и пирожков.

Виктор запнулся и снова засмутился.

— Ну, так в чём же дело? — пришел ему на выручку Лёша. — Приводи сюда свою Марину, а я пойду на танцевальный вечер. Да, кстати: она городская или из нашего общежития?

— Из нашего общежития. В 315-й комнате живёт ещё с одной девочкой.

Надев коричневую водолазку и серый модный пиджак из ткани букле, Лёша отправился, как он любил выражаться, «в свет». Дворец культуры МВТУ им. Баумана был от общежития на расстоянии трёх трамвайных остановок, но он решил пройти пешком. На улице было скользко, и Лёша в своих туфлях на кожаной подошве несколько раз чуть не упал. Но настроение было хорошее: доцент Большаков предложил поступать к нему в аспирантуру — оставалось только получить рекомендацию кафедры.

На танцевальных вечерах Лёша бывал редко. Всё некогда было. Знакомых в зале он не увидел и поэтому решил пойти в буфет съесть бутерброд с колбасой и выпить стакан чая. Когда он вернулся, танцы были в самом разгаре. Постояв в одиночестве минут пятнадцать, Лёша обратил внимание на симпатичную девушку, стоящую в окружении трёх парней. Совершенно ни о чём не задумываясь, Лёша направился к девушке и пригласил её танцевать. Девушка, увидев высокого стройного юношу, ответила на его приглашение согласием.

— Вы часто бываете здесь на танцах?

— Да, я недалеко живу.

— Вы учитесь в МВТУ?

— Нет. Я работаю на фабрике, но нам с друзьями нравится сюда приходить.

Закончился танец, и Лёша проводил девушку на место. Через некоторое время снова заиграла музыка, и он решил пригласить девушку ещё раз. Но когда подошёл к её компании, один из парней, с которыми она стояла, заявил Лёше:

— Слышь, мужик, ты больше сюда не ходи. Не надо.

— Это почему?

— Я не хочу.

— А я хочу.

— Ну тогда пойдём поговорим о наших желаниях.

Из танцевального зала на улицу с Лёшей вышли двое парней. Выражение их лиц не предвещало ничего хорошего. Спортивный, физически крепкий, Лёша никогда не боялся подобных приглашений «поговорить». Но никакого «разговора» с парнями и не вышло, так как один из них сразу же ударил его в лицо, и Лёша, поскользнувшись, упал на спину. Особо не церемонясь, парни ещё несколько раз пнули его ногами, причем один из ударов пришёлся Лёше прямо в нос. Окончив экзекуцию, парни молча вернулись в танцевальный зал, а Лёша, прижимая платок к носу, ползлелся в туалет, чтобы смыть кровь с лица. Танцевать ему уже расхотелось, да и куда пойдёшь с разбитой физиономией. Он забрал с вешалки пальто и зашагал домой.

4.6

Подойдя к зданию общежития, Лёша вспомнил, что Виктор попросил его «погулять» до одиннадцати вечера. Вернуться сейчас, когда нет ещё и девяти, будет некрасиво и непорядочно с его стороны. По большому счету Виктор с такой деликатной просьбой обратился к нему впервые, и рваться сейчас в свою комнату и объяснять соседу о новых обстоятельствах — смешно. Да он на стук в дверь, как любой мужчина, просто не открывает.

Ситуация осложнялась тем, что с таким «гримом» Лёше просто некуда было пойти, кроме как в общежитие. Самым худшим вариантом было торчать на проходной или топтаться в коридоре. Ведь многие студенты знали его в лицо. И тут Лёшу осенило: а почему

бы ему не пойти в 315-ю комнату? Ведь там осталась вторая девушка, с подругой которой сейчас в его комнате находится Виктор. Но, как это бывает со всяким интеллигентным человеком, в нем разгорелась внутренняя борьба:

— Пойти можно, но кто тебя туда пустит? Да ещё с разбитой физиономией. И вообще, чем ты объяснишь свой приход к незнакомому человеку в столь поздний час?

— А если предположить, что Марина, с которой встречается Виктор, рассказывала своей подруге не только о Викторе, но и обо мне? Ведь девушки любят поговорить на тему взаимоотношений с молодыми людьми?

— А ты-то здесь при чём?

— Как это при чём? Наверняка Марина рассказала, что Виктор живёт в одной комнате с отличным парнем, ленинским стипендиатом. А если так, то мы уже заочно знакомы друг с другом.

— Ну, ты хвастун! Лишний раз себя похвалить — хлебом не корми. Ладно, даже если предположить, что эта девушка что-то знает о тебе, какая вероятность того, что у неё нет молодого человека? Может, он сейчас как раз у неё в гостях. Подруга-то ушла к Виктору на весь вечер.

— Всё, хватит заумных рассуждений. Сейчас пойду в 315-ю комнату и попрошу эту девушку оказать мне первую медицинскую помощь. Скажу, что упал на улице. С кем не бывает.

— А если она спросит, почему ты постучался в самую дальнюю от входа комнату? Медпункт находится на первом этаже и совсем в другой стороне.

— Я попытался это сделать, но он закрыт. Наверное, медсестра куда-то вышла. Да и вообще, неважно, что девушка спросит у меня и что я ей отвечу. Главное, зацепиться за разговор, а дальше уже по ходу действия соображу, что к чему.

Через мгновение Лёша уже стоял около двери с номером 315. На его робкий стук дверь, как ни странно, сразу открыли. Хрупкая, небольшого роста девушка с характерным восточным разрезом глаз вопросительно смотрела на него.

— Извините, можно здесь получить первую помощь потерпевшему крушение в одной из жизненных ситуаций?

— Заходите, — спокойно ответила девушка, пропуская его в комнату. — Что случилось-то?

— Да вот — поскользнулся на улице и упал. А к себе в комнату

идти не совсем удобно. Я Алексей Соловьёв, сосед Виктора, который дружит с вашей соседкой Мариной.

Дополнительных объяснений, почему Лёша постучался именно к ней, девушка не потребовала. Она тут же достала с полки шкафа какую-то сумочку, в которой были вата, бинты, йод, и очень ловко обработала все его ушибы и ссадины.

— Хотите чаю? Меня Алисой зовут.

— Хочу, — со вздохом облегчения ответил Лёша, понимая, что его не собираются сразу же выставлять за порог. — А вы всегда так — не спрашивая, «кто» — открываете дверь?

— Нет. Я просто подумала, что Марина уже вернулась. А скажите, Алексей, кто это вас так лихо отделал?

— Никто. Я же сказал, что упал.

— Понимаете, я детдомовская и хорошо умею различать: где упал, а где побили.

Тут они дружно расхохотались, хотя Лёше из-за повреждённой челюсти делать это было довольно трудно. Но в присутствии этой девушки, искренней и простой, на душе стало так легко и спокойно, как давно не было. И когда она спросила:

«Вы с чем будете пить чай — с бубликами или карамельками?», — Лёша, придерживая подбородок двумя руками, снова не мог удержаться от смеха:

— Вы что, Алиса, садистка, или это в вас заложено тяжёлым детством? Как я могу сейчас кусать бублики?

— А вы их не кусайте, вы размякивайте.

— Что-что? Размякивайте? — Новый взрыв смеха. — Что это за слово такое?

— Обыкновенное. Размякивать — это делать что-то мягче. От слова мякоть.

— Да ничего подобного. Нет такого слова. Вы, наверное, хотели сказать — размачивайте в чае.

— Ну чего вы придираетесь к словам? Я вам помощь оказала? Оказала. Что вы ещё от меня хотите? Идите к себе домой.

— Да как же я пойду, когда моё место в комнате занято. И вообще, Алиса, где ваша женская солидарность, дружеская поддержка, радость за успехи подруги на любовном фронте? Почему вы не стараетесь их продемонстрировать?

— Я уже всё, что могла, вам продемонстрировала. Идите, Алексей, домой. И кончайте шутить — это у вас не очень умно

получается, а то как в анекдоте: так пить хочется, что просто переночевать негде.

— А что? Интересное предложение.

— Ладно. Уходите. Мне завтра рано вставать.

Возможно, Лёша с Алисой ещё бы долго препирались, если бы в дверь не постучали. Это вернулась Марина.

— О! Картина Репина «Не ждали», — продолжал шутить Лёша. — Ну, всё, девочки, я пошёл. Спасибо за доброту и ласку. Да, прошу прощения, Алиса: можно мне зайти завтра на перевязку?

— Зачем? Зализывайте раны, молодой человек, самостоятельно, коли вы такой бойкий. А вообще, мужчину шрамы украшают.

— Ну, так можно или нет?

На свой последний вопрос ответа Лёша не получил.

4.7

Алиса Батуева родилась в 1945 года в городе Краснодаре. Её отец, Филипп Раднаевич Батуев, по национальности бурят, находясь на излечении в краснодарском военном госпитале, познакомился с молодой санитаркой Верой Петровной Лазаревой. Результатом этого скоротечного романа стала дочь Алиса. Когда Вера Петровна написала своему возлюбленному, что беременна, он прислал ей заявление на вступление с ней в брак, заверенное полковой печатью. В этом заявлении старший лейтенант Батуев уведомлял соответствующие органы о признании отцовства и просил дать будущему ребёнку свою фамилию и отчество. После окончания Великой Отечественной войны и победы над фашистской Германией дивизия, где служил Филипп Раднаевич, была сразу переброшена на Дальний Восток. В конце августа 1945 года капитан Батуев, участвуя в советско-японской войне, пал смертью храбрых. В 1952 году Вера Петровна заразилась на работе в больнице какой-то инфекционной болезнью и умерла, а Алису в возрасте неполных семи лет отдали в детский дом, где она и прошла все этапы своего взросления.

В детском доме Алиса отличалась от своих сверстников серьёзным отношением к любому порученному ей делу. По всем предметам всегда имела хорошие и отличные оценки, за исключением биологии. Для восполнения этого пробела после седьмого класса Алиса на летних каникулах устроилась помощницей телятницы на животноводческую ферму в пригородном совхозе. В её обязан-

ности входил уход за молодыняком. По окончании каникул она подготовила реферат, в котором описала свою работу на ферме, проиллюстрировав её рисунками. Реферат был отмечен грамотой на краевой сельскохозяйственной выставке, а учительница по биологии выставила Алисе хорошую годовую оценку. Успешно окончив в 1962 году краснодарскую среднюю школу, способная и трудолюбивая девочка тут же поступила в местный автомеханический техникум. А в 1966 году, с красным дипломом об окончании техникума, поехала в Москву и прошла по конкурсу в МВТУ имени Баумана.

Перевязкой ран, полученных на поприще неудачного ухаживания за чужими девушками, Лёша Соловьёв не ограничился и уже через две недели перебрался жить в комнату к Алисе. А ещё спустя три месяца в студенческом кафе МВТУ Алиса Батуева и Алексей Соловьёв сыграли скромную свадьбу. Родителям Лёша ничего не сказал, так как заранее знал их реакцию: папа будет говорить о том, что ему нужно думать о диссертации, а не отвлекаться на всякие глупости, а мама начнёт причитать, что в их семье только сирот бурятской национальности ещё не хватало. В то же время сёстры будут сгорать от желания увидеть, кого же их нестандартный братец взял себе в жёны.

И тем не менее, после свадьбы Лёша позвонил домой и сообщил, что защита дипломного проекта ему назначена на 16 июня, а после этого он планирует приехать домой дней на десять. О том, что женился, Лёша снова не сказал ни слова.

4.8

В ростовском аэропорту Лёшу встречали с цветами практически все члены семьи Соловьёвых. Папа уже не работал и был, как он сам себя называл, главным домашним интендантом. Мама продолжала в должности заведующего хирургическим отделением городской больницы отрезать «всё лишнее» у своих пациентов. Старшая сестра Оля и её муж Донат, защитив кандидатские диссертации, работали на кафедре физики Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта и жили на съёмной квартире. Основную связь с «учёной» семьёй родители осуществляли в основном через внука Дениса, который перешёл уже в четвёртый класс. Особыми успехами Денис похвастаться не мог, в связи с чем девушка сделал вывод, что на третьем поколении семьи Соловьёвых

природа решила немножко отдохнуть. В квартире, где прошли детство и юность Лёши, сейчас проживали мама и папа с дочерью Наташей, весьма симпатичной и образованной девушкой. Ей было уже 29 лет, но замуж она так и не вышла, хотя кавалеров у нее хватало. Как заявляла сама Наташа, все они были лишь «проходящие поезда».

Когда Лёша появился в зале прилета, все бросились его обнимать и целовать, и только Наташа, заметив, что он не один, громко произнесла:

— Батюшки, да тут целая делегация общества советско-китайской дружбы!

За спиной Лёши стояла смущённая молодая девушка.

— Знакомьтесь: это моя жена Алиса, — спокойно представил её встречающим Лёша.

От неожиданности все замерли. Даже рыжий внук, почувствовав важность момента, перестал прыгать. Первой пришла в себя мама:

— Натан, ты только не волнуйся! Прими нитроглицерин, а то тебя ещё «кондратий» хватит.

Следующей из оцепенения вышла всё та же Наташа:

— Ух ты, здорово как. У нас в семье уже есть русские, евреи, украинцы. Теперь ещё и китайцы будут.

— Я не китаянка. Я бурятка.

— Какое это имеет значение, — улыбаясь во весь рот, продолжала удерживать инициативу Наташа. — Теперь наша будешь.

После этого уже все дружно начали знакомиться с молодой Лёшиной женой.

Через несколько дней, когда Наташа с Алисой пошли пройтись по ростовским магазинам, Натан Захарович, сидя на кухне, начал разговор с сыном. Елена Степановна, повернувшись к ним спиной, хлопотала у плиты.

— Скажи, Лёша, ну почему ты такой ленивый мужик?

— В каком смысле?

— В прямом. Даже жену нашёл в своём общежитии, только этажом ниже. Ведь в Москве который год живёшь. Есть из кого, слава богу, выбирать. Столько девушек, а ты...

— Натан, прекрати этот ненужный разговор. Женился и женился. Лишь бы по любви было, а не просто так. Нашёл хорошую, умную, работающую девочку. Я видела, как она квартиру убирала.

— Нет, не прекращу. Жену нужно с головой выбирать, а не жениться на первой попавшейся, не выходя из общежития.

— Да, ты прав, папа. Нужно жениться на второй попавшейся. Что же ты сам к нашей маме так сразу припал? Приехал в командировку в Ростов из своего Иркутска и вот уже 36 лет оторваться от неё не можешь.

Но Натан Захарович не унимался.

— И всё-таки ты мне скажи, Алексей, почему ты себе невесту не искал? Несмотря на наши с мамой возражения ты записал себя евреем, так почему же тогда не женился на еврейке? Это было бы, по крайней мере, последовательно и логично. А так что? Дети у вас будут от еврея с буряткой — евробуры? Чувствуешь музыку?

— Во-первых, здесь получается не евробуры, а евребуры. А тут уже нет никакой музыки. Просто набор звуков. А во-вторых, ты сам меня учил: жену нужно выбирать не по паспорту, а по зову сердца. Посмотрел на одну девушку — ничего не почувствовал. Посмотрел на другую — сердце замерло. Вот это и есть твоя жена.

— Натан, прошу тебя, оставь, в конце концов, ребёнка в покое со своим еврейством. Вот у меня в отделении есть анестезиолог Сара Абрамовна. Она себе постоянно цену заламывает, а врач, на самом деле, посредственный. Да и всеми остальными параметрами тоже не блещет. Ну, нашёл бы себе Лёша такую жену — тебе легче от этого стало?

— Ладно. Закончим на этом разговор. Дай бог, чтобы у тебя, сын, с Алисой всё было хорошо.

Но тут в атаку пошёл уже сам Лёша, который весь вечер отбивался от Натана Захаровича при молчаливой поддержке Елены Степановны.

— А мне вообще нравится тема, которую мы здесь обсуждаем. Почему не продолжить наш разговор?

— Какая тема? — насторожился папа.

— Смешанные браки. Это замечательная реалья нашего времени. Я не вижу здесь ничего плохого. Вот вы с мамой поженились, хотя наверняка вас кто-то тоже отговаривал. И счастливы уже столько лет.

— Да, но я, слава богу, женился не на бурятке.

— А в чём разница?

— Во многом.

— Ну, например.

— Например, в культуре, привычках, уровне развития.

— Отвечаю. Алиса — начитанная, всесторонне развитая, современная девушка. Учится на серьёзной специальности в том же институте, что и я. А что касается разных культур, то это наоборот, только вызывает у меня интерес. Открою вам большой секрет: перед тем как сделать Алисе предложение, я пошёл в библиотеку и прочитал всё, что возможно: кто такие буряты, что у них за религия, какие обычаи и праздники, какая еда и т. д.

— И после этого так влюбился в Алису, что решил на ней жениться? — не отставал от сына Натан Захарович.

— Представь себе — да. Но хочу ещё раз подчеркнуть: весь список требований, который ты перечислил, вторичен по отношению к тому, какой Алиса человек. Она добрая, искренняя и честная девушка. Вот об этом тебе нужно было со мной говорить, а всё остальное — неважно для жизни.

— Ты будешь ещё нас с мамой учить, что обсуждать.

— Да не собираюсь я никого учить. Только хочу заметить, как пишут в серьёзных книгах, что при смешанных браках происходит значительное обновление крови у ребёнка.

— Да что ты говоришь!

— Да. И это весьма положительно влияет на потомство. Я — наглядный тому пример.

Разговор закончился общим хохотом. Больше к обсуждению этой темы никто не возвращался.

4.9

В последний день перед отъездом молодых в доме Соловьёвых собралась вся их большая семья. Пришли и друзья родителей — две супружеские пары: Оксана Петровна Малашенко с мужем Виталием Фёдоровичем и Константин Константинович Богомолов с женой Викторией. Оксана Петровна, врач-ортопед высшей категории, проработала всю войну в одном госпитале с Еленой Степановной и осталась её близкой подругой в мирной жизни. Муж Оксаны Петровны, Виталий Фёдорович, скромный, тихий человек, работающий инженером на заводе, в гостях, как правило, молчал, внимательно слушая разговоры других. А вот вторая пара — супруги Богомолы — всегда привлекала к себе общее внимание. Глава семьи — Константин Константинович, доцент кафедры педагоги-

ки и психологии Ростовского педагогического института — был женат на своей бывшей студентке Виктории. Его жена нигде не работала и занималась воспитанием двух маленьких детей. Богомолов боготворил свою жену и прислушивался к её мнению.

Константин Константинович познакомился с Натаном Захаровичем за шахматами, в которые они играли по воскресеньям в городском саду. Для того чтобы сыграть пару партий и в будние дни, они стали ходить друг к другу в гости, и через некоторое время сдружились семьями. Доцент Богомолов был человеком энциклопедических знаний и к тому же прекрасный рассказчик. Благодаря своей исключительной эрудиции, необыкновенной памяти и выразительной речи, он моментально становился душой любой компании. Слушать его можно было часами, но сегодня он был особенно «в ударе». То ли по случаю успешного окончания очередного, непростого для него, учебного года, то ли потому, что желал произвести хорошее впечатление на сидящих за столом московских гостей. Мол, мы тоже не глухая провинция.

4.10

— Уважаемые дамы и господа! Зная свою слабость говорить долго и много, прошу меня извинить за то, что буду делать это сидя. — Сделав артистическую паузу, Константин Константинович продолжил свой монолог: — В жизни каждого человека имеют место, как правило, три круга общения: первый — это семья, второй — это друзья и, наконец, третий — это коллеги. Сегодня первый круг — семья Соловьёвых — присутствует за праздничным столом почти в полном составе. Второй круг представлен моей семьёй и семьёй уважаемой Оксаны Петровны. На этом позволю себе обсуждение первого и второго круга закончить и перейти к третьему, который вызывает у меня сегодня особый интерес. Я имею в виду своих молодых коллег — Лёшу и Алису, оставив за скобками то обстоятельство, что они являются сыном и невесткой хозяев дома. Почему коллегам? Потому что все мы, преподаватели и студенты, имеем непосредственное отношение к высшей школе и считаемся коллегами. Заметьте, что я сейчас использовал слово «школа». Не институт, не университет или высшее техническое училище, где обучаются сидящие передо мной молодые люди, — а «школа». Я сделал это неспроста, так как с чем ассоциируется у нас слово «школа»?

Конечно, с фигурой учителя, наставника, преподавателя. А кто же они такие — преподаватели высшей школы? Кто может ответить на мой простой вопрос?

— Ну, давайте я попробую, — подавив лёгкий смешок, отозвался Лёша. — Преподаватель — это профессионально грамотный, образованный человек, передающий свой опыт и знания своим ученикам. В частности, студентам.

— В принципе, вы всё правильно сказали, молодой человек. Но не совсем то, что я хотел от вас услышать. Кто ещё желает ответить на мой вопрос? Нет желающих? Тогда продолжу. Когда я готовил кандидатскую диссертацию на тему «Личностный портрет преподавателя технического вуза», то, получив соответствующее разрешение от своего декана, посетил в течение трёх лет более пятисот занятий преподавателей технических дисциплин различных вузов города Ростова-на-Дону.

— Зачем? Что вы хотели полезного для себя там услышать? — с недоумением перебил его Лёша. — Ведь вы абсолютный гуманитарий. Что вы могли понять, например, на лекции по сопромату, а уж тем более использовать затем в своей диссертации?

— Молодец, Лёша. Хороший вопрос. А я не должен был ничего услышать. Я должен был увидеть. А интересовало меня только одно: вызвал ли тот или иной преподаватель у студентов интерес к себе и, следовательно, к своему предмету или нет.

— Каким образом? По каким параметрам можно оценить это явление?

— Прежде всего, по вниманию, с которым студенты воспринимают то, что говорит преподаватель.

— Позвольте, Константин Константинович. Но внимание — это же качественный показатель. Переводить его в количественную оценку ситуации не совсем корректно.

— Не надо ничего никуда, молодой человек, переводить. Лекция — это маленький спектакль. Когда вы смотрите в театре постановку, какой у вас критерий оценки того, что происходит на сцене?

— Очень простой — понравилось мне действие или не понравилось.

— Правильно. Другими словами, не жалко ли вам время и денег, потраченных на поход в этот театр.

— Но позвольте, моё отношение к спектаклю складывается из многих компонентов: декорации, костюмы, текст, музыка, игра ак-

тёров, в конце концов. А о чём здесь может идти разговор? О каких составляющих?

— О многих, уважаемый, о многих. В моей памятке, по которой я просил студентов оценить работу каждого преподавателя, фигурируют более двадцати пунктов.

— Любопытно узнать, что же это за пункты?

— Не буду перечислять все, но некоторые назвать могу: знание предмета, внешний вид преподавателя, культура речи, владение доской, темп изложения материала, умение снять напряжение у студентов, ответы на вопросы и так далее.

— И какой их них, по вашему мнению, является главным? Какой пункт следует считать основным при оценке профессиональной пригодности преподавателя технического вуза?

— Безусловно, способность владеть студенческой аудиторией. Причём велика вероятность того, что она не зависит от учёной степени и учёного звания преподавателя. Свои выводы я проверил на достаточно большом экспериментальном материале. Я побывал на занятиях, которые проводили ассистенты, доценты, профессора, академики. И всё подтвердилось.

— То есть, в соответствии с вашей теорией, Константин Константинович, имеет место одинаковое количество плохих преподавателей как с учёной степенью и званием, так и без них?

— Совершенно верно.

— И что же делать с вашими выводами и рекомендациями руководству высшей школы?

— Это вопросы уже не ко мне, молодой человек. Могу отметить лишь одно, возвращаясь к аналогии «преподаватель вуза — актёр театра». Если артистов в процессе обучения актёрскому ремеслу много лет учат «работать» со зрительным залом, то преподавателя общаться с учебной аудиторией не учат вообще.

— Что-то я, Константин Константинович, вообще запутался. Из ваших предыдущих рассуждений я понял, что студента вообще невозможно «научить» — его можно только заинтересовать. А остальное зависит в большой степени уже от него самого.

— Вы правильно поняли, мой юный друг. Учебный процесс в вузе должен быть лёгким и увлекающим, а преподаватель — интересной, во всех отношениях, личностью, которую студенческая аудитория воспринимает с чувством внутреннего восторга.

Общий разговор уже давно перешёл в диалог между Константином Константиновичем и Лёшей, но все сидящие за столом слушали его с большим вниманием, а потом искренне благодарили.

4.11

Две недели пролетели незаметно, и вот молодожёны уезжали. Как ни странно, но провожающие на сей раз больше обнимались и целовались с Алисой, чем с Лёшей. Спокойная, умная, выдержанная девушка понравилась всем без исключения. Впереди их ждала Москва со своими маленькими и большими проблемами. В последнюю неделю весеннего семестра Лёше предложили комнату в семейном общежитии за городом, но он договорился с комендантом, что до окончания института — Алисе предстояло учиться ещё три года — они останутся в студенческом общежитии.

Молодая семья, которую создали Лёша с Алисой, была во всех отношениях удивительной. Он — аспирант, она — студентка. Он уже преподаёт, она ещё учится. Но основная особенность состояла в том, что он был типичной «совой», а она — «жаворонком». Так как во время учебы в институте Лёша всегда имел свободный график посещения, то ему не нужно было каждый день рано утром идти на занятия. Он любил позаниматься и в ночные часы, когда жизнь в общежитии, как правило, замирала. Часто бывало так, что он, возвратившись из Ленинской библиотеки, которая закрывалась в десять часов вечера, находил Алису уже спящей. Тогда Лёша разогревал себе ужин, который заботливо готовила ему жена, прежде чем лечь спать, наливал стакан чая с хорошей заваркой (отцовская школа!) и садился, обложившись книгами, ещё на пару-тройку часов. Настольную лампу с простым прозрачным стеклом Лёша накрывал, чтобы не мешать жене, своей красной рубашкой. Мягкий свет уютно заполнял всю комнату покоем и располагал к творческой работе. Иногда посреди ночи Алиса просыпалась и заявляла тоном, не терпящим возражений:

— Всё, публичный дом закрывается. Все дружно ложатся спать.

Единственным днём полноценного общения Лёши с Алисой было воскресенье. Этот день они, как правило, посвящали друг другу. Долго валялись в постели и дурачились. Отношения между супругами с самого начала их знакомства установились лёгкие и ироничные. Она называла его по фамилии, а он её ласковым сло-

вом, производным от её имени, — Лисичка. Но интонация, с которой они обращались друг к другу, не вызвала сомнения в истинности их чувств. Они никогда не спрашивали друг друга: куда идёшь, когда придёшь, где был, что делал, — так как были уверены, что при малейшей возможности каждый постарается как можно быстрее вернуться домой.

Сегодня, в последний выходной день октября, холодный и дождливый, им особенно не хотелось покидать тёплую постель.

— Слушай, Соловьёв, кончай стаскивать с меня одеяло. Лучше встань и включи чайник.

— Не по чину обращаетесь, девушка.

— Чего-чего? Не поняла юмора.

— Во-первых, я аспирант, а ты студентка. Это разные образовательные уровни. А во-вторых, я приношу денег в семейную казну в два раза больше, чем ты. О чём всем прекрасно известно. Ну и, в-третьих, я — по определению — глава семьи.

— Ну ты, глава семьи, а хочешь, я скажу тебе что-то интересное и очень личное? Завтра напишу заявление коменданту, и тебя выгонят из моей комнаты на улицу со всеми твоими научными достоинствами как не имеющему права проживать в студенческом общежитии. А заодно и из моей кровати. Так что марш ставить чайник, аспирант.

— Ладно, согласен. Но учти, Лисичка, угрозами в жизни ничего нельзя добиться. Только лаской и терпением!

Лёша нырнул к Алисе под одеяло, и вопрос с чайником был отложен на неопределённое время.

4.12

Заведующий кафедрой профессор Васнецов был в длительной служебной командировке, поэтому заседание кафедры вёл его заместитель доцент Малышев. Тихий, незаметный человек, он, тем не менее, был вторым секретарём парткома института, что делало его мнение абсолютно непререкаемым. (Особенностью внешности Малышева было и то, что он немного косил, из-за чего с ним трудно было общаться: не попадая в фокус его взгляда, нельзя было с уверенностью сказать, что он говорит именно с тобой.)

Григорий Борисович успел перед заседанием кафедры поговорить с Малышевым по вопросу рекомендации ленинского

стипендиата Соловьёва в аспирантуру. А так как члены кафедры успели хорошо узнать Алексея за годы его учёбы в институте, то рекомендацию все дружно поддержали.

Защита дипломного проекта студента Соловьёва также вызвала большой интерес. Первоначально предполагалось её провести на открытом заседании Государственной экзаменационной комиссии. Но после предварительного заслушивания на кафедре, где присутствовали представители какого-то военного ведомства, защита была перенесена на предприятие космического профиля в Калининград и прошла в закрытом режиме с приглашением по списку участников заседания. По предложению председателя комиссии тема дипломного проекта студента Соловьёва была рекомендована в качестве темы будущей кандидатской диссертации.

У Григория Борисовича Большакова было шесть аспирантов: трое на дневном и трое на заочном обучении. Все москвичи, за исключением Алексея. То ли потому что сам Григорий Борисович был молодым и современным человеком, то ли так складывались жизненные обстоятельства, но аспиранты Большакова отличались от всех остальных не только внешним видом, но и поведением. Если иногородние аспиранты весь день, как правило, проводили на кафедре, то москвичи появлялись там редко, что затрудняло их привлечение к учебно-воспитательной работе со студентами. Особенно участие аспирантов было нужно кафедре при проведении зачётно-экзаменационной сессии, когда они помогали ведущим преподавателям в проверке знаний студентов.

Заведующий кафедрой профессор Васнецов несколько раз пытался говорить на эту тему с Григорием Борисовичем, но тот всегда отделялся шуточками. Скандал вспыхнул, когда руководство кафедрой решило организовать ремонт относящихся к ней помещений. В соответствии с распоряжением заведующего каждый научный руководитель должен был отрядить на неделю в строительную бригаду двух своих аспирантов-очников. Григорий Борисович выбрал Бочарова и Колыванова, но оба по существу проигнорировали поручения кафедры, сославшись на болезнь. Бригадир ремонтников пожаловался заведующему кафедрой, и тот пригласил Большакова к себе на разговор.

— Григорий Борисович, передо мной лежит докладная бригадира о неявке на работу ваших аспирантов. Они не только не хотят внести свою посильную лепту в общественно-полезный труд

на благо кафедры, но и вообще отлынивают от какой-либо работы. Потрудитесь объясниться.

— Я выясню, в чём дело, и доложу вам.

— Уж доложите, будьте любезны. Но у меня к вам ещё один вопрос, касающийся аспиранта Соловьёва. А что с этим молодым человеком? Почему он не заявлен для участия в ремонтных работах?

— Я оставил его в резерве для поездки со студентами на осенние сельскохозяйственные работы.

— Очень мудро с вашей стороны, Григорий Борисович. А главное, дальновидно. Вы этот факт тоже отразите, пожалуйста, в служебной записке на моё имя.

Профессор Васнецов не забыл, как Григорий Борисович в его отсутствие «протащил» на заседании кафедры Алексея Соловьёва в аспирантуру и при каждом удобном случае старался ему об этом напомнить. Но это не очень огорчало Григория Борисовича. Он был уверен, что на этапе защиты диссертационной работы Соловьёва профессор Васнецов озаботится имиджем кафедры и поддержит Алексея на заседании Учёного совета факультета.

После разговора с заведующим, Григорий Борисович попросил секретаря собрать всех своих аспирантов на кафедре в четыре часа дня в субботу, решив напомнить им, что дружеские отношения — это не панибратство и вседозволенность, а уважение и взаимная ответственность.

Глава 5. Аспирантура

5.1

В аспирантуру ведущих вузов страны принимали, как правило, молодых людей, имеющих способности к занятию научно-исследовательской деятельностью. Поэтому аспирантами становились наиболее успешные и перспективные выпускники вузов. Правда, стипендия в сто рублей не облегчала жизнь будущим «светилам науки», особенно тем из них, кто был обременён семьёй. Но, как известно, наука требует жертв. В этом плане аспирантов Владимира Бочарова и Сергея Кольванова нельзя было назвать «типичными представителями» аспирантского сообщества. Во всяком случае, они ни в чём не нуждались. Имея высокопоставленных и обеспеченных родителей (отец Бочарова работал в Спорткомитете СССР, а Кольванов-старший считался одним из лучших стоматологов Москвы), молодые люди были из числа так называемой «золотой молодёжи»: имели доступ в фирменные магазины, одевались по последней моде, ездили за границу. В общем, вели себя независимо, а порой и просто вызывающе.

Вот и сейчас, придя на кафедру, друзья шумно возмущались, что в субботний вечер Большаков заставляет участвовать их в каком-то непонятном заседании.

— Спасибо, что все собрались, — сказал Григорий Борисович, не обращая внимания на недовольных. — Я пригласил вас, чтобы довести до вашего сведения, что из шести моих аспирантов дневного и заочного обучения полностью аттестованы за прошедший год только четверо. Бочаров и Кольванов аттестованы условно — как не опубликовавшие за указанный период ни одной научной статьи.

— Ну, вы же знаете, что это не по нашей вине, Григорий Борисович... — начал оправдываться Кольванов, но Григорий Борисович тут же его прервал:

— Когда вы будете представлять диссертацию к защите, никого не будет интересовать, по чьей вине у вас нет публикаций. Так что сделайте правильные выводы из данной ситуации. А теперь попрошу каждого из аспирантов рассказать о плане работы на следующий учебный год.

После короткого обсуждения информации каждого из аспирантов Григорий Борисович перешёл ко второму вопросу.

— Уважаемые коллеги, я собрал вас сегодня ещё и для того, чтобы поговорить об одном инциденте, который может иметь для всех присутствующих весьма неприятные последствия. Скажу вам честно, я никогда раньше не видел — а работаю я на кафедре уже семнадцать лет — таким рассерженным профессора Васнецова. Он чуть не топал ногами, когда отчитывал меня на этой неделе.

— Что произошло, Григорий Борисович? В чём дело? — с тревогой в голосе спросил заочник Карасёв.

— А дело в том, что — как вы все, наверное, знаете — в настоящее время на нашей кафедре идёт ремонт. Чтобы минимизировать потери учебного времени, за которыми строго следит учебная часть, ремонтной бригаде был предписан жёсткий график работы, а в помощь рабочим кафедра решила выделить аспирантов. От каждого научного руководителя — по два аспиранта на шесть рабочих дней. Я выбрал кандидатуры Бочарова и Колыванова, предварительно это с ними согласовав. Владимир Бочаров отработал на ремонте кафедры всего полдня и ушёл, а Сергей Колыванов вообще не явился. Оба представили позднее больничные листы.

— Так мы же заболели, — театрально развел руками Бочаров.

— Перестаньте паясничать, Владимир, — жёстко осадил его Григорий Борисович. — Всем известно, что ваши больничные листы — липа. Или вы хотите, чтобы в дополнение ко всему занялись ещё и вашими врачами?

— Ну и что теперь делать? — по-детски наивно спросил Лёша.

— Во-первых, — после короткой паузы ответил Григорий Борисович, — Бочарову и Колыванову все часы следует добросовестно отработать, а во-вторых, всем подумать, каким образом сгладить эту неприятную ситуацию.

— Пусть Соловьёв отработает за нас, — предложил Колыванов. — Он аспирант первого года обучения. А мы что-нибудь серьёзное для кафедры сделаем.

— А диссертацию за тебя тоже Соловьёв будет защищать? — жёстко парировал Григорий Борисович. — Уже слишком многие на кафедре стали замечать ваши с Бочаровым фокусы. Всё это может плохо кончиться.

— Сейчас вообще можно диссертацию не защищать, а просто купить диплом кандидата, даже доктора наук. Правда, за большие деньги, — с улыбкой заметил Колыванов.

Реплика Колыванова произвела на всех шокирующее впечатление. В помещении возникла зловещая тишина. Как будто что-то мерзкое и грязное вползло на кафедру, мгновенно разрушив саму идею обучения в аспирантуре и перечеркнув огромные усилия, затрачиваемые каждым из аспирантов на подготовку диссертации.

— Да шучу я. Шучу, — попытался выпутаться из неудобного положения Колыванов, но присутствующие продолжали молчать. А Алексей вспомнил, как Бочаров и Колыванов пригласили его год назад отметить поступление в аспирантуру в «Националь».

— Извините, ребята, но у меня для такого ресторана денег нет, — испугался Алексей.

— Да ты не бойся, у нас есть, — успокоил его Колыванов.

— Хорошо, но я буду расплачиваться только за себя.

— За себя, за себя, — похлопал его по плечу Бочаров.

В конце вечера, когда официант принёс счёт, Бочаров с Колывановым расплатились за закуску, а стоимость выпивки разделили на троих. Даже при таком раскладе на каждого пришлась довольно внушительная сумма.

— Извините, но я предупреждал, что у меня нет денег. Да и выпил-то я всего одну рюмку.

— А никто не считал, сколько ты выпил — одну или три. В компании всё должно быть по-честному, — со смехом заявил Бочаров.

Поход в ресторан стоил Алексею почти половины месячной стипендии. Зато Колыванов и Бочаров с удовольствием рассказывали, как они из этого провинциала «сварили лоха».

Разговор Григория Борисовича с аспирантами затянулся до самого вечера. Никто уже никуда не торопился. Все понимали, что сейчас речь идёт уже не о диссертациях, а непрестом положении на кафедре их научного руководителя.

5.2

Жизнь Алексея была сплошной рутинной: общежитие, кафедра, библиотека, общежитие. И так каждый день. Иногда, но не чаще одного раза в квартал, он ездил в Калининград, где обсуждал с руководителем лаборатории промежуточные результаты своих теоре-

тических разработок. Приходил домой поздно вечером, но и вставал не раньше десяти утра. Такой режим дня его вполне устраивал, но вызывал ряд затруднений с посещением Ленинской библиотеки, которая открывалась в девять утра. Всем было известно, что если опоздать к её открытию, то потом весьма проблематично не только сдать пальто в гардероб, но и найти свободное место в читальном зале (ждать, пока оно освободится, иногда приходилось по нескольку часов). Выбор же хорошего места в библиотеке означал не только возможность сидеть там, где мимо твоего стола не ходит много народа, но и шанс, положив голову на руки, просто доспать час-другой. По этому поводу никто никому замечаний не делал.

Приближался Новый год. Алиса была вся погружена в сдачу зачётов и теперь нередко засиживалась вместе с мужем за полночь. Лёша старался по возможности ей помогать, но и сам тоже был очень занят: на 29 декабря 1970 года было назначено заседание кафедры, на котором все аспиранты, в том числе и Соловьёв, должны были отчитаться о проделанной за прошедший год работе. На это особое заседание кафедры собирались все преподаватели — от профессора до ассистента. Свободных мест в этот день на кафедре, как правило, не было. Сначала заслушивались аспиранты третьего года обучения — им предоставлялось на сообщение десять минут. Аспиранты второго года получали для короткой информации о выполнении ими графика работы пять минут. Аспирантов первого года заслушивали списком на основании заключения научных руководителей. После короткого обсуждения, кафедра принимала решение по аттестации каждого аспиранта в отдельности открытым голосованием.

Аспиранту второго года обучения Алексею Соловьёву, как и всем другим, была предоставлена пятиминутная возможность сообщить о проделанной за год работе по диссертации, но он ею практически не воспользовался.

5.3

На следующий день Григорий Борисович пригласил Алексея к себе домой. Ровно в 12 часов дня Лёша позвонил в дверь коммунальной квартиры, где одну большую комнату занимал его научный руководитель с женой и маленькой дочерью. На звонок дверь открыл сам хозяин.

— Заходи, Лёша, — с улыбкой встретил его Григорий Борисович. — Не возражаешь попить чайку со мной?

— С удовольствием, — ответил Лёша.

— Ну и хорошо. Присаживайся. А пока я буду готовить чай, расскажи мне, какое впечатление осталось у тебя от вчерашнего заседания кафедры.

— Нормальное впечатление.

— А подробней?

— Да не о чем, в принципе, говорить.

— Вот именно. А теперь я выскажу своё мнение. Из предоставленных тебе пяти минут ты уложился в двадцать секунд, а твой отчёт уместился в пять слов: «Собираю материал для подготовки диссертации». В переводе на русский язык это прозвучало так: «Отстаньте от меня все, ради бога». А это уже просто неуважение к кафедре.

— Да мне и в самом деле нечего было рассказать.

— Да неужели? Что же ты делал, друг мой, с февраля, когда кафедра утвердила тебе тему, по декабрь включительно? Чем, позволь узнать, ты почти год занимался?

За столом наступило тягостное молчание. Первым нарушил его снова Григорий Борисович.

— Должен тебе сказать, Алексей, что никто и не жаждал услышать от тебя этот трогательный рассказ. Но есть общепринятая процедура, которую следует соблюдать. А теперь послушай меня. Существует несколько возможных сценариев процесса подготовки диссертации. По первому из них аспирант собирает всё, что имеет отношение к его теме исследования: конспектирует первоисточники, делает выписки и ксерокопии. Однако этот подход зачастую приводит к тому, что он не может вовремя преодолеть библиографический барьер, и написание диссертации заканчивается на первой обзорной главе. Есть второй сценарий — для особо одарённых. Эти вообще ничего не читают и сразу приступают к подготовке диссертационной работы. Но здесь существует опасность «изобрести велосипед», на котором человечество уже давно ездит.

— Зачем, Григорий Борисович, вы это всё мне рассказываете?

— А затем, что ты, по моему ощущению, ещё не выбрал, каким путём идти. Учти: время в аспирантуре не идёт, оно летит. И я тебе на основании собственного опыта вот что скажу. Трёхлетний срок обучения — хочешь ты этого или не хочешь — распределяется

следующим образом. В первый год вся информация, касающаяся темы диссертации, сгребается аспирантом в одну большую кучу. Во второй эта «куча» им постепенно растаскивается, появляется осмысленный план действий и выполняются основные исследования. И только на третьем году обучения всё становится на свои места: аспирант завершает исследования и пишет диссертационную работу. При этом не следует забывать, что параллельно с выполнением работы он должен готовить публикации в различные печатные издания.

— Теперь мне всё понятно, Григорий Борисович.

— Всё, да не всё, дорогой Алексей. Остался самый главный вопрос, который мы с тобой не обсудили: как организовать защиту диссертации.

Григорий Борисович сделал многозначительную паузу, а затем продолжил:

— Могу сказать, что подготовить защиту диссертации аспиранта и успешно её провести — весьма непростое и ответственное дело. Но до этого ещё нужно дожить. Ты всё понял, что я тебе сегодня сказал?

— Понял.

— Тогда последнее. Запомни на всю жизнь: кафедра — самая важная ячейка в структуре любого высшего учебного заведения, и к ней нужно относиться с соответствующим уважением. А не выходить с таким сообщением, какое ты сделал вчера.

5.4

Но в этом утверждении Григорий Борисович был не совсем прав. Кафедра кафедрами, но не менее серьёзные вопросы решались рядом с кафедрой — у заведующего лабораториями Владимира Фёдоровича Болдырева. Все знали, что, если заведующий кафедрой Васнецов говорит нужно подумать, он обязательно пойдёт посоветоваться по данному вопросу с Владимиром Фёдоровичем. Васнецов и Болдырев пришли на кафедру в одно и то же время, после войны, и создавали её, как говорится, в четыре руки: один закладывал научные основы, другой — материально-технические. Все это знали и уважали обоих, каждого по-своему.

Владимир Фёдорович Болдырев называл свой кабинет — совсем немалый по площади — «каморкой», так как в нём из-за

чудовищной захламлённости негде было повернуться. В каморке было «всё», но найти в этом «всём» то, что было нужно, мог только сам Болдырев. Сухой, поджарый, всегда чем-то занятый, Владимир Фёдорович никогда не пользовался лифтом, а взбегал по лестнице на четвёртый этаж, где находилась кафедра. Казалось, что Болдырев знает ответ на любой жизненный вопрос, но в доверительные отношения вступал только с теми, кого по каким-то неизвестным никому признакам выбирал сам. К группе избранных с недавних пор был причислен и молодой аспирант Алексей Соловьёв. Болдыреву сразу понравился этот спокойный, выдержанный юноша, ничего никогда не требующий, а главное, ничего не берущий из лаборатории без разрешения.

В институте Владимир Фёдорович находился каждый день по двенадцать часов. С восьми утра до восьми вечера, включая субботу. В столовую никогда не ходил, а ел прямо в кабинете то, что принесил из дома. В течение дня обязательно съедал большую головку лука. Все знали, что у Владимира Фёдоровича внутри его кабинета есть ещё одна маленькая комнатка, где он отдыхает, закрывшись на ключ. Иногда в эту комнатку он приглашал — попить чаю и поговорить «за жизнь» — кого-нибудь из своего близкого круга, в который входили разные люди — от профессора до лаборанта. Но это нужно было заслужить особо. В его кабинете категорически запрещалось распивать спиртные напитки и курить. Первый запрет он мотивировал тем, что выпивке не место в «храме мозгов», как он называл МВТУ имени Баумана, а второй — что, будучи заядлым курильщиком, сам чуть не умер после ранения.

Однажды Болдырев остановил Алексея в коридоре и обратился к нему с вопросом:

— Молодой человек, если у вас будет пара свободных минут, можете зайти ко мне?

— Когда?

— Да хоть сегодня. После обеда вас устроит?

— Конечно.

— Ну и хорошо.

5.5

Болдырев был умным, образованным, «обкатанным» жизнью человеком, который мог любую проблему разложить, как говорится, по

полочкам. Во время войны он служил в полковой разведке. Начальство неоднократно предлагало ему закончить офицерские курсы, но он всегда отказывался, довольствуясь должностью командира отделения. В 1943 году, вернувшись в свой полк из госпиталя после тяжёлого ранения, старший сержант Болдырев уже не мог больше участвовать в выполнении оперативных заданий и ходить за линию фронта. Тогда ему, в порядке исключения, было присвоено звание младшего лейтенанта, и он был назначен командиром группы аналитического планирования боевых действий батальона.

Как бывший разведчик, Владимир Фёдорович прекрасно разбирался в людях. Ему было достаточно даже не поговорить с человеком, а просто послушать его, чтобы составить о нём исключительно точное мнение.

Лёша не знал, по какому поводу его приглашает к себе Владимир Фёдорович, но в любом случае был доволен тем, что на него обратил внимание такой человек.

— Заходи, не стесняйся, — услышал он голос Владимира Фёдоровича, когда осторожно постучал в дверь «каморки». — Проходи, садись. Ничего, что я с тобой на ты? Я так со всеми.

— Ничего. Конечно, ничего.

— Сейчас я сделаю чай, а потом поговорим о наших делах. Кстати, мы с тобой заочно знакомы.

— Каким образом?

— Советовались тут со мной — брать тебя в аспирантуру или не брать. Что-то вызывало у руководства дополнительные вопросы. По-моему, твоё отчество.

— Натанович? — усмехнулся Лёша.

— Ну да, вспомнил. Точно отчество.

— Мой отец, Натан Захарович Соловьёв, полковник в отставке, прошёл всю войну. Награждён многими боевыми орденами и медалями. Так что таким отцом, как у меня, можно только гордиться.

— И гордись, какой разговор. Я вот тоже всю войну провоевал. Закончил её под Веной. А вообще, пошли они все к Фене Ананьевне. Давай я тебе лучше чая налью.

Оба на некоторое время замолчали, как бы обдумывая щекотливую тему, которой только что коснулись. Первым нарушил молчание Владимир Фёдорович.

— Ну и, чтобы закрыть этот вопрос, скажу тебе по секрету: тебя приняли в аспирантуру не только потому, что ты такой умный, а

потому что выписку из протокола заседания кафедры подписал второй секретарь парткома института доцент Мальшев, который исполнял в то время обязанности заведующего кафедрой. Ну да ладно. Я тебя по другому вопросу к себе пригласил. Говорят, ты недавно женился?

— Да не так уж и недавно. Восемь месяцев назад.

— Ну, если счёт у тебя идёт на месяцы, — это недавно. Вот мы с Феней Ананьевной уже серебряную свадьбу отыграли.

Лёша непонимающе вытаращил глаза, так как буквально минуту назад Владимир Фёдорович послал всех по этому «адресу».

— Не обращай внимания, — махнул рукой Болдырев. — Это у меня что-то вроде фигуры речи, ещё с фронта. Моя жена — Фёкла Ананьевна, а я её называю Феня. Она в войну сестрой милосердия была и выходила меня после тяжёлого ранения. Так вот, когда мне в госпитале было уж совсем худо и не было сил терпеть боль, я этими словами вроде как ругался. И знаешь, помогало. Так о чём мы с тобой говорили?

— О женитьбе.

— Да, правильно. Дело в том, что женитьба, уважаемый, — это не просто запись акта нового гражданского состояния, который фиксирует переход мужчины и женщины из одного статуса в другой. Это действие, наделяющее его участников новыми серьёзными обязанностями и правами в обществе. Более того, этим актом государство всем своим структурам объявляет, что в его составе появилась новая и очень важная ячейка.

— Извините, Владимир Фёдорович, откуда у вас такие формулировки? Прямо статья из кодекса.

— А я до войны почти закончил юридический факультет Львовского университета — с пятого курса ушёл добровольцем на фронт. С юриспруденцией в последующие годы никаких дел не имел, а вот в голове многое засело. В Москву попал случайно — перетащил сюда один фронтовой дружок. Начинал с работы в котельной нашего института. Там же мы с Феней на топчане и спали. Были счастливы, когда получили двенадцатиметровую комнату в коммунальной квартире на шестнадцать жильцов. Ну да ладно, чего вспоминать. Давай вернёмся к твоей женитьбе, которую ты, как мне кажется, зря скрыл от кафедры.

— Почему зря?

— Потому что, во-первых, мы бы организовали тебе хороший

подарок. Люди на нашей кафедре работают не бедные и внимательные. Кроме того, может быть удалось даже выписать через профком немного тебе денег, в качестве материальной помощи. А во-вторых, погуляли бы на нормальном мероприятии, а не на протокольном банкете по поводу появления на свет очередного «научного чуда».

— Ну не всегда протокольном? Вот Хуангу, вьетнамскому аспиранту профессора Комарова, посольство не захотело оплачивать ресторан, так он сам на следующий день после защиты принёс на кафедру бутылку вина, батон колбасы и три плавленых сырка. Правда, ему потом объяснили, что на всех аспирантов такого количества спиртного, мягко говоря, маловато. Но, думаю, что он так и не понял, о чём идёт речь.

— И хорошо, что не понял. Нечего на кафедре алкоголь распивать. Кстати, Лёша, а кто у тебя жена?

— Алиса Батуева, студентка пятого курса нашего института. Она не захотела переходить на мою фамилию в память об отце, которого, правда, никогда не видела. Он погиб на войне с Японией осенью 1945-го, когда ей было всего полгода.

— Батуева, Батуева... А кто она по национальности?

— Бурятка.

— Да что ты говоришь? Вот так дела. А у меня Фёкла украинка. Хорошо. Эту тему мы с тобой обсудим как-нибудь в следующий раз. Заходи, когда будет время.

Своей искренностью и скромностью Лёша произвёл на Болдырева хорошее впечатление. До этого он слышал об аспиранте Соловьёве разные, в основном положительные отзывы, но сегодня смог составить, наконец, свое мнение. И тем не менее, будучи человеком осторожным и осмотрительным, привыкшим всегда и во всём разбираться до конца, Владимир Фёдорович не поленился после разговора с Алексеем сходить в деканат факультета, на котором училась Алиса, чтобы получить подтверждение тем фактам, о которых вскользь упомянул он в своём рассказе. Прежде всего, это касалось биографии его молодой жены. И когда он узнал из личного дела Алисы, что студентка Батуева — сирота, воспитывалась в детском доме, успешно окончила среднюю школу и техникум в провинции, а затем поступила в столичный вуз, его тёплое отношение к молодой семье утвердилось окончательно.

5.6

Прошло уже больше двух лет, как Алексей Соловьёв поступил в аспирантуру. Работа над диссертацией шла с переменным успехом. Один день ему казалось, что всё хорошо, на другой он в панике начинал листать свои прошлогодние записи, пытаясь найти логичский переход от одних результатов к другим. Сейчас, сидя за маленьким столиком у окна и повернувшись спиной ко всему миру, Лёша думал о том, что до конца аспирантуры осталось меньше года, а у него до сих пор не выстраивается диссертация.

В стекле окна отражалась вся их комната. Лёша видел, как степенно ходит по комнате Алиса, придерживая руками большой живот. Вот она подошла к шкафу, что-то взяла оттуда и направилась к кровати. Ему показалось, что это были какие-то детские вещи. Алиса разложила их на подушке и некоторое время внимательно рассматривала.

— Соловьёв, что ты за мной всё время следишь, вместо того чтобы заниматься делом?

— Во-первых, я не слежу за тобой, Лисичка моя, а смотрю — как бы ты не оступилась. А во-вторых, думаю, что нам с тобой в нашей непростой ситуации делать?

— В смысле?

— В смысле, что нас в этом году ожидает.

— И что же нас такое ожидает, дорогой мой муженёк?

— Будто ты не знаешь?

— Не знаю.

— Перечисляю: защита моей диссертации — раз, защита твоего дипломного проекта — два, рождение ребёнка — три, исход из общежития — четыре...

— Тогда ещё приплюсуй сюда поиск для меня места работы.

— Что ты всё, Алиска, ехидничаешь?

— Да не ехидничаю я вовсе, Соловьёв, а рассуждаю. Из приведенного тобой списка проблем единственно серьёзной является рождение ребёнка, а всё остальное — мелкая ерунда. Хотя и это случится без нашего с тобой участия. Тебе же, чтобы собрать в кучку свои гениальные мозги и с блеском завершить диссертацию, я предлагаю взять в профкоме путёвку в подмосковный дом отдыха и поехать покататься на лыжах.

— У меня другое предложение. Может, тебе оформить акаде-

мический отпуск? Спокойно родишь ребёнка, да и мне поможешь, если будет необходимость, с подготовкой и защитой диссертации?

— Никакого академического отпуска не будет. Нам сейчас нельзя расслабляться. Наоборот, в режиме повышенной нагрузки мы всё преодолеем наилучшим образом. Я по своему детдомовскому прошлому знаю: время — это категория, которой можно управлять. И тогда у тебя всё получится.

— Сражён. Намертво сражён. Ты почему у меня такая умная?

— А ты что думал, на дура женился? Да ещё так быстро. Никогда не забуду, как ты на второй день нашего знакомства заявил: если не вижу нормальной реакции девушки на мои анекдоты, я с ней расстаюсь... Ишь ты, шустрый какой. Проверил меня на понятливость.

— Правильно, а чего церемониться.

— Ай-ай... Какие мы самоуверенные. Как у нас, Алексей Натавович, всё серьёзно. Ладно. Завтра зайду в профком и попрошу для тебя путёвку в наш студенческий пансионат.

Лёша подошёл к жене, аккуратно приподнял её и медленно покружил, сообразно её положению. Потом так же бережно поставил на пол и неожиданно громким голосом заявил:

— Есть хочу.

— Понятно. Этот инстинкт у мужчины срабатывает в любом состоянии и в любой ситуации. Ладно, садись за стол, накормлю.

5.7

Уже третий день Лёша жил в подмосковном студенческом пансионате. Был конец февраля. Солнце хотя и пробивалось сквозь редкие облака, но ещё не грело. Лёша взял напрокат лыжи и каждый день по несколько часов ходил на них по прекрасному подмосковному лесу. Снега в лесу было достаточно. Ветер раскачивал верхушки деревьев, но внизу царили тишина и покой. Отдыхающих в пансионате, судя по количеству обедающих, было мало, а на лыжной трассе и вовсе почти не было. Это объяснялось тем, что студенты после зимних каникул уже вернулись на занятия, а любители профессионального катания предпочитали в это время года Домбай или Чегет. Лёше нравилось лесное безлюдье, когда никто не обгоняет тебя, не идёт навстречу, когда ты не должен никому уступать лыжню. Ему замечательно дышалось и думалось.

Хотя думалось совсем не о том, о чём хотелось. В пансионат Лёша приехал по настоянию Алисы, чтобы, как она выразилась, «прветрить голову». Но этого-то, к сожалению, как раз и не происходило. Мысленно он постоянно возвращался к ситуации в семье. Куда ехать после его защиты диссертации и получением Алисой диплома? Тем более с ребёнком, который должен вот-вот родиться. Её категорический отказ оформлять академический отпуск при невозможности дальнейшего проживания в общежитии значительно осложнял ситуацию. Своим решением Алиса перекладывала всю ответственность за семью на него. И здесь у Лёши было два пути. Первый — обратиться в производственное объединение в Калининграде с просьбой взять его на работу с предоставлением жилплощади, как ему и предлагалось три года назад. Но этот вариант был весьма проблематичен, так как после поступления в аспирантуру ему было отказано даже в том, чтобы он использовал объединение в качестве базового предприятия при защите диссертации. Второй — свободное распределение и отъезд в Ростов-на-Дону с последующим проживанием у родителей.

Лёша специально выбирал лыжный маршрут таким образом, чтобы побыть одному. Но в последнее время на его пути, как нарочно, по нескольку раз в день встречалась молодая пара: высокий парень в зелёном спортивном костюме без головного убора и девушка в ярком сине-красном комбинезоне и вязаной шапочке. Весёлые, ловкие, они обращали на себя внимание своей красотой и жизнерадостностью. Глядя на них, Лёша вспомнил, что профессионалы на лыжах не катаются, а бегают. Эта пара на хорошей скорости, со смехом его регулярно оббегала. При этом ему ни разу не пришлось сойти с лыжни, чтобы дать им дорогу. Видно было, что оба хорошо владеют лыжами, но особое восхищение вызывал парень. Широким шагом на каких-то особенных лыжах, без палок, он несколько раз легко обходил Лёшу.

Однажды после утренней прогулки он встретил этих ребят у входа в свой корпус и спросил молодого человека:

— Вам не холодно в одном тонком костюме и без шапки кататься на лыжах?

— Нет, что вы? Здесь всего пять градусов мороза, а у нас сейчас температура где-то минус тридцать пять.

— У вас — это где?

— В Норильске. У нас лыжный сезон ещё не скоро начнётся. Аж в конце апреля.

— Это почему так?

— Сейчас в Норильске полярная ночь. Очень холодно. Сильный ветер буквально вырезает лицо.

— Интересная жизнь. А когда наступает тепло? Лето у вас есть?

— Конечно, есть, — и норильчанин громко рассмеялся. — Двенадцать месяцев зима, остальное лето.

Так помаленьку и разговорились. Молодые люди — Илья и Лена — оказались молодожёнами. В Подмоскowie приехали на свои небольшие деньги в отложенное «свадебное путешествие». Всё у этих ребят, как в отношениях друг с другом, так и в жизни было понятно и просто. Для более тесного знакомства они пригласили Лёшу после обеда в гости в свою комнату, на чай с мятой. С этого дня Илья, Лена и Лёша проводили всё время вместе — встречались утром на лыжне и не расставались уже до самого вечера.

5.8

Илья Золотой родился в Норильске. Отчество ему записали Ефимович, хотя его отца, еврея из украинского местечка, звали Файвус. В Норильский исправительно-трудовой лагерь Файвус попал в восемнадцатилетнем возрасте в 1940 году. За «диверсию на водном транспорте» его приговорили к двенадцати годам строгого режима. В результате страшных побоев лагерной охраной Файвус стал стопроцентным инвалидом. Выходила его и вернула к жизни по большой любви неграмотная эскимосская женщина Клава Потапова, которая впоследствии стала его женой. Их единственный сын Илья до семи лет практически всё время жил в стойбище. Он свободно говорил на ненецком и долганском языках. С раннего возраста хорошо ходил на лыжах, умел управлять собачьей и оленьей упряжкой.

Когда умер муж, не дожив года до своего сорокалетия, Клава отдала сына в норильскую школу-интернат, где обучение велось на русском языке. После успешного окончания школы и получения аттестата зрелости Илья отслужил в рядах Советской армии. Смышлёного, всё умеющего делать своими руками парня командование полка уговаривало остаться на сверхсрочную службу, но он категорически отказался, мотивируя тем, что единственный

у матери сын. Вернувшись в Норильск, Илья Золотой пошёл работать на медный завод и поступил учиться на вечерний факультет Норильского технологического института.

Лена Стародубцева, как и Илья, тоже родилась в Норильске. Отец Лены, Николай Иванович Стародубцев, начальник горнопроходческого участка подземного рудника, познакомился со своей будущей женой Дарьей Степановой в 1951 году. Тихая, симпатичная девушка работала в техническом отделе рудника лаборантом. Николай Иванович был осужден за антисоветскую деятельность и сослан в Норильск в 1938 году. Статья была тяжёлая, пятьдесят восьмая, но он получил сравнительно небольшой срок — девять лет общего режима. «Вина» Николая Ивановича состояла в том, что он халатно отнёсся к поручению парткома — разместить в клубе портрет Сталина. То ли гвоздь был плохо забит, то ли стена оказалась трухлявой, но тяжёлый портрет вождя сорвался со своего места и упал на пол. Портретное стекло разбилось вдребезги, а с ним и жизнь мастера смены Коломенского паровозного депо Стародубцева. Все годы заключения Николай Иванович проработал на одном руднике в Норильске. Там и остался работать после освобождения из лагеря.

Со своим будущим мужем, Ильёй Золотым, Лена Стародубцева познакомилась в хореографической студии Дворца пионеров. Она была на класс его старше. Лене сразу понравился серьёзный мальчик с необычной внешностью: высокий, белолицый, но с узкими раскосыми глазами, характерными для малых народов Севера. Так как мама Ильи посменно работала санитаркой в городской больнице, он всю неделю жил в школе-интернате. В хореографическую студию Илья приходил два раза в неделю, а после занятий возвращался обратно в интернат. Молодые люди полюбили друг друга и после окончания школы поженились. Лена в браке оставила свою девичью фамилию, но жить переехала к мужу.

Илья с мамой Клавой жили в небольшой двухкомнатной квартире, которую получили от Норильского комбината ещё при жизни Файвуса. Клава приняла невестку с огромной радостью, но была огорчена тем, что Лена не перешла на их фамилию. После окончания школы Лена уехала учиться в Свердловский горный институт. После окончания института она получила распределение в Норильский технологический институт — ассистентом на кафедру механики, а затем в той же должности перешла на горную кафедру.

5.9

При каждой встрече новые друзья разговаривали обо всём на свете, легко переходя от поэзии к музыке, от спорта к путешествиям. Правда, говорили в основном Лёша и Илья, горячася и перебивая друг друга. Лена с обожанием смотрела на мужа, иногда вставляя в их разговор свои короткие реплики.

Из рассказов Ильи Лёша узнал, что тот все каникулы проводил у бабушки на севере Таймыра. Образованного, воспитанного мальчика, грамотно пишущего на русском языке, знал весь Долгано-Ненецкий национальный округ. К нему приезжали издалека, чтобы он объяснил на родном языке смысл тех или иных документов, помог написать ответ на письмо, правильно составить запрос для получения нужной справки. Местные жители любили собираться вечерами в бабушкиной яранге, чтобы послушать удивительные рассказы мальчика о Норильске и норильских достопримечательностях.

— Скажи, Илья, а твоя мама тоже была неграмотная? — спросил Лёша.

— Когда они познакомились с папой, да. А потом папа научил её читать и писать.

— А чем папа занимался?

— Папа был уникальный человек. До войны закончил гидрометеорологический техникум в Подмоскowie. По тем временам это считалось очень хорошим образованием. Но он, кроме этого, обладал энциклопедическими знаниями и великолепной памятью. Ему стоило один раз прочитать какую-нибудь книгу, чтобы через много лет пересказать её содержание почти дословно. А ещё папа умел предсказывать погоду. Эта удивительная способность спасала его в лагере от многих бед.

— В каком смысле предсказывать?

— В прямом. Он её чувствовал и мог дать метеорологический прогноз. Это очень ценная информация на Севере. Ею пользовались не только заключённые, но и лагерная администрация. До сегодняшнего дня учёные не могут дать объяснение этому феномену.

— А что ещё ты знаешь о папе?

— К сожалению, почти ничего. Он умер, когда мне было шесть лет. Как рассказывала мама, ему охранники в лагере отбили все внутренние органы и повредили голову, поэтому он вышел из зоны инвалидом. Дома я видел его всегда только лежащим. Он

приходил с работы и сразу ложился на диван. Архив комбината, где работал после освобождения из лагеря папа, даже сделал для него специальное раскладывающееся кресло, чтобы он мог в течение дня отдыхать. Он был незаменимый работник. Держал в голове информацию, которая отсутствовала даже в архивных документах.

— А за что его били охранники? — наивно спросил Лёша.

— За то, что еврей, — так же простодушно ответил Илья.

— А тебя, Илья, кто-нибудь бил или обзывал евреем?

— Да ты что? С моей-то внешностью — кто может подумать, что я еврей, — улыбнулся Илья.

— А ты сам чувствуешь себя евреем? — не отставал от него Лёша.

— Нет. Ненцем чувствую, а евреем нет.

— Ты извини, что я к тебе пристаю. Дело в том, что я тоже по папе еврей. И так же, как и ты, своё еврейство не чувствую. Думаю, что без знания языка и еврейских традиций эти ощущения прийти к человеку не могут. На пустом месте ничего не бывает. Должна быть соответствующая среда, еврейское окружение.

— А что, в мире есть еврейский язык? — удивился Илья.

— Есть. Иврит называется.

— Первый раз слышу. А искусственно такую среду можно создать?

— Думаю, что нет. Хотя однажды я почувствовал себя евреем. Это было на баскетбольном матче «Израиль — СССР» в Москве. Я смотрел на игру команд с профессиональной точки зрения, так как сам много лет занимался баскетболом. А рядом со мной сидел незнакомый пожилой человек и активно болел за Израиль. И вдруг в какой-то острый момент игры он непроизвольно схватил меня за руку и сильно сжал. При этом какая-то искра проскочила между нами, и у меня появилось чувство, что я еврей. Я даже стал тоже болеть за израильскую команду, которая, кстати, очень неплохо играла.

— Послушайте, сколько можно говорить о евреях? — подала голос молчавшая до этого Лена. — Мне скучно.

Ребята захохотали и стали наперебой извиняться.

— Хорошо, Лена, больше не будем. А вот скажи мне, — обратился к ней Лёша, — почему, окончив Свердловский горный, ты не поехала работать с молодым мужем в другое место, а вернулась

в холодный Норильск? Советский Союз большой, есть более комфортные для жизни города?

— Ну, это мой родной город. Я в Норильске родилась. Ты даже не представляешь себе, Лёша, что такое Север.

— А ты расскажи, чтобы я представлял.

— Об этом нельзя рассказать. Это нужно прочувствовать, прикипеть к Северу душой. И мороз тут не при чём. Это что-то глубоко интимное, исключительно твоё. Ты знаешь, что в день возвращения в Норильск, не важно откуда, я всегда испытываю необыкновенную радость. Какой-то необъяснимый душевный подъём. Будто мне предстоит встреча с чем-то очень близким и родным. Только моим.

— Хорошо. А твой муж испытывает такие же чувства, как и ты?

— Не знаю. Давай спросим его самого. — Илья отошел в этот момент в сторонку покурить.

— Илюша, скажи, что ты чувствуешь, когда возвращаешься в Норильск?

— Чувствую, что прилетел домой.

— Ну, вот и весь ответ.

5.10

Неделя отдыха в подмосковном пансионате пролетела незаметно. Всем нужно было возвращаться домой. Расставаясь с новыми знакомыми, Лёша условился, что Илья и Лена заедут к нему в гости, чтобы познакомиться с женой. Однако когда об этом узнала сама Алиса, на инициативу мужа она отреагировала крайне отрицательно.

— Лёша, ну куда ты приглашаешь людей? Я себя неважно чувствую, у тебя на носу защита. Кстати, я встретила сегодня в институте Григория Борисовича, и он попросил тебя сразу после возвращения в Москву с ним связаться.

— Я же договорился об отпуске... Может, что-то произошло за время моего отсутствия?

— Не знаю. Я просто передала тебе то, что он мне сказал.

— Хорошо. Завтра зайду на кафедру. Тем более что у меня тоже есть к нему вопросы.

Григория Борисовича на кафедре Лёша не застал и поэтому вечером позвонил домой.

— С приездом, Алексей, — бодрым голосом ответил по телефону Григорий Борисович. — Как отдыхалось в Подмоскowie?

— Спасибо, хорошо. Мне Алиса сказала, что вы обо мне спрашивали?

— Да. Я прочитал твой автореферат. Возьми его у секретаря кафедры и посмотри мои замечания. А вообще, давай на следующей неделе, во вторник, встретимся. Приходи к пяти часам на кафедру, и мы обо всём поговорим.

Четвёртый вторник каждого месяца был днём заседания кафедры. В этот день преподаватели и аспиранты собирались вместе, чтобы обсудить вопросы учебной и научной жизни. Во все остальные вторники после пяти часов вечера на кафедре, как правило, никого не было. Когда Лёша зашёл в кабинет, Григорий Борисович сидел один за своим рабочим столом.

— Заходи, Лёша. Присаживайся. Как настроение?

— Нормальное.

— Ну и прекрасно. Тогда давай обсудим наши дела. Автореферат с моими замечаниями ты у секретаря забрал?

— Забрал. Но там нет никаких замечаний.

— Правильно. Потому что всем своим авторефератом ты наглядно продемонстрировал, как не надо его писать.

— В каком смысле?

— В прямом. Моё отношение к твоему автореферату — одно большое моё замечание.

— Не понял, о чём вы говорите, Григорий Борисович?

— Не понял? Так я тебе сейчас постараюсь всё разъяснить, только ты слушай меня внимательно. Главное в автореферате — это грамотный и корректный стиль изложения материала, чтобы нельзя было за что-нибудь зацепиться. Со стилем у тебя всё более или менее в порядке. Но в целом автореферат — от начала до конца — это гимн себе любимому: «я решил», «мною установлено», «мне представляется» и т. д. У прочитавшего его человека возникает впечатление, что до тебя никто и ничего в нашей науке не сделал. А теперь ответь мне на несколько риторических вопросов. Тебя привели в проблему или ты сам туда случайно забрёл? Тебе кто-то помог сформулировать задачу исследования или это произошло автоматически? Для тебя кто-то добывал деньги на проведение исследований или ты обеспечивал себя самостоятельно? Тебе кто-то редактировал статьи или они из-под твоего пера сразу выходили

готовыми к публикации? И это, уважаемый, мы ещё не подошли с тобой к завершающей стадии твоей аспирантской деятельности — защите диссертации.

Лёша с испугом смотрел на своего научного руководителя. В таком возбуждённом состоянии он его ещё не видел. В разговоре Григорий Борисович всегда был предельно вежлив. Иногда позволял себе шуточный тон, но чтобы так нервничать — никогда. Последней фразой, произнесённой особенно эмоционально, он как будто припечатал своего ученика к столу.

— Григорий Борисович, вы зря меня так ругаете. Я написал в автореферате только о тех результатах, которые сам получил. Что же тут плохого?

— Не возражаю, что это все твои результаты. Иного и быть не может. Твоя диссертация. Но есть одно важное обстоятельство: если ты чего-то и достиг в науке, то этим ты обязан, прежде всего, научной школе. Данный момент должен найти доминантное отражение в автореферате. Это она тебя приняла в своё лоно и сформировала как молодого учёного. Это она тебя все годы бережно вела и подсказывала, что делать и как себя вести.

— Я об этом никогда не забывал.

Но Григорий Борисович как будто не слышал робких оправданий Лёши, продолжая говорить.

— Хочу сказать тебе несколько слов ещё об одном моменте. Диссертацию, как правило, читают только официальные оппоненты. Остальные знакомятся с ней через автореферат. И я не позавижу никому, если кто-нибудь из тех, кто видел твой автореферат, захочет посмотреть ещё и диссертацию. Однажды профессор Бобров, председатель нашего Учёного совета, сказал прекрасную фразу: «При желании с любого аспиранта во время защиты диссертации можно несколько раз снять штаны и забыть их снова надеть. Но, как правило, Учёный совет — из уважения к научному руководителю и официальным оппонентам — этого не делает». Кстати, сколько у тебя, Лёша, публикаций?

— Шесть.

— И все в соавторстве?

— Да.

— А ты попробуй написать хоть одну статью и отослать её в серьёзную редакцию только под своей фамилией.

— И что будет?

— А то, что это ещё большой вопрос — примут её к рассмотрению или нет. Если и примут, то будешь ждать её публикации как минимум несколько лет, а у тебя защита на носу.

— Почему?

— Потому что научное сообщество, как и всякое другое в мире, живёт по своим неписаным, но определённым законам. Я сейчас не буду всё это тебе рассказывать. Придёт время, сам узнаешь. Скажу только, что в этом сообществе существует одно очень важное понятие — научный авторитет. Сначала его нужно заработать тяжёлым трудом в течение долгих лет, а уж потом он начинает работать на тебя. Приведу один пример. Как известно, каждая статья перед публикацией в серьёзном журнале проходит через анонимного рецензента. Так вот высшим уровнем доверия к научной репутации автора статьи является фраза: «Фамилию рецензента автору можно сообщить». При этом неважно, рекомендует он её к публикации или нет.

— Ну и что же здесь особенного, Григорий Борисович? Я не понял.

— Тогда на этом нашу беседу, Лёша, мы сегодня заканчиваем. Автореферат следует полностью переделать. Срок тебе — две недели.

5.11

Несколько дней Лёша мучительно размышлял, почему — впервые за много лет их совместной работы — Григорий Борисович так жёстко с ним говорил? Чем он настроил против себя научного руководителя? Почему ему так решительно не понравился автореферат? Ведь он писал его по общепринятым канонам. Лёша тщательным образом несколько раз проверил весь текст, но не мог, как ни старался, найти причину гнева Григория Борисовича. Может он что-то сделал не так, куда-то влез, кого-то нечаянно задел? И вдруг Лёша вспомнил.

Это было 31 декабря прошлого года. Он с Виктором, аспирантом его кафедры, тоже третьего года обучения, зашёл в кафе на станции метро «Бауманская». Настроение было предновогоднее, праздничное, но разговор между ними шел, в основном, о предстоящей защите диссертации. Виктор жаловался, что его научный руководитель постоянно находится в командировках и его работа

над авторефератом из-за этого стоит. На что Лёша ответил, что он вообще всё делает сам, без научного руководителя, и не видит в этом ничего страшного. Видимо, его слова каким-то образом дошли до Григория Борисовича, и тот решил просто поставить его на место.

Только с третьего раза Григорий Борисович согласился с вариантом автореферата, который подготовил Лёша.

— Ладно. С этим теперь более или менее понятно. Перейдём к вопросу выбора и приглашения официальных оппонентов. Как я тебе говорил после зачисления в аспирантуру, подготовка диссертации — это трилогия. Каждая часть имеет важное самостоятельное значение. Первая — выполнение исследований, вторая — написание диссертации и, наконец, третья — её защита. Временные затраты, естественно, на каждую часть разные. Первые две части — результат работы исключительно самого аспиранта, а вот третья — это сложная многофакторная композиция, где основная роль принадлежит научному руководителю. При защите кандидатской диссертации соискателю даётся на доклад только двадцать минут. За это время он должен, используя демонстрационные листы, убедить Учёный совет в том, что достоин присуждения учёной степени. Но его доклада, как правило, недостаточно.

— Но все члены Учёного совета до этого читали его автореферат? — решился, наконец, задать вопрос Лёша.

— Конечно, читали. И тем не менее, даже при самой блестящей работе после соискателя учёной степени выходит его научный руководитель и объясняет Учёному совету, что это юное дарование в своей работе сделало.

— Ну, бывают же исключения, когда аспирант сам всё толково рассказал? — робко спросил Лёша.

— Бывают, но дело здесь даже не в выступлении соискателя, а в мышлении Учёного совета. Члены совета видят соискателя, может быть, в первый раз, да и публикаций у него раз-два и обчёлся. А научного руководителя и официальных оппонентов они знают давно и их мнению доверяют.

— Неужели так всё сложно, Григорий Борисович?

— Гораздо сложнее, чем ты себе представляешь. Научному руководителю нужно, во-первых, найти оппонентов, которые соответствовали бы номеру специальности, а во-вторых, подобрать их таким образом, чтобы они не имели в Учёном совете явных

недоброжелателей. Ну и, конечно, были достаточно авторитетны для Высшей аттестационной комиссии.

— И где же, при таком раскладе, место самой диссертации, а главное, личности диссертанта? — в недоумении спросил Лёша.

— Хороший вопрос. Но ответ на него очень простой: во-первых, соискатель должен иметь хорошую диссертацию. Без этого вообще не о чем говорить. А во-вторых, умно себя вести и слушать своего научного руководителя. Сейчас, Алексей, защита твоей диссертации выходит на этап отношений между людьми, а это очень тонкое и деликатное дело. Ты понял, о чём я тебе говорю?

— Понял, Григорий Борисович, всё понял.

Посвежевший и отдохнувший после пансионата, Лёша чувствовал, что в состоянии быстро завершить подготовку диссертации к защите. Во всяком случае, доклад перед Учёным советом, который он мусолил в течение нескольких месяцев перед отпуском, Лёша написал в окончательном варианте за две недели.

Глава 6. Новые горизонты

6.1

Александр Николаевич Воронов в свои пятьдесят пять лет никак не выглядел стариком. Его гладкое загорелое лицо и молодые блестящие глаза очень гармонировали с седой бородой. Сухощавый, подтянутый, он всегда ходил с прямой спиной и, даже сидя, никогда ни на что не опирался. Длительное отсутствие книг, к которым Воронов привык с самого детства, сформировали особый стиль его общения с людьми. Он так выразительно слушал каждого человека, что с ним хотелось говорить бесконечно. Воронов не просто слушал — он упивался человеком, стараясь получить от него максимум информации, не пропустить ни одной, даже самой мелкой детали. Его глаза — внимательные, чистые, всё понимающие — участвовали в разговоре отдельно от него, вызывая собеседника на откровенность. В конце разговора Александр Николаевич обязательно задавал человеку несколько вопросов, которые показывали, как глубоко он проник в суть его рассказа. Удивительным качеством Воронова было и то, что он никогда, ни при каких обстоятельствах не комментировал услышанное. Просто был бесконечно благодарен любому человеку за беседу.

В отличие от Воронова, Николай Семёнов был молчуном. Он и с Александром Николаевичем общался только тогда, когда информацию уже нельзя было передать жестами. Иногда они не разговаривали друг с другом по нескольку дней. Николай никогда не сидел без дела и всегда был чем-то занят. Но для него это не было работой, а естественным способом существования, ежеминутной потребностью что-то конструировать, изменять, создавать. Николай окончил всего четыре класса сельской школы. После занятий всегда торопился домой, где его ждал отец с разными мелкими поручениями. Отец занимался ремонтом всего, что приносили ему односельчане — от часов до сенокосилки. Это требовало умения и смекалки. Сначала Николай работал под присмотром отца, а потом всё стал делать самостоятельно. Рядом с отцом он научился всем ремёслам, в том числе самым сложным столярным и слесарным работам. Иногда его с отцом приглашали что-то отремонтировать в соседних сёлах. Тогда они запрягали в подводу свою единственную лошадь Матрёну,

которой было столько же лет, сколько Николаю, и уезжали на несколько дней. По этой причине Николай часто не ходил в школу.

В первые годы совместной жизни Воронов, видя пробелы в образовании Николая, писал для него коротенькие рассказы, заставляя их переписывать и пересказывать. Когда же в доме появились книги, Александр Николаевич подбирал для Николая лёгкие тексты, и длинными зимними вечерами они с удовольствием вместе обсуждали прочитанное. В свою очередь, Николай обучал Воронова премудростям тех ремёсел, которыми сам владел. В результате их совместной работы в доме появилась печь оригинальной конструкции с обогревом во всех комнатах, паровой котёл и вполне приличная мебель. А ещё через некоторое время Александр Николаевич сделал проект бани с подробными эскизами всех элементов. Его инженерную мысль Николай воплотил в жизнь — всё банное оборудование было сделано его руками. Но особенно они любили мастерить вместе что-нибудь оригинальное, чего нигде не встретишь. Так, Александр Николаевич и Николай придумали «певучие окна», в которых вместо стекла использовали выделанную кожу дикой утки. Зимой, когда за окном бесилась пурга, кожа под напором ветра «пела» на разные голоса. С одной стороны, это развлекало хозяев, а с другой, отпугивало рыскающих вокруг дома голодных зверей.

6.2

Доктор технических наук, профессор Владимир Петрович Прохоров приехал в Норильск в 1966 году по весьма прозаической причине. Ему просто негде было приткнуться в собственном доме. Вернее, он сам себя лишил двухкомнатной квартиры, в которой прожил много лет с женой и дочерью. Жена умерла, а дочь вышла замуж и привела в дом своего мужа. А ещё через год в семье дочери появилась двойня — замечательные детки, шумные и крикливые. Сначала Владимир Петрович решил не мешать молодым и стал снимать в соседнем доме комнату, а потом придумал открыть для себя новую страницу жизни. Написал ректору Норильского технологического института письмо и получил приглашение на работу. В Норильске ему дали от института однокомнатную квартиру. Он купил всю необходимую обстановку, но домой приходил только ночевать. Всё остальное время Владимир Петрович проводил в институте и был от этого безмерно счастлив.

А ещё профессор Прохоров влюбился в северную природу. Выросший в Краснодаре, где снег выпадал не каждый год и тут же таял, он часами мог гулять по городу. В особенности ему нравились в Норильске ранняя осень и начало весны. Первый чистый снег и приближающаяся полярная ночь, когда всё живое, кроме человека, прячется и замирает. А потом первое весеннее солнце и пробуждение природы. Гуси летят на север. Начинается лыжный сезон. И бескрайняя многовековая тундра. Тихое, мудрое пространство, без человеческой суеты, претензий и пороков.

В отпуск к дочери в Краснодар Владимир Петрович съездил за шесть лет жизни в Норильске всего один раз. Встретили его без особых эмоций. Внучки попросту не узнали. Когда он уезжал на Север, им не было ещё и двух лет. Зять, всегда чем-то занятой, с ним практически не общался. А дочка озаботилась только тем, где отец будет спать. В конце концов нашли прекрасный выход из положения — постелили дедушке на балконе, выставив туда старый диванчик. Весь день Владимир Петрович гулял по городу, встречался со старыми знакомыми, коллегами, учениками. Вечером, уставший, приходил домой и быстро засыпал, не обращая внимания на уличный шум.

Пробыв в гостях у дочери неполный месяц, Прохоров вернулся в Норильск. До конца отпуска у него оставалось ещё больше месяца, и это время он решил провести в тундре. Каждое утро Владимир Петрович брал рюкзак, клал в него закопчённый со всех сторон чайник, заварку и несколько бутербродов. Выходил из дому часов в десять утра. Проходил два жилых квартала и железнодорожные пути. Дальше уже начиналась тундра. Правда, грязная, замусоренная и без зелени. А до того места, которое облюбовал для себя Прохоров — рядом с двумя небольшими озерами, нужно было идти ещё около трёх часов. Дело было привычное, так как и в Краснодаре он никогда не пользовался общественным транспортом, передвигаясь по городу исключительно пешком. Домой Владимир Петрович возвращался около шести часов вечера и садился работать: читал книги, писал статьи, отвечал на письма. Телевизора у него никогда не было, так как он, считал Прохоров, только отвлекает людей от жизни и работы над собой.

6.3

Зимой от дома до своего любимого места Владимир Петрович добирался на лыжах, затрачивая на это меньше двух часов. Год назад он

обустроил себе в этом месте, за большим кустом, небольшой схрон. В нём держал чайник, кружки, сетку от комаров, запасные рукавицы и другую нужную мелочь. Чтобы кто-нибудь чужой в схрон не залез, приделал к нему замочек, который закрывался на ключ. Теперь Владимир Петрович мог налегке, без тяжёлого рюкзака, пройти ещё несколько десятков километров на лыжах и вернуться на свою «базу».

И всё было хорошо до того момента, пока в начале 1972 года Владимир Петрович не почувствовал неприятную боль в паху. Обратился к врачу и тот, определив начинающуюся грыжу, рекомендовал Прохорову не так рьяно заниматься лыжным спортом. Огорчился Владимир Петрович недолго и купил с рук подержанный снегоход «Буран». Как механик со стажем, проверил покупку со всех сторон и остался ею доволен. Теперь он мог часами ездить на снегоходе по любому снегу, забыв о медицинских противопоказаниях.

Как-то раз спустя год, отъехав от Норильска на приличное расстояние, Владимир Петрович попал в неприятную ситуацию. У снегохода сползла правая гусеница. Стал в чистом поле и не знает, что делать. Да и со снегохода сойти нельзя — можно с головой провалиться в рыхлый снег. На своё счастье Прохоров увидел невдалеке быстродвигающегося лыжника и начал махать ему рукой. В тундре никогда не бывает так, чтобы проехали мимо и оставили человека в беде. Лыжник развернулся и быстро подбежал к Прохорову.

— Что у вас случилось?

— Да вот. Одна гусеница развалилась.

— Сможете на одной гусенице поехать за мной? Кстати, меня Николаем зовут.

— Нет, не смогу.

— Тогда сделаем так. Давайте поменяемся с вами местами: вы станете на мои лыжи, а я пересяду на ваш снегоход и отгоню его на зимовье. Там мы починим вам гусеницу.

Когда Прохоров и Николай появились на зимовье, их вышел встречать Воронов. Александр Николаевич не любил незнакомых людей, а тем более незваных гостей. Он неодобрительно посмотрел на Семёнова, и взгляд его красноречиво говорил: «В нашем положении одно дело, когда тебя находят, а другое — когда ты сам кого-то приводишь». Однако Николай пригласил незнакомца зайти в дом погреться и выпить чаю.

— Профессор Прохоров, Владимир Петрович, — представился гость. — Работаю в Норильском технологическом институте. Вот, попал в беду. Благо, Николай встретился на моём пути. А то не знаю, что бы делал.

— Воронов, Александр Николаевич, — коротко отрекомендовался хозяин дома и прошёл за гостем в дом.

6.4

Беседуя с Вороновым, Прохоров высказал слова благодарности в адрес Николая, который выручил его из беды. Он много говорил о своей прежней жизни, институте, покойной жене. Но Александр Николаевич молчал, хотя его чистые умные глаза живо участвовали в разговоре.

— Извините меня за словоохотливость, но когда стоишь в тундре рядом с поломанным снегоходом, всякие мысли лезут в голову от отчаяния. А тут Николай, как подарок свыше.

— Значит, вы этот подарок своей праведной жизнью заслужили.

— Не думаю. Хотя живу на этом свете давно.

— А сколько вам лет, Владимир Петрович? — первый раз назвал хозяин гостя по имени-отчеству.

— Я 1913 года рождения. По норильскому закону уже могу быть на пенсии.

— Интересное дело. Оказывается, я младше вас на год.

— Неужели? А я думал, что вы старше. Это, по всей видимости, меня ввела в заблуждение ваша седая борода, — рассмеялся Прохоров.

— Наверное.

— Ну что ж, не буду отягощать вас своим обществом. Если Николай уже починил мой снегоход, потихоньку поеду домой.

— А вы не отягощаете, уважаемый профессор. Будем рады видеть вас у себя в гостях, если в следующий раз сможете самостоятельно найти к нам дорогу.

— Непременно ещё раз к вам приеду. Теперь я ваш должник.

— Долги мы принимаем только книгами.

— Понял. Ещё раз большое спасибо. До встречи.

Домой Прохоров ехал в прекрасном настроении. Снегоход работал как новый. Помимо того что Николай поставил на место гусеницу, он ещё подтянул и промазал все остальные блоки. Но сейчас

Владимир Петрович думал не о снегоходе, а о своём разговоре с Вороновым. Он не встречал в своей жизни человека, который так долго и внимательно слушал бы другого, не перебивая, не комментируя, не спеша высказать свое мнение. Прохоров привык к тому, что собеседники, как правило, думают и говорят каждый о своём. Люди, которые воспринимают тебя как себя самого, искренне сопереживая сказанному, встречаются весьма редко. И вот сегодня на долю Прохорова выпала большая удача — он побывал в гостях у такого человека.

Но что-то ещё зацепило Владимира Петровича. Какая-то интересная деталь, которую он зафиксировал, но не мог сейчас вспомнить. Да, конечно. В доме у двух одиноких мужчин был идеальный порядок. Такого, по определению, быть не может. Во всём этом, без сомнения, чувствовалась женская рука.

Александр Николаевич тоже думал о своем госте. Сегодняшний визитёр был несколько странный. Вроде бы профессор, но при этом какой-то задрипанный: небритый, в грязной рубашке, на которой не хватало верхней пуговицы. Совсем не похожий, в его понимании, на профессора. Сказал, что работает в Норильском технологическом институте. Значит, регулярно появляется перед аудиторией. А ведь от внешнего вида преподавателя и его манеры держаться зависит очень многое. Александр Николаевич вспомнил, как в Ленинградском политехническом институте им читал лекции по философии маленький горбатый профессор. Было такое впечатление, что все резервы организма ушли на конструирование головы, а на всё остальное просто не хватило материала. Но каков был внешний вид профессора: дорогой костюм, пошитый, естественно, на заказ, белоснежная рубашка с бабочкой. И потрясающее пенсне. Через это пенсне он смотрел на окружающий мир своими огромными умными всевидящими глазами, от которых невозможно было оторваться.

6.5

Илья Золотой и Елена Стародубцева подошли к зданию общежития МВТУ в два часа дня. Как до него добраться, Лёша подробно им объяснил, когда прощались в подмосковном пансионате. Не сбившись ни на одной из пересадок, молодожёны приехали точно по указанному адресу. Но на входе в общежитие их остановил дежурный вахтёр Василий Поликарпович, бывший военный.

— Вы к кому, молодые люди?
— К Алексею Соловьёву, — ответила Лена.
— Какая комната?
— Не знаю. Илья, Лёша тебе говорил номер своей комнаты?
— Вроде говорил, но я не запомнил.
— Извините, без этого я вас пропустить не могу. У нас студенческое общежитие особое. Режимное.
— Так мы тоже из закрытого города.
— Это из какого?
— Из Норильска. Сейчас мы вам свои паспорта покажем. Видите, у нас в паспорте даже есть печать — пограничная зона. Въезд только по пропускам.
— Ну, это меняет дело. Но всё-таки как вы будете искать своего Соловьёва? У нас ведь шесть этажей и больше двухсот комнат?
— Я вспомнила, — засветилась улыбкой Лена. — У него жена беременная.
— А, теперь понятно. Проходите. Комната 315.
Дверь открыл Лёша. На пороге с рюкзаками за спинами стояли его новые симпатичные друзья. А Илья ещё и с лыжами в руках.
— Привет. Как вас пропустили на вахте?
— Сказали, что идём к жильцу с беременной женой, и сразу пропустили, — пошутил Илья.
— Надо же. Нужно было меня вызвать на проходную, и тогда всё было бы без проблем.
— Конечно, нужно было. Если бы мой умный муж запомнил номер вашей комнаты, — пожала плечами Лена.
— Ну, всё. Проходите в комнату, раздевайтесь. Знакомьтесь — моя жена Алиса. А это наши норильчане — Лена и Илья.
Гости были совершенно не похожи друг на друга как внешне, так и в поведении. Светловолосая красавица Лена, неторопливо сняв пальто с меховым воротничком и аккуратно повесив его на вешалку, сразу стала искать зеркало. Не найдя его, поправила волосы рукой и только после этого подошла к Алисе для знакомства. Илья, улыбчивый стремительный парень с раскосыми глазами, прямо с порога заключил Лёшу в объятия. Не найдя свободного места на вешалке, бросил свой полушубок на пол, после чего, как фокусник, вынул откуда-то еловую веточку с маленькой шишечкой на конце и преподнёс её Алисе. Комната сразу наполнилась свежим запахом зимнего подмосковного леса.

— Можно я сниму сапожки, чтобы вам не натоптать? — спросила Лена.

— Конечно, можно, но у нас нет домашних тапочек, — извиняющимся тоном ответила Алиса.

— А нам и не надо. Илья, достань наши тёплые носки из рюкзака. В Норильске всегда холодные полы, и мы носим носки вместо тапочек.

— Ой, какие красивые! — искренне восхитилась Алиса.

— Правда? Хотите, я вам такие же свяжу и пришлю? И для маленького тоже, — предложила Лена.

— Конечно, хотим, — дружно ответили Лёша и Алиса.

— Договорились. Будет сделано.

— Садитесь на стулья, а мы с Алисой на кровать. Сейчас мы за наше знакомство выпьем, — предложил Лёша. — Я к вашему приезду приготовил бутылочку вина. Надеюсь, не возражаете?

— Возражаем, — сразу ответил Илья. — Мы ничего в цвете не пьём. Только белое — водку или спирт.

— Это как же понимать?

— А вот так и понимать. На севере пьют не из баловства, а для согрева. Отсюда и такое отношение к вину.

— К сожалению, у нас водки нет.

— Ничего страшного. С удовольствием будем пить чай, тем более что нам сегодня улетать.

В разговорах, шутках, анекдотах незаметно пролетело четыре часа. Прощались тепло, как старые знакомые. И Лена вдруг неожиданно предложила:

— Слушайте, ребята, а переезжайте к нам в Норильск жить? Нашему молодому городу специалисты нужны. На Крайнем Севере работают замечательные люди — честные, отзывчивые, добрые. Не пожалеете. А мы вам во всём поможем.

6.6

После отъезда норильчан прошла неделя, но слова Лены, сказанные на прощанье, не выходили у Лёши из головы. Что-то было в них новое — светлое, завораживающее. Связанное с загадочным краем, где всё — климат, люди, природа — другое. Жизнь в Москве с её бесконечной беготнёй, сутолокой, подсчитыванием копеек стала казаться ему пустой и бесперспективной. Вдруг сразу всё на-

доело: общежитие, библиотека, институтская столовая, постоянные разговоры о предстоящих защитах, публикациях, оппонентах. От этих тяжёлых мыслей Лёша никак не мог избавиться. С ними ложился вечером и вставал утром. Несколько раз собирался поговорить с женой, но не решался грузить её негативом, в котором пребывал сам. Неожиданно для него Алиса заговорила первой:

— Что-то ты, мой муженёк, ходишь последнее время сам не свой. Мне кажется, тебя всё время что-то гложет. Не хочешь ли поделиться со мной своими мрачными думами о нашей московской жизни?

— Да нет, всё более или менее в порядке.

— Не обманывай меня, Соловьёв. Я наизусть тебя знаю, хоть на музыку перекладывай.

— Ну, хорошо, Лисичка, давай поговорим. Только ты, я тебя очень прошу, не принимай близко к сердцу мои рассуждения.

— Хорошо, не буду.

— Вот смотри: я прожил в Москве почти десять лет, а москвичом так и не стал. Ну, изредка хожу в театр, на концерты, посещаю спортивные мероприятия. Но всё это не сделало меня более интеллектуально развитым или интеллигентным, в сравнении с тем, кем я был до приезда сюда. А вот московский темп жизни, постоянное безденежье и туманные перспективы, а также пустые разговоры, которые люди называют жизненными планами, утомили своей бессмысленностью.

— Красиво говоришь, Соловьёв. И что ты предлагаешь?

— А как ты смотришь, Лисичка, на то, что мы после моей защиты уедем из Москвы? Думаю, что большого ущерба такой поворот судьбы нам не принесёт.

— Так-то оно так. Но ты же учёный, Лёша. Тебе нужна соответствующая среда общения, хорошая библиотека, книжные магазины. А всё это может дать только Москва.

— Отчасти ты права. Но только отчасти. Я же теоретик, и моя среда обитания — письменный стол, ручка и чистый лист бумаги. А что касается общения с коллегами, так для этого в мире существуют научные конференции, семинары, публикации в зарубежных журналах, международные симпозиумы. Кстати, преподавательское общежитие, если меня оставят на кафедре, тоже далеко от Москвы — два часа в переполненной электричке. Да и материально мы на первых порах не очень продвинемся по сравнению с настоящим положением. Я имею в виду свою ассистентскую зарплату.

— Кстати, ты собирался съездить и посмотреть, что за комнату нам предлагают в семейном общежитии, — между прочим заметила Алиса.

— Да, собирался. На следующей неделе нужно выкроить для этого время. Может быть, там стоящее жильё и тогда нечего огород городить. А если нет, подумаем, что делать дальше.

6.7

Общежитие для семейных студентов и преподавателей МВТУ имени Баумана располагалось в двухэтажном деревянном доме в десяти минутах ходьбы от железнодорожной станции Кратово. Поговорив с вахтёром и показав аспирантское удостоверение, Лёша пошёл искать коменданта.

В небольшой комнате на первом этаже сидела немолодая женщина в наброшенной на плечи шубе. В ногах у нее стоял электрический обогреватель.

— Здравствуйте, могу я видеть коменданта общежития? — спросил Лёша.

— Да, можете. Что вы хотите?

— Я аспирант нашего института Алексей Соловьёв. Проживаю с женой в студенческом общежитии на Бауманской улице в Москве. Через месяц у нас должен родиться ребёнок. Руководство общежития предупредило меня, что я до лета должен освободить комнату и перебраться с семьёй в ваше общежитие. Приехал познакомиться.

— Считайте, что уже познакомились. Кораблёва, Лариса Дмитриевна. Ну что ж, получайте направление в хозяйственном управлении института и переезжайте. Общежитие у нас хорошее, жильцы спокойные. А какая у вас с женой прописка?

— Временная. У меня аспирантская, у жены студенческая. Меня оставляют работать на кафедре. Жена заканчивает в этом году наш институт и получает свободное распределение по семейным обстоятельствам.

— Хорошо, с этим будем разбираться, когда время подойдёт. Кстати, у нас в общежитии есть три семьи преподавателей — без определения срока проживания. Так что вам нескучно будет.

— Большое спасибо за информацию. Всего хорошего.

— До свидания.

В принципе Лёша получил вполне исчерпывающее представление об их будущем жилье в Подмосковье. Впечатление от общезжития у него осталось хорошее: недалеко от станции, народу проживает немного — не более пятидесяти человек. В здании чисто и тихо. Однако были и свои минусы. Поездка от Казанского вокзала до Кратово в одну сторону занимает около двух часов. В здании, по всей видимости, холодно и, следовательно, проживание с грудным ребёнком будет связано с серьёзными проблемами. Жизнь в общезжитии — как невзначай проговорилась комендант по поводу преподавательских семей — не имеет определённого срока. И если с двумя первыми условиями Лёша ещё мог как-то согласиться (в Москве тоже некоторые люди добираются долго до места работы, а комнату можно просто максимально утеплить), то третье — из-за его туманной перспективы — напрочь лишало переезд всякого смысла.

Погрузившись в свои невесёлые мысли, Лёша не заметил, как к нему в электричке подсел небритый подвыпивший парень.

— Слышь, интеллигенция, дай пару копеек.

— Не дам.

— Так ты ещё и жмот!

— Отвали, — вспыхнул Лёша.

— Чё ты сказал, козёл умный? — не унимался парень. — А ну выйдем, поговорим, — и потащил Лёшу за рукав к выходу из вагона.

— Хорошо, пойдём, если просишь, — не сопротивлялся Лёша.

Когда они вышли в тамбур, Лёша первым, как это делали в Ростове, ударил парня кулаком в грудь. Однако или удар был слабоват, или парень оказался крепкий, но на ногах он устоял и в свою очередь ткнул Лёше кулаком прямо в нос. А вот от второго Лёшиного удара в скулу парень, не удержав равновесие, упал, крепко приложившись затылком о тамбурную дверь. Потом, видимо испугавшись, встал и, яростно матерясь, отступил в другой вагон.

Алиса с нетерпением ждала возвращения мужа. А когда он зашёл в комнату с распухшим носом, прикрывая его запачканным в крови платком, она, увидев его, стала во весь голос хохотать, придерживая обеими руками живот.

— Ну, вот что я тебе скажу, Соловьёв. Когда тебе бьют морду, это верный признак того, что ты стоишь на пороге принятия какого-то серьёзного решения. Так было, когда ты завалился ко мне среди ночи, а потом через две недели переехал в мою комнату. Так, по всей видимости, обстоят дела и с нашим отъездом в Норильск?

— Умница ты моя. Накрывай на стол — выпьем с тобой по рюмочке за реализацию нашей идеи.

6.8

Пётр Васильевич Тихомиров, заместитель главного инженера Норильского горнорудного управления, стал ректором Норильского технологического института в 1965 году, как он сам всегда говорил, совершенно случайно. Выступая на одном из партийно-хозяйственных активов Норильского горно-металлургического комбината в прениях, он обратил на себя внимание городского комитета партии резкой критикой работы хозяйственных руководителей. При этом о недостатках он говорил в мягкой и неконфликтной манере, сразу же предлагая пути их устранения. Спокойный голос и уверенность в своей позиции убеждали слушателей в правоте его слов. Ни перед кем не заискивая и не оглядываясь на президиум, Тихомиров в конце своего выступления дал оценку деятельности горнорудного управления Норильского комбината за прошедший год.

На следующий день заведующий промышленным отделом Норильского горкома партии Александр Николаевич Попов попросил своего помощника подготовить для него краткую справку о коммунисте Тихомирове. В составленном помощником документе была следующая информация:

«Тов. Тихомиров Пётр Васильевич родился 18 декабря 1927 года в селе Серовка Читинской области. Отец, столяр по профессии, погиб на фронте осенью 1941 года. Мать, путевая рабочая, оставшись одна с пятью детьми, отправила старшего сына Петра к сестре в Норильск. В 1944 году Пётр Тихомиров поступил в Норильский горно-металлургический техникум, который окончил в 1948 году по специальности «Разработка рудных месторождений». В 1954 году защитил диплом инженера-механика во Всесоюзном заочном политехническом институте.

Тов. Тихомиров П. В. — грамотный и инициативный работник. Прошёл за одиннадцать лет после окончания института производственный путь от мастера участка до заместителя главного инженера горнорудного управления по новой технике. Открытый и доброжелательный человек. Член КПСС с 1954 года. Разведён, имеет двоих детей».

Ознакомившись со справкой, Попов по внутреннему телефону дал поручение своему секретарю:

— Света, пригласи ко мне, пожалуйста, завтра на 11 часов дня секретаря парткома горнорудного управления Николая Егоровича Шмакова.

— Хорошо, Александр Николаевич.

Шмаков явился в горком партии в точно назначенное время. После разговора на общие темы Попов спросил у Шмакова:

— Скажи, Николай Егорович, чем интересен, на твой взгляд, ваш Тихомиров?

— Пётр Васильевич — человек уникальный. Всегда в поиске оптимального решения для любой ситуации. И самое главное, что он это решение находит. За что бы ни брался, всё у него получается. Возглавил смену — она стала лучшей по руднику, назначили начальником участка — вывел его на первое место по управлению. Сейчас успешно работает в должности заместителя главного инженера рудника по новой технике, и думаю, что это для него не потолок.

— А как ты думаешь, справится он, если мы порекомендуем его на должность ректора нашего первого в городе высшего учебного заведения — Норильского технологического института?

— Не сомневаюсь, что справится. Только мне непонятно, Александр Николаевич, зачем успешно работающего руководителя выводить из производственного процесса и направлять неизвестно куда. Кому от этого польза?

— Это хорошо, что ты горой стоишь за своих людей. Но эффективность производства определяется в значительной степени кадрами, которые кто-то должен готовить.

— Да он сам не захочет никуда от нас уходить. Я в этом совершенно уверен.

— Ничего, мы с ним поговорим. Объясним важность задач, стоящих перед Норильским комбинатом, и он согласится. От партийных поручений, сам знаешь, Николай Егорович, не отказываются. Только у меня к тебе просьба: с Тихомировым пока ни о чём не говори. Я сам.

6.9

Предложение стать ректором Норильского технологического института повергло Петра Васильевича Тихомирова в шок. Все его возра-

жения, что он не знаком с системой высшего образования, никогда в жизни не занимался преподавательской или научной деятельностью, да и вообще не хочет уходить со своей работы, были отмечены. В конце декабря 1965 года бюро Норильского горкома партии утвердило его в новой должности. А ещё горком партии принял постановление, в котором было отмечено, что руководству Норильского горно-металлургического комбината поручается в сроки, согласованные с ректоратом Норильского технологического института, подготовить нормативную лабораторную базу института для эффективного ведения учебного процесса. Кроме того, способствовать переходу на педагогическую работу в институт высококвалифицированных кадров комбината, имеющих большой производственный опыт.

Под Норильский технологический институт было отдано самое большое — семиэтажное — здание в городе, построенное в стиле сталинского ампира и принадлежавшее до этого Норильскому горно-металлургическому техникуму. В институте были организованы четыре факультета: два вечерних, заочный и среднетехнический, созданный на базе горно-металлургического техникума.

Тихомиров со свойственной ему энергией взялся за новое дело, но часто приезжал на своё прежнее место работы и встречался с бывшими коллегами. Как правило, заходил поговорить к секретарю парткома горнорудного управления Шмакову.

Всегда жизнерадостный и целеустремлённый, сегодня Тихомиров выглядел каким-то подавленным и хмурым.

— Разрешите, Николай Егорович, — спросил он, открывая дверь в кабинет Шмакова.

— Заходи, Пётр Васильевич, — радостно приветствовал его Шмаков. — Раздевайся. Рассказывай, как обстоят дела на передовом крае образовательного фронта.

— Да вот пришёл посоветоваться по некоторым вопросам, если у вас есть немного времени?

— Для тебя, конечно, есть. Слушаю внимательно.

— Не моё это всё-таки дело, Николай Егорович, институтом командовать. Не понимаю я многого в том, что делаю. И главное — не принимаю. В институте нужно начинать работать с малой должности, постепенно вникая в проблемы вузовской среды, а не сразу бухаться в кресло ректора.

— Что-то я не пойму, куда ты клонишь.

— Я говорю, что мне бы на прежнее место работы вернуться, в

горнорудное управление. Вы меня на эту должность рекомендовали, теперь помогите оттуда уйти.

— Странный ты человек, Пётр Васильевич. Получил, как мне известно, научное звание — теперь ты доцент. В институте дела идут нормально. В горкоме партии и на комбинате твоей работой довольны. Чего тебе ещё надо?

— Дело не в том, что кто-то доволен мной или нет. Главное, что я собой недоволен. Ну как вам объяснить, Николай Егорович, попроще? Институт — это другой, отличный от всего мир, со своими законами, правилами, понятиями. Другие отношения между людьми, другие ценности. Народ особый — непростой, крученный. Говорит одно, думает другое, делает третье. Здесь не выругаешься, как оно было на производстве, не пошлешь куда надо. Сколько работаю в институте, а привыкнуть не могу

— А что тебя конкретно не устраивает, Пётр Васильевич?

— Да многое. Ну вот, например, когда я работал на руднике: смена закончилась, поднялся наверх, посидел со своей бригадой, поговорили по душам. Люди тебе сказали, что они думают, ты им ответил. Всё честно, открыто, понятно.

— И под бутылочку ещё, конечно.

— Не без этого.

— Ну, так в чём дело, Пётр Васильевич. Купи для своих учёных ящик водки и решай свои проблемы. Не хочешь водки, купи пива...

— Вы всё шутите, Николай Егорович.

— Шучу, конечно. Ну, а если серьёзно, то я тебе так скажу. Чтобы ты ушёл с должности ректора — в настоящее время и речи быть не может. Лет через пять–семь эдак вернёмся к этому разговору, если не передумаешь. А пока продолжай присматриваться к людям в институте, находи с ними точки соприкосновения и готовь себе преемника.

6.10

Через несколько дней после разговора с секретарём парткома горно-рудного управления Пётр Васильевич Тихомиров получил из Москвы письмо. Так как на конверте был указан только адрес института и его, ректора, фамилия, то канцелярия положила письмо в почту Тихомирова нераспечатанным. Написанное на тетрадном листе, письмо было следующего содержания.

«Ректору
Норильского технологического института
Доценту Тихомирову П. В.

Здравствуйте, уважаемый Пётр Васильевич!

Прошу простить меня за несколько необычное письмо, но, воспользовавшись знакомством с работником Вашего института Еленой Николаевной Стародубцевой (с ней и её мужем я отдыхал в этом году в подмосковном пансионате), решил Вас побеспокоить. Рассказы этих молодых людей о Норильске, Норильском технологическом институте, о Крайнем Севере до такой степени меня впечатлили, что я загорелся желанием приехать к вам жить и работать.

Я, Соловьёв Алексей Натанович, в настоящее время заканчиваю обучение в очной аспирантуре МВТУ им. Баумана. Защита моей диссертации на соискание учёной степени кандидата технических наук должна состояться в мае текущего года. Извините за нескромность, но мой научный руководитель говорит, что у меня хорошая работа и всё должно пройти успешно. Однако более или менее благоприятная ситуация с защитой диссертации осложняется двумя обстоятельствами: совсем скоро у нас с женой должен родиться ребёнок, а ещё через месяц моя жена заканчивает наш институт по специальности «Лазерные и оптико-электронные системы».

К сожалению, в соответствии с требованиями внутреннего распорядка МВТУ имени Баумана, я получил от коменданта общежития письменное предписание освободить до конца текущего учебного года студенческое общежитие, в котором в настоящее время проживаю с женой.

Руководство института предлагает мне остаться работать на кафедре с предоставлением в Подмоскowie комнаты семейного общежития. Однако ездить каждый день четыре часа (два туда и два обратно) на работу я ещё и смогу, но для жены из-за маленького ребёнка этот вариант малопривлекателен. Жить на одну мою зарплату втроем мы практически не сможем. В перспективе, лет через десять-пятнадцать, можно будет получить ведомственную квартиру от института, но это уже другой вопрос.

Извините, что я так разоткровенничался. Но просто наболело.

Не буду утомлять Вас рассказом о себе. Автобиографию прилагаю. Замечу только, что имею два высших образования — механико-математический факультет МГУ и энергомашиностроительный

факультет МВТУ им. Баумана. На основании этого позволю предложить Вам свои услуги в качестве преподавателя физико-математических и механических дисциплин (высшая математика, общая физика, теоретическая механика, сопротивление материалов, теория механизмов и машин, строительная механика, спецкурсы).

Если Вы мне откажете, то я без какой-либо обиды буду вынужден искать для себя другое место работы.

Заранее благодарю за ответ на моё письмо.

С уважением, А. Н. Соловьёв

Р. S. Хочу поделиться с Вами радостным известием. Пока я готовил к отправке это письмо, у меня родился замечательный сын.

14 апреля 1972 года»

6.11

Пётр Васильевич ещё раз внимательно прочитал письмо незнакомого Алексея Соловьёва. В принципе в нём не было ничего особенного. Молодой человек интересуется возможностью получить в Норильском технологическом институте работу. Такие письма он получает регулярно, по нескольку в неделю. Но это было какое-то особенное — искреннее и честное. Без лишней демонстрации своих достоинств и желания понравиться, без пошлого расшаркивания. И потом — не каждый день провинциальному вузу, расположенному за Полярным кругом, предлагает свои услуги специалист, имеющий двойное высшее образование, полученное в самых лучших московских вузах. И ещё его зацепила за живое приписка Р. S.

У самого Петра Васильевича было двое детей: старшему Владимиру — 13 лет, младшему Олегу — 10. Как-то получилось, что жена Варвара сначала уговорила его отправить её с детьми на полгода в Иваново к матери, пока сыновья были дошкольниками, а потом и вовсе решила там остаться. В письме она сообщила мужу, что потеряла интерес к браку с ним и подаёт на развод. Всё равно она его практически никогда дома не видела. Для него работа, его бригада и друзья всегда были на первом плане, а потом уже семья. Против решения жены Пётр Васильевич не возражал, так как уже больше года жил один и этим не тяготился. Деньги, значительно больше, чем полагающиеся Варваре алименты на сыновей, он посылал регулярно. Даже два раза забирал детей на море, когда его отпуск

совпадал с их каникулами. А сейчас, прочитав письмо молодого человека, который ради благополучия своей семьи жертвовал работой в престижном столичном вузе, ему стало как-то очень грустно.

На следующий день Тихомиров пригласил к себе заведующего кафедрой механики доцента Винокурова и после традиционного приветствия сразу перешёл к делу:

— Скажите, Александр Иванович, вы решили вопрос с чтением лекций по курсу «Строительная механика»? Если память мне не изменяет, на последнем Учёном совете вы жаловались, что у вашей кафедры есть с этим большая проблема.

— Пока не решил, Пётр Васильевич. Веду переговоры с управлением главного механика комбината — на предмет приглашения кого-нибудь из ведущих специалистов для чтения этого курса на условиях почасовой оплаты.

— И насколько успешно идут переговоры?

— Честно говоря, пока не очень.

— Ну, тогда почитайте вот это письмо.

Пока Винокуров читал письмо Соловьёва, Тихомиров попросил секретаря пригласить к нему проректора института по материально-техническому снабжению Бориса Петровича Пестрякова.

— Ну что, Александр Иванович, прочитали?

— Да, прочитал. Но как я понял из письма, основной вопрос, который волнует товарища Соловьёва из Москвы, — квартирный, а уже потом работа в нашем институте.

— Вы всё правильно поняли. Но я всё же хочу спросить: вам такой человек на кафедре нужен?

— Конечно, нужен. Очень нужен.

— Ну, вот и хорошо. А сейчас к нашему разговору присоединится Борис Петрович, и мы обсудим с ним вопрос жилья для нового приглашенного преподавателя.

6.12

Проректор по административно-хозяйственной работе Пестряков имел представительную внешность — полный, выше среднего роста. Как бывший работник исполкома Норильска, он был знаком практически со всем руководством комбината и города. В кабинете Бориса Петровича, около стены, стояло несколько стульев для посетителей, а рядом с окном — огромный стол с приставкой,

на котором никогда не было ни одной бумажки или какого-либо другого предмета. Стол был всегда безукоризненно чист. Даже телефоны располагались на отдельном маленьком столике, стоящем с правой стороны проректорского кресла. Единственное, что Пестряков использовал в своей производственной деятельности, так это маленькую записную книжечку, которую вынимал из бокового кармана пиджака и время от времени что-то туда записывал.

Борис Петрович Пестряков не производил впечатление застенчивого человека, однако его голоса в институте по-настоящему никто никогда не слышал. Вот и сейчас, зайдя в кабинет ректора, он полушёпотом поздоровался с присутствующими.

— Присаживайтесь, Борис Петрович. Я пригласил вас вот по какому поводу. Институт получил от некоего товарища Соловьёва из Москвы предложение принять его к нам на работу. Заведующий кафедрой Винокуров согласен, так как он подходит кафедре по всем параметрам. Я тоже не возражаю, но у него семья — жена и маленький ребёнок.

— Понятно, — односложно отреагировал на информацию Пестряков.

— Товарищ не простой — без пяти минут кандидат наук, — продолжал ректор. — Поэтому ему нужна отдельная однокомнатная квартира.

— Это сложнее, но будем искать. А когда, извините, приезжает товарищ?

— Это будет зависеть от нас. Если мы до лета изберём его на Учёном совете института, то с осени он может начать работать.

— Понятно. А позвольте узнать, ему нужно подобрать какую-нибудь мебель?

— Думаю, что да, так как в настоящее время он проживает с семьёй в студенческом общежитии.

— Понятно.

— Вот и хорошо. А вас, Александр Иванович, я попрошу до конца недели подготовить ответ кафедры товарищу Соловьёву. Все свободны.

Через два дня доцент Винокуров принёс ректору ответ на письмо Соловьёва. Формальный, сухой и похожий на отписку. Никакой. Это ещё больше укрепило мнение Тихомирова о том, что поручать Александру Ивановичу серьёзные дела не стоит. И хотя Винокуров готовит докторскую диссертацию, потолком для него, видимо, —

независимо от учёной степени — останется должность заведующего кафедрой.

6.13

На следующий день секретарь Лиза занесла в кабинет ректора текущие бумаги на подпись и между делом сообщила:

— Пётр Васильевич, там Винокуров уже больше часа сидит в приёмной. Вы можете его принять?

— По какому вопросу?

— Говорит, по личному.

— Пусть зайдёт.

Винокуров робко протиснулся в кабинет ректора, едва не застряв в дверях.

— Проходите, Александр Иванович, присаживайтесь. По-моему, мы уже всё обсудили относительно приглашения на кафедру Соловьёва. Что-то ещё?

— Нет, я не по поводу товарища Соловьёва. Дело в том, что мне профком института, по вашей рекомендации, выделил однокомнатную квартиру.

— Всё правильно. Не годится, чтобы доцент института жил в общежитии.

— Извините, Пётр Васильевич, но я прошу вас этого не делать.

— Не понял. Чего не делать?

— Не давать мне отдельную квартиру. Позвольте мне и дальше жить в общежитии. Если моя жена узнает о квартире, она сразу же сюда приедет. А я этого не хочу.

Ректор помнил гневливые письма жены Винокурова, которая требовала разобрать и осудить её мужа. Но разбирать в принципе было нечего. Поэтому жене ответили уважительно, но коротко: поводов для обсуждения поведения доцента А. И. Винокурова у Норильского института нет. Сам Винокуров без каких-либо препитательств, сразу согласился на двухместную комнату в общежитии для инженерно-технических работников, и тему закрыли.

— Почему вы не хотите, чтобы ваша жена приехала?

— Потому что, к сожалению, я женат на скверной женщине с тяжёлым характером.

Сначала Пётр Васильевич даже растерялся от такого ответа, а потом не выдержал и покатился со смеху. Винокуров смотрел

на него печальными глазами, а потом махнул рукой и тоже захохотал. Когда оба отсмеялись, ректор спросил:

— Простите, Александр Иванович, за нескромный вопрос: но почему вы не разведётесь со своей женой?

— Дело в том, что у меня есть дочь. Ей восемь лет. Когда я уезжал на Север, жена потребовала от меня подписать соглашение: если я с ней развожусь, то теряю право видеться с дочерью. Для меня это смерти подобно.

— Да, проблема... Ну что ж, Александр Иванович, желаю вам успехов. А вашу однокомнатную квартиру мы отдадим другим нуждающимся в жилье.

6.14

После того как Винокуров ушел, Тихомиров ещё некоторое время находился под впечатлением от их разговора. Из головы не выходило признание уже немолодого человека, что своё жизненное благополучие он добровольно приносит в жертву ради редких свиданий с дочерью. За последнюю неделю второй случай, напомнивший ему о собственных детях...

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, Пётр Васильевич взялся за документы, подготовленные ему на подпись. Но сосредоточиться на них не мог. Не отпуская вопрос: а кто же, на самом деле, работает в Норильском институте? Из кого формируется профессорско-преподавательский состав заполярного вуза? Почему ему порой так сложно находить общий язык с людьми, приехавшими на Север с «материка»? Почему в институте нередко возникают ситуации, для разрешения которых ректорату приходится прибегать к помощи комбината, городских властей, партийных органов?

На листе дел «На завтра» Тихомиров записал: «Пригласить начальника отдела кадров и поручить ему сделать анализ кадрового состава производственного коллектива института». Потом зачеркнул слова «кадрового состава производственного коллектива» и написал сверху: «профессорско-преподавательского состава института».

Начальник отдела кадров Норильского технологического института Панкратий Фёдорович Савельев, молчаливый исполнительный человек, родился и вырос в сибирском городке Енисейске. Окончил Енисейский кооперативный техникум. Там же, работая

в зверосовхозе, получил двенадцать лет общего режима за якобы умышленное снижение рождаемости соболей. Будучи в заключении, длительное время работал на лесоповале учётчиком в системе исправительно-трудовых лагерей Красноярского края. После освобождения уехал к родственникам на Север. На работу в Норильский институт пришёл раньше Тихомирова и при назначении того ректором немногословно, но толково вводил его в курс дела.

Сейчас Панкратий Фёдорович стоял перед ректором в своих сатиновых нарукавниках, с блокнотом и ручкой в руках, готовый записывать очередное поручение начальства.

— Панкратий Фёдорович, хочу попросить вас выполнить анализ кадрового состава преподавателей и учебно-вспомогательного персонала нашего института по социально-демографическим характеристикам.

— У меня нет таких данных, Пётр Васильевич.

— Ну так подготовьте их для меня.

— Такая работа не предусмотрена регламентом деятельности нашего отдела. Но я подумаю над вашим приказом.

— Не приказом, а просьбой.

— Хорошо. Просьбой.

Пётр Васильевич был доволен работой своего начальника отдела кадров. Вот и сейчас, несмотря на то что он дал отрицательный ответ, словами «я подумаю» Панкратий Фёдорович как бы говорил ему, что безвыходных ситуаций нет. И что этот выход он обязательно найдёт.

Так оно и было. Через два дня, принеся ректору на подпись очередной приказ, Савельев тихим голосом заметил:

— Пётр Васильевич, позвольте сказать несколько слов относительно вашей просьбы. Эту работу можно поручить, в рамках госбюджета, старшему преподавателю кафедры экономики и организации труда Ивану Николаевичу Позднякову. Он проводит различные статистические исследования по малым народам нашего края.

— Спасибо за подсказку, Панкратий Фёдорович. А с товарищем Поздняковым я поговорю сам.

6.15

Иван Николаевич Поздняков, выпускник Московского института стали и сплавов, приехал работать на комбинат в 1961 году по

комсомольской путёвке. В 1968 году защитил кандидатскую диссертацию и перешёл из Норильского комбината в Норильский институт на должность старшего преподавателя. Спокойный, выдержанный молодой человек, которого все в институте — от студентов до преподавателей — ласково называли Ваня, докладывая ректору результаты своих исследований, очень стеснялся. Делал он свое сообщение через силу, против воли, так как картина вырисовывалась, мягко говоря, неоднозначная. В результате полученной от Позднякова информации настроение ректора Тихомирова испортилось до такой степени, что он, не сдержавшись, сделал ему выговор:

— Иван Николаевич, что вы забросали тут меня своими цифрами и процентами! А не могли бы вы, для наглядности, представить всё это в графиках и таблицах? Или вы думаете, что эту кашу можно сразу и без изжоги переварить?

— Я думал, Пётр Васильевич, что просто передам вам отчёт, а вы уже сами будете в этом материале разбираться.

— Нет, уважаемый. Сделайте всё, как я вас прошу. Подготовьте демонстрационный материал. Сами справитесь или кого-то дать вам в помощь?

— Сам справлюсь.

— Хорошо. Прошу вас ко мне снова через неделю. Смотрите, я пометил дату нашей следующей встречи в календаре.

— Да, я вижу.

— Всё. Свободны. До свидания.

Когда Пётр Васильевич остался в кабинете один, он выписал для себя на чистом листе бумаги несколько вопросов для обдумывания: «Что меня так напрягло в докладе Ивана Николаевича? Зачем я сорвал на нём своё зло? Почему у меня внезапно испортилось настроение?».

Такой подход к самоанализу, позволяющий найти причину собственных переживаний и вывести себя из состояния стресса, порекомендовал Тихомирову когда-то давно один горный мастер из бывших заключённых. И только придя домой, Пётр Васильевич понял, в чём дело: его вывела из себя информация Ивана Николаевича о приезжих преподавателях.

На следующий день Тихомиров попросил начальника учебного отдела института подобрать ему для дополнительного ознакомления ряд инструкций и приказов Министерства высшего образования СССР. Всё это позволило ему основательно подготовиться ко второй встрече со старшим преподавателем Поздняковым.

6.16

В назначенный день и час старший преподаватель Поздняков стоял на пороге ректорского кабинета, держа в руках указку и большую чёрную папку для чертежей.

— Присаживайтесь, Иван Николаевич. Вижу, подготовились вы основательно. Давайте начнём нашу беседу с анализа контингента преподавателей института.

— А вспомогательный персонал вас не интересует?

— Пока нет.

— Хорошо. Профессорско-преподавательский состав нашего института за последние семь лет, с 1965 года по настоящее время, формировался за счёт трёх основных групп. Первую, самую маленькую группу — примерно 8% — составляют молодые специалисты, приехавшие в наш институт по окончании высших учебных заведений на «материке». Несколько большей является вторая группа преподавателей — это перешедшие на работу в институт специалисты Норильского комбината. Их не более 17%. И, наконец, третья, основная группа преподавателей института, составляющая порядка 75%, — это люди, приехавшие в Норильск из других вузов страны. Здесь для полноты картины я позволю себе дать некоторый дополнительный комментарий.

— Только прошу вас, Иван Николаевич, не очень грузите меня цифрами. И сразу скажите, на чём основывается этот ваш комментарий?

— Как правило, на личных делах приехавших преподавателей и сведениях, которые они сами о себе сообщили.

— Но это всё очень субъективно. Кто из людей, устраивающихся на новом месте работы, сообщит о себе что-либо негативное?

— Я не ставил себе цель, Пётр Васильевич, накопать какой-то компромат. Это просто дополнительные сведения.

— Ну, хорошо. Продолжайте.

Далее по ходу своего рассказа с помощью графиков и диаграмм Поздняков наглядно продемонстрировал ректору, из каких городов и институтов приехали новые преподаватели, какие должности они занимали на прежнем месте работы, каково их служебное положение в настоящее время. Иван Николаевич сделал даже отдельный график по составу семей приглашённых на работу в Норильский технологический институт.

— Спасибо за очень полезную информацию, Иван Николаевич. Будем подводить промежуточные итоги. Из вашего отчёта следует, что третья группа преподавателей — самая интересная, но и самая, извините за слово, мутная, или точнее — проблемная.

— Совершенно верно, Пётр Васильевич. Так оно и есть.

— А вы не можете мне сказать, по каким причинам и с какой целью эти люди приехали на Крайний Север?

— Нет, не могу. Я не проводил такого анализа, но смею предположить, что решение приехать сюда было принято ими в силу определённых жизненных обстоятельств. Не всегда, к сожалению, благоприятных.

— Открыл Америку! Естественно, что с насиженного места человека может поднять и понести на Крайний Север что-то весьма серьёзное. Я даже не могу себе представить, по какой причине доцент или профессор может оставить свою должность на кафедре «материкового» вуза и приехать к нам. Ведь старое место не будет его ждать, когда он соберётся через какое-то время вернуться. Да и куда ему возвращаться-то? И всё-таки, Иван Николаевич, какие, на ваш взгляд, могут быть причины такого переезда?

— Не знаю, а гадать не хочу.

— Ну, приблизительно, с вашей точки зрения.

— И приблизительно не хочу.

— Хорошо. Тогда давайте на сегодня закончим. Для следующего разговора я вас приглашу.

Почти двухчасовое обсуждение позволило ректору Тихомирову взглянуть на кадровую проблему с новых позиций. По ходу разговора с Иваном Николаевичем у него возникло много вопросов, на которые не было готовых ответов. Но Пётр Васильевич, как учили его в институте, решил рассмотреть сначала отдельные фрагменты проблемы, а потом уже оценить её в целом. Достав из ящика письменного стола чистый лист бумаги, он начертил на нем круг, из центра которого провёл несколько прямых линий в разные стороны. В середине круга поставил две большие печатные буквы ПП (приезжий преподаватель), а на «усах» написал следующие вопросы:

1. По каким причинам ПП уехали?
2. Что ПП оставили на «материке»?
3. С какими целями ПП приехали на Крайний Север?
4. Кого ПП с собой привезли?

6.17

Отложив на время свой чертеж и прихлёбывая горячий чай, который ему сделала секретарь Лиза, Пётр Васильевич Тихомиров мысленно перенесся в сороковые-пятидесятые годы. Тогда на территории Норильска была зона, и вопрос преподавательских кадров в Норильском горно-металлургическом техникуме — предтече Норильского технологического института — решался, как правило, за счёт заключённых. На этом маленьком клочке земли, совершенно не пригодном для нормального человеческого существования, оказались — в силу своей страшной судьбы — выдающиеся учёные, светила мировой и отечественной науки — академики, доктора наук, профессора, специалисты высочайшей квалификации в различных областях знаний. Превозмогая все невыносимые страдания, выпавшие на их долю, они ещё находили в себе силы для преподавания в техникуме. Но прошли годы, зону закрыли, и эти люди уехали из Норильска. Их немногочисленные ученики продолжили начатое ими дело, но этого было явно недостаточно для организации в Норильском технологическом институте качественного учебного процесса. И тогда руководство Норильского института обратилось к общепринятой в высшей школе практике приглашения на конкурсной основе преподавателей с «материка», которую, однако, затруднял серьёзный дефицит жилого фонда северного города.

Пётр Васильевич снова внимательно посмотрел на свой чертёж. Ответы на вопросы, которые он для себя сформулировал, наводили на грустные размышления. Первый и самый главный вывод заключался в том, что в Норильский институт приезжают работать люди, как правило, неординарные, с непростой судьбой. При этом, проживая в экстремальных климатических условиях Крайнего Севера, многие планируют как можно быстрее решить все свои проблемы: заработать деньги, получить заветное звание, продвинуться по карьерной лестнице — и уехать назад на Большую землю. Отсюда проистекал второй вывод: многие, естественно, рассматривают Норильский институт как временное жизненное пристанище. А это всегда будет приводить не только к нежелательной текучке преподавательских кадров, но и к серьёзным, а иногда и катастрофическим конфликтам в коллективе института, представляющем собой, по большому счёту, «сборную Советско-

го Союза» по высшему образованию. И выход из этой непростой ситуации только один — подготовка собственных квалифицированных кадров, которые позволят в будущем грамотно и надёжно выстраивать учебный процесс.

6.18

В мае 1972 года Алексей Натанович Соловьёв успешно защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата технических наук, а через месяц, на последнем в текущем учебном году Учёном совете Норильского технологического института, он был избран на должность старшего преподавателя кафедры механики.

На Крайний Север Лёшу и Алису провожало всё общежитие МВТУ имени Баумана. Слухи о том, что молодая семья с грудным ребёнком уезжает на «край света», вызвало волну народного вспомоществования. В 315-ю комнату несли всё: детские вещи, игрушки, посуду, инструменты и т. д. Сбор вещей для отъезжающих организовал заведующий лабораториями Владимир Фёдорович Болдырев.

Молодой кандидат наук всегда производил на Болдырева хорошее впечатление, а когда он узнал, что Лёша, отказавшись от места на кафедре, решил уехать с женой и маленьким сыном в Норильск, уважение его возросло многократно. Болдырев сам прошёл через голодную юность, фронт, тяжёлое послевоенное существование, прежде чем встать на ноги. Конечно, сейчас не те времена, и нечего сравнивать. Тем не менее, он был полон решимости помочь молодой семье. Владимир Фёдорович собственноручно со знанием дела отбирал для Соловьёвых тёплые вещи, посуду, одежду, книги и упаковывал в дерюжные мешки. Так как отправка багажа самолётом в Норильск стоила очень дорого, то Болдырев лично проследил, чтобы груз ушёл водным путём.

В Норильске семью Соловьёва встречал его новый знакомый Илья Золотой. Встречал по-северному — искренне и тепло, как родных. С воплями «ура» он бросился обнимать Лёшу, потом Алису и долго их не отпускал. Самое смешное, что незнакомый парень, который пришёл вместе с Ильёй встречать москвичей, тоже полез обниматься.

— В наш прекрасный город подтягиваются лучшие люди страны! — орал на весь аэропорт Илья. — Поприветствуем их, товарищи!

После этого он схватил багаж и вместе со своим приятелем-водителем, который оказался его одноклассником, быстро потащил всё к грузовой машине. Разместились очень просто: Алиса с ребёнком в кабине, Илья с Лёшей в кузове.

— Привет вам от Лены. Она дома. Готовится к вашему приезду.

— А куда мы едем?

— Как куда? К нам. Мама в отпуске, так что первое время поживёте у нас. Если не возражаете.

— Ну, зачем же мы станем вас стеснять? Можно ведь остановиться в гостинице.

— Смотри, Лёша, у нас есть одна небольшая гостиница, но я не уверен, что там будут свободные места. И потом, с какой стати вам, вчерашним студентам, платить за неё бешеные деньги.

— Обижаетесь, Илья, мы уже не студенты, а молодые специалисты.

— Вот когда получите первую зарплату, тогда другое дело. А пока извиняйте. Кстати, тебя, Лёша, берут на кафедру, где Ленка раньше работала, а её перевели на кафедру горной механики. Правда, занимала она там скромную должность ассистента, зато ты у нас сразу — старший преподаватель. И ещё. Ректор знает, что я поехал вас встречать, и он пригласил тебя завтра к себе на беседу в одиннадцать часов утра.

— Ну и дела. Никогда раньше с ректором института не встречался. Аж страшно немного.

— Ничего страшного. Наш ректор Пётр Васильевич — очень демократичный и деликатный человек. А вот мы уже и подъезжаем к нашему дому. Всё, готовимся к высадке. Извини, Лёша, но затаскивать вещи придётся на четвёртый этаж.

В самом городе Норильске было почему-то значительно холоднее, чем в аэропорту. Небо хмурое, в тёмных тучах. Дует резкий, пронизывающий ветер. Сразу бросилось приехавшим в глаза, что вокруг ни одного деревца, ни одного кустика. Только камень и асфальт. Воздух тяжёлый, с каким-то вызывающим кашель привкусом. Середина августа, а впечатление такое, что на дворе стоит глубокая осень. Но несмотря на всё это настроение у Лёши было замечательное. Ему казалось, что он приехал в необычный сказочный мир, устроенный странным удивительным образом: снаружи холодно и неприятно, а внутри — от внимания и заботы людей — тепло и уютно.

Глава 7. Кафедра

7.1

Алексей Соловьёв был зачислен на должность старшего преподавателя кафедры механики Норильского технологического института приказом по институту от 17 августа 1972 года. В это время все преподаватели кафедры, кроме заведующего лабораториями Виктора Петровича Самохвалова и старшего лаборанта Генриха Павловича Шмидта, были в отпуске.

Виктор Самохвалов, молодой парень с весёлыми глазами, и Генрих Шмидт, известный в институте своими длинными усами, оба в одинаковых синих халатах, с шумом передвигали какой-то громоздкий шкаф, когда в дверях кафедры появился Лёша.

— Здравствуйте, я новый преподаватель вашей кафедры Алексей Натанович Соловьёв, — переступив порог, громко представился Лёша.

— Привет. Очень приятно. Давай, Алексей, снимай пиджак. Надо немножко подсобить, а то мы сами не справляемся, — откликнулся тот, который был помоложе и пониже ростом.

Когда шкаф был водружён на полагающееся ему место, он же первым подошёл к Лёше и протянул ему руку:

— Витёк, заведующий лабораториями. Будем знакомы. Мы уже в курсе, что ты приехал. В нашей северной деревне сначала шепоток, а потом локоток. Смотри, до начала занятий ещё две недели. Студентов нет. Не возражаешь влиться в наш коллектив детей старшины Шмидта и поработать на общее дело? — с улыбкой спросил Витёк, произнеся фамилию напарника с ударением на последний слог.

Не дожидаясь ответа, добавил:

— Кафедра у нас маленькая, рабочих рук не хватает. Поэтому каждый сотрудник на вес золота. Сейчас принесу тебе халат, чтобы твой столичный костюмчик не запачкал, и вперёд.

Виктор Петрович Самохвалов — или, как он сам себя называл, Витёк — оказался не таким уж и молодым, как поначалу показался Лёше. Деловой и хваткий, он успел, до того как в 1956 году закрыли норильскую зону, отсидеть в лагере два года, схлопотав в семнадцать лет срок по «хулиганке». За это время Витёк набрался жи-

тейского опыта и заимел дружков по всему Норильску, с помощью которых мог решить для кафедры любую хозяйственную проблему. Несмотря на его лагерные шуточки и постоянные нарушения субординации (Витёк всех, невзирая на возраст и должность, называл по имени и обращался на ты), его очень ценил заведующий кафедрой Винокуров.

Как будто прочитав Лёшины мысли, Витёк наставительно заметил:

— И учти. Для того чтобы нормально существовать в Норильске, ты должен сразу, окончательно и бесповоротно, прекратить сравнивать свою настоящую жизнь с московской. Что-то в наших краях лучше, что-то хуже. Я вот тоже до посадки жил в Таганроге. Тепло, девушки, фрукты, море. А сейчас живу здесь. Тундра во все стороны. Беги куда хочешь.

Удовлетворенно хихикнув от своей же шуточки, Витёк сходил за халатом для Лёши, и они уже втроем продолжили заниматься «такелажными» делами.

7.2

Кафедра механики Норильского технологического института, состоящая из девяти преподавателей и двух лаборантов, располагалась на четвёртом этаже основного здания в угловой комнате левого крыла. Комната была нестандартная, с нишей, где на искусственном возвышении стояли два стола. Один занимал заведующий кафедрой — кандидат технических наук, доцент Винокуров, за другим сидел профессор Прохоров. Доктор технических наук Владимир Петрович Прохоров получил профессорское звание много лет назад, работая ещё в Краснодарском политехническом институте, но на все предложения ректората возглавить кафедру в Норильске отвечал категорическим отказом. Столы остальных преподавателей стояли вдоль стен таким образом, что все сидящие за ними оказывались лицом к лицу с заведующим кафедрой.

Угол кафедры был отгорожен красивой занавеской — там женщины имели возможность переодеться и привести себя в порядок. Мужчины оставляли верхнюю одежду на вешалке рядом с входной дверью. На той же стене располагалась информационная доска, большую часть которой занимало расписание занятий, а меньшая была отведена под приказы и разные объявления. Стол для ново-

го старшего преподавателя, в силу дефицита свободной площади, зав. лабораториями Самохвалов подобрал нестандартный и поставил его между столом секретаря кафедры и местом, где переодевались представительницы прекрасного пола.

Секретарь Светлана была на кафедре едва ли не самой важной фигурой. Её роль в учебном и производственном процессе трудно было переоценить. Заведующий кафедрой Винокуров был без неё в буквальном смысле слова как без рук. Во-первых, на ней лежала обязанность, связанная с хранением, учётом и ведением всей документации по кафедре. Во-вторых, она писала и печатала приказы, составляла учебную нагрузку кафедры, согласовывала с учебным отделом расписание работы преподавателей. Ну, а главное — она всё про всех знала и могла сходу дать о каждом любую справку. Но вот об одном деликатном поручении, которое Светлана регулярно выполняла в должности секретаря кафедры, не знал никто.

Здесь следует сделать небольшое отступление. Дело в том, что Норильск — город маленький. Снабжение в нем было централизованным, но, как и в других городах, начальство отоваривалось дефицитом через определённые магазины. В результате мебель, посуда и другие аксессуары в квартирах номенклатурных работников, не говоря уже о предметах дамского туалета, были, как правило, одинаковыми. Так как на кафедре механики работали жёны двух больших норильских начальников, то самым важным делом Светланы было предупредить их появление в институте в одних и тех же нарядах. Увидев одну из начальствующих жён на работе, Светлана должна была позвонить другой и сообщить, в каком наряде пришла первая. За это дамы, со своей стороны, оказывали Светлане время от времени разные мелкие услуги.

7.3

Алексей Соловьёв с женой и маленьким сыном уже несколько дней жили в гостеприимном доме Ильи Золотого. Здесь было весело, вкусно и очень интересно. Всё время приходили какие-то люди, которым хозяева с порога сообщали, что кричать и курить категорически запрещается, так как в доме маленький ребёнок. Гости обычно задерживались ненадолго, но им на смену приходили другие. По правде сказать, Лёша и Алиса не ожидали, что попадут в

обстановку проходного двора — ходить в гости без приглашения в Москве было не принято. Но здесь, как правило, в квартирах не было телефонов.

Лёше хотелось спокойно поговорить с Ильёй о Норильске, спросить Лену об институте, кафедре, коллегах. Но выкроить на это время никак не удавалось — или хозяева принимали гостей, или они с Алисой были заняты ребёнком. И тем не менее, сегодня у семьи Соловьёвых был особый день: проректор по административно-хозяйственной работе вручил Лёше ордер на отдельную однокомнатную квартиру.

— Алиска, нам дают квартиру, — заорал с порога Лёша. — Сегодня же пойдём смотреть.

— А я знаю, что это за квартира. От неё ваш заведующий кафедрой недавно отказался, — отозвался Илья.

— Почему отказался? Плохая квартира? — встревожился Лёша.

— Нет, у него какие-то сложные семейные обстоятельства.

— Подождите, а на кого мы оставим ребёнка? — вмешалась в разговор Алиса.

— Как на кого? Ленка скоро придёт с работы, на неё и оставим. А ну-ка покажи, какой адрес. Так это от нас недалеко. Минут пятнадцать ходьбы.

Квартира располагалась на пятом, последнем этаже в новом доме без лифта. Однокомнатная, с большим окном, отдельным туалетом и ванной, горячей и холодной водой, она была пределом мечтаний любой молодой семьи. Алиса вспоминала, как она выклянчивала у коменданта общежития ключ от душевой, кладя при этом ей в карман пятьдесят копеек. А здесь душ свой, и всё бесплатно. В любое время дня и ночи. Да только за этим стоило ехать на Крайний Север. Где ещё они могли получить такую красоту буквально в течение недели после приезда? Конечно, нигде.

Когда восторги и восклицания по поводу собственного жилья закончились, обнаружилось, что, как и во всякой новой квартире, в ней есть крупные и мелкие недоделки. Требовалось что-то покрасить, что-то прибить, а что-то просто заменить. До начала занятий оставалась всего неделя, так что времени даже на мелкий ремонт было совсем немного. Лёша с Ильёй, не откладывая в долгий ящик, принялись за работу. Между делом Илья рассказывал Лёше о любимом Норильске, где родился и вырос, а тот в свою очередь — о Москве. Лёша понимал, что приехал работать и жить в уникальный

город, который за несколько десятков лет люди выстроили посреди голой тундры на вечной мерзлоте, но то, что он услышал — его просто потрясло.

7.4

Сегодня Лёша и Илья появились на новой квартире в разное время. Причём Илья пришёл не один, а привёл своего товарища Андрея, с которым вместе работал на медном заводе. К приходу Лёши они успели замазать все щели в большом окне и заклеить их бумажными полосками.

— Ну, вы молодцы, Илья. Так красиво обработали окно. Красота.

— Это не я. Это Андрей. Он у нас бригадир и всё умеет делать. А когда узнал, что вы из Москвы, очень захотел помочь.

Андрей, широкоплечий парень в тельняшке, засмуцавшись от похвалы, объяснил:

— На Севере зимой через окно может очень сильно дуть, и тогда всё тепло в момент из квартиры уходит. А у вас маленький ребёнок. У меня самого двое детей, так что знаю, как это бывает. Кстати, Норильск входит в пятёрку мест в мире, где дуют самые страшные по силе и свирепости ветра.

— Да ты что? Не знал. А где ты научился так ловко обрабатывать окна? — спросил Лёша.

— У меня отец всю жизнь работал стекольщиком. Ещё когда на зоне был. Он меня всему и научил.

— А как твои родители оказались в Норильске? Ты извини, что я тебя об этом спрашиваю, но у меня создалось впечатление, что в Норильске все сидели в лагере.

— Не все, конечно, но многие.

— Всё равно, что ни человек, то легенда, — продолжал восхищаться Лёша.

— Это для тебя легенда, а для моих родителей — страшная быль. Папу арестовали и осудили в 1936 году по 58-й статье за саботаж на транспорте. Сначала он сидел в лагере на Соловках. А когда началась советско-финская война, десять тысяч заключённых, в том числе и моего отца, на баржах перевезли в Норильск. Это «путешествие» в течение трёх месяцев в холоде и голоде он запомнил на всю жизнь. Здесь папа познакомился с мамой, когда вставлял окна в больнице, где она работала.

— Ты не обижайся, — ещё раз извинился Лёша, — что я задаю, может быть, нескромные вопросы, но мне просто хочется побольше узнать о вашем уникальном городе. Перед отъездом я кое-что почитал о Норильске. Даже один документальный фильм посмотрел. Но ты мне всё-таки объясни: как можно было на Крайнем Севере, в условиях зоны, создать горно-металлургический комбинат, который за несколько десятков лет вышел по производству цветных металлов на лидирующие позиции в мире? Ведь здесь, кроме солдат в охране и бандитов в лагере, по-хорошему никого и не было.

— А вот здесь ты, Лёша, ошибаешься. Как мне рассказывал отец, в Норильске был не простой лагерь. В нем работало много специалистов, которых руководство Норильского комбината отбирало по другим лагерям и привозило сюда. Задача-то была нешуточной — наладить в сжатые сроки уникальное горно-металлургическое производство для оборонных предприятий Западной и Восточной Сибири. Конечно, заключённые Норильлага за счёт усиленного питания жили немного лучше, чем в других лагерях, — как это у них называлось, «паёк, ларёк и камелёк». Но так было до 1948 года, пока Сталин снова не озаботился судьбой политических и не ужесточил условия их содержания. Тогда внутри Норильлага опять появились каторжные отделения.

— И всё-таки, заключенные заключенными, но откуда Норильск брал столько профессиональных кадров для обеспечения эффективности работы такого грандиозного производства?

— В конце 30-х проблему специалистов решили за счёт эвакуированных предприятий с Кольского полуострова, в частности из Мончегорска и Архангельска. Потом было несколько специальных рейсов из Казахстана и предприятий Северной Осетии.

— А во время войны? — не отставал Лёша.

— Ты прав, в Норильск приходили этапы в основном со спецпереселенцами — поволжскими немцами, крымскими татарами, калмыками, ингушами, чеченцами и так далее.

— И как из этого затруднительного положения вышел Норильский комбинат?

— В июне 1944 года был создан горно-металлургический техникум. Кстати, ваш покорный слуга закончил этот техникум. В 1956 году, когда ликвидировали норильскую зону, многие специалисты

уехали из Норильска на «материк». В результате на Норильском комбинате снова возникла кадровая дыра. И тогда комбинат открыл Норильский институт.

— Теперь понятно. Получается, что Норильский комбинат и Норильский институт, ранее техникум, — сиамские близнецы-братья. Их нельзя отделить друг друга. Без вашего, извини, без нашего института, не было бы многих способных руководителей комбината и его колоссальных достижений.

— Получается, что так. Уже в 1965 году наш горно-металлургический комбинат был награждён орденом Ленина.

— Это же надо такому!..

— Не иронизируй, Лёша.

— Я не иронизирую. Просто восхищаюсь вашим поголовным норильским патриотизмом. Илья вот тоже рассказывал мне о Норильске взахлёб. Я его остановить не мог. Теперь ты. Только у меня ещё один вопрос. Не пойми меня превратно. Я где-то читал, что мир состоит в основном из бездельников и негодяев. А что, в Норильске их не было?

— Конечно, были, только они здесь долго не задерживаются. Очень холодно. А на морозе всякая зараза гибнет.

Громкий хохот трёх молодых здоровых парней потряс пустую квартиру и эхом разнёсся по всему дому.

— А если серьёзно, — продолжал Андрей, — то в Норильске с огорода, как ты понимаешь, никто не живёт. Нет огородов. Значит нужно работать. А работать такие люди, как правило, не хотят и не умеют.

— Ну, прямо общество будущего. Тогда, я извиняюсь, ещё один вопрос: а где бандиты, которые должны были достаться вам в наследство от сталинского ГУЛАГа? Или они все сразу быстро перековались в примерных граждан?

— На этот вопрос я тебе, Лёша, ответить не могу. Поживёшь здесь несколько лет, сам всё узнаешь.

7.5

На следующий день Андрей в ремонтных работах не участвовал, и Лёша стал расспрашивать Илью об институте. Ему хотелось как можно больше узнать о своих будущих коллегах.

— Слушай, Илья, а можешь ты рассказать немного о кафедре механики? Всё-таки Лена проработала там целый год и наверняка что-то тебе говорила.

— Она мне не говорила. Она все уши прожужжала про своих уникальных коллег. Так что могу дать информацию, но только с её слов.

— Хорошо, согласен на пересказ.

— Только учти, дорогой друг. У меня очень предвзятое отношение ко всему норильскому. Я самый большой патриот в этом городе.

— Рассказывай, патриот. Потерпим, — засмеялся Лёша.

— В общем, знаю, что за кафедрой механики закреплено четыре аудитории, одна из которых является преподавательской. В её составе три кандидата технических наук, включая тебя, и один доктор наук, профессор Владимир Петрович Прохоров.

— Почему же кафедрой заведует доцент Винокуров, а не профессор Прохоров?

— Потому что он не хочет. Ему много раз предлагали. Вообще Прохоров — очень оригинальный человек: живёт один, жена давно умерла. Практически всю зарплату отправляет дочке в Краснодар. В отпуск никуда не ездит. Лето проводит в тундре с рюкзаком. Там у него есть какой-то загадочный друг. Больше о нём никто ничего не знает. На кафедре Прохорова не слышно и не видно, но на любом заседании последнее слово перед принятием решения — за ним. Да, и ещё. Прохоров не пьёт и не курит.

— А наукой он занимается?

— Занимается, и очень серьёзно. Все статьи публикует без соавторов, так как ни учеников, ни аспирантов у него нет.

— Странно. Действующий профессор...

— Из всех остепенённых членов кафедры самой интересной фигурой является доцент Пётр Петрович Кобылянский. Ему лет сорок. Убеждённый холостяк. Рыжий такой, неунывающий. За громкий смех и весёлый нрав студенты зовут его Жеребцом. Он это знает и ни на кого не обижается. В разговорах по телефону, преимущественно с женщинами, никогда никого не называет по имени. Только так: моя красавица. Единственный на кафедре, кто, наплевав на все запреты и приказы по институту, курит прямо в помещении. Правда, в форточку. В институте Пётр Петрович пропадает с утра до вечера, так как дома ему делать нечего. С удовольствием зани-

мается со студентами. К нему можно подойти с любым вопросом в любое время — никогда никому не отказывает.

— Ну, ты писатель, Илья! Рассказываешь так, что я уже всех представляю как живых. Кстати, на кафедре висит объявление, что шестого сентября состоится первое в учебном году заседание кафедры.

— Ну, вот ты всех сразу и увидишь. Традиционное заседание. Проводится для того чтобы все почувствовали себя членами одного коллектива после долгого летнего перерыва и рассказали, чем занимались в отпуске. Формально оно проходит под председательством заведующего кафедрой, а по существу его проводит профорг, она же секретарь кафедры, Светлана. Очень интересная во всех отношениях барышня.

— Так, Илья, думаю, что на сегодня пора заканчивать работу, а то жёны сделают нам соответствующее внушение за опоздание к ужину.

— Но я ж тебе ещё не обо всех рассказал.

— Ничего, завтра наверстаешь.

7.6

На следующий день, возвратясь из института, Лёша сразу пошел на новую квартиру, где уже с утра находился Илья. Сегодня ему нужно было выходить в ночную смену. Лёша чувствовал, что Илье не терпится продолжить свой рассказ о кафедре.

— Ну, так вот. Следующий — это Владимир Евграфович Сидоровский, старший преподаватель кафедры. Удивительный человек с удивительной судьбой. Родился до революции в Санкт-Петербурге. Дворянин. После Гражданской войны его семья оказалась в Шанхае. Там он ходил в школу, окончил Шанхайский университет. В 1947 году, под впечатлением от военных успехов Советской Армии, решил вернуться в Советский Союз, где тут же получил пятнадцать лет лагерей за измену родине. Из них девять провёл в Норильске. Будучи заключённым, работал водителем самосвала. В настоящее время полностью реабилитирован и восстановлен в правах.

Лёша слушал Илью, раскрыв рот. В прямом смысле. А Илья, заметив Лёшину реакцию, решил усилить произведенное на него впечатление.

— Сидоровский в совершенстве владеет пятью языками, прекрасно играет на фортепиано и поёт. Кстати, несколько лет назад женился на женщине, которая работает в институтской столовой заведующей производством. Она с него пылинки сдувает.

— А что, более интеллектуальной спутницы жизни он не мог себе найти?

— Их вообще-то никто вместе никогда не видел. Но говорят, что это не простая женщина. Кстати, она тоже долгое время сидела в норильском лагере. А сейчас, Лёша, я перейду к характеристике женской части преподавательского состава кафедры. Рассказ весьма занимательный.

— Ты, Илья, если можно, покорооче с женской частью, а то я боюсь, не успею помочь Алисе выкупать ребёнка.

— А тут много рассказывать не о чем. На кафедре работают три женщины: Раиса Петровна Погорелова и Лидия Кирилловна Бородина — старшие преподаватели. Ольга Павловна Афанасьева — ассистент. Раиса Петровна и Лидия Кирилловна — две «заклятые» подруги, жёны норильской номенклатуры. Ведут себя на кафедре, согласно инструкциям мужей, тише воды, ниже травы. Слова лишнего не скажут. Что же касается ассистентки Афанасьевой, то ничего хорошего сказать о ней не могу. Скандальная, склочная тётка, везде ищет правду. Недаром студенты зовут её ведьмой. Живёт одна в трёхкомнатной квартире, которая ей досталась в результате обмена Новосибирска на Норильск. Ну вот, пожалуй, и всё.

Ан нет! Забыл ещё одного — старшего преподавателя Антона Васильевича Петряева. Он первым пришёл на кафедру после работы в Норильском горно-металлургическом техникуме. Может часами рассказывать о выдающихся учёных, которые преподавали в Норильском техникуме в лагерное время и с которыми был близко знаком. Женат, имеет четверых детей. Жена нигде не работает. Для Норильска это редкое явление. Оба они откуда-то из Сибири. Петряев — страстный рыбак и охотник. В пятницу вечером уходит в тундру и только в понедельник утром возвращается в город.

— В общем, из твоего рассказа следует, что на кафедре все преподаватели приезжие. Одна твоя Ленка была местной.

— Нет. Ещё секретарь Света. Мы с ней в одну школу ходили.

— И, как я понял, люди все небезынтересные.

— Наверное. Но вообще, мне трудно судить. Кафедра, как ты видишь, «сборная солянка». Все приехали в Норильск по разным

причинам и с разными целями. А главное, неизвестно, на какое время они ещё здесь задержатся.

Последняя фраза Ильи говорила о том, что он, родившийся в Норильске и знающий изнутри этот суровый край, затрудняется дать объективную оценку приехавшим сюда людям. Не исключено, что, произнося эти слова, он имел в виду и самого Алексея Соловьёва.

Ремонт подходил к концу, и Алиса утром в шутку сказала, что скоро приведёт в квартиру приемочную комиссию.

7.7

Заседание кафедры механики было назначено на два часа дня в субботу, когда ни у кого из преподавателей не было занятий. Лёша пришёл за двадцать минут до его начала. В преподавательской уже было двое — пожилой мужчина, сидевший за столом на возвышении боком ко входу, и секретарь кафедры Светлана. На приветствие Лёши радостно откликнулась только Светлана. Мужчина, а это был, по всей видимости, профессор Прохоров, даже не повернул головы. Постепенно стали подходить остальные члены кафедры, и Лёша, вспоминая описания, данные Ильёй, легко угадывал — кто есть кто. Первым в аудиторию зашёл Кобылянский. Большой и шумный, он расцеловал Светлану, поздоровался за руку с Лёшей и громко поприветствовал профессора Прохорова. За ним последовал пахнущий дорогим парфюмом старший преподаватель Сидоровский. Белая рубашка, бабочка, элегантный костюм — всё говорило о том, что этот господин (товарищем его назвать было никак нельзя) был классово чужд всем остальным членам кафедры. Он поцеловал руку Светлане и обменялся рукопожатиями с присутствующими мужчинами. Затем одна за другой зашли две женщины, а после них Петряев и заведующий лабораториями Витёк. Женщины, громко поздоровавшись, сразу же сели за свои столы. Судя по тому, как их приветствовали остальные члены кафедры, это были Раиса Петровна и Ольга Павловна. Раиса Петровна вытащила из сумочки маленькое зеркальце и стала поправлять причёску, а Ольга Павловна открыла ящик стола и сразу начала что-то в нем искать. Петряев и Витёк, расцеловавшись со Светланой, обошли всех мужчин кафедры и поздоровались с ними за руку.

Последним, буквально за минуту до начала заседания, в аудиторию влетел заведующий кафедрой Александр Иванович Винокуров. Быстро обегал всех присутствующих, каждому сказал какие-то приятные слова и сел за свой стол на подиуме.

— Прошу прощения, задержался у декана. Итак, начнём наше первое в этом учебном году заседание кафедры. Присутствуют все члены кафедры, за исключением Лидии Кирилловны, которая ещё не вернулась из отпуска. Сначала я хочу представить вам нашего нового коллегу, старшего преподавателя Алексея Натановича Соловьёва. Вы ещё не получили подтверждения ВАК о присуждении вам учёной степени, Алексей Натанович?

— Нет ещё.

— Ну, ничего. Думаю, что скоро получите. А теперь по традиции мы поделимся впечатлениями от проведенного отпуска. Давайте начнём справа налево. Пожалуйста, Пётр Петрович, — обратился Винокуров к Кобылянскому.

— Отдыхал в Сочи. Все два месяца. О чём рассказывать, не знаю. Но если будут вопросы, с удовольствием отвечу, — и Пётр Петрович рассмеялся во весь голос.

Вопросов, конечно, не было, но настроение у всех от его выступления поднялось.

— Как всегда, коротко, но со вкусом. Прошу вас, Владимир Евграфович.

— Мы с Клавдией Васильевной провели первый месяц в Ленинграде. Походили по театрам, музеям, выставкам. Посетили пригороды — Пушкин, Петергоф, Царское село и т. д. А потом путешествовали по Золотому кольцу. Я сделал много интересных фотографий. Когда всё смонтирую, покажу фильм на кафедре.

— Спасибо, Владимир Евграфович. Вы ведь сами, если мне не изменяет память, родились в Ленинграде?

— Нет, я родился в Санкт-Петербурге.

— Понятно. Теперь послушаем Раису Петровну. Пожалуйста.

— Мы с мужем отдыхали в санатории в Крыму. Так что рассказывать нечего.

— Спасибо, Раиса Петровна.

Было заметно, что этой даме дополнительных вопросов об отдыхе заведующий кафедрой задавать и не собиравался. Следующим был Соловьёв.

— Я думаю, что спрашивать нашего нового преподавателя об

отдыхе не стоит, так как летом он, естественно, занимался вопросами переезда из Москвы в Норильск. Поэтому сразу предоставим слово Ольге Павловне. Прощу вас.

— Преподаватель должен постоянно повышать свою квалификацию и пополнять знания, — бодро проговорила Ольга Павловна. — В мире науки есть много примеров, когда серьёзные люди в отпуск вообще никогда не ходили. Я использовала предоставленные мне два отпускных месяца для работы в библиотеке города Новосибирска. И мне кажется, что я уже определилась с темой будущей диссертации.

— Это очень хорошо, Ольга Павловна. Но я бы порекомендовал вам, прежде всего, подыскать себе научного руководителя, — заметил Винокуров.

— Зачем? Ведь можно защищать кандидатскую диссертацию и без научного руководителя, — отпарировала Ольга Павловна.

— Конечно, можно, но это намного сложнее. И всё равно желаю вам успеха, — ответил ей Винокуров. — Пожалуйста, заведующий лабораториями Виктор Семёнович. Вам слово.

— Так как я отгулял часть отпуска зимой, то оставшуюся часть работал на кафедре. Мы со Шмидтом, с ударением на последний слог, сделали небольшой ремонт, провели ревизию лабораторного оборудования. Нам в этом помог и новый преподаватель. Нормальный мужик.

— Спасибо, Виктор Семёнович. Перейдём к старшему преподавателю Петряеву. Пожалуйста, Антон Васильевич.

— В отпуске были всей семьёй в деревне у моих родителей под Абаканом. Кое в чём помогли по хозяйству. Они люди пожилые, многое уже не могут сами сделать. Зато наши дети провели два месяца на свежем воздухе. В общем, всё хорошо.

— Спасибо. Завершаем наш краткий обмен отпускной информацией сообщением нашего уважаемого профессора Прохорова. Прощу вас, Владимир Петрович.

— Я всё лето был в Норильске. Читал, писал, гулял по тундре.

— Замечательно. Ну и я расскажу вкратце, — предоставил сам себе слово заведующий кафедрой. — Выезжал на месяц повидаться с дочерью и своим пожилым отцом. Остальное время провёл в Норильске. Занимался кафедральными делами. Вот, пожалуй, и всё. Да нет, не всё, — спохватился Винокуров. — Светлана, а вы куда ездили?

— А куда ей ехать, когда она беременная, — подал голос со своего места Витёк. — Ей сейчас резкие перемены климата ни к чему.

Раздался дружный смех, и кафедра моментально оживилась.

— Ай да Светлана, ай да тихоня! — заорал Кобылянский. — Скрыть от своих коллег самое важное.

— Так уж получилось, — покраснев, ответила Светлана.

— Женщины всегда бывают беременными не вовремя, — серьёзно заметил большой знаток этого явления Петряев.

И снова грохнул смех, которого давно уже не слышали стены кафедры.

7.8

Ещё некоторое время преподаватели говорили о расписании занятий, нагрузках, о перспективах на новый учебный год. В конце заседания заведующий кафедрой предупредил, что вся учебно-методическая документация должна быть представлена ему не позднее 15 сентября. А потом на столе секретаря неожиданным образом появился большой торт.

— Ура! — загалдели все, обступив стол Светланы. Больше всех орал и прыгал Кобылянский, но его осадил Ольга Павловна:

— Тихо, Пётр Петрович. Торт нужно ещё нарезать.

— Думаю, что это дело нужно поручить Петряеву, — предложил Витёк. — Он у нас человек многодетный и хозяйственный. Справится лучше всех.

Светлана достала из своего шкафа стаканы, заварной чайник, сахар, маленькие ложечки. Чаепитие с шутками и анекдотами продлилось ещё примерно час. Все были очень довольны нестандартным окончанием заседания кафедры.

Идя домой, Лёша мысленно проводил параллель между своей кафедрой в МВТУ, где заканчивал аспирантуру, и норильской — где ему предстояло теперь работать. Понятно, что норильский и московский институты нельзя было сравнивать между собой ни по какому параметру. Об этом его, кстати, сразу предупредил Витёк. Но он не мог отказать себе в том, чтобы не воскресить в памяти свой институт, в котором учился, и кафедру, на которой готовил диссертацию. В состав московской кафедры входило, включая аспирантов, около 70 человек: 5 профессоров, докторов технических наук, 26 доцентов, кандидатов наук и более 20 стар-

ших преподавателей и ассистентов. У каждого из преподавателей был свой рабочий стол и часы пребывания на кафедре. Аспиранты на время заседания кафедры должны были приносить дополнительные стулья из лабораторий. Заседание кафедры в МВТУ всегда проходило в режиме строгого регламента, без реплик и замечаний, а тем более без чаепития. Всё под протокол, который вели, дублируя друг друга, заместитель заведующего кафедрой по учебной работе и секретарь. После заседания никто практически никогда не задерживался. Все всегда куда-то спешили — на занятия, заседание Учёного совета или каких-то комиссий, домой или на дачу.

МВТУ был вузом мирового уровня с более чем столетней историей, грандиозными достижениями как в области научных разработок, так и подготовки кадров. Но сегодня на кафедре Норильского технологического института Лёша почувствовал, что здесь ему как-то спокойнее и теплее, чем в Москве. Здесь никто никого не подавляет авторитетом, не требует дополнительных предпочтений и привилегий. Люди более независимы в своих суждениях, не стесняются высказывать своё мнение и, по всей видимости, самостоятельны в принятии решений.

Лёша быстрым шагом шёл домой, чтобы поскорее поделиться с женой своими первыми впечатлениями от встречи с новыми коллегами. И ещё он очень хотел увидеть своего сына Виктора. На этом имени, после многочасовых обсуждений и отклонения имен обоих дедушек, настояла Алиса.

Лёша открыл дверь своим ключом.

— Лисёнок, я уже дома, — громким голосом объявил он. — А почему меня никто не встречает и не радуется моему приходу?

— Почему никто, — высунулась из комнаты Алиса, — вот Витюша отреагировал на твоё появление — внеочередной раз описался. Раздевайся и, если не умираешь с голоду, помогай мне с ребёнком.

— Хорошо, но параллельно я буду рассказывать тебе о том, что увидел и услышал сегодня на заседании кафедры.

— Давай, я тебя слушаю.

— Ты знаешь, мне понравились люди на кафедре. Простые, добродушные. Без какой-либо фанаберии. Меня так все приветливо встретили.

— Соловьёв, ты простой, как здравствуйте. И очень доверчивый. Тебя разве мама не учила, что никому в жизни нельзя верить,

тем более при первой встрече. Посмотрим на твоих коллег этак через месяц или два.

— И что?

— А то. Чтобы люди раскрылись, нужны какие-то неординарные ситуации. Например, делёж денег или распределение должностей. Вот тогда у тебя появятся основания говорить о том, кто есть кто. А сегодня вы просто пили чай с сухками.

— Не с сухками, а с тортом.

— Не имеет значения.

— Алиска, тебя как много лет назад запугали в детдоме, так ты из этого состояния не можешь выйти.

— Это лучше, чем то, в котором пребываешь ты, апостол Лёша.

— Такого имени в библии не было.

— Там такого чудака, как ты, тоже не было.

7.9

Все факультеты и кафедры Норильского технологического института располагались в одном здании. Не нужно было перебегать — иногда без шапки и пальто — из одного корпуса в другой, как это было в МВТУ. Преподавателей в институте было не более 150 человек. Они практически все знали друг друга, так как регулярно посещали различные мероприятия. Лёша приходил на кафедру каждый день и занимался своими делами, не вступая пока ни в какие отношения с другими членами кафедры. В первом семестре лекций у него было немного, поэтому Винокуров рекомендовал ему для приобретения опыта посетить занятия других, ведущих преподавателей.

В течение дня на кафедре находились, как правило, три человека: профессор Прохоров, доцент Кобылянский и секретарь Светлана. Владимир Петрович обычно сидел за своим столом и, ни с кем не разговаривая, что-то читал, изредка делая какие-то пометки. Пётр Петрович постоянно звонил по телефону или куда-то убежал, но через короткое время возвращался. Светлана печатала на машинке или раскладывала по папкам поступившие на кафедру приказы и распоряжения.

Сегодня Лёша собирался завершить составление своего индивидуального плана работы преподавателя и подать его на утверждение заведующему кафедрой. Такой план он составлял впервые, так как от аспирантов кафедры МВТУ этого никогда не требова-

лось. Светлана накануне объяснила ему, что это основной документ в вузе, который регламентирует работу преподавателя и состоит из четырёх разделов: учебная, учебно-методическая, научно-исследовательская и организационно-воспитательная работа. На все виды работ каждому преподавателю Норильского технологического института отводится 1400 часов в год. Первый раздел заполняется заведующим кафедрой в соответствии с распределением учебной нагрузки по кафедре. Учебная нагрузка старшего преподавателя — лекции, практические занятия, проверка контрольных работ, приём экзаменов и зачётов — составляют примерно 800 часов в год. Эту цифру нужно принять как данность. Остаётся ещё 600 часов, которые преподавателю требуется распределить самому по другим разделам плана.

Лёша задумчиво смотрел на свои записи, не зная, с чего начать. У Светланы спрашивать было нечего: как технический работник она уже всё, что могла, рассказала. Озабоченный Кобылянский бегал туда-сюда. Оставался профессор Прохоров, но к нему Лёша подойти стеснялся. Промучившись так весь рабочий день, Лёша собрал черновики, положил их в ящик своего стола и пошёл домой.

7.10

На следующий день, придя на кафедру пораньше, Лёша продолжил раздумья по поводу своего индивидуального плана. Просидев два часа над черновиком и не найдя ответов на многие вопросы, Лёша решил всё-таки обратиться к профессору Прохорову.

— Извините, Владимир Петрович, могу я вас побеспокоить на предмет составления своего индивидуального плана?

— Конечно, молодой человек. Присаживайтесь. Что у вас за проблема?

— Дело в том, что я эти бумаги заполняю впервые в жизни, и мне хотелось бы с вами посоветоваться, как это лучше сделать.

— Понятно. Ничего страшного. Мы всё что-то делаем первый раз в жизни. Давайте пройдемся по разделам плана. Смотрим первый раздел — учебная работа. Здесь обсуждать нечего: что поручено кафедрой, то и нужно выполнять. Единственное, вы должны добавить часов двадцать на посещение лекций других преподавателей кафедры — для приобретения опыта. Переходим ко второму разделу — учебно-методическая работа. В этом разделе, а он очень

большой, нужно определиться с центральной позицией. Вы, будучи аспирантом, никогда лекций в своём вузе не читали?

— Нет.

— А практические занятия вели?

— Вёл, но мало.

— Тогда это у вас будут часы подготовки к лекциям и проведению практических занятий. Ну, ещё, может быть, разработка рекомендаций для самостоятельной работы студентов. Всё. Этого вполне достаточно на один учебный год.

Теперь третий раздел — научно-исследовательская работа. Здесь всё на ваше усмотрение: пишите научные статьи, готовьте доклады на конференции и так далее. Только позвольте мне дать вам один совет: свою науку, которой вы занимались в МВТУ, переведите на рельсы Норильского комбината. Для этого вам обязательно нужно найти хорошую тему для хоздоговорной работы. Это, во-первых, защитит вас от нападков, что вы занимаетесь наукой, связанной с прежней кафедрой, а во-вторых, даст возможность получить дополнительный заработок.

Ну и, наконец, четвёртый раздел — организационно-воспитательная работа. Здесь укажите участие в заседаниях кафедры и работу куратором группы. Эту нагрузку деканат повесит вам в любом случае.

Да, и вот ещё. Постарайтесь наладить дружеские отношения со своими коллегами. Народ на кафедре непростой — сбежался со всей страны. Но какой есть.

7.11

В том, что коллектив преподавателей кафедры непростой, Лёша скоро убедился сам. Не проходило ни одного мероприятия на кафедре, чтобы не возникала конфликтная ситуация между доцентом Кобылянским и ассистенткой Афанасьевой. При этом участники столкновения были непримиримы в своих позициях по любому вопросу. Сегодня спор возник после того, как заведующий кафедрой Винокуров сделал объявление:

— Товарищи, 6-го ноября в актовом зале нашего института состоится торжественное собрание, посвящённое 55-й годовщине Великой Октябрьской революции. Желательно всем преподавателям на этом мероприятии присутствовать.

— Почему всем? Я, например, в этот вечер занят, — негромко и больше про себя сказал Кобылянский.

— Как это занят, Пётр Петрович? — сразу отреагировала на его реплику Афанасьева. — Это же торжественное собрание.

— Для вас торжественное, Ольга Павловна, а для меня нет. Я человек беспартийный. Строем не хожу. И вообще, считаю праздником только Новый год.

— Мне ваши рассуждения, Пётр Петрович, категорически не нравятся. Вы же работник идеологического фронта. Преподаватель института. Разве можно сравнивать Новый год и годовщину Великой Октябрьской социалистической революции?

— Можно. Так как годовщина революции — праздник придуманный, а Новый год — замечательный и естественный водораздел того, что было и что будет. Это мечты о прекрасном, надежды на лучшее в следующем году. И если вы не отмечаете Новый год, то лишаете себя планов на что-то новое, неожиданное и светлое в этой жизни.

— Ну, знаете, Пётр Петрович, ваше поведение переходит уже все дозволенные границы! — задыхнулась от возмущения раскрасневшаяся Афанасьева.

На помощь ей пришёл старший преподаватель Петряев.

— Ну, давайте уже закончим этот толчок. Мне ещё ребёнка из детского садика забирать.

И тут в разговор вступил Владимир Евграфович Сидоровский. Потомственный дворянин и интеллигент до мозга костей, он не выносил простоту Антона Васильевича, которая, как известно, хуже воровства. Всё в Петряеве раздражало его — как тот одет, что говорит, как ест и пьёт. Его жуткие руки с грязью под ногтями, обсыпанный перхотью пиджак и жеваный носовой платок вызывали у Сидоровского чувство брезгливости и непреодолимое желание сказать Петряеву какую-нибудь гадость. Иногда он сдерживался, но сегодня не мог совладать с собой.

— Антон Васильевич, голубчик, вы следите, пожалуйста, за своим языком. Тут всё-таки дамы.

— А что я такого сказал? Предложил закончить болтовню и расходить по домам.

После этого в разговор вмешался Витёк. Он всегда считал необходимым поддержать Владимира Евграфовича как человека, который, как и он сам, прошел зону. Со стороны это выглядело весьма

комично, так как трудно было себе представить людей настолько разных, как утончённый Сидоровский и развязный Витёк.

— Ну, ты, Антон, даёшь, в натуре. Ты чего, не знаешь, что в тюрьме называют толчком?

— Нет, не знаю.

— Ну, тогда спроси у серьёзных людей, если не знаешь, а не ляпай своим языком что попало.

На этом спор закончился, но на душе у Лёши остался какой-то неприятный осадок, так как, в принципе, он не понял, из-за чего весь этот сыр-бор разгорелся.

7.12

А ещё через несколько дней благостное впечатление от кафедры механики Норильского технологического института у Лёши рассеялось полностью. Зайдя в преподавательскую за своей спортивной сумкой, чтобы идти в спортзал, он случайно услышал разговор между профессором Прохоровым и ассистентом Афанасьевой. Владимир Петрович, как обычно, сидел на своём рабочем месте, невидящим взглядом уставившись в стенку напротив своего стола. Рядом стояла Ольга Павловна и что-то очень громко доказывала. Судя по её возбуждённому виду и активной жестикуляции, обсуждаемая тема была для неё очень важна. Лёша зашёл в аудиторию в тот момент, когда речь Афанасьевой достигла своей кульминации.

— Владимир Петрович, вы должны меня поддержать на заседании кафедры. Ваше мнение, как правило, является решающим. Никто не смеет вам возражать.

— Но позвольте спросить, Ольга Павловна, почему я должен это делать? Какие аргументы в пользу вашего желания стать старшим преподавателем я могу привести?

— Как какие? Очень простые. Я работаю на кафедре третий год, и всё на ассистентской должности. Замечаний по работе не имею, а на мои обращения к заведующему получаю стандартный ответ: нет вакансии. И в то же время на кафедру сваливается некто из Москвы, и для него это место сразу находится.

— Помилуйте, дорогая моя...

— Давайте без этого!

— Давайте. Молодой человек, на которого вы так ополчились,

окончил в Москве институт и аспирантуру, защитил там диссертационную работу.

— Я тоже окончила Иркутский государственный университет и собираюсь поступать в аспирантуру.

— Ну, вот когда поступите, тогда и продолжим наш разговор. А вообще, это не моя компетенция. Обращайтесь к заведующему кафедрой.

— Спасибо за внимание.

Ольга Мефодьевна резко повернулась к двери, чуть не налетев на Лёшу, и даже не поздоровавшись с ним, выскочила из преподавательской в коридор.

— Не обращайтесь внимания, Алексей Натанович. С ней это бывает, — раздался голос профессора Прохорова.

— А что всё-таки случилось? — поинтересовался Лёша.

— Алексей Натанович, вы не могли бы подойти поближе. Я вас плохо слышу. — Когда Лёша сел напротив Прохорова, он тихим и спокойным голосом продолжал: — Понимаете, молодой человек, в Норильском технологическом институте изъявили желание работать совершенно разные люди со всей нашей страны. Но каким был человек на «материке», такого каждый из них и привёз с собой в Норильск. Вот вы почему, извините за вопрос, сюда приехали?

— Надоело жить в общежитии, а на съём квартиры в Москве денег не было. Плюс сын родился. Одним словом, материальные проблемы.

— Вот видите. Причины весьма уважительные. Я тоже попал в Норильск по семейным обстоятельствам. И встретились мы с вами на одной кафедре. А что такое кафедра? Кафедра — это первичный вузовский коллектив, объединённый профильными дисциплинами. А теперь вместо кафедры представьте себе бочку. Для того чтобы бочка не рассыхалась и в скором времени не развалилась, нужны скрепляющие обручи. В нашем случае обручами являются учебные или научные школы. А их нет.

— Наглядное определение.

— Идём дальше. Норильский институт — это собрание трогательных и наивных людей, приехавших за новой жизнью: кто за деньгами, кто за должностями. Здесь собрались люди с разными учебными установками и из разных научных школ. У них нет точек соприкосновения между собой. Отсюда постоянные, но, слава богу, маленькие войны.

— И когда ситуация на кафедре может измениться к лучшему?

— Когда появятся свои, доморощенные кадры.

— Я к данной категории не отношусь?

— Думаю, что нет. Вас, пожалуй, можно отнести к лицам, являющимся предвестниками улучшения ситуации. Окончили столичный институт, аспирантуру и начали здесь свою преподавательскую деятельность. А я имею в виду выпускников нашего института, которые придут работать на кафедру.

— Не по этой ли причине, Владимир Петрович, вы отказываетесь быть заведующим кафедрой?

— И по этой тоже. Управлять таким коллективом, как наш, — большое искусство и одновременно большой риск. А мне в моём возрасте такие игры уже ни к чему.

7.13

После зимней сессии, первой в жизни старшего преподавателя Соловьёва, доцент Винокуров подводил её итоги на заседании кафедры:

— Алексей Натанович, декан нашего факультета Анатолий Никифорович Сысоев недоволен результатами экзаменов студентов второго курса. В группе, где двадцать один человек, вы поставили шесть двоек.

— Извините, Александр Иванович, но в вашем замечании имеет место подмена понятий. Не я поставил, а студенты получили неудовлетворительные оценки.

— Неважно, как это звучит. Но пока ситуация не изменится, ни о какой вашей командировке в Иркутск речи быть не может. Вам понятно?

— Понятно.

— А теперь поделитесь с нами, что вы собираетесь предпринять для улучшения успеваемости студентов?

— Думаю, что за несколько недель мы эту проблему решим.

— Каким образом?

— Я проведу с не сдавшими экзамен студентами дополнительные занятия по наиболее сложным темам.

— У вас нет в индивидуальном плане на эту работу дополнительных часов.

— А я за счёт своего свободного времени. Ведь это и моя недо-

работка, что ряд студентов получили плохие оценки. Они пришли сюда за знаниями, а я их, получается, не дал.

После такого необычного заявления в преподавательской воцарилась тишина. Было непонятно — поддерживают ли коллеги такой подход старшего преподавателя Соловьёва к студентам или не согласны с ним. Высказываться никто не спешил. Уж больно всё это не вписывалось в общепринятую схему.

Наконец поднялся доцент Кобылянский и не свойственным ему тихим голосом сказал:

— Алексей Натанович, простите за вопрос: вы считаете, что нет плохих студентов, есть плохие преподаватели?

— Я сказал, что у меня как у преподавателя имеют место, по всей видимости, недоработки, которые мне и следует устранить.

— А скажите, пожалуйста, что делать со слабыми в плане подготовки к учебе в высшем учебном заведении студентами? — продолжал наступать на Лёшу Кобылянский. — Вы знаете, что мы за счет этих абитуриентов выполняем государственный план приёма студентов на непрестижные специальности? Государственный план.

— А кому нужен этот липовый план? Эти дутые цифры? Мы таких же дутых специалистов и готовим, — невозмутимо ответил Лёша.

— Вы что, уважаемый, с луны свалились? Мы обязаны осуществлять приём студентов, в противном случае министерство так нам всыплет, что мало не покажется.

— Я вообще, не понимаю — что это за «непрестижные специальности»? — не отступал Лёша. — Это горняки, металлурги, электрики — по вашему определению — относятся к непрестижным специальностям? А кто же будет добывать в стране руду, варить сталь? Давать нам, в конце концов, электроэнергию? Все специальности должны быть престижными.

— Какой вы грамотный, Алексей Натанович. А позвольте узнать, каким же образом это сделать? Вам в Москве случайно об этом не рассказывали?

— Случайно рассказывали. Нужно просто усилить агитационно-разъяснительную работу по привлечению в институт подготовленных к обучению в вузе абитуриентов и прекратить заниматься очковтирательством, или, как вы говорите, выполнять государственный план. Кстати, соотношение числа жителей города

и количества студентов в Москве равно приблизительно 12 к 1, а у нас — порядка 50 к 1. В Норильске, городе с населением более двухсот тысяч человек, есть единственное высшее учебное заведение — это наш институт. Таким образом, Норильск имеет колоссальный резерв желающих получить высшее образование, а мы не можем этим воспользоваться и рассказываем друг другу сказки о непрестижных специальностях.

— Прекрасный лозунг, Алексей Натанович. Просто замечательный. А главное — очень актуальный. Да вы, батенька, прожжённый идеалист. Или прикидываетесь им, что в принципе одно и то же. Вам бы деканом быть. Уж больно ваши рассуждения коррелируют с этой должностью.

— Ну, уж от этого, Пётр Петрович, вы меня увольте. Не имею никакого желания. А насчёт нашего разговора я обязуюсь подумать и что-нибудь серьёзное предложить.

Идя домой, Лёша, как обычно, ругал себя последними словами. Ну, идиот! Законченный идиот. Ведь понимал, что произведёт своим выступлением негативное впечатление на членов кафедры, и всё равно влез в спор. Приём подготовленных к обучению в вузе абитуриентов — это дело будущего, а сейчас на нём «висят» шесть двоечников. Надо что-то делать, а не рассуждать.

На следующий день Алексей Натанович собрал через деканат всех задолжников по своей дисциплине и провёл с ними три дополнительных тестовых занятия по самым сложным разделам курса. В результате два студента пересдали ему проваленный экзамен с оценкой «хорошо», а четверо — с оценкой «удовлетворительно». Неизвестно, дошли ли до деканата новации старшего преподавателя Соловьёва, но декан факультета Сысоев командировку ему всё равно не подписал.

7.14

Только через год Алексей Натанович Соловьёв получил возможность поехать в Иркутский политехнический институт. Целью командировки было ознакомиться с учебно-лабораторным практикумом аналогичной кафедры и заказать на базовом предприятии Иркутского института требующееся Норильскому технологическому институту оборудование. Для реализации цели командировки Соловьёву нужен был толковый помощник. И этим помощником,

по рекомендации Винокурова, стал заведующий лабораториями кафедры Виктор Петрович Самохвалов.

В аэропорту в багаж вещи сдавать не стали. Уже в самолёте, распахив по полкам свою и Лёшину поклажу, Витёк назидательно ему объяснил:

— Смотри, Натаныч, мы прилетаем в Иркутск поздно вечером. Такси в это время в аэропорту бывает мало. Если вообще бывает. Нам нужно как можно быстрее, не возясь с получением багажа, дуть на стоянку. Поэтому всё своё берём с собой. Ты понял?

— Да, понял.

— Теперь второе. Ты когда-нибудь в гостинице останавливался?

— Нет. Я вообще первый раз в жизни лечу в командировку.

— Тогда слушай. Свободных мест в советских гостиницах не бывает. Это закон. Они есть, конечно, но администрация всегда придерживает их для обкома, исполкома, профсоюзов, то есть для полезных людей или для своих родственников и знакомых. Это очень доходное место работы в нашей стране. Ну, так вот. Ты никуда со своим командировочным удостоверением не лезь. Я сам всё решу.

Приехав на такси в одну из наиболее приличных гостиниц Иркутска, Витёк оставил Лёшу с вещами в холле.

— Всё. Сиди здесь, а я пойду поищу кабинет заместителя директора гостиницы.

— Почему заместителя?

— Потому что, во-первых, заместитель всегда на месте, в отличие от директора, а во-вторых, все щекотливые вопросы в таких заведениях решаются через вторых лиц. Это безопасней и эффективней.

Вернулся он довольно скоро, держа в руке ключ от двухместного номера. Когда они зашли внутрь, Витёк хозяйским взглядом окинул комнату, выглянул в окно, оценив вид на город, потом проверил, есть ли холодная и горячая вода, работают ли телевизор и телефон.

— Всё нормально. Теперь пойдём в ресторан ужинать.

— Ты что, Витёк, уже половина одиннадцатого вечера. Ресторан, наверное, уже закрыт.

— Учти, Натаныч, самое вредное в жизни слово — «наверное». Оно расслабляет человека и предоставляет ему возможность ничего не делать. Если закрыт, значит для нас откроют. Не умирать же нам, в натуре, с голода.

— Скажи, Витёк, откуда у тебя такой пробивной подход ко всему? Ты родился таким или это благоприобретённое?

— Последнее слово не понял. Но это неважно. Как тебе уже как-то рассказывал, я около двух лет чалился в норильском лагере, а до этого четыре месяца — в краснодарской пересылке. Там у меня друган образовался — Сёма Перепелицкий. Щипач от бога. А как он играл в карты, какие пальцы! Шопен! Ну, так вот. Сёма мне как-то объяснил: любая просьба должна быть всегда связана с благодарностью — или до её исполнения, или после. Нормальные люди — такие, как я, — по этому принципу живут. И всё в этой жизни имеют. Другие — такие, как ты, — живут по другим принципам и ничего не имеют.

— Ты знаешь, Витёк, этот принцип, по всей видимости, работает только в нашей стране. Мне отец рассказывал, что он после войны ещё некоторое время в Европе оставался. Так в заграничных ресторанах не бывает меню, в котором напротив какого-нибудь блюда стоит слово «нет».

— Ну, а если в самом деле этого блюда в ресторане нет?

— Тогда просто на всех столиках меняют карточки с меню.

— Не понял, к чему ты это всё, Натаныч? Больно заумно излагаешь — сразу и не ухватишь.

— Ладно, Витёк, не напрягайся. Ты лучше мне скажи, почему, выйдя из лагеря, ты не уехал из Норильска?

— Чтобы жить по принципу, о котором только что тебе рассказал. Я не хочу и не умею ничего просить. Я состою со всем миром в договорных коммерческих отношениях. Ты понял меня?

— Нет.

— Ну и не надо.

7.15

Вернувшись после ресторана в свой номер, Лёша и Витёк проговорили почти до самого утра. Вопросы в основном задавал Лёша, первый раз в жизни беседуя с человеком, у которого за спиной был реальный тюремный срок. Витёк спокойно на них отвечал — как человек, познавший жизнь не по книгам в публичной библиотеке, а на ощупь, ежедневно с ней соприкасаясь. И было совершенно очевидно, что Витёк, имея семь классов образования, чувствовал

себя в жизни значительно уверенней, чем Лёша, получивший учёную степень.

Лёша с огромным интересом слушал всё, о чём говорил Витёк: о Норильске, зоне, отношениях между людьми, охоте, рыбалке, любви. А он, упиваясь ролью наставника, с большим удовольствием рассказывал этому образованному человеку, как нужно в советской стране жить. Часа в четыре утра, когда уже у обоих закрывались глаза, Лёша неожиданно спросил:

— А вот я знаю, что в лагерях обычно висят плакаты типа «На свободу — с чистой совестью». Ты вообще как к этому относишься?

Тут Витёк заржал так, что у Лёши сразу пропал весь сон.

— Ну, ты даёшь, Натаныч! Вот что значит образование. Ишь, как глубоко заехал. Да кто же на зоне плакаты читает? Их просто не замечают. Висят и пусть себе висят.

— А я думал, что в лагере существует система перевоспитания заключённых?

— Может, и существует, но я этого не заметил. Как мне объясняли сидельцы со стажем, никакого перевоспитания на зоне не происходит — каким человек в лагерь приходит, таким и уходит. Суть наказания состоит в том, чтобы, во-первых, на какое-то время изолировать преступника от общества, а во-вторых, создать ему в заключении такие условия жизни, чтобы он с ужасом думал о возможном туда возвращении. Вот и всё.

В справедливости этого объяснения Лёша имел возможность убедиться через несколько дней. В один из вечеров, когда они с Витьком сидели в ресторане гостиницы и наслаждались пивом, к их столику подошёл сильно подвыпивший молодой человек и нахально заявил:

— Слышь, мужики, я к вам присяду ненадолго пивка попить, а то в кабаке свободных мест нет.

— Не получится, земляк, — отрезал Витёк. — У нас тут с корешком серьёзный разговор, так что мешать будешь.

— Чево, а может, это ты мне мешаешь? — потянулся пьяный за бутылкой пива, стоящей на столе.

Тут Витёк резко вскочил на ноги и в его правой руке что-то блеснуло. Это «что-то» он приставил к горлу незваного гостя и сказал тихо, но внятно:

— Пшёл вон, фраерок. Не то сейчас начнёшь собственные мозги глотать, а это не очень приятное занятие.

Мгновенно протрезвевший парень отскочил от их стола и, не оглядываясь, направился к выходу. А Витёк как ни в чём не бывало открыл новую бутылку пива и назидательно сказал Лёше:

— Это обыкновенная ложка, только с другого конца — заточка. Она всегда при мне. Очень полезная вещь. Так что, Натаныч, тюрьма — это не только место отбытия наказания. Это суровая школа жизни.

7.16

Из десяти дней командировки Витёк ночевал в номере гостиницы всего два. В остальные дни вечером уходил куда-то и возвращался только утром. На наивный вопрос Лёши, где он бывает по ночам, Витёк в присущей ему манере ответил:

— Да встретил тут одного знакомого. Читаем вместе по ночам Программу КПСС. Очень интересное занятие.

Но вечером последнего дня пребывания в Иркутске Витёк остался в гостинице. Сначала они обсуждали результаты командировки, а потом разговор снова зашёл о жизни в Норильске. Разница в возрасте у Лёши с Витьком была всего несколько лет, а складывалось впечатление, что беседуют люди из разных поколений.

— Скажи, Витёк, а ты женат?

— Конечно. Нормальный человек в моём возрасте должен быть женатым. Это естественное состояние всего живого на земле — найти пару и продолжить свой род. Все остальные отношения — отклонение от нормы. За это очень сильно наказывают в тюрьме.

— И дети у тебя есть?

— Есть. Двое. Мальчик и девочка. Поэтому после работы в институте я ещё халтурой занимаюсь — побелить там чего, починить, перевезти и т. д. Деньги нужны.

— А что, нашей зарплаты тебе не хватает?

— Это тебе после Москвы кажется, что у нас зарплата хорошая, а поживёшь немного в Норильске, и у тебя будут другие представления. Расходы на Крайнем Севере очень большие. Только зимняя одежда на всю семью чего стоит. А в отпуск съездить, а так кое-чего себе позволить...

— Я в Норильске в отпуске ещё не был ни разу.

— Будешь. Обязательно будешь. Я вот что тебе, Натаныч, хочу сказать. На зоне человеку в наше время легче прожить, чем на

воле. Там тебя кормят, одевают, работу дают, а на воле ты должен сам крутиться.

— Ну, ты, Витёк, совсем уж заговариваешься.

— Ничего не заговариваюсь. Не вороти нос, а слушай. Вот ты в Норильске — зависимый человек.

— В каком смысле?

— В прямом. Избрали тебя по конкурсу на пять лет, и администрация института на этот срок заключила с тобой письменный трудовой договор. Конечно, тебе по этому договору и северные надбавки выплачивают, и северный стаж начисляют. Опять же раз в три года проезд всей твоей семье на «материк» в отпуск и обратно оплачивают и т. д. Но самое главное, за тобой автоматически бронируется жилплощадь и прописка в том месте, из которого ты уехал на Крайний Север.

— А на «материке» разве не так?

— Конечно, нет, так как нет позиций, которые я только что перечислил. Но самое главное не это. Там, если ты увольняешься, то есть возможность — особенно в большом городе — найти другую, равноценную работу. А в Норильске куда ты, например, со своей учёностью работать пойдёшь? Никуда.

— К чему ты мне всё это говоришь, Витёк?

— А к тому, чтобы ты с Ольгой Павловной поаккуратнее себя вёл. Она тётка без тормозов. Неизвестно, что может выкинуть. Я её в разных ситуациях видел.

— Да я её вообще не замечаю.

— А ты наоборот, замечай и помни, что я тебе сказал. На зоне меня научили одной простой истине: ничто так не объединяет людей, как ненависть. Павловна может подсобрать против тебя своих единомышленников. А когда кучей наваливаются на кого-то, виновного не найти. Поэтому ты, как правило, и остаёшься виноватым. Понял, что я тебе сказал?

— Понял. Нужно жить и всё время оглядываться. Особенно в Норильске.

— Правильно понял. Молодец, Натаныч.

Глава 8. Ранний декан

8.1

В воскресенье профессор Прохоров решил навестить своих новых знакомых — Воронова и Семёнова — на их зимовье. Начало зимы было его любимым временем года. От сентябрьской грязи уже ничего не осталось: первый снег отбелил и всё украсил. Вокруг было свежо и празднично. Правда, к празднику скоро привыкаешь, но восторг остаётся. От города до зимовья на снегоходе было ехать приблизительно два часа. Настроение у профессора было прекрасное, тем более что он, наконец, определился с подарком и вёз Александру Николаевичу две книги Ремарка — «Три товарища» и «На Западном фронте без перемен». Эти книги он много лет назад купил в Краснодаре у букиниста и очень ими дорожил.

До зимовья доехал без приключений. Заслышав шум мотора, на крыльцо вышел сам Александр Николаевич, а за ним какая-то незнакомая женщина. Не подвела все-таки интуиция Владимира Петровича в тот первый его визит к Воронову и Николаю.

— Здравствуйте, Владимир Петрович, рад вас видеть! — громко приветствовал гостя Воронов. — Познакомьтесь, пожалуйста, — это моя подруга Адель Томашова.

Женщина скромно протянула руку Владимиру Петровичу, после чего заторопилась в дом.

— Проходите, не стесняйтесь, — продолжал радостным тоном Воронов. — У нас есть ещё один сюрприз для вас. Это кошка Дуся. Живёт у нас четыре года. Раньше выходила из своего укрытия только по ночам, а сейчас, когда Адель приезжает, является народу и днём.

На голоса из своей комнаты выглянул Николай, который, как всегда, был чем-то занят. Он поздоровался с Владимиром Петровичем и опять ушёл к себе.

Прохоров прошёл в большую комнату, сел в стоящее у стены кресло, огляделся. Вроде ничего не изменилось со дня его последнего посещения, но всё равно бросались в глаза некоторые новшества. Стол покрывала красивая синяя скатерть, в вазочке посредине стола стоял большой искусственный цветок. В доме вкусно пахло пирогами.

— Это вы хорошо придумали, Владимир Петрович, что к нам приехали. Мы гостей любим и с удовольствием принимаем. Но не всех, — смеясь, проговорил Воронов.

— Ой, — спохватился Владимир Петрович, — я же вам, Александр Николаевич, подарок привёз. Сейчас принесу. — Он выскочил на улицу и достал из багажника снегохода свёрток с книгами.

Судя по тому, как аккуратно Воронов разворачивал бумагу и бережно брал в руки книги, можно было с уверенностью сказать, что он не только большой их любитель, но и ценитель.

— Ремарк. Какая красота! Всегда об этом мечтал. Спасибо, уважаемый Владимир Петрович, от всей души. — Он поставил книги на самодельную полку и отошёл чуть в сторону полюбоваться.

— Так. А сейчас будем обедать, — не терпящим возражения тоном объявила Адель, выходя из кухни. — Убираем со стола всё, что не имеет к обеду отношения.

— Прошу огласить меню полностью, — раздался из другой комнаты голос Николая.

Адель с укоризной заметила:

— Это всё ваше тлетворное влияние, Александр Николаевич. Совсем разбаловали молодого человека своими цитатами. — И пошла на кухню за большой кастрюлей борща.

8.2

После обеда все остались сидеть за столом. Даже Николай не вернулся в свою комнату. Сначала разговор шёл о кошке Дусе, её характере и привычках. Дуся уютно устроилась на коленях у Адели. Оказалось, что кошка весьма избирательна в отношении людей. Если человек был ей приятен, она позволяла себя погладить или бесцеремонно прыгала к нему на колени. А остальных просто игнорировала.

— Александр Николаевич, а почему вы завели кошку, а не собаку? По закону тундры собака — неотъемлемая часть жилья охотника.

— Ну, я не охотник. Охотник у нас Николай. Недаром местные жители зовут его Стрелок. А собака у нас на зимовье была, целых шестнадцать лет. Настоящий сибирский хаски. А когда она умерла, мы с Николаем дали зарок больше собак не заводить. У нас был тяжелый траур по ней, почти целый год горевали.

Постепенно, как и следовало ожидать, разговор перешёл на книги. Оказалось, что Александр Николаевич, проведший в тундре более тридцати лет, прекрасно помнит содержание многих из них и даже с удовольствием пересказывает.

— Здесь нет никакой загадки, — заметила Адель. — Ведь Александр Николаевич учился в парижском лицее. Там преподавали иностранные языки, логику, психологию, основы юриспруденции, не говоря уже о мировой литературе. Качество общего базового образования играет огромную, а во многих случаях определяющую роль в жизни каждого человека.

— А вы сами где учились? — спросил Прохоров у Адели.

— Грустная история. — Адель потянулась за сигаретой. В этой мужской компании она курила одна. — Я пошла в первый класс в 1941 году в сельскую школу. Мы с мамой были тогда в эвакуации в Мордовии. Учителей не хватало, поэтому нам преподавал кто попало. Например, математике и физике нас учил местный зоотехник. С годами мне пришлось всю школьную программу осваивать заново. Потом я окончила Московский инженерно-строительный институт, а в Норильск приехала по комсомольской путевке.

— В стране у всех детей должно быть одинаковое и желательно высокого качества базовое образование, — заметил Владимир Петрович. — К преподавателю начальных классов в школе должны предъявляться самые высокие требования. Но и, соответственно, зарплата у него должна быть самая высокая.

— Это почему же? — спросил Николай.

— Потому что чему можно научить ребёнка, нельзя научить даже самого продвинутого подростка. В раннем возрасте ребёнок впитывает новую информацию как губка. Поэтому преподаватель младших классов должен быть самым образованным в учительском сообществе.

Владимир Петрович сделал паузу, а потом продолжил:

— Чем взрослее ребёнок, тем больше в нём мусора. И если на пути молодого человека не встретится достойный учитель, мусор будет только накапливаться.

Воронов в разговор не вступал. Адель тоже выразительно молчала, как будто заранее знала ответы на все вопросы, звучавшие за столом. Казалось, что тема образования полностью исчерпана, когда Адель неожиданно резко возразила Прохорову.

— Всё, что вы говорите, — это теория, уважаемый профессор.

А на практике на каждого молодого человека при формировании его личности влияет, причём исключительно индивидуально, масса факторов: семья, друзья, улица, книги, радио. Даже разговоры взрослых. Всего не перечислить.

— Подписываюсь под каждым вашим словом, уважаемая Адель, — снова включился в разговор Владимир Петрович. — Заранее прошу прощения, но расскажу немного о себе. После седьмого класса школы пошёл со своими товарищами учиться в ФЗУ — школу фабрично-заводского ученичества. Время было такое. Закончил ФЗУ и начал работать на заводе. Пока не началась война. А дальше фронт, ранения, демобилизация. После войны, не снимая гимнастёрки и сапог, окончил вечернюю школу. И был там у меня классный руководитель — Василий Ильич Василенко. Замечательный человек и большая умница. Его после окончания срока заключения никуда не брали на работу. А в вечернюю школу взяли. Я ему всем обязан — и институтским дипломом, и даже докторской диссертацией. Согласен, что много чего влияет на человека, уважаемая Адель, но мудрого наставника по жизни никто не отменял.

8.3

За неторопливой беседой незаметно подошёл вечер, и Владимир Петрович стал собираться в обратную дорогу.

— Извините, профессор, вы не подвезёте до города нашу Адель? — обратился к Прохорову Воронов.

— Ну, какой разговор, Александр Николаевич. Сочту за честь!

Через десять минут на крыльцо вышла Адель в тёплом спортивном костюме, шапочке, плотно завязанной под подбородком, и больших очках. Лыжи Адели Николай закрепил вдоль сиденья снегохода. Все стали прощаться. Адель села за спиной Владимира Петровича и крепко обхватила его руками за пояс.

— А как вы обычно добираетесь до города, если нет okazji? — спросил её уже в пути Владимир Петрович.

— На лыжах. До посёлка геологов меня, как правило, провожает Николай, а дальше уже я сама.

— Не страшно?

— Нет. Но если пурга или очень холодно, то остаюсь дома. А если нормальная погода, то в субботу утром встаю на лыжи —

и вперёд. В воскресенье вечером возвращаюсь. Я молодая. Мне до пенсии ещё много лет.

— А где вы работаете, Адель?

— В институте «Норильскпроект», инженером-конструктором.

— Если что-нибудь вам будет нужно — звоните мне на кафедру. Дома у меня телефона нет.

Последние слова Прохорову пришлось прокричать из-за усилившегося встречного ветра, и разговор прекратился. Но когда они въехали в город и стало относительно тихо, Владимир Петрович продолжил диалог.

— Как ваше отчество, Адель? Как-то не совсем удобно обращаться к вам по имени.

— Вполне удобно. Отсутствие отчества делает меня моложе и смелее. Я приехала в Норильск в 1959 году вместе с мужем. Через шесть лет мы разошлись. А потом я познакомилась с Александром Николаевичем. Удивительный, потрясающий человек. Из ахматовских времён.

— В каком смысле?

— В прямом. Я в него влюблена без памяти и не скрываю этого. Молодым он вошёл в жизнь много лет назад со стихами Блока — а вышел к людям с космическими кораблями. Александр Николаевич не по своей вине проскочил замечательный возраст, когда влюбляются, дарят девушкам цветы, мечтают, делают глупости. Поэтому он молодой пожилой человек и всё воспринимает как юноша.

Говоря о Воронове и своей любви к нему, Адель раскраснелась. Несмотря на холодный ветер ей сделалось вдруг жарко, и она связала шапочку.

— А вы знаете, Адель, я, пожалуй, в следующее воскресенье снова туда поеду. Мне очень нравятся эти люди. Может, вас подбросить?

— Нет, Владимир Петрович, большое спасибо. Меня воскресенье не устраивает. Буду искать казию на субботу.

— А если не найдёте?

— Ничего страшного, пойду сама. Поползу на брюхе. Полечу по воздуху. Я без Александра Николаевича жить не могу. Без его завораживающего голоса, тёплого взгляда, умных слов. Вы знаете, почему он всегда пальцами крутит какой-нибудь предмет? Шарик там или палочку. Он великолепный пианист и, чтобы пальцы безвозвратно не «застыли», всё время даёт им нагрузку. Однажды, когда

в зимовье ещё не было пианино, Александр Николаевич сыграл для меня «Мефисто-вальс» Листа просто на столе, подпевая голосом. Это было потрясающе. А как он сказочно читает стихи. И какие стихи! Вы таких, уверена, никогда и не слышали. Ну, всё, профессор, — вдруг заторопилась Адель. — Я пошла. Спасибо за компанию.

— К вашим услугам, всего хорошего, — только и успел ответить ей Владимир Петрович.

8.4

Прошло более трёх лет с тех пор как Алексей Соловьёв с женой Алисой и сыном Виктором приехали в Норильск. Сын пошёл в детский сад. Алису приняли на работу инженером в Управление главного механика Норильского комбината. Жили они обычной, размеренной жизнью: работа, воспитание сына, встречи с друзьями. В Норильске им нравилось. Как любил выражаться Лёшин папа Натан Захарович — всё в строчку: природа, люди, зарплата. Два раза всей семьёй уже съездили в отпуск.

Алексей начал подумывать о докторской диссертации. Написал по этому поводу письмо в Москву своему научному руководителю Григорию Борисовичу и получил от него благожелательный ответ. Обстановка на кафедре за это время практически не изменилась. Ольгу Павловну Афанасьеву, хотя и с некоторыми трудностями, всё же избрали старшим преподавателем. А вот «война» между ней и Петром Петровичем Кобылянским по-прежнему периодически входила в активную фазу, но успешно гасилась на уровне декана факультета.

Сегодня заведующий кафедрой Винокуров, увидев входящего в преподавательскую Лёшу, с каким-то загадочным видом и не свойственным ему громким голосом произнёс:

— Алексей Натанович, подойдите ко мне, пожалуйста. У меня есть к вам разговор.

Вся кафедра с любопытством посмотрела в сторону Соловьёва, который не торопясь снял зимнее пальто, расчесался и только после этого неспешно направился к столу Винокурова. Перейдя на своей излюбленный шёпот, заведующий кафедрой предложил ему присесть.

— Алексей Натанович, ректорат института попросил нашу кафедру принять участие в работе комиссии по проверке кафедры

высшей математики. Мне кажется, что вы с успехом можете выполнить это поручение в качестве нашего представителя. Как вы смотрите на то, чтобы я заявил в ректорат вашу кандидатуру?

— А в чём будет заключаться моя работа в комиссии?

— Вы должны дать оценку математическому уровню студентов, которым читаете лекции. Готовы ли они воспринимать ваш курс, с точки зрения их математической подготовки. Что нужно, может быть, добавить или изменить в преподавании высшей математики для нашей кафедры.

— Я согласен, но у меня нет опыта работы в подобных комиссиях. Я в них никогда не участвовал.

— Ничего страшного, не волнуйтесь. Кафедра, если будет необходимость, вам поможет. Но я уверен, что вы справитесь сами.

Кандидатура старшего преподавателя Соловьёва была оперативно передана Винокуровым в ректорат. А ещё через два дня для комплексной проверки деятельности кафедры высшей математики приказом по институту был утвержден состав комиссии во главе с деканом энергомеханического факультета Анатолием Никифоровичем Сысовым. Помимо председателя, в комиссию вошло семь человек: пять представителей от выпускающих кафедр и два от специальных — механики и электротехники. Первое заседание комиссии декан Сысов решил провести в своём кабинете. Пока приглашённые участники совещания молча рассаживались по своим местам, он, не поднимая головы, что-то быстро писал. Прошло ещё не менее пяти минут после назначенного начала заседания, прежде чем Сысов закончил заниматься своими бумагами и без какого-либо приветствия и вводных слов обратился к членам комиссии:

— Я вас собрал, чтобы довести до вашего сведения задачу, поставленную перед нами руководством института. Дело в том, что в ближайшее время наш институт должны посетить представители Министерства высшего образования РСФСР. Я этих комиссий столько за свою жизнь перевидал, что особого восторга от встречи с ними не испытываю. На этот раз комиссия министерства собирается оценить качество преподавания физико-математических дисциплин в отдельных вузах Сибири. И мы в этот список, на свою беду, через кафедру высшей математики попали. Теперь по делу.

Разговор у декана занял не более получаса. Он оперативно распределил обязанности среди членов комиссии и назначил срок

представления ему материалов для подготовки общей справки. Всё было чётко и конкретно. Никаких вопросов от членов комиссии и никаких выступлений. Чувствовался стиль работы бывшего производственника. Лёша слышал от коллег, что кандидат технических наук Сысоев много лет работал в управлении высоковольтных сетей Норильского комбината и по совместительству преподавал в Норильском филиале Красноярского политехнического института. После организации Норильского технологического института его сразу избрали доцентом кафедры, а ещё через год он стал деканом энергомеханического факультета.

Будучи человеком грамотным и ответственным, Алексей Натанович творчески подошёл к порученному делу. В своей служебной записке он не только представил серьёзный анализ положения дел на кафедре высшей математики, но и дал целый ряд интересных рекомендаций. За выполненную работу в составе проверяющей комиссии старшему преподавателю Соловьёву Алексею Натановичу приказом по Норильскому технологическому институту была объявлена благодарность.

8.5

Возвратившись из отпуска за два дня до начала учебного года, Алексей Натанович пошёл в институт поиграть в баскетбол. В спортзале института никого не было, но это его мало огорчило. Он умел организовать сам свою тренировку: попрыгать, побегать, покидать мяч в баскетбольную корзину с разных точек зала, позаниматься на гимнастических снарядах. И тут он поймал себя на мысли, что институт без студентов пугающе пуст. В здании тихо, скучно и неинтересно. Какая-то зловещая тишина. Нет привычного шума, криков, возни. Нет красивых молодых лиц и разлитого в воздухе веселья и оптимизма. Безлюдный институт — это страшная аномалия, которую ни в коем случае не следует допускать.

Наступило первое сентября, и Норильский технологический институт ожил. Студенческая масса пришла в движение. Всё вокруг задышало и забурило. Приветствия, объятия, поцелуи, смех. И неожиданная новость: прошедшим летом декан Сысоев ушёл в длительный отпуск с последующим увольнением из института. По возрасту, Анатолий Никифорович Сысоев уже шесть лет как был на пенсии (на Крайнем Севере мужчинам назначают пенсию в пять-

десять пять), а с учётом стажа работы на вредном производстве, он мог сделать это ещё раньше. Но глядя на крепкую фигуру декана и зная его решительный характер, никто не сомневался, что он будет работать ещё долго. И вот на тебе.

Высказывались различные предположения, кто будет новым деканом одного из самых сложных факультетов в институте. Помимо четырёх общеобразовательных и специальных кафедр, в его состав входили три выпускающие кафедры, на которых работало большое число специалистов с Норильского комбината. Назывались и обсуждались разные кандидатуры претендентов, но прошло четыре дня, и ни одна из версий не имела подтверждения. В конце недели приказом по институту исполнение обязанностей декана энергомеханического факультета было возложено на заместителя декана — тихого и невзрачного старшего преподавателя кафедры физики Бориса Васильевича Филиппова, которого студенты между собой звали Филиппок. Потихоньку страсти вокруг этого странного назначения улеглись, но разговоры в институте продолжали циркулировать.

Алексей Натанович никакого интереса к интриге, связанной с возникшей вакансией декана, не проявлял. Во-первых, он никого из обсуждаемых претендентов не знал, а во-вторых, уже много лет испытывал жуткую идиосинкразию к самому понятию «декан». История с распределением его старшей сестры Ольги, которую вынужден был улаживать папа с деканом физического факультета Ростовского университета, помноженная на собственный опыт общения с деканом факультета МВТУ профессором Морозовым, который незаслуженно снял его со стипендии на весь семестр, закрепила у Лёши к должности декана самое что ни на есть отрицательное отношение.

Так бы эта ситуация и прошла мимо Алексея Натановича Соловьёва, если бы его не пригласил к себе на беседу проректор по учебной работе института Семён Владимирович Козлов.

Проректор института Козлов, так же как и ректор, не имел учёной степени. Он долгие годы работал в горно-металлургическом техникуме и Норильском филиале Всесоюзного заочного политехнического института, где получил, без защиты диссертации, звание доцента. Козлов в совершенстве знал учебный процесс, обладал уникальной памятью, позволяющей ему легко оперировать любыми ведомственными документами и инструкциями. Все

споры заведующих кафедрами с проректором Козловым, худым, желчным и жёстким в отношениях со своими подчинёнными человеком, оканчивались, как правило, убедительной победой проректора. Это ему принадлежал известный всему профессорско-преподавательскому составу института тезис: «Преподаватель вуза, по определению, ленив. Для интенсификации своей деятельности и совершенствования педагогического уровня он обязан заниматься научной и методической работой. Первая связана с написанием научных статей и подготовкой диссертации. Вторая предполагает освоение им каждые несколько лет нового учебного курса. При несоответствии данным двум позициям преподаватель института подлежит увольнению».

Алексей Натанович встречался один раз с проректором Козловым, когда готовил своё заключение по проверке кафедры высшей математики. Высказанные им замечания по методике преподавания высшей математики в Норильском технологическом институте понравились проректору и тот предложил обсудить их на методическом совете института. Сейчас, готовясь к разговору с проректором, Лёша ещё раз прочитал свою служебную записку в комиссию по проверке кафедры высшей математики и остался ею вполне доволен. Но тема его беседы с Семёном Владимировичем Козловым оказалась совсем иной.

8.6

Кабинет проректора Козлова располагал исключительно к работе. Маленькая тесная комната с одним окном, без дивана и кресел. Ничего лишнего. Только небольшой приставной стол вплотную к рабочему. Если проректору Козлову требовалось провести какое — либо совещание с несколькими участниками, он звонил в учебный отдел и ему сразу предоставляли свободную аудиторию.

Соловьёв подошел к двери кабинета проректора и негромко постучал. Из кабинета раздался громкий голос Козлова:

- Да-да, входите.
- Здравствуйте, Семён Владимирович.
- Здравствуйте, Алексей Натанович. Проходите, присаживайтесь. Вы сколько лет уже в Норильске?
- Четвёртый год.
- Ну и как? Привыкли к нашему климату?

— Не совсем. В процессе.

— Климат весьма суровый. Ничего не поделаешь — Крайний Север. Правда, есть всякие надбавки, компенсирующие неприятности, связанные с климатом, но всё равно жить здесь нелегко.

— Мы это уже поняли.

— Сын у вас поди уже подросток? Ему сколько лет?

— Три с половиной. Сейчас осваивает под моим руководством науку самостоятельно завязывать шнурки.

— Очень серьёзная наука. Кроме шуток, я помню. У меня самого двое детей. Времена тогда были тяжёлые, военные. Спасало то, что одни ботинки были на двоих. Дети носили их, передавая друг другу как эстафетную палочку.

Алексей Натанович делал вид, что внимательно слушает Козлова, но мысленно недоумевал: зачем такой занятый человек, как проректор института, подробно расспрашивает его о семье, рассказывает про своих детей. И тот, будто прочитав его мысли, сказал:

— М-да... Что-то я отвлёкся от темы. Итак, с какой целью я вас, Алексей Натанович, к себе пригласил. Вы наверняка в курсе, что декан вашего факультета Сысоев находится в процессе увольнения. Факультет большой, масса дел, а исполняющий обязанности Борис Васильевич Филиппов со всем этим не справляется.

— Простите, Семён Владимирович, а я тут при чём? Я слышал, есть много желающих в нашем институте занять эту ответственную должность.

— Ну, не так уж и много, но есть. И тем не менее, в ректорате остановились на вашей кандидатуре. Вы молодой, два высших образования, учёная степень. Да и кафедра вас характеризует как серьёзного преподавателя.

— К сожалению, я, Семён Владимирович, категорически против.

— Почему? Что вы имеете против нашего предложения?

— Позвольте мне об этом не говорить. Это сугубо личное.

— Не хотите — не говорите. Только вы зря отказываетесь. Это всё-таки плюс 35 процентов к вашему базовому окладу. Молодой семье лишние деньги в Норильске не помешают. Кроме того, Алексей Натанович, вам скоро предстоит избрание на доцента, а должность исполняющего обязанности декана факультета позволит иметь дополнительные очки при голосовании Учёного совета.

— Нет, Семён Владимирович, не уговаривайте. Не хочу.

— Ну что ж, это ваш выбор. И всё-таки подумайте. Посоветуйтесь с женой. Правильное решение принять никогда не поздно. Кстати, вы не забыли, что должны выступить на методическом совете института по результатам проверки кафедры высшей математики?

— Нет, не забыл. Я уже подготовил своё выступление.

— Очень хорошо. Вы свободны. Привет супруге.

8.7

После разговора с Козловым Лёша возвращался домой в растрёпанных чувствах. Как и положено интеллигентному человеку, он разобрал своё поведение в кабинете у проректора по косточкам. С одной стороны, проявил характер, отказался от должности, к которой у него никогда не лежала душа. С другой, позволил себе независимую позицию и вызывающий тон в разговоре с проректором. Конечно, своим отказом он произвёл на проректора не лучшее впечатление. Становиться в позу, когда тебе делает предложение такой человек, как Козлов, просто смешно.

Единственный шанс вернуть себе душевное равновесие — это побыстрее рассказать всё жене и получить от неё моральную поддержку.

— Лисёнок, я дома, — бодро произнёс Лёша, закрывая за собой входную дверь и что-то насвистывая.

— Соловьёв, что это ты такой весёлый? Не иначе как премию получил? Нам сейчас деньги очень нужны.

Последняя фраза жены вконец испортила Лёше настроение. Эту фразу сегодня он уже слышал от Козлова. Ну и как теперь рассказать Алисе о разговоре с проректором института? Какие ей аргументы привести в пользу своего решения?

— А что делает наш золотой мальчик? — Попытался он увести разговор с женой в другую сторону.

— Уже спит? Надо мне пораньше приходиться с работы, чтобы больше видеться с сыном. Да и тебя немножко разгрузить от домашних дел.

— Что это ты, папаша, вдруг озаботился сыном и женой? Старейшь... Лучше расскажи, что у тебя нового на работе. Продолжаешь сеять «разумное и вечное» на ниве сытых норильских студентов?

— Продолжаю. Хотя сегодня у меня был серьёзный разговор с проректором по учебной работе Козловым.

— О чём, если не секрет?

— Не секрет. Он предложил мне стать исполняющим обязанности декана нашего факультета.

— Ого! Это называется — посмотрите, с кем лежу.

— Кончай, Алиска, острить.

— Чего вдруг?

— Дело в том, что я отказался от его предложения. Ты же знаешь моё отношение к этой должности.

— Скажи, дорогой, а за исполняющего обязанности декана в институте деньги платят?

— Да. Тридцать пять процентов от основного оклада.

— Значит вы, Алексей Натанович, сегодня отказались от дополнительных почти ста рублей в месяц? Я как угорелая ношусь на работу и с работы, весь вечер нянчусь с ребёнком, а у нас, видите ли, принципы?

— А что плохого в принципах? Не нравится мне работа декана. Не лежит у меня к ней душа. И всё.

— Нет, не всё. Знаешь, Соловьёв, ты мне тоже сначала не очень понравился, а сейчас наглядеться на тебя не могу. Значит так. Завтра же пойдёшь к проректору Козлову и скажешь, что после разговора с женой передумал — очень хочешь быть деканом. И не вздумай впредь отказываться от серьёзных предложений.

8.8

Проректор Козлов сам привёл Алексея Натановича Соловьёва в приёмную декана энергомеханического факультета, желая подчеркнуть этим важность его назначения на должность. В приёмной находились секретарь факультета Наталия Сергеевна Морозова и ещё одна сотрудница института, которую Алексей не знал.

— Здравствуйте, — поздоровался Козлов с улыбкой. — Как ваши дела, уважаемые?

— Всё хорошо, Семён Владимирович.

— Замечательно. А я хочу представить вам нового исполняющего обязанности декана факультета, кандидата технических наук Алексея Натановича Соловьёва. Приказ о его назначении на должность уже подписан. Прошу любить и жаловать.

Козлов провёл Алексея в кабинет декана, зашел за ним следом и прикрыл за собой дверь.

— Вот, Алексей Натанович, ваши апартаменты. Располагайтесь. Кабинет большой, удобный. Лучше, чем у меня, — подмигнул он Лёше. — Теперь обратите внимание на телефоны: первый — внутренний, для соединения со всеми службами института, второй — городской. Для приглашения секретаря факультета на стенке есть кнопка. Кстати, ваш секретарь Наталия Сергеевна — одна из самых опытных работниц института. Она вам расскажет обо всех тонкостях деканской работы. Можете на неё положиться. Только учтите, она женщина с характером, так что постарайтесь ей понравиться. Есть у вас ко мне вопросы?

— Нет. Пока нет.

— Ну и хорошо. А чтобы вы сразу начали вникать в работу, возьмите в шкафу двухтомник «Высшая школа» и почитайте. Вот они стоят, две зелёные книжки страниц по пятьсот каждая. Захватывающее чтение. Там всё подробно написано о ваших правах и обязанностях. Что будет непонятно, спросите у Наталии Сергеевны. Успехов!

Семён Владимирович шагнул за порог кабинета, оставив дверь чуть-чуть приоткрытой, и Алексей услышал из приёмной недовольный голос своего секретаря:

— Чёрт знает что! Не деканат, а проходной двор какой-то! То один начальник, то другой. Филиппов спал в своём кабинете, а этот — просто детский сад на лужайке. Все заведующие кафедрами на факультете в два раза старше его. Он даже, бедный, не представляет, во что вляпался. И опять вся нагрузка на меня.

Алексей Натанович присидел в своём кабинете несколько часов в полном одиночестве. Никто к нему так и не зашёл. Посетители деканата, студенты и преподаватели, все свои вопросы решали с секретарём факультета. И только в конце рабочего дня в кабинет зашла Наталия Сергеевна, чтобы подписать у него несколько бланков разрешений на пересдачу экзаменов.

— Я кладу вам на стол две папки, — не называя Алексея по имени и отчеству, обратилась к нему секретарь. — Одна папка «На подпись» — там все документы, которые вы должны сегодня посмотреть и, какие требуется, подписать. Вторая папка «С подписи». В неё будете складывать всё, что поручаете мне. Эту папку я заберу у вас завтра утром. Дверь в приёмную не закрываю, чтобы вы видели, кто входит в деканат и выходит. До свидания.

8.9

Наталья Сергеевна ушла домой, а Лёша продолжал неподвижно сидеть, тупо глядя на две папки, которые она положила ему на стол. Его организм активно протестовал против всего, что должен делать декан на рабочем месте. Он чувствовал, что всё лицо горит и рубашка стала мокрой от пота. А в голове всё время крутилась одна мысль: зачем он поддался на уговоры Алисы и согласился на эту «расстрельную» должность? Сидел бы сейчас спокойно на кафедре и занимался своими делами. Эти несчастные сто рублей, которыми попрекнула его жена, мог бы заработать любым другим способом — например, репетиторством по математике или работой тренером по баскетболу в какой-нибудь школе. Благо, квалификационное удостоверение у него имеется. Ещё лучше занялся бы подготовкой докторской диссертации. А тут административная работа, да в таком непростом вузе, как Норильский технологический.

Алексей Натанович встал из-за стола, прошёлся по кабинету. Потом вышел в приёмную, чтобы немного остыть. На столе секретаря лежали ключи от входной двери, которые она для него предусмотрительно оставила. Он подошёл к зеркалу, висевшему в приёмной, посмотрел на себя и отметил появившиеся за прошедший день синяки под глазами.

— Ну, что делать будем, Соловей?

— Нужно прорываться.

— Ты знаешь как?

— Нет, не знаю. Но другого варианта нет.

— А может ещё не поздно отказаться?

— Ну, ты совсем поехал головой. Приказ уже подписан и разослан по всем подразделениям института.

Алексей Натанович вернулся в кабинет, взял из книжного шкафа первый том двухтомника «Высшая школа», сел в кресло и начал читать главу о декане. Чем больше он читал, тем больше его охватывала паника. В справочнике было написано, что декан отвечает за всё, что происходит на факультете. При этом перечислялось более пятидесяти пунктов. Запомнить их — и то было трудно, не то, что выполнить. Кошмар какой-то. Да отсюда нужно бежать — и чем скорее, тем лучше!

Соловьёв закрыл книгу и отложил в сторону. Посидев с закры-

тыми глазами минут пятнадцать, он снова её открыл, но состояние жизненного тупика, в котором оказался, не проходило. Более того, что-то подленькое внутри него хихикало и насмехалось, подталкивая продолжить с ней знакомиться. Дальнейшее чтение книги только усилило желание Соловьёва поскорее воспользоваться ключами, которые оставила ему секретарь. Закрыть за собой дверь в деканат и забыть об этом месте как о дурном сне.

Алексей Натанович нервно заходил по кабинету, жалостливо причитая:

— Ну, зачем мне это в тридцать лет? С женой по-хорошему разобрататься не могу, а здесь огромный факультет. Столько людей.

В голове продолжало стучать: декан отвечает за всё. Как отвечает? Административно, материально, уголовно? А что будет с семьёй, если с ним что-то случится? Ему вдруг вспомнился анекдот студенческих лет: «Крокодил спокойно переползает через трамвайные пути. Проезжает трамвай и перерезает его пополам. Голова поворачивается к хвосту и произносит: «Ну что, допрыгалась, ж...?»».

Единственное, что давало небольшую надежду — так это фраза в начале длинной главы о декане и его обязанностях: «...декан избирается из числа профессоров или наиболее опытных доцентов факультета». Так как к этой категории преподавателей он не относится, значит пребывание его в должности декана обещает быть недолгим и скоро благополучно закончится. Ну, посидит он некоторое время в этом кресле, пока ректорат не подберёт соответствующую требованиям высшей школы кандидатуру. Ничего, в принципе, страшного.

Немного успокоившись, Алексей решил завершить свой первый рабочий день в новой должности. Закрыл на ключ входную дверь и пошёл домой.

8.10

Выйдя из института, Лёша не стал ждать автобуса. Во-первых, он не хотел ни с кем разговаривать, а в автобусе обязательно встретится кто-нибудь из знакомых. А во-вторых, ему было просто необходимо пройтись пешком, чтобы, как говорила мама, выветрить всю дурь из башки. Дурь не дурь, а мысли о серьёзной опасности, нависшей внезапно над ним и его семьёй, не давали ему покоя.

Не успел Лёша позвонить в дверь, как её открыла Алиса.

— Ну что, начальник, как прошёл первый рабочий день? Молодая секретарша чай подавала?

— Нет, не подавала. Да и не молодая она вовсе. Ей хорошо за сорок. И вообще, сумрачная какая-то тётка. Непонятно, чего она от меня хочет.

— Женщин, Соловьёв, нужно не понимать. Женщин нужно любить, а для этого требуются деньги. Так что спокойно работай и ни в чём себе не отказывай. А теперь садись к столу — я тебе сегодня за твои труды тяжкие рюмку водки налью.

Пужинав в компании жены, Лёша немного воспрянул духом. Сегодня он ещё раз убедился: с Алисой нельзя распускать сопли и на что-то жаловаться. Со своей детдомовской закалкой она этого не поймет и не одобрит. Алиса вообще считала, что только одно обстоятельство в жизни может вызывать уныние у человека — болезнь ребёнка. А остальное чепуха, и на неё не стоит обращать внимания. Но Лёша знал, что сегодняшнее веселье обернётся завтра утром горестными мыслями, которые вернутся к нему с новой силой. Этого ему не избежать. Выходом из ситуации может быть только чей-то грамотный совет, чья-то мудрая подсказка — как ему поступить. Перебирая мысленно, с кем можно посоветоваться по поводу своего деканства, он раз за разом останавливался на профессоре Прохорове. И лучше всего подойти к нему вечером, когда он сидит на кафедре, как правило, один.

На следующий день Лёша так и сделал, зайдя после работы на свою кафедру.

— Здравствуйте, Владимир Петрович. Извините, что отвлекаю от дела. Можно мне кое-что у вас спросить?

— Присаживайтесь, Алексей Натанович. Спрашивайте. Но прежде хочу поздравить вас с новой должностью.

— Вы это с иронией говорите или серьёзно?

— А вы как считаете?

— Думаю, с иронией. Ибо если бы вы были другого мнения, то, как умный человек, просто промолчали.

— Правильно думаете, Алексей Натанович. И, тем не менее, почему у вас такой подавленный вид?

— Потому что это самая незавидная должность, какая может быть в институте. Я думаю, на эту должность серьёзных людей во все времена загоняли силой.

Прохоров слегка усмехнулся, а потом своим тихим убедительным голосом сказал:

— У вас неправильное представление о должности декана, молодой человек. Деканат — самое сложное и самое ответственное подразделение в вузе. Если только там серьёзно работать, а не отбывать номер. Это нервный узел, где сходятся все нити: от студентов и преподавателей, от ректората и кафедр, от учебного процесса и науки. Всем всегда от деканата что-то надо: справки, стипендии, общежитие, распределение. Просто откровенно поговорить. Это очень важная должность в структуре любого института.

— Но, Владимир Петрович, согласно уставу высшей школы, декан должен быть профессором или опытным доцентом. Там так написано.

— Не ищите причины уйти, Алексей Натанович. Деканом может быть любой: профессор, доцент, старший преподаватель. Не имеет значения. Главное, чтобы это был неравнодушный человек. Я вам больше скажу: студенты могут забыть многих преподавателей, но своего декана помнят всю жизнь.

— Извините, Владимир Петрович, но ведь недаром в положении использовано слово «опытный». А у меня никакого опыта нет. Его нужно годами набираться.

— Правильно сказали — набираться. Только с возрастом можно набраться разного опыта — положительного, отрицательного, грязного, подлого. Ну, последнее, конечно, нежелательно. Признайтесь честно, Алексей Натанович: вы просто боитесь?

— Если честно, то да.

— Не надо бояться. Нет, не то сказал. Хорошо, что вы боитесь. Это лучше, чем если бы вы тут махали передо мной пашкой. Могу сказать только одно: в любом возрасте нужно подавать себя с достоинством, не оправдываясь ни перед кем и ни за что. А в вашем возрасте, в начале большой творческой жизни — тем более.

8.11

Сегодня была суббота. Заканчивалась первая неделя работы Алексея Натановича Соловьёва в должности декана. Он уже собирался уходить домой, когда на пороге его кабинета появилась секретарь Наталия Сергеевна.

— Извините, Алексей Натанович, вы в курсе, что каждый понедельник в девять утра проводится явочная планёрка у ректора?

— Да, в курсе.

— С чем вы пойдете на планёрку?

— Думал на первый раз просто послушать, о чём будут говорить другие, а потом сориентироваться.

— Не знаю, может быть, вы и правы. Но я вам, как раньше Анатолию Никифоровичу, подготовила на всякий случай небольшую справочку по факультету. Никакой особой информации там нет, но общая картина, думаю, понятна.

— А вообще, Наталия Сергеевна, какие вопросы обсуждают у ректора на планёрке?

— Этого я вам сказать не могу. Но иногда Анатолий Никифорович возвращался с ректорской планёрки очень возбуждённый. По всей видимости, там идут серьёзные разговоры.

В приёмную ректора Алексей Натанович зашёл без пяти минут девять. Здесь собралось уже много народу, но никакого шума не было. Между собой говорили тихим голосом, но в основном молчали. На приветствие Соловьёва ему практически никто не ответил. Ровно в девять секретарь ректора Лиза, молодая, модно одетая девушка, открыла дверь в кабинет и пригласила собравшихся войти. Заходили не спеша, но быстро рассаживались по своим местам. Ректор Тихомиров уже сидел во главе большого стола. Перед ним лежал открытый блокнот и ещё несколько бумаг.

Справа от Тихомирова сидел проректор по учебной работе Козлов, слева — проректор по научной работе Еремеев. Далее свои места занимали деканы факультетов и начальники управлений. Алексей Натанович понял, что чем ближе к ректору сидит человек, тем выше его положение в институтской иерархии. Правда, секретарь парторганизации Алексей Серафимович Васильев и проректор по административно-хозяйственной работе Борис Петрович Пестряков расположились на стульях вдоль стены. Почему они сидели не за общим столом, а отдельно — Соловьёву стало понятно позже: по ходу планёрки они выходили из кабинета ректора, но потом, как правило, быстро возвращались.

Так как все места за столом ректора были персональные, то Соловьёв скромно пристроился на одном из свободных стульев у стены. И тут же услышал голос ректор:

— Алексей Натанович, проходите поближе и садитесь рядом с

Семёном Владимировичем. Раньше это было место декана Сысоева. Теперь оно будет вашим. Сегодня мы не ждем от вас никакой информации. Послушайте, о чём говорят другие, а в следующий понедельник, пожалуйста, будьте готовы к вопросам.

Планёрка проходила чётко и организовано. Ректор предоставлял слово сидящим за столом, каждый раз предупреждая: не более пяти минут. Сначала выступали деканы с сообщениями о положении дел на факультетах. Каждому из них ректор задавал вопросы и записывал ответы в свой блокнот. Потом слово было предоставлено отдельным руководителям подразделений. В конце планёрки ректор подвёл итоги заседания и обозначил задачи на предстоящую неделю. Когда Алексею Натановичу показалось, что планёрка окончена, ректор Тихомиров жёстким тоном обратился к начальнику отдела практик Дорониной:

— Алла Ивановна, скажите, когда вы последний раз были на энергетических предприятиях Норильского комбината?

— В этом году ещё не была.

— Это хорошо, что вы честно признались. Но уже через несколько месяцев год заканчивается, так что поторопитесь. Дело в том, что я недавно встречался с управляющим Норильской энергосистемой Николаем Николаевичем Мамаевым. Он мне задал несколько вопросов, на которые я затруднился ответить. В частности, он спросил меня, почему зачёты по практике принимают преподаватели института, а не работники предприятий, где студенты проходили практику?

— Не могу вам сказать, Пётр Васильевич. Это общепринятая система. Так всегда было, в течение многих лет.

— Понятно. А в самом деле почему? Это вопрос не только товарищу Дорониной, но и исполняющему обязанности декана факультета. Алексей Натанович, вникните в ситуацию и вместе с Аллой Ивановной проинформируйте меня до конца текущей недели.

8.12

Алексей Натанович первый раз присутствовал на ректорской планёрке и вышел оттуда несколько растерянный и ошеломлённый. Сначала даже не мог понять, что именно произвело на него такое сильное впечатление. Может быть, жёсткая дисциплина? Никто не отвлекался на посторонние разговоры, не шушукался с соседями,

не шелестел бумагами. А может, конкретность и чёткость обсуждаемых вопросов? Все присутствующие внимательно слушали ректора и делали пометки в своих блокнотах. Но всё же не это заставило его внутренне подобраться, сосредоточиться и даже немного испугаться. Тогда что? И вдруг понял — вопрос о практике, который в самом конце планёрки задал ректор начальнику отдела практик. Причём, задал неожиданно и прямо. Вопрос не общий, а чёткий и конкретный, адресованный только одному человеку.

Энергетические кафедры института были в составе факультета, деканом которого был Алексей Натанович Соловьёв. И тем не менее, ректор не ему дал поручение разобраться в этой ситуации, а спросил напрямую у ответственного за практику в институте. Значит, не всё так буквально, как написано в положении о высшей школы — декан «отвечает...». Правильнее сказать таким образом — декан контролирует и координирует деятельность всех подразделений института, имеющих отношение к подготовке специалистов на его факультете.

Алексей Натанович зашёл в свой кабинет. На столе его ждала папка с документами, подготовленная Наталией Сергеевной. Но он не стал их смотреть. Сейчас его занимал только вопрос о практике, важность которого состояла, прежде всего, в том, что исходил он от руководителя производственной структуры Норильского комбината. Сначала Соловьёв решил позвонить Дорониной и послушать, что она думает о содержательной части практик. Но потом захотел сам сначала сформулировать основные требования к практике студентов. Достав из ящика стола чистый лист бумаги, он написал на нём три вопроса, оставив под каждым место для своего комментария.

«1. В чём суть студенческой практики?

В том, чтобы студент увидел в натуре то, о чём ему рассказывали преподаватели на занятиях.

2. Что должен содержать отчёт студента по завершению практики?

Грамотное описание того, с чем студент ознакомился при прохождении практики. От курса к курсу отчёт должен усложняться, так как уже на четвёртом курсе студент должен иметь полное представление о своей специальности.

3. Какую нагрузку несёт практика студентов на пятом курсе перед дипломным проектированием?

Если исходить из того, что слово «инженер» в переводе «способный улучшать», то студент на преддипломной практике должен собрать материал, позволяющий ему в своём дипломном проекте продемонстрировать глубокие знания по специальности и умение творчески подходить к решению возникшей проблемы».

Перечитав написанное, Алексей Натанович понял, что без разговора с кем-нибудь, кто хорошо разбирается во всем комплексе этих вопросов, ему не обойтись. И лучшей кандидатуры, чем начальник отдела практик института Аллы Ивановны Дорониной, ему не найти.

8.13

Алла Ивановна Доронина окончила Новосибирский инженерно-строительный институт. Прежде чем перейти в Норильский технологический институт, несколько лет проработала на строительных предприятиях Норильского комбината. Хорошо знала производственную структуру комбината и его руководство. В силу своего общительного характера и женского обаяния, многие вопросы решала напрямую с ответственными работниками комбината, не прибегая к помощи ректората.

Алексей Натанович набрал телефонный номер Дорониной:

— Алла Ивановна, извините за беспокойство. Соловьёв. У вас есть несколько свободных минут? Хочу подойти к вам посоветоваться по вопросу, который поднял сегодня на планёрке ректор.

— Конечно, Алексей Натанович. Подходите, пожалуйста.

Кабинет начальника отдела практик находился на том же этаже, что и деканат Соловьёва, но только в другом крыле здания. Алексей Натанович никогда не был в кабинете Дорониной, но хорошо знал, где он находится.

— Ого, как у вас красиво, — зайдя в кабинет Аллы Ивановны, восхищённо заметил Соловьёв.

— Спасибо. Присаживайтесь. Могли бы и не затрудняться — позвонили и я бы сама к вам пришла.

— Ну, нет — тогда бы я не увидел ваш замечательный кабинет!

На столе перед Дорониной с одной стороны стояла вазочка с букетиком искусственных цветов, с другой — фотография двух маленьких детей, мальчика и девочки. Рядом с вазочкой — изящная

подставка для ручки в виде гончей собаки. Ближе к окну разместился большой шкаф, весь заполненный книгами. На противоположной от шкафа стене висела неплохая акварель. А за спиной Дорониной, закрывая окно, выходящее на неприглядный норильский двор, атели две роскошные, тяжёлые тёмно-вишнёвые шторы.

Алла Ивановна и Алексей Натанович проговорили больше двух часов. Приглушённый свет настольной лампы и хороший чай с булками располагали к приятной беседе. Доронина не только рассказала молодому декану о принципах прохождения практики студентами Норильского технологического института, но и доходчиво объяснила специфику отношений между институтом и комбинатом.

В конце разговора Доронина как-то особенно посмотрела на Соловьёва.

— Алексей Натанович, вы только на меня не обижайтесь ради бога, но я хочу вам кое-что сказать. Вы не совсем правильно ведёте себя: просите по телефону вас принять, стучитесь в дверь, во всём со мной соглашаетесь. Вы же декан факультета — большое начальство.

— Извините, Алла Ивановна, но начальством в институте является ректор, а я только декан.

— Позвольте с вами не согласиться. Ректора института студенты видят считанные разы за годы своей учёбы, и то в основном в президиуме. А вас — каждый день. Только и слышно: что сказал Алексей Натанович, какой сегодня галстук у Алексея Натановича, как на кого посмотрел Алексей Натанович. И ещё. Мы с вами живём на Крайнем Севере, бегаем по улице замотанные шарфом по самые брови, и никого не видим. А в институте все на виду — никуда не спрячешься. Поэтому не стесняйтесь — раскрывайтесь.

— Что вы имеет в виду, Алла Ивановна?

— Вам нужно быть в жизни более напористым, более пробивным человеком.

— Ах, Алла Ивановна, какое неприятное для меня слово вы сейчас произнесли — «пробивным». Для меня оно ассоциируется только с нахальством, наглостью, желанием преодолеть любую преграду для достижения собственной цели. Всеми возможными и невозможными способами. Ведь не зря в народе бытует выражение «идёт по головам». По-другому этот человек продвигаться не может. Умудряется быстрее всех добиться новой должности, почёта, материальных благ, оттеснив всех остальных.

— Но, Алексей Натанович, есть и другая коннотация этого слова: пробиться к свету, преодолеть жизненные трудности, пройти сквозь пургу...

— Да, Алла Ивановна, с вами трудно спорить, — улыбнулся Алексей Натанович. — С вашего разрешения я пойду. Спасибо за чай и приятную беседу.

8.14

Пётр Васильевич Тихомиров никогда ничего не забывал. В пятницу он дал поручение своему секретарю Лизе пригласить назавтра к 11 часам дня начальника отдела практик Доронину, исполняющего обязанности декана Соловьёва и проректора по учебной работе Козлова.

— Итак, уважаемые товарищи, я собрал вас сегодня поговорить на тему, которую мы подняли на планёрке в понедельник. Это практика. Ни для кого не секрет, что обучение в советских вузах состоит из двух неравных частей: четыре с половиной года — теория, и несколько месяцев — по верхам практика. Есть, правда, несколько институтов, таких как МФТИ, МИФИ, МВТУ им. Баумана и другие, где практика занимает большое место в учебных планах, но это скорее исключение, чем правило. Управляющий Норильской энергосистемой, спасибо ему, озаботился вместо нас сложившейся ситуацией. Дело в том, что мы выпускаем инженеров, а ему с ними дальше работать.

— Ну, не так уж всё плохо, Пётр Васильевич, — вступился за институт проректор Козлов.

— Так, Семён Владимирович, так. Я немного полистал перед нашим совещанием министерские документы, касающиеся прохождения студентами практик. Очень интересная ситуация. Особенно меня умилила так называемая ознакомительная практика студентов после первого курса. Экскурсии и знакомство с предприятием. Ну, городской сад, да и только. Я по себе помню: на практику почти никто из студентов не ходил. Считаю, это была просто прибавка к летним каникулам — несколько дополнительных недель отдыха.

— Ну почему вы, Пётр Васильевич, говорите, что студенты на практику не ходят? Ходят, но плохо, — опять попытался отстоять «честь мундира» Козлов.

На этот раз реплику проректора Тихомиров просто проигнорировал.

— Известно, что многие молодые люди поступают в наш институт от безысходности. Один вуз на город с населением больше двухсот тысяч человек. Да и тот технический. Других, к сожалению, нет. А вы знаете, как наши абитуриенты его выбирают? Или родители посоветовали, или пошли за компанию с друзьями. Не так ли?

Ректор изучающе посмотрел на присутствующих.

— Что вы молчите? Я задал вопрос, а вы молчите. Ладно, я сам попробую на него ответить. Интерес к профессии может возникнуть только на базе знаний о профессии. Наша с вами задача эти знания до поступления в институт им дать. Сначала школьникам, а потом абитуриентам. У молодого человека возникает неподдельный восторг, когда он обнаруживает, что понимает то или иное явление и может его объяснить.

— Вы хотите сказать, Пётр Васильевич, что практика в институте должна занимать в учебном плане специальности такое же место, как и теория? — вступила в разговор Алла Ивановна.

— Точно так. И никак иначе. А может быть, и большее, — жёстко ответил ей ректор. — Никто не снимает с нас ответственности за то, что мы обещали абитуриенту дать профессию, когда зазывали его в институт. И он должен по окончании института иметь её в руках. Более того, работать по этой специальности.

— Сейчас, Пётр Васильевич, в средствах массовой информации идёт дискуссия о том, что следует упразднить распределение на работу молодых специалистов, — заметила Алла Ивановна.

— Да, идёт. А кто будет работать у плавильного агрегата на медном заводе или спускаться в норильскую шахту? Кто? Все пойдут что-то продавать и покупать. Конечно, так легче зарабатывать деньги и жить комфортно...

Пётр Васильевич неожиданно собрал все бумаги, лежавшие перед ним на столе и тоном, не допускающим возражений, подытожил:

— На сегодня всё. Семён Владимирович, подготовьте, пожалуйста, обсуждение вопроса о практике на заседании Учёного совета института.

8.15

В следующее воскресенье профессор Прохоров решил выехать пораньше, чтобы часам к десяти утра уже быть у Воронова. Когда он

добрался до зимовья, вся компания была в сборе. Адель, как и в прошлый раз, выполняла роль хозяйки дома. Николай чем-то занимался в своей комнате, но все вышли на крыльцо встречать Владимира Петровича.

Традиционно в час дня Адель пригласила всех к столу, а потом начались удивительные разговоры. Тему, как правило, задавал Александр Николаевич. Сегодня он, как бы между прочим, спросил у Владимира Петровича:

— Скажите, уважаемый, а вы были когда-нибудь женаты?

— Был. В 1944 году в госпитале, при выписке, увидел девочку-санитарку и влюбился. Когда грузились в машину, спросил, как её имя. Она мне ответила: «Люба». И я ей от всей души, по-солдатски сказал: «Ты меня жди, Люба. Обязательно жди. После войны я за тобой приеду, и мы поженимся».

Приготовившись слушать чей-нибудь рассказ, Александр Николаевич аккуратно подбирал бороду, ставил локти на стол и подпирал кулаками подбородок. В его глазах всегда было столько понимания и доброты, что воодушевленный рассказчик готов был излить ему всю душу.

— А потом я целый год письма ей писал на фронтовой госпиталь, — продолжал Прохоров. — Добрые, искренние. А ответов на них не получал. Грустно мне было и обидно. Не выходила у меня эта девочка из головы.

Владимир Петрович потянулся за сигаретами Адель и, не спросив её разрешения, закурил. Было видно, что он очень волнуется. Его никто не торопил. Все ждали продолжения рассказа.

— Закончилась война. Все обнимаются, целуются, а у меня никакой радости на душе. Не знаю, куда податься. Родители в войну от голода умерли на Украине. А больше никого у меня не было. И решил я поехать в тот городок, где лежал в госпитале. Может быть, что-нибудь про Любу узнаю. Приехал туда, а вместо госпиталя — одна большая воронка от снаряда. Сел я на битый кирпич и так мне горько стало: за что воевал, если никого из тех, кого любил, кем дорожил, не осталось в живых. Просидел я на том месте несколько часов. Уже темнеть стало. И вдруг кто-то меня окликает: «Володя!». Всмотрелся я, а это моя Люба — худая, маленькая, в каких-то немислимых тряпках. Я её обнял, а на голове волосы от ужаса зашевелились: ведь мог уйти раньше, не дождавшись её. «Я здесь тебя всё время ждала. Как ты сказал», — шепчет Люба. «А письма, письма

ты мои получала? Я много писем тебе писал», — кричу ей. «Нет, не получала. Через месяц, как ты уехал, наш госпиталь перевели в другое место. А я здесь осталась, чтоб с тобой не разминуться».

Прохоров снова потянулся за сигаретами. Дрожащими руками чиркнул спичку, закурил.

— Прожили мы с Любочкой двадцать три года. А в 1968 году она умерла. Война для неё не прошла бесследно. Осталась у меня дочь Лиза. Она вскоре вышла замуж и родила мне двух внуков. Жили мы впятером в малогабаритной двухкомнатной квартире в Краснода-ре. Потом я угол снимал. А после решил уехать в Норильск. Благо, доктора наук пока ещё везде нужны.

Глава 9. Понимание ситуации

9.1

Через два дня после разговора в кабинете ректора проректор по учебной работе Козлов собрал деканов факультетов и поручил им подготовить сообщения на внеочередном Учёном совете, посвящённом проблеме организации практики в Норильском технологическом институте.

— Прошу всех обратить внимание на то, что в заседании Учёного совета института предполагается участие представителей Норильского комбината. Поэтому никаких общих слов и ссылок на министерские документы. Никакой демагогии. Информация должна быть чёткой и внятной, а не общие рассуждения на тему практик.

Настроение у Соловьёва было прескверное. Ему было совершенно не понятно, о чём на Совете говорить. Идти снова советовать с Дорониной — исключено. Она на последнем совещании у ректора в его сторону даже не взглянула. Придя домой, Алексей Натанович молча разделся и пошёл в ванну мыть руки, когда из кухни раздался насмешливый голос Алисы:

— Товарищ начальник, пожалуйста ужинать. Вы чем-то сегодня очень озабочены?

— Алиска, что ты всё время ехидничаешь, хихикаешь? В чём дело?

— А почему мне не хихикать, когда на моих глазах разыгрывается жизненная драма. Рассказывай, Соловьёв, что у тебя в очередной раз приключилось.

— На конец месяца назначен Учёный совет, на котором все деканы должны выступить с информацией, как поставлена производственная практика на факультете и дать свои предложения по её улучшению.

— И в чём проблема?

— А что я могу рассказать, если сам работаю в деканате без году неделя?

— То же, что и все остальные. И даже больше.

— Не понял?

— А что тут понимать? Расскажи, как проходила твоя практика в московском институте. Что ты делал много лет в Калининграде?

Как собирал материал для дипломного проекта, кто руководил практикой? Думаю, что твоё сообщение все будут слушать с большим интересом.

— Но в Норильске своя специфика, свои условия работы на комбинате, а я буду рассказывать, что было в Москве.

— Ничего страшного. Пусть люди послушают, как поставлена работа в МВТУ имени Баумана, а остальные деканы расскажут о норильском опыте. А вообще, на каждом предприятии есть человек, ответственный за практику. Ты можешь с ним встретиться до заседания Учёного совета и поговорить, чтобы иметь об этом более чёткое представление.

— Ну, ты и голова, Алиска. Тебе бы деканом быть.

— Ничего, какие мои годы. Ещё буду.

9.2

Внеочередное заседание Учёного совета было назначено на 18 марта 1976 года. Совет решили провести в актовом зале и пригласить всех желающих, в том числе и студентов.

Актовый зал был уже полон, когда на сцене появился ректор института Пётр Васильевич Тихомиров. Вместе с ним к столу президиума подошел человек средних лет с располагающей к себе внешностью, открытым лицом и ямочками на щеках.

Заседание открыл сам ректор.

— Прошу внимания. Сегодня у нас необычный Учёный совет. Он отличается не только повесткой дня, инициированной Норильским комбинатом, но и тем, что основной доклад, касающийся организации производственных практик студентов нашего института, сделает управляющий Норильской энергосистемой Николай Николаевич Мамаев. После его доклада проведём прения и примем постановление. Кворум у нас есть: из 18 членов Учёного совета присутствуют 16. Пожалуйста, Николай Николаевич, вам слово.

— Спасибо, Пётр Васильевич. Уважаемые товарищи! Прежде всего, хочу поблагодарить ректора института за предоставленную мне возможность выступить перед вами. Несколько слов о себе. Приехал в Норильск 19 лет назад молодым специалистом. Прошёл путь от рядового инженера до управляющего Норильской энергосистемой.

— Не буду расточать комплименты в адрес вашего института.

Его полезная деятельность и так хорошо известна. И, тем не менее, Норильскому комбинату нужны специалисты, отвечающие, подчеркиваю, нашим требованиям, а не каким-то абстрактным. Не секрет, что на некоторых энергетических предприятиях Норильска есть руководители, которые говорят молодому специалисту: забудь всё, чему тебя учили в институте. По всей видимости, они имеют в виду, что пришедший на производство молодой специалист должен сразу включиться в рабочий процесс, а не раскачиваться несколько лет. В связи с этим мы считаем разумным переход обучения студентов вашего института на систему «занятия в институте — работа на производстве», сочетающую, в равной степени, теорию и практику. Во-первых, мы с вами материализуем учебные курсы, а во-вторых, будем получать на выходе института готового специалиста, а не полуфабрикат. Всё. Больше мне нечего вам сказать. Задавайте вопросы — с удовольствием отвечу.

После этого Николай Николаевич Мамаев, по-мальчишески улыбаясь, сначала полез в левый внутренний карман пиджака, но ничего там не нашёл. Потом в правый — результат был тот же самый.

— Забыл в своём кабинете шпаргалку. Ладно, обойдусь без неё. Кстати, когда я учился в институте, нам два семестра читал «Теплотехнику» профессор Марков Аркадий Самуилович. Однажды он пришёл на занятие и объявил: «Сегодня, уважаемые, читать лекцию не могу. Забыл дома конспект».

Ему студенты кричат: «Аркадий Самуилович, вы же всегда лекцию читаете без конспекта?»

— Неправда. Он у меня вот тут лежит, — и похлопал себя по внутреннему карману пиджака.

После этого зал прорвало — студенты наперебой задавали Мамаеву вопросы: по рабочему графику предприятий энергосистемы, должностному росту, зарплатам, обеспечению жилплощадью, отпускам, детским учреждениям и многим другим. В ответах одного из руководителей Норильского комбината они хотели услышать, что их ждёт в ближайшем будущем. На вопросы студентов Николай Николаевич Мамаев отвечал больше часа. Подробно, искренне, а главное, доброжелательно, не уклоняясь ни от одной острой темы.

Через несколько лет Норильский технологический институт стал, в самом деле, заводом — вузом при Норильском горно-металлургическом комбинате. Но эта прогрессивная система выс-

шего технического образования в стране просуществовала всего четыре года и, не выдержав новаций Перестройки, почил в бозе.

9.3

В прениях по выступлению управляющего энергосистемой Норильского комбината участвовали все деканы факультетов. Их сообщения особого интереса у зала не вызвали, пока слово не было предоставлено исполняющему обязанности декана Соловьёву. Алексей Натанович рассказал, как он проходил практику в подмосковном Калининграде, кто ею руководил, как он использовал материалы практики для написания дипломного проекта. Когда он окончил своё выступление, из зала посыпались вопросы:

— А почему вы учились в МВТУ имени Баумана шесть лет, а не пять?

— Это связано со спецификой специальностей, на которых обучаются студенты.

— Почему все ваши практики проходили на одном предприятии, а не на разных?

— Руководство практикой осуществляет одно предприятие, которое по большому счёту готовит студента к приему себе на работу.

— По какой причине защита вашего дипломного проекта проходила на предприятии, а не в институте?

— По причине секретности разрабатываемой темы.

— Как решались все проблемы, возникающие в процессе подготовки диплома?

— Не понял вопроса, но решались быстро и хорошо.

Когда Соловьёву показалось, что все вопросы закончились, кто-то из середины зала, не вставая с места, спросил:

— Скажите, Алексей Натанович, а это правда, что вас декан снимал со стипендии на весь семестр?

— Да, правда.

— А за что, если не секрет?

— Не секрет. За плохое поведение.

Дружный смех накрыл зал заседания Учёного совета. Студенты аплодировали своему молодому декану, а Алексей Натанович почувствовал, что своим выступлением и ответами на вопросы стал немного ближе и понятней студенческой аудитории.

В конце заседания слово ещё раз взял ректор Тихомиров:

— Прежде всего хочу поблагодарить Николая Николаевича Мамаева за то, что он не только нашёл время для выступления на нашем Совете, но и сделал ряд серьёзных предложений по улучшению учебного процесса в институте.

После открытого голосования членов Учёного совета, Тихомиров неожиданно обратился к проректору по учебной работе Козлову:

— Уважаемый Семён Владимирович, у меня к вам вопрос: зачем мы наших выпускников, прошедших несколько специфических практик на предприятиях Норильского комбината, посылаем работать на «материк»?

— Мы делаем это, Пётр Васильевич, в соответствии с планом распределения молодых специалистов, который присылает нам Министерство высшего образования РСФСР.

— А давайте мы вместе с Норильским комбинатом обратимся в министерство и предложим готовить молодых специалистов адресно для Норильского комбината, с учётом наших местных условий. Нет возражений?

— Нет.

— Очень хорошо. Подготовьте, пожалуйста, соответствующее письмо.

9.4

После заседания Учёного совета Алексей Натанович шёл домой в приподнятом настроении, а открыв дверь, с порога закричал на всю квартиру:

— Алиска, ты не представляешь, как меня слушали на Совете! Студенты задавали вопросы, а потом дружно аплодировали. Так что сегодня состоялся в некотором роде мой дебют как декана. Даже не ожидал.

— Тише, Соловьёв, ребёнок спит. Поздравляю. Я всегда в тебя верила. Так чего там у вас было, говоришь?

— Мы обсуждали вопросы производственных практик и распределения молодых специалистов. Даже не знаю, где бы ещё, в каком городе, кроме Норильска, руководитель огромного предприятия выступал перед преподавателями и студентами института. Значит, ему нужны наши выпускники. Значит, они удовлетворяют требованиям, которые к ним предъявляют.

— Смотри, Соловьёв, с твоим серьёзным отношением к делу тебя ещё и деканом могут избрать.

— Не думаю.

— А ты думай. Семье деньги нужны. Или мы сюда, на Крайний Север, за снегом приехали?

— Ладно, не заводись, Алиска. Время покажет. Тут меня во вторник пригласили на партийное бюро нашего факультета. Интересно, зачем? Я же не член партии.

— Думаю, будут говорить с тобой о предстоящих выборах деканом.

— Может быть, не знаю. Может быть...

Но свой интерес исполняющий обязанности декана энергетического факультета Алексей Натанович Соловьёв удовлетворить не сумел. За день до заседания партийного бюро ему сообщили, что разговор с ним откладывается. А ситуация на самом деле была довольно интересной. Узнав о том, что ректорат предлагает на вакантную должность декана факультета Соловьёва, заместитель секретаря партийной организации факультета Земфира Александровна Холодова инициировала срочное заседание бюро.

— Алексей Натанович, я сегодня обедала с Мариной, секретарём кафедры марксизма-ленинизма, — сообщила ему секретарь факультета Наталия Сергеевна, подписывая у него вечером бумаги.

— И что, Наталия Сергеевна, из этого?

— Марина мне рассказала, что Земфира Александровна с утра обзванивала членов партийного бюро факультета. Говорила, что нужно принять решение не поддерживать вас при избрании на должность декана. Молод мол ещё, и жизненного опыта никакого. Зато с гонором.

— Спасибо, Наталия Сергеевна, за информацию.

Наталия Сергеевна ушла, а Лёша сидел и перебирал бумаги в папке «На подпись». Он имел возможность ещё раз убедиться, что «секретарское сообщество», куда входят не только секретари деканатов, но и кафедр, — очень серьёзная сила. Они не только имеют влияние на своих руководителей, но и владеют информацией обо всём, что происходит в институте. Недаром его научный руководитель Григорий Борисович всегда говорил: «Лучше испортить отношения с начальником, чем с его секретарём».

То, что ему будут мешать при избрании на вакантную должность декана факультета, Алексей Натанович не сомневался.

Хотя он и сам ещё не определился, нужно ли ему всё это. Понятно, что, с одной стороны, должность декана — это уважение, дополнительные деньги, связи. Кто от этого откажется? А с другой, это постоянная занятость, нервы, ежедневные проблемы, которые нужно, не откладывая, решать. Декан всем нужен, во всём должен участвовать, за всё должен отвечать. В общем, тот ещё геморрой...

Не придумав ничего нового, Алексей Натанович оделся, закрыл свой кабинет и пошёл домой.

9.5

Секретарь факультета Наталия Сергеевна Смирнова, всю жизнь проработавшая секретарём у разного уровня начальников, нутром чувствовала, что из Алексея Натановича со временем вырастет хороший руководитель. Да и перспектива иметь в деканах какого-то нового, неизвестного человека её не устраивала. И ещё она хорошо знала, кто такая доцент Холодова. Земфира Александровна, сухощавая одинокая женщина, всегда с папироской во рту, всю войну проработала в штабе Северного фронта, и мерилом её отношения к людям было — нюхал человек пороха или нет. Алексей Соловьёв относился, безусловно, ко второй категории, и поэтому доверия её не заслуживал.

Через несколько дней Наталия Сергеевна снова под села в обед за столик к секретарю кафедры марксизма-ленинизма. Поговорив на разные темы, она, между прочим, спросила:

— Марина, ты уже отпечатала протокол заседания партийного бюро факультета?

— Почти. Он небольшой — всего на страничку.

— Дай мне его посмотреть.

— Только вы, Наталия Сергеевна, до конца рабочего дня мне его верните.

— Обязательно. Да ты не бойся — я же никому не скажу. Не переживай.

В заседании партийного бюро энергомеханического факультета участвовали, помимо членов бюро, все заведующие кафедрами факультета. Это были, как правило, люди, работавшие до института на Норильском комбинате, прошедшие фронт и лагеря, отдавшие Крайнему Северу многие годы жизни. Их нежелание окатиться под началом тридцатилетнего «мальчишки», не знающего

специфику Норильского института и никогда не работавшего на производстве, было естественным. Поэтому, как и следовало ожидать, единогласно принятое решение партийного бюро выглядело следующим образом: «В связи с отсутствием учёного звания доцента или профессора, а также опыта работы в области учебно-производственных отношений Норильского технологического института и Норильского горно-металлургического комбината, старшего преподавателя кафедры механики Соловьёва А. Н. на должность декана энергомеханического факультета не рекомендовать».

9.6

Был конец недели, суббота, когда на столе у Алексея Натановича зазвонил внутренний телефон. Звонок был очень настойчивый и, как показалось Лёше, тревожный. Не предвещавший ничего хорошего. Он поднял телефонную трубку:

— Слушаю, Соловьёв.

— Алексей Натанович, срочно зайдите ко мне.

Это был проректор по учебной работе Козлов.

— Хорошо. Сейчас буду.

Семён Владимир почему-то не сидел, а стоял за своим рабочим столом, с кем-то возбуждённо и громко разговаривая по телефону. Домой он явно не собирался. На столе Козлова лежали пояснительные записки к нескольким дипломным проектам. Одна из них была раскрыта в том месте, где остались следы вырванных страниц.

— Проходите, Алексей Натанович. Присаживайтесь. Я пригласил вас к себе в связи с чрезвычайным происшествием. Заведующий кафедрой Николай Николаевич Прокопенко, пользуясь своим служебным положением, брал в архиве института дипломные проекты студентов, руководителем которых был в разные годы, и извлекал из пояснительных записок нужные ему страницы. После этого, в изуродованном виде, возвращал студенческие работы обратно. Прошу вас как исполняющего обязанности декана факультета разобраться с этим беспрецедентным случаем и доложить мне. Жду от вас во вторник конкретные предложения. Всё понятно?

— Понятно. Только один вопрос, Семён Владимирович. Как это обнаружилось?

— Очень просто. Один наш бывший студент попросил посмотреть свой дипломный проект. А увидел то, что увидел. Заведую-

чая архивом сразу же написала по этому поводу служебную записку на моё имя. Ну, а всё остальное вам уже известно.

Алексей Натанович забрал из кабинета Козлова все семь дипломных проектов вместе с чертежами и, придя в свой кабинет, разложил их на диване. Постояв над ними в раздумье, решил, что займётся их изучением завтра — придёт специально для этого в институт. Во-первых, на свежую голову будет легче соображать, а во-вторых, в воскресенье никто ему в этом не помешает.

Назавтра Алиса, увидев, что муж одевается, спросила его строгим тоном:

— Куда это ты намылился в воскресенье?

— Нужно сходить в институт на несколько часов. Вчера в конце рабочего дня Козлов подбросил мне одну работу и попросил как можно быстрее дать по ней заключение.

— Ой, смотри, Соловьёв. Я проверю.

— Проверь, только сделай мне сначала бутерброд с чем-нибудь. Вдруг проголодаюсь.

Открыв дверь своего кабинета, Алексей Натанович увидел, что уборщица, прибираясь вечером, сложила все пояснительные записки к дипломным проектам в одну стопку, а чертежи к ним — в другую. Стопка пояснительных записок зияла на торцах дырами. Перекосившиеся из-за вырванных страниц переплеты выглядели тоже не лучшим образом. Взяв сверху первую пояснительную записку, Алексей прочитал, что дипломный проект был выполнен студентом 5 курса А. А. Барановым под руководством профессора Н. Н. Прокопенко четыре года назад. Из работы общим объёмом в 123 страницы были вырваны «с мясом» 26 последних страниц. Как следовало из оглавления, это были страницы, содержащие специальный вопрос, заключение и литературу. Такая же картина наблюдалась и во всех остальных пояснительных записках, с той лишь разницей, что в некоторых из них страницы были не вырваны, а аккуратно вырезаны бритвой.

Разработка специального вопроса, поручаемого студентам в рамках дипломного проектирования, была нормальной практикой во многих технических вузах страны. Это позволяло руководителям дипломного проекта привлекать к своей научной тематике наиболее успешных выпускников. Выполненная студентом-дипломником работа могла стать в будущем их совместной научной публикацией, первой ступенью к поступлению в аспиран-

туру. Студенческие научные работы всегда поощрялись деканатом и ректоратом. Но зачем такое варварство, тем более со стороны заведующего кафедрой, который обязан соблюдать порядок учёта и хранения дипломных проектов? С чем связана эта агрессия опытного работника вуза, уже много лет осуществлявшего выпуск специалистов?

Странное поведение заведующего, призванного обеспечивать контроль за деятельностью своей кафедры, могло быть объяснено только тем, что он был полностью уверен в своей безнаказанности. И это, очевидно, было связано с тем, что предыдущий декан факультета Сысоев являлся доцентом той кафедры, которой руководил профессор Прокопенко. Вот и посчитал, что ему всё дозволено.

Не найдя ответа на вопрос, что же от него самого требует в этой ситуации проректор по учебной работе, Алексей Натанович оделся, закрыл кабинет на ключ и отправился домой.

9.7

Дома, увидев насуспенную физиономию жены, Лёша понял, что серьёзного разговора не избежать.

— Скажи честно, Соловьёв, что ты делал в воскресенье в институте? Там, наверное, кроме вахтёра, ни одного человека не было.

— Слушай, Алиска, я тут, кажется, вляпался в одно неприятное дело.

— Что за дело? Считанное время сидишь в кресле декана и уже во что-то вляпался.

Лёша подробно рассказал жене о вчерашнем разговоре с проректором Козловым и результате сегодняшнего изучения пояснительных записок.

— Ну и что ты собираешься делать?

— Во-первых, чтобы составить полную картину происшедшего, нужно просмотреть все дипломные проекты студентов за последние пять лет, руководителем которых был профессор Прокопенко. А во-вторых, продумать и аккуратно написать служебную записку Козлову. Желательно без каких-либо рекомендаций и выводов. Мне как исполняющему обязанности декана факультета нельзя находиться на острие атаки на заведующего кафедрой. И вообще, Алиска, давай я уйду с этой ужасной должности, пока не поздно.

— Нет, Соловьёв. Это твоя первая неприятность, а ты уже перепуган до мочевого пузыря. Отрабатывай в себе бойцовские качества. Давай-ка лучше пообедаем и забудем на время о твоих дипломных проектах.

Проверив в архиве института все дипломные проекты за последние пять лет, руководителем которых был профессор Прокопенко, Алексей Натанович установил, что повреждённых пояснительных записок было значительно больше — не 7, а 18. Перечислив в своей докладной записке все изуродованные проекты бывших студентов и подробно описав всю ситуацию, он зашёл во вторник в канцелярию и подал докладную для передачи проректору Козлову. Заведующая канцелярией, регистрируя почту, как бы, между прочим, спросила:

— А вы знаете, Алексей Натанович, что позавчера профессор Прокопенко с подозрением на инфаркт попал в больницу?

— Нет, не знаю.

— Странно, что вам никто об этом не сообщил.

В среду Алексею Натановичу позвонила секретарь ректора и попросила к нему зайти. Ректор был в кабинете один.

— Присаживайтесь, Алексей Натанович. Я пригласил вас к себе по поводу докладной, которую вы написали проректору Козлову. Дело в том, что этот вопрос у меня на особом контроле, и все материалы, связанные с ним, попадают в почту сначала мне, а потом ему. Я полагаю, что вам, как исполняющему обязанности декана факультета, не надо активно заниматься профессором Прокопенко. Здесь всё значительно глубже и сложнее. К тому же дело вышло на серьёзный партийный уровень.

Тихомиров помолчал и добавил:

— Хорошо, что вы в своей служебной записке не даёте никаких рекомендаций, хотя я к таким беззубым бумагам отношусь плохо. На данном этапе вам лучше готовиться к заседанию Учёного совета института, где вас будут избирать деканом.

— Да, но мне известно, что партийное бюро факультета против моего избрания.

— Нам это тоже известно. Ничего страшного. В институте, а тем более в нашем, за Полярным кругом, много чего интересного происходит, о чём вы, Алексей Натанович, пока даже не догадываетесь.

Поговорив с Тихомировым, Алексей Натанович лишний раз убедился в том, что должность декана — не для него. С его вечными

поисками правды, он на этом месте долго не задержится. Наглядный тому пример: совет, который дал ректор — не углубляться в дело профессора Прокопенко.

9.8

Мысль навестить профессора пришла Алексею Натановичу, когда он пересказывал Алисе свой недавний разговор с ректором. Норильская городская больница, где лежал профессор Прокопенко, была как раз по пути в библиотеку, которую Соловьёв посещал по воскресеньям.

— Вот скажи, Алиска, чего Прокопенко не хватало? Доктор наук, заведующий кафедрой, профессор.

— Понимаешь, Лёша, так нельзя ставить вопрос: чего не хватало? Живому человеку всегда что-то не хватает. На то он и человек. Другое дело, зачем профессор поручал разработку специального вопроса студентам?

— Как зачем? Чтобы потом воспользоваться полученными результатами. Это «черновая работа», на которую ему жалко было тратить своё время. Так все делают. Не только он.

— Понятно. А теперь ты мне объясни, Лёша, за что его в этом случае так сурово наказывать?

— Как за что? — За варварское отношение к документам строгой отчётности.

— Ну и освободите его от должности заведующего кафедрой за нарушение инструкции хранения дипломов. А зачем исключать из партии и доводить человека до инфаркта?

— Этого я тебе сказать не могу. Но из разговора с ректором я понял, что тут какая-то большая игра. А какая, не знаю.

Профессор Прокопенко лежал в отдельной палате на втором этаже больницы. От его цветущего вида не осталось и следа: худой, жёлтый, давно небритый. А главное, с полной безысходностью в глазах.

— Здравствуйте, Николай Николаевич, — с улыбкой приветствовал его Алексей Натанович. — Лежите тут в темноте, понимаете, шторы полностью закрыты. А на дворе уже конец марта. Скоро потеплеет, и пойдём кататься на лыжах.

— Да какой сейчас из меня, Алексей Натанович, лыжник?

— Ну, всем известно, как вы катаетесь на лыжах в одних плавках. Одно загляденье.

Алексей Натанович проговорил с Николаем Николаевичем больше часа. Вернее, соскучившийся по общению с людьми, профессор говорил практически один, а он в основном слушал. Как учил его в Москве Григорий Борисович, основная задача начальника — разговорить подчинённого. И больше ничего. Вроде сейчас у Алексея Натановича это начало получаться.

А ещё он поймал себя на мысли, что посещение больного имеет положительный эффект не только для больного, но и для того, кто пришёл его навестить. Правда, иногда больному посещения могут доставить некоторые неудобства, но посетителю, как правило, бывает приятно.

— Ну что, Николай Николаевич, поскорее выздоравливайте и выходите на работу, — в конце своего посещения произнёс Соловьёв. — Мы ждём вас.

Вроде ничего особенного Алексей Натанович и не сказал, но через две недели профессор Прокопенко приступил к работе. А ещё через день ректор снова пригласил Соловьёва к себе.

— Алексей Натанович, я вот по какому вопросу вас пригласил. Нужно закрывать дело Прокопенко.

— Я в принципе не возражаю, но думаю, что мы не можем закрыть его без взыскания. Проректор Козлов мне по этому поводу всё высказал в жёсткой форме.

— И что вы предлагаете?

— Мне трудно что-либо предлагать. Я хочу, Пётр Васильевич, услышать ваше мнение.

— Я думаю, что нужно отстранить профессора Прокопенко от обязанностей заведующего кафедрой. А в следующем году объявить по этой кафедре новый конкурс.

— И его же избрать на эту должность?

— Если не будет никого более достойного, то да. А сейчас посмотреть, как он будет себя в течение года вести.

— Хорошо, я понял.

— Вы свободны. Жду от вас служебную записку.

У Алексея Натановича не было никакого сомнения в том, что Тихомиров знает о его визите к Прокопенко в больницу. В любом случае решение, которое предложил ректор, позволяет ему убить

сразу нескольких зайцев: во-первых, перехватить инициативу у проректора Козлова, во-вторых, сурово наказать Прокопенко руками декана, а в-третьих, не дать тем самым ход партийному разбирательству дела.

9.9

Заседание Учёного совета Норильского технологического института было назначено, как обычно, на три часа дня, после окончания третьей пары занятий. За десять минут до его начала Алексей Натанович Соловьёв вышел из своего кабинета. В аудитории, где всегда проходило заседание Совета, уже собрался народ. Алексей Натанович со всеми приветливо поздоровался и прошёл на место, которое занимал на предыдущих заседаниях. Членов Совета было ещё мало, зато на стульях для гостей, стоящих вдоль стены, чинно восседали все члены партийного бюро энергомеханического факультета.

Все дни, предшествовавшие заседанию Учёного совета, Алексей Натанович волновался, но сегодня почему-то был абсолютно спокоен. Как говорил папа, выиграло самолюбие: чего ради он должен сходить с дистанции и чем, собственно, он не соответствует условиям конкурса? На должность декана не рвался, ректорат ему сам предложил. Даже некоторое время отказывался от неё. Но играть собой он никому не позволит.

Председатель Учёного совета, ректор института Пётр Васильевич Тихомиров, зачитал повестку дня заседания. Вопрос избрания декана энергомеханического факультета стоял первым. Ректор попросил учёного секретаря совета огласить все документы по первому вопросу. Заявление на замещение вакантной должности декана факультета поступило на имя ректора института Тихомирова, как ни странно, только от Алексея Натановича Соловьёва. Его кандидатура была также выдвинута коллективом кафедры механики и поддержана профсоюзным комитетом института.

— Спасибо. Переходим к обсуждению кандидатуры Алексея Натановича Соловьёва перед внесением в список для тайного голосования. Кто желает по этому вопросу выступить?

— Позвольте мне, — подняла руку доцент Холодова. — Партийное бюро факультета трижды обсуждало кандидатуру Алексея Натановича Соловьёва и не считает возможным рекомендовать его на должность декана.

Будучи кандидатом философских наук, доцент Холодова чётко обосновала отрицательную рекомендацию партийного бюро и связала её с задачами, стоящими перед системой высшего образования в стране. При этом ею были сформулированы три основные позиции отказа: 1) отсутствие опыта руководящей работы в вузе; 2) нарушение положения о декане факультета; 3) полное незнание кандидатом на вакантную должность специфики обучения студентов в условиях Крайнего Севера.

Окончив свое выступление, Холодова оглядела зал с видом победительницы.

— Спасибо, — снова поднялся со своего места ректор. — Известно, что выступающим вопросов не задают, но я как председатель Учёного совета позволю себе это правило нарушить. Скажите, пожалуйста, Земфира Александровна, я правильно понял ваше выступление: ничего личного, всё только в интересах дела.

— Да, Пётр Васильевич.

— Тогда у меня к вам, если позволите, простой вопрос. Какое отношение вы имеете к деятельности энергомеханического факультета? Кафедра марксизма-ленинизма в целом и вы в частности, как доцент этой кафедры, подчиняетесь напрямую ректору, но не какому-либо факультету.

— Я выступаю здесь только по поручению партийного бюро факультета и больше никак.

— Земфира Александровна, ещё раз большое спасибо. Переходим к обсуждению состава счётной комиссии.

Своими вопросами к доценту Холодовой ректор чётко выразил своё отношение к обсуждаемому вопросу. В результате тайного голосования Алексей Натанович Соловьёв был избран деканом факультета четырнадцатью голосами «за». Три члена совета проголосовали «против».

— Поздравляем вас, Алексей Натанович, с избранием на должность декана энергомеханического факультета. Желаете что-нибудь сказать? — спросил ректор у Соловьёва.

— Да, если позволите, несколько слов. С раннего возраста, в силу определённых личных обстоятельств, связанных с моей семьёй, я считал должность декана факультета самой непривлекательной в высшем учебном заведении. Но так распорядилась жизнь, что я сам на ней оказался. Хочу выразить благодарность Учёному совету за оказанное доверие. Постараюсь учесть в своей

работе все замечания партийного бюро, но нравиться никому не обещаю.

9.10

Был конец очередного рабочего дня. Алексей Натанович уже соби-
рался домой, когда в дверь кабинета кто-то тихо постучал.

— Да-да, — отозвался он.

Дверь открылась и в кабинет вошёл студент четвёртого курса
Хазбичир Хачатуров — гордость факультета, ленинский стипенди-
ат, отличник, спортсмен. К тому же просто весёлый парень и бала-
гур. Странно было видеть его в деканате, куда, как правило, при-
ходили неблагополучные студенты.

— Здравствуйте, Алексей Натанович, извините за беспокойство.

— Ничего страшного. Проходи, Хазбичир. Слушаю тебя внима-
тельно.

— Алексей Натанович, хочу пригласить вас на премьеру нашего
театра «Полярный СТЭМ». В субботу, в семь часов вечера.

— Спасибо за приглашение. А в каком качестве ты сам там вы-
ступаешь?

— Я режиссёр и соавтор текста. Нас двое авторов — Коля Ско-
роходов и я.

— Теперь понятно, почему ты вместо галстука носишь бабочку.
Представитель богемы, как наш преподаватель Владимир Евгра-
фович Сидоровский? Знаешь, о ком я говорю?

— Да. Видел его в институте несколько раз, но лично не знаком.

— Я вас познакомлю. Кстати, кроме технического образования,
у Владимира Евграфовича за плечами Шанхайская консерватория
по классу рояля. Удивительный человек.

— Так вы придёте на вечер, Алексей Натанович?

— Постараюсь. Ещё раз спасибо.

Визит Хазбичира отвлёк Алексея Натановича от текущих дел
по деканату. Он вспомнил свои студенческие годы, прекрасный
дворец молодёжи при МВТУ им. Баумана, где тоже выступал Сту-
денческий театр эстрадных миниатюр. И почему-то ещё тот злопо-
лучный вечер танцев, когда ему разбили физиономию. Правда, это
печальное обстоятельство позволило ему познакомиться со своей
будущей женой, но перелом носа лишил его возможности профес-
сионально играть в баскетбол.

Возвратившись домой, Алексей спросил жену:

— Алиса, хочешь пойти со мной в субботу на студенческий вечер? Увидишь наш институтский СТЭМ.

— Я бы с удовольствием, Лёша, да Витюшу не на кого оставить. Так что иди один, а потом мне расскажешь.

9.11

В субботу актовй зал института был полон. Только два первых ряда, предназначенные для приглашённых преподавателей, были ещё свободны. На заднике сцены висел плакат со студенческими заповедями, написанными огромными буквами.

«Помни, студент!!!

Правило 1. Жить нужно весело.

Правило 2. Не создавай себе проблем.

Правило 3. Проблемы появятся сами».

В первом отделении студенты пели, танцевали, читали стихи. Все ждали второго отделения с выступлением «Полярного СТЭМа». И вот в зале погас свет. Низкий мужской голос объявил в микрофон:

— Дорогие друзья! Начинаем представление Студенческого театра эстрадных миниатюр Норильского технологического института, который в полярной норильской ночи высветит своим прожектором некоторые полутёмные пятна из нашей интересной многоплановой жизни.

— Все актёрские роли исполняют только девочки — по причине отсутствия талантливых мальчиков.

— Все руководящие посты занимают только мальчики — по причине несоответствия вышеуказанным должностям талантливых девочек.

АКТ ПЕРВЫЙ

Две молодые девушки в баре.

ПЕРВАЯ. Ты декана нашего видела?

ВТОРАЯ. Какого декана? Нового или старого?

ПЕРВАЯ. Нового.

ВТОРАЯ. Видела. Не комильфо.

ПЕРВАЯ. Комильфо не комильфо, но мужчина при хороших деньгах. За деканат в Норильском институте дополнительно платят 35-процентную надбавку к месячному окладу.

ВТОРАЯ. Ну и что? Разве это деньги? Вот на комбинате мужчины получают зарплату, так это деньги.

ПЕРВАЯ. И как же до них добраться?

ВТОРАЯ. До кого добраться — до мужчин или до денег?

ПЕРВАЯ. Конечно, до денег. Мужчины сами приползут, держа их в зубах.

ВТОРАЯ. Верхом на палочке, которая называется дипломом о высшем образовании.

ПЕРВАЯ. А разве для этого нужен диплом?

ВТОРАЯ. Конечно, нужен. Понимаешь, подруга, мужчина — очень тщеславный по своей природе человек. Ему невероятно приятно, когда его любит дипломированная женщина.

ПЕРВАЯ. А без диплома мужчина не может любить женщину?

ВТОРАЯ. Может. Но просто очередь длиннее. Пока она подойдёт — молодость закончится.

ПЕРВАЯ. Значит, высшее образование девушкам нужно только для замужества?

ВТОРАЯ. Не только, но у умных женщин всё должно работать на мужчину и замужество. Поняла?

ПЕРВАЯ. Всё поняла. Не дура.

АКТ ВТОРОЙ

Двое мужчин — молодой и пожилой — встречаются на улице.

МОЛОДОЙ. Извините, вы не подскажете, который час?

ПОЖИЛОЙ. Для того чтобы ответить на ваш вопрос, молодой человек, я должен поставить сумки на мостовую и посмотреть на часы.

МОЛОДОЙ. Ну и что?

ПОЖИЛОЙ. Когда я поставлю сумки на мостовую, вы увидите, что там много разных вкусных вещей.

МОЛОДОЙ. Увижу. Дальше что?

ПОЖИЛОЙ. Вы обязательно меня спросите, куда иду?

МОЛОДОЙ. Да, спрошу.

ПОЖИЛОЙ. Я вам отвечу: иду с рынка домой. Сегодня день рождения моей дочери.

МОЛОДОЙ. Эка невидаль. Ну и что?

ПОЖИЛОЙ. Ничего. Вы просто в силу своей природной настырности напроситесь ко мне в гости.

МОЛОДОЙ. Конечно, попрошусь.

ПОЖИЛОЙ. Прийдёте и увидите, что у меня дочь красавица, умница.

МОЛОДОЙ. И что?

ПОЖИЛОЙ. Вы, конечно, влюбитесь и захотите на ней жениться. А теперь, молодой человек, спросите у меня: зачем мне нужен зять, у которого даже часов нет?

МОЛОДОЙ. Не смею задерживать.

ПОЖИЛОЙ. Всего хорошего.

АКТ ТРЕТИЙ

Две молодые девушки в баре.

ПЕРВАЯ. Ты знаешь, подруга, я пришла к выводу, что все мужчины одинаковые, потому что козлы. Зарплаты у них разные.

ВТОРАЯ. Я это давно знаю.

ПЕРВАЯ. И что с этим делать?

ВТОРАЯ. Ничего. Пользоваться такими, какие есть.

ПЕРВАЯ. Но может, всё-таки, у них существуют какие-нибудь различия?

ВТОРАЯ. Существуют, только не у них, а у их жён. Одних жёны застукали с любовницами, а других — нет.

ПЕРВАЯ. Думаю, что тут мужчины вообще не при чём.

ВТОРАЯ. Как это не при чём?

ПЕРВАЯ. Вот так. Всё зависит от женщины. Умные женщины — застукали или не застукали — делают вид, что ничего не произошло, а глупые начинают менять мужей.

ВТОРАЯ. А при замене мужа есть какая-нибудь гарантия, что эта ситуация не повторится?

ПЕРВАЯ. Абсолютно никакой.

ВТОРАЯ. Спасибо за школу.

ПЕРВАЯ. Не стоит благодарности.

АКТ ЧЕТВЁРТЫЙ

Разговор трёх женщин в канцелярии Норильского института.

ПЕРВАЯ (*преподавательница*). Здравствуйте, мне нужно срочно отправить пакет с документами в Москву.

ВТОРАЯ (*начальник канцелярии*). К сожалению, ничем не можем помочь. В Норильске уже третий день нелётная погода. Аэропорт закрыт.

ТРЕТЬЯ (*посторонняя женщина*). Как закрыт? А у меня муж вчера в командировку улетел.

ПЕРВАЯ. Да что вы говорите? Может он улетел транспортным самолётом? Не стоит расстраиваться.

ВТОРАЯ (*подхватывает*). Да-да. А может военным? Эти вообще летают в любую погоду.

ТРЕТЬЯ. Может быть, может быть...

АКТ ПЯТЫЙ

Разговор двух женщин среднего возраста.

ПЕРВАЯ. Как мне надоела эта глупая борьба с алкоголем в нашей стране путём повышения цен на водку.

ВТОРАЯ. Не говори. Мне тоже это страшно надоела. Раньше муж тратил на выпивку тысячу рублей в месяц, а теперь две. Не знаю, что с этим делать?

ПЕРВАЯ. Здесь может быть только один путь: ты должна своего мужа чем-то сильно напугать.

ВТОРАЯ. Да ты что?

ПЕРВАЯ. Да. Мой муж рассказывал, что он в девять лет задохнулся дымом от папиросы. Чуть не помер. После этого никогда в жизни больше не курил.

ВТОРАЯ. Ну, это курево. А как мужчину от водки отвадить?

ПЕРВАЯ. Есть один способ. Я своему мужу рассказала, что сейчас в стране свирепствует эпидемия кори со страшными последствиями.

ВТОРАЯ. Ну и что? В чём тут дело? Что ты ему ещё сказала?

ПЕРВАЯ. Сказала, что корь передаётся от одного человека к другому воздушно-капельным путём.

ВТОРАЯ. Это как?

ПЕРВАЯ. Это через общий стакан.

ВТОРАЯ. Ну и что?

ПЕРВАЯ. А то, что мужчины после этого из одного стакана пить не будут. А двух стаканов у них никогда не бывает.

ВТОРАЯ. Большое спасибо тебе за подсказку.

ПЕРВАЯ. Пожалуйста. Обращайся ещё.

АКТ ШЕСТОЙ

Декан и студент.

ДЕКАН. Слушай, дружище, посоветуй, как мне быть? Невозможно стало работать. Не деканат, а сумасшедший дом. Все что-то постоянно от меня хотят: справки, дипломы, деньги, работу. А если не дашь, что просят, жалобы пишут, забастовочные комитеты организывают, проверяющие комиссии насылают.

СТУДЕНТ. Да гоните всех их в шею, уважаемый профессор, и дело с концом.

ДЕКАН. Молодец. Хороший совет дал. Теперь скажи мне, что с наукой делать? Денег в казне нет и не предвидится. А учёные без денег отказываются статейки писать, диссертации защищать, на конференции ездить.

СТУДЕНТ. Не до науки сейчас, батенька, не до науки. Наука что? Одно баловство. Учёный чем-то там в своё удовольствие занимается, а ты ему за это ещё и плати. Нет, не прокатит.

ДЕКАН. Это точно. Тогда последний вопрос. Не знаю, что делать с Норильским комбинатом? Комбинат специалистов требует, а где их взять? Выпускники нашего института всё больше к торговле тяготеют. Бусы там продавать или ещё чего такого.

СТУДЕНТ. Смотрите, уважаемый, сейчас время смутное, коммерческое. Нужно его пересидеть, а не суетиться. И желательно на воле.

ДЕКАН. Ну, спасибо тебе, студент. Образовал ты меня по всем вопросам. Пойду дальше работать.

Часть четвертая

Декан

Заявление

дай мне раз

УТВЕРЖДАЮ
Декан факультета

Служебная записка
Секретно.

Справка

Служебная записка

УВАЖАЕМЫЙ ГОВ. ...

Глава 10. Становление

10.1

Наступил 1979 год. Зимняя сессия закончилась. Начались студенческие каникулы. Институт без студентов был пустой и непривычно тихий. Преподавателей в здании института тоже не было. Приходили на работу, если только проводились какие-нибудь мероприятия. Но деканы должны были находиться на своих рабочих местах, так как в любой момент могли понадобиться кому-нибудь из руководства.

Сегодня Алексей Натанович был в деканате недолго. После этого пошёл на свою кафедру. Там, как обычно, за своим столом сидел профессор Прохоров. Больше никого на кафедре не было.

— Здравствуйте, Владимир Петрович, — приветствовал его Алексей Натанович.

— Здравствуйте, здравствуйте, Алексей Натанович. Рад видеть. Не балуете вы нас своими визитами.

— Да как-то не получается. Декан по всем инструкциям обязан быть в деканате два часа в день. А я торчу с утра до вечера. Всем хочется со мной поговорить, посоветоваться. Не могу никому отказать. Уж очень хлопотная должность.

— Вопросы у студентов никогда не закончатся, а вы о себе немного подумайте.

— Как ни странно, но ко мне больше обращаются со своими проблемами преподаватели, а не студенты.

Последние слова Соловьёва Прохоров оставил без комментария. Но неожиданно спросил:

— Алексей Натанович, вы на лыжах ходите?

— Да, и вроде неплохо. Когда-то я серьёзно занимался спортом. Правда, не лыжами, а баскетболом. А в связи с чем такой вопрос?

— Станет теплее, примерно в конце марта, мы вернёмся с вами к этому разговору, если не возражаете?

— Не возражаю.

— Очень хорошо. Дело в том, что у меня в тундре живут друзья — замечательные люди. Я к ним довольно часто езжу в гости, если, конечно, погода позволяет.

— Как это живут? Постоянно?

— Да, постоянно, представьте себе. Они беглые. Правда, поневоле. Их советская страна забыла там перед войной. Когда-нибудь я расскажу вам эту историю. Исключительно интересно, а главное — весьма поучительно. Робинзон Крузо с графом Монте-Кристо просто отдыхают.

Профессор Прохоров сделал паузу, ожидая вопросов. Но Соловьёв молчал, обескураженный услышанным. Он и представить себе не мог, что в наше время может быть такое. Однако всё же спросил:

— Перед какой войной?

— Как перед какой? Перед Великой отечественной, 1941 года.

Весь день разговор с Прохоровым не выходил у Алексея из головы. Он думал о людях, которые в одиночестве прожили около сорока лет в тундре, общаясь только с теми, кто изредка приезжал к ним в гости. Да и то наверняка в последние годы. При этом профессор назвал их друзьями. Теперь Соловьёву стало понятно, почему Прохоров не улетает отдыхать на «материк», а проводит все свои отпуска в Норильске. Рассказав об этих людях, Прохоров продемонстрировал не только большое доверие к нему, но и желание поделиться чем-то своим, сокровенным. Осталось только дожидаться, когда пойдут на убыль суровые зимние морозы и начнётся лыжный сезон.

10.2

Сегодня новоиспечённые инженеры — первый выпуск студентов в бытность Алексея Натановича деканом факультета — пригласили своих преподавателей в ресторан на торжественный ужин по поводу получения дипломов. Алексей Натанович любил такие застолья, когда можно посидеть со своими воспитанниками без необходимости кого-то наставлять, а главное, что-то умное и к месту говорить. Просто слушать разговоры, шутки, реплики, в том числе и в свой адрес. Подзарядиться их энергией, оптимизмом, молодостью.

Глядя на этих повзрослевших ребят, с которыми был связан пять лет, Алексей Натанович ощутил чувство гордости за них и немножко за себя. Группа была небольшая, всего 16 человек, но очень дружная и активная. Старостой группы числилась Света Пономарёва, но заправляла всем её близкая подруга Люся Перепёлкина. Вот и сейчас, когда все приглашённые заняли свои места и за столом стало более или менее тихо, Люся бойко объявила:

— Дорогие друзья, наши любимые преподаватели, которые никогда не станут бывшими! Позвольте первое слово предоставить нашему декану, большому другу студентов Алексею Натановичу.

— Спасибо, Люся, за оказанную честь. Дорогие коллеги, предлагаю поднять бокалы за вас, молодых инженеров. Успехов вам во всём.

— Алексей Натанович, ну что вы так коротко и уж очень официально? — вскочила со своего места неугомонная Перепёлкина.

— Хорошо, я добавлю несколько слов. Дело в том, что при всём моём искреннем расположении к студентам, я представляю деканат. А это карающая инстанция. В древние времена деканом назывался человек, надзирающий над десятью монахами или солдатами. Потом значение термина расширилось и объектом его внимания стали студенты. Но суть его должностных обязанностей от этого не изменилась. Так вот. Трудно себе представить, чтобы надзирающий вступал в дружеские отношения с теми, за кем обязан следить и периодически наказывать.

— Но вы же вступаете, — возразила ему бывшая староста группы Пономарёва.

— Будем считать, что я — редкое, нарушающее все правила, исключение.

— Ура, за здоровье нашего любимого декана!

Шутливый тон, который задал за столом Алексей Натанович, поддерживался в разговоре до конца вечера. По окончании встречи, когда Алексей Натанович подавал шубу Алисе, она, задержав его руку на своём плече, с улыбкой сказала:

— Ну и иезуит ты, Соловьёв. Кстати, иезуиты всегда принимали самое активное участие в делах инквизиции. А потом писали об этом воспоминания с огушительными раскаяниями.

— Не понял твоего замечания, любимая.

— А что тут понимать? Сначала ты им как декан пять лет выкручивал руки, а сейчас рассыпаешься в комплиментах.

— Неправда. Я всегда старался быть студентам отцом родным.

— Ну-ну. Значит я, по твоей логике, мать родная?

— Нет, на мать ты, Алиска, не тянешь. Ты только жена отца.

— Спасибо и на этом.

Весёлые и довольные своим удачным пикированием, Алиса и Алексей отправились домой.

10.3

Самоедство у Алексея Натановича Соловьёва было от папы. Приходя домой, Натан Захарович начинал обсуждать с женой всё, что произошло у него за день на работе. Елена Степановна в основном молчала, но когда муж в порыве убедить самого себя в правильности того или иного совершённого поступка преступал, с её точки зрения, дозволенный предел, она взрывалась:

— Натан, ты можешь себе представить, чтобы я, придя домой, начинала обсуждать с тобой, правильно ли я сегодня кому-то что-то отрезала. Это была бы настоящая «дурка». Поэтому оставь меня в покое со своими производственными проблемами.

— Ты что, не хочешь, чтобы я тебе о них рассказывал?

— Нет, не хочу. Давай лучше поговорим о наших семейных делах.

После этого папа, как правило, делал обиженный вид и уходил в большую комнату смотреть телевизор или читать газету. Правда, через полчаса снова возвращался на кухню и продолжал беседу с мамой, как ни в чём не бывало.

Алиса, пройдя суровый курс детдомовского общежития, тоже особым терпением в разговорах с мужем не отличалась и сразу заявляла, чтобы он не грузил её своими институтскими проблемами. Несколько раз Алексей Натанович пытался обсудить факультетские дела с профессором Прохоровым, но тот ему, правда, очень деликатно, отказал. Раньше, когда в деканате секретарём работала Наталия Сергеевна, Соловьёв регулярно советовался с ней. Но вот уже полгода, как она ушла на пенсию, и на её место была принята молодая женщина Ольга Владимировна Герасимова.

Ольга Владимировна окончила Иркутский педагогический институт по специальности испанский язык и приехала в Норильск по месту распределения мужа. Но устроиться на работу по своему профилю не смогла и пошла работать секретарём факультета. Умная, грамотная, быстро схватывающая суть проблемы, она через короткое время стала настоящей хозяйкой в деканате. Соловьёв мог спокойно поручить ей любое дело с уверенностью, что всё будет выполнено в срок и качественно.

Заметили Ольгу Владимировну и в комитете комсомола института, а потому стали привлекать к работе со студентами. Однажды

её пригласили на комсомольское бюро и поручили подготовить анкету на тему «Декан глазами студентов».

— Оля, ты всё время общаешься со студентами. Нам интересно было бы знать, какие требования они предъявляют к декану? Что им нравится в его работе, а что следует изменить.

— Нет, этим я заниматься не буду. Нельзя в одну кучу сваливать производственную деятельность и общественную работу. Тем более за спиной у Алексея Натановича.

— Ну, зачем за спиной? Расскажи о нашем предложении. Послушай, что он скажет. Если ему эта идея понравится, составьте вместе анкету, в качестве эксперимента. А если откажется, то снимем этот вопрос с рассмотрения. Дело в том, что никто никогда таких опросов в институте не проводил, а ребятам интересно узнать больше о своём декане.

10.4

В конце рабочего дня Ольга Владимировна зашла в кабинет Соловьёва.

— Алексей Натанович, можно с вами поговорить?

— Пожалуйста. О чём вы хотите со мной говорить, Ольга Владимировна?

— Извините, Алексей Натанович, что я тревожу вас по не совсем обычному поводу. Дело в том, что по возрасту я ещё комсомолка.

— Я знаю год вашего рождения. Чем могу быть полезен нашему доблестному комсомолу?

— Сегодня в комитете комсомола института мне дали поручение составить анкету на тему «Декан глазами студентов». Если вам идея не кажется абсурдной, то я хотела бы это поручение выполнить с вашим участием.

Алексей Натанович широко улыбнулся. Видно было, что ему понравился нестандартный подход комсомольцев к факультетскому начальству

— Ну, наконец-то. Свершилось. Пришёл мой звёздный час.

— Это вы к чему, Алексей Натанович?

— Как к чему? К тому, что в результате свободного волеизъявления нашего студенчества я смогу, наконец, покинуть неуютное кресло декана.

— Ну, зачем вы так, Алексей Натанович? Никогда не думала, что это может вас обидеть.

— Шучу я, Ольга Владимировна. Шучу. На самом деле мне нравится ваше предложение. Когда я был ещё студентом, правда, уже старшего курса, мы подобную идею обсуждали дома у родителей с одним доцентом Ростовского педагогического института. Было много разговоров о том, как оздоровить эту несимпатичную должность. И вот что я думаю. Когда придёт время и я, наконец, уйду с должности декана, то возьму и напишу серьёзную научную работу: «Кто такой декан и что ему от студентов надо (опыт нестороннего человека)». Обещаю.

Со смехом, обмениваясь разными шутками, декан и секретарь факультета составили проект студенческой анкеты. Окончив её обсуждение, Алексей Натанович спросил:

— А как вы, Ольга Владимировна, собираетесь использовать результаты анкетирования студентов?

— Очень просто. Мы об этом в комитете комсомола уже говорили. Так как декан избирается Учёным советом института на пять лет, то первый год его работы следует считать кандидатским. И только через год, по результатам студенческого анкетирования, окончательно утверждать кандидата в должности декана.

— А не кажется ли вам, что двухступенчатая система выборов декана добавит всем дополнительные хлопоты?

— Конечно, добавит, но эти хлопоты оправданные. Они оградят студентов от идиотов и самодуров на этой должности.

— И откуда у вас, Ольга Владимировна, такое глубокое понимание вопроса — кто может быть деканом, а кто нет?

— Из собственного опыта. У нас в институте долгое время деканом факультета была склочная и мстительная женщина. Я её запомнила на всю оставшуюся жизнь.

— Понятно. Видно, крепко вам насолила эта дама.

10.5

На следующий день Ольга Владимировна отпечатала анкету на машинке и отнесла в комитет комсомола института. После нескольких мелких замечаний членов комитета текст утвердили и поручили учебному сектору комитета провести опрос студентов всех курсов энергомеханического факультета.

В окончательном виде текст анкеты выглядел следующим образом:

«Внимание студентов энергомеханического факультета!

В настоящее время в нашей стране набирает силу движение за усиление органов студенческого самоуправления в высших учебных заведениях, за представительство студентов на всех административных уровнях, за возможность высказывать своё мнение при принятии решений, касающихся студенческой жизни. Особенно острыми в этом плане являются вопросы, связанные с выбором руководителя факультета.

Мы не хотим, чтобы нам навязывали результаты выборов декана, устраивающие только руководство института. Мы хотим активно участвовать в этом процессе. Для этого просим вас выразить своё отношение к личности декана в предлагаемой ниже анкете.

Декан, по нашему мнению, должен быть:

1 — профессионалом,

2 — умным,

3 — честным,

4 — доброжелательным,

5 — интеллигентным,

6 — современно одетым человеком.

Просьба вышеуказанные требования к декану расставить по приоритету — с 1-го по 6-е.

Список вышеприведенных требований можно изменять, добавляя или исключая отдельные пункты.

Учебный сектор комитета комсомола института».

На анкету анонимно ответили более трёхсот студентов. Ничего неожиданного в ответах не оказалось. Результаты опроса были обсуждены на комсомольской конференции института, и окончательный перечень требований студентов к кандидатуре декана передан на факультет.

Ольга Владимировна решила не беспокоить декана специально, а положила итоги анкетирования в его почту. Ознакомившись с документом, Алексей Натанович пригласил её к себе.

— Присаживайтесь, пожалуйста. Я сравнил приоритетность требований к декану по результатам опроса и наш вариант. Они

почти совпадают, за исключением того, что «доброжелательность» студенты поставили на второе место.

— Вы согласны с мнением студентов, Алексей Натанович?

— В принципе — да. Вашу анкету я передам в конкурсную комиссию института, которая, надеюсь, впредь будет оценивать претендентов на должность декана в соответствии с требованиями студентов.

— Ну, вот видите, Алексей Натанович. Значит, мы не зря поработали?

— Не зря. А теперь, что касается вашего предложения ввести годичный кандидатский стаж для декана факультета. Я уже беседовал с учёным секретарём Совета института, и он сразу же отверг его по двум причинам. Во-первых, существуют чёткие правила Министерства высшего образования о процедуре избрания декана факультета, которые нужно неукоснительно выполнять. А во-вторых, у нас не такой уж большой институт, чтобы люди не знали всё о том или ином кандидате в деканы заранее.

— И тем не менее, Алексей Натанович, вы же не будете отрицать народную мудрость: «Хочешь узнать человека — дай ему власть».

— Конечно, не буду. Но мне известна эта поговорка и в другой, более сильной редакции: «Хочешь узнать человека — дай ему власть и портфель. Захочешь понять его — отними у него и то, и другое».

— Я не встречала такого выражения, но в принципе они по смыслу совпадают.

— Согласен. А теперь скажите, пожалуйста, Ольга Владимировна: сколько времени вы работаете в институте секретарём факультета?

— Второй год.

— Немного. И, тем не менее, несмотря на ваш весьма скромный трудовой стаж, хочу с вами посоветоваться по одному вопросу. Я собираюсь ходатайствовать перед ректоратом об упразднении должности заместителя декана на нашем факультете.

— Вас что, Алексей Натанович, не устраивает Борис Васильевич Филиппов?

— Нет, не в нём дело. Хотя отчасти и в нём.

— Интересно, а главное — неожиданно. Если вас не затруднит, посвятите меня, пожалуйста, в свои соображения.

— С удовольствием. Известно, что основной структурой в вузе является деканат, к которому приписаны студенты.

— Извините, Алексей Натанович, но вы о студентах как о каких-то крепостных говорите.

— Это ваш профессиональный слух филолога уловил такой смысл. Но я хотел сказать о другом. Студент — самый главный человек в институте, однако и самый занятый: обязательные, факультативные занятия, контрольные, курсовые, зачёты, экзамены и т. д. А ему ещё нужно пообщаться с друзьями, позаниматься спортом и так далее. Поэтому не студент должен подстраиваться под наш рабочий график, а мы под его.

— Я что-то не пойму, к чему вы клоните?

— А к тому, что студент просто так в деканат не приходит. Это не та инстанция, которую посещают от нечего делать. Если он пришёл с вопросом, то должен получить на него ответ. А мы с заместителем декана — обыкновенные совместители. Бываем в деканате набегами, в свободное от основной работы время. Причём нам действительно всегда некогда.

— Всё равно не понимаю, о чём вы? Я же всегда на месте. И вообще, студент может прийти в другое время. Можно, в конце концов, указать часы приёма декана?

— Нет. Это уже совсем никуда не годится. Декан всегда всем нужен в режиме реального времени. Это самая хлопотная, но и самая необходимая студенту должность в институте. Поэтому он и напоминает своего декана на всю жизнь. Если, конечно, есть что запоминать.

— И что вы предлагаете, Алексей Натанович?

— Я предлагаю упразднить должность заместителя декана и ввести на факультете должность методиста. Но этот вопрос ещё нужно хорошо обдумать и обосновать.

10.6

Прочитав лекцию студентам третьего курса последней парой, Алексей Натанович собрался идти домой. Было уже половина седьмого вечера. Но привычка смотреть перед уходом почту, которую ему оставляла в конце рабочего дня секретарь факультета, задержала его в кабинете. Через несколько минут раздался тихий стук в дверь, и в кабинет декана вошла секретарь ректора Лиза.

— Извините, Алексей Натанович, за беспокойство. Ректор просил передать вам этот конверт прямо в руки. Так как вы были на лекции, я не могла сделать этого раньше.

В запечатанном конверте было короткое, в полстраницы стандартного листа, письмо на имя ректора института Тихомирова от Софии Александровны Добеску, матери студента первого курса энергомеханического факультета. В письме она просила принять меры по отношению к тем, кто «поставил своей целью изжить её сына Максима из института». Угроза отчисления студента Добеску была связана с тем, что в зимнюю сессию он дважды получил неудовлетворительную оценку по начертательной геометрии.

Ситуация в принципе рядовая: неуспевающий студент жалуется родителям на преподавателя, и те обращаются по этому поводу в ректорат. Однако, по мнению Софии Александровны, причиной несдачи сыном экзамена является то обстоятельство, что он по национальности молдаванин. Об этом сказала ему преподаватель, когда он завалил экзамен в последний раз. Письмо было зарегистрировано в канцелярии института, и на нём значилась резолюция ректора: «Декану Соловьёву А. Н. Разобраться и доложить».

Кафедра начертательной геометрии была не на его факультете. Поэтому Алексей Натанович мог просто ограничиться поручением заведующему кафедрой создать комиссию и решить проблему в установленном порядке. Но интуиция ему подсказывала, что в случае со студентом Добеску не следует идти традиционным путём. Ведь не зря ректор направил ему письмо не по внутренней почте, где посторонние люди могли его прочитать, а передал через своего секретаря в запечатанном конверте. По всей видимости, национальный вопрос, даже косвенно прозвучавший в жалобе родителей, ректор считает целесообразным обсуждать вместе с причиной неуспеваемости студента.

Открыв расписание занятий факультета, Алексей Натанович выяснил, что начертательную геометрию в группе студента Добеску ведёт старший преподаватель Раиса Кирилловна Глебова. Серьёзный, грамотный педагог. Трудно представить, что она могла так обидеть студента. И тем не менее Алексей Натанович решил пригласить Раису Кирилловну к себе на беседу.

Идя домой, Алексей Натанович почему-то вспомнил интересный разговор на тему национальности, который вышел у него с од-

ним бывшим заключённым несколько лет назад. А дело было так. Вместе с Ильёй Золотым он пошел покупать по объявлению диван. Приобретение мебели в Норильске всегда составляло большую проблему, поэтому найти диван, хотя бы с рук, было несомненной удачей. Продавец, назвавшийся Володей, судя по наколкам на обеих руках, был человеком бывалым. Назвав цену, он предупредил, что она окончательная и торговаться не стоит. Получив деньги, Володя помог Алексею и Илье спустить диван с четвёртого этажа и погрузить в кузов грузовой машины. Дело оказалось не простым, так как из-за узости лестничных пролётов в некоторых местах диван приходилось поднимать выше перил и нести на вытянутых руках. Но когда Алексей с Ильёй уже собирались сесть в машину, Володя их остановил.

— Нет, ребята. У нас так не положено. Надо сейчас всем подняться в хату и обмыть покупку. И ты тоже, — обратился он к водителю, который в погрузке дивана вообще участия не принимал.

— Извини, друг, но мы спешим. Да и как оставишь в открытом грузовике диван? Его же сопрут сразу, — ответил водитель.

— Вот за это ты не беспокойся. В моём доме такого быть не может. Это тебе Володя сказал.

Бывший хозяин дивана никого уговаривать не стал, а просто развернулся и пошёл к себе домой. Остальные поняли, что отказываться бесполезно. Вообще, складывалось впечатление, что Володя не столько хотел продать диван, сколько выпить по поводу состоявшейся сделки.

Комната, после того как из нее вынесли диван, казалась совершенно пустой. Обшарпанный стол без скатерти, стоявший в центре, только усиливал убогость обстановки. Оживившись в предвкушении выпивки, Володя быстро выложил на стол батон отдельной колбасы, порубав её ножом на большие куски. Достал из холодильника бутылку водки, а из шкафа — четыре гранёных стакана. После этого, аккуратно разлив водку по полстакана каждому и выдавив на лице подобие улыбки, громко произнёс:

— За покупку!

С благостным выражением лица, медленно и аккуратно вылив содержимое стакана себе в горло, вдруг вскочил со стула и заорал:

— А как же это мы без хлеба? Вот идиот!

Он полез в шкаф и выложил на стол буханку чёрного хлеба.

— А порезать? — заметил Илья.

— Зачем? Хлеб нужно отщипывать, чтобы почувствовать его вкус и тепло, а не резать. И вообще, почему не все выпили? — обратил он внимание на стакан, стоящий перед водителем.

— Так я же за рулём, — возразил тот.

— Все за рулём. На севере не пить нельзя. Это противоестественно. Я в Норильске с 1944 года. Из Белоруссии сюда попал. Десяточку дали мне за партизанскую молодость. Весь лагерный срок прокрутил баранку самосвала на угольном карьере и всегда перед сменой принимал на грудь. Так что будешь мне тут напевать — я за рулём.

10.7

Володя трезвый и Володя выпивший — это были два разных Володи. Трезвым он практически всё время молчал, зато выпив, почти не закрывал рта. При этом успевал, без лишней суеты, хлопотать за столом: разливал водку, приносил из кухни закуски. Перед гостями неожиданно появились солёные огурчики, сало, несколько крупных луковиц. А через некоторое время, никого не спрашивая, Володя незаметно поменял пустую бутылку водки на полную.

— Ну, так вот, — снова обратился он к водителю, который так и сидел перед своим нетронутым стаканом водки. — На карьере работы, как известно, идут круглосуточно. В три смены. А зимой, в полярную ночь, вообще разницы нет, какая смена. Всё равно весь день темно. Управлять тяжёлым карьерным самосвалом, высотой с двухэтажный дом, в пургу, туман, с обледенелыми стёклами — это, брат, очень непростое дело.

Рассказ свой Володя пересыпал сочным матом. Говорил не совсем связно, но увлекательно и бесстрашно, как будто держал ответ за свою прожитую жизнь. Никто его не перебивал и не задавал вопросов, пока он сам вдруг не остановился — как будто горло ему перехватило.

— Скажи, Володя, — воспользовавшись паузой, спросил Алексей, — а как на карьере в полярную ночь проводились буровзрывные работы и вывоз добытой породы? Ведь для этого карьер должен быть хорошо освещён. Да и персонал нужен грамотный.

— Молодец, хороший вопрос. В карьере, на монтаже и де-

монтаже карьерных электрических сетей, работали только крымские татары. На время взрывных работ они деревянные опоры и электрические провода аккуратно убрали, а после взрыва всё быстро восстанавливали. Маленькие, ловкие, трудолюбивые, они работали — одно загляденье.

— А откуда татары взялись на Крайнем Севере?

— Во время войны в Норильск приходило много этапов со спецпереселенцами — ингуши, чеченцы, поволжские немцы, крымские татары. Им советская власть винтовку доверить не могла. Только лом и лопату. Поэтому их и отправляли на верную гибель на Север. А однажды крымские татары мне жизнь спасли.

— Как это было? Можешь рассказать?

— Могу, но для этого нужно выпить.

— Нет, Володя. Нам хватит. Пей один.

— Вот что значит люди на зоне не были. Бывший зэк никогда не скажет: «Мне хватит». Если есть водка, её следует пить. Ну да ладно, как хотите.

Володя налил себе, как отмерил, ещё полстакана и виртуозно вылил водку в горло. Все с интересом наблюдали за этим процессом.

— Вот вы сейчас сидите и думаете: ну и алкоголик этот Володя. А я вам скажу — водку надо пить вкусно, с удовольствием на лице. Ни в коем случае не морщиться и не делать противную гримасу. Тогда водка пойдёт человеку на пользу, и будет у него праздник на душе. Ведь недаром в старину уважительно говорили «извольте откушать», а не «извольте нажраться». Вот так.

Володя аккуратно подцепил кусок колбасы и стал задумчиво его жевать. Все молча ждали продолжения рассказа. Но Володя почему-то не спешил, тыча вилкой в пустую тарелку. То ли настраивался, то ли заново переживал прошлое.

— Было это 17 ноября 1947 года. Я работал в ночную смену и запомнил этот день на всю жизнь, так как, по-хорошему, второй раз родился. Мело крепко, и ветер был сильный. В общем, погода жуткая. Карьер освещался хорошо — прожектора сильные, но были и «слепые» участки дороги, куда прожектора не доставали. Ну, так вот. Еду я гружёный с горы и вдруг чувствую, что потерял дорогу правым передним колесом. Остановился, попытался немного сдать назад, а меня ещё больше занесло. Сажу в машине и не знаю, что делать. Любой вариант плох: выйти из кабины — машина может

потерять центровку и уйти вниз, а карьер-то глубокий. Остаться в машине — неизвестно когда и чем это закончится. И тут я вижу, с высоты своего самосвала, что вокруг машины бегают какие-то маленькие человечки. Пара из них взобралась на лестницу, которая в кабину ведёт, несколько человечков прилепилось к бамперу, а все остальные собрались у заднего правого колеса. Я по их команде двигатель машины выключил, и они осторожно так начали толкать мой громадный самосвал назад на откатанную дорогу. Всё это продолжалось минут двадцать, не больше, а мне показалось — вечность. Когда я из кабины вылез, бледный как полотно, они давай меня качать. Человек сорок их было. Радостные, возбуждённые, и кричат что-то на непонятном языке.

10.8

Все сидели молча, переживая рассказ Володи, а он, довольный произведённым впечатлением, никому больше ничего не предлагая, налил себе очередные полстакана водки и так же артистически выпил.

— А нам всегда в школе говорили, что крымские татары — враги, — сказал вдруг Илья.

— Не знаю, что вам там говорили в школе, но для меня они друзья до гроба. Мы и по сегодняшний день общаемся. Кое-кому из них я помогал в нашем техникуме учиться. Я же ещё в 1940 году Могилёвский учительский институт окончил, по специальности математика. Началась война — меня забрали в армию. Потом попал в плен. Бежал, партизанил. А когда погнали немцев, вернулся в свой городишко. Там на меня сосед, тоже белорус, и настучал. Получил я за свои ратные подвиги, как уже говорил, десять лет. В 1954 году вышел из лагеря, а ехать с Севера некуда. Вот и живу здесь с женой.

— Вы сказали, что на монтаже электрических сетей в карьере работали только татары? А что, в лагере заключённые собирались в группы по национальному признаку? — поинтересовался Илья.

— Нет, конечно, — ответил Володя. — На этом карьере просто так получилось. Один устроился на работу и потащил за собой своих земляков. А вообще, на зоне были заключённые более 70 национальностей. Даже не знаешь, кто есть кто. Для меня, в принципе, национальность никогда не имела особого значения. Я вам по это-

му поводу притчу расскажу, которую мне в лагере кто-то наболтал. Известно, что Бог сначала создал один народ. Все люди были одинаковые и говорили на одном языке. Население росло, а жить становилась всё сложнее. Стали люди роптать на Бога, обвиняя его во всех своих бедах. Богу это не понравилось, и тогда он сделал всех людей разными, а главное, дал каждому народу свой язык. После этого они перестали обвинять Бога и начали выяснять отношения между собой. Так продолжается и до сегодняшнего дня. Всё.

Володя громко расхохотался, и от его заразительного смеха не устояли и все сидящие за столом.

— Ну что? Как вам моя байка? За это надо всем выпить, — радостно потирая руки, предложил он.

— Нет, нам хватит, — решительно отказался Алексей. — Ещё диван домой тащить. Ты лучше скажи, а как на зоне всё-таки решался национальный вопрос?

— Не знаю. По мне такого вопроса вообще нет. Хороший человек — просто хороший человек. А дерьмо национальности не имеет. В особенности после 1948 года, когда нас всех, политических заключённых, загнали внутри зоны в каторжную тюрьму.

Володя потянулся за папиросой, не спеша чиркнул спичкой и продолжил.

— Тюрьма — это серьёзная школа. Она, конечно, отбирает у человека здоровье, годы жизни, но и многому учит. Там всякие люди сидят: кто за дело попал за решётку, а кого судьба замела. Но зона сама выносит приговор каждому, независимо от статьи, по которой сидит. Сама ему указывает на место в жизни. Чтобы выжить в тюрьме, нужно уважать себя и почитать других. Стараться соблюдать свою честь и блюсти тюремные законы. И ещё. Я же видел, как вы на меня поначалу смотрели. Не то что с брезгливостью, но так — не нашего-де поля ягода. Так вот вам мой совет, ребята. Ведите себя в Норильске аккуратно. Город непростой. Неизвестно, что за человек перед вами. Как здесь оказался, какое у него прошлое, чем занимается. А вообще, будут вопросы — обращайтесь. Чем смогу — помогу.

И Володя широко и по-доброму улыбнулся.

10.9

Старшего преподавателя кафедры начертательной геометрии Раису Кирилловну Глебову Алексей Натанович пригласил к себе на следующий день после получения письма от ректора. Перед встречей ещё раз внимательно перечитал письмо.

— Проходите, Раиса Кирилловна. Присаживайтесь, пожалуйста. Я пригласил вас к себе, чтобы посоветоваться по одному деликатному вопросу. Дело в том, что ректор передал мне жалобу родителей студента Добеску, которому вы два раза выставили неудовлетворительную оценку, и попросил с этой жалобой разобраться. Я решил поговорить, прежде всего, с вами — как ведущим преподавателем, а потом уже посылать её для рассмотрения на кафедру.

— Очень хорошо, что вы так сделали, Алексей Натанович, потому что эта женщина уже приходила в институт и говорила со мной по поводу сына.

— И о чём был разговор?

— Естественно, о несданном экзамене. Дело в том, что у студента Добеску полностью отсутствует пространственное мышление. Он даже не понимает, что такое проекция. Мать умоляла, чтобы я поставила сыну троечку с двумя минусами — как в школе, честное слово, — а потом, дескать, он всё догонит.

— Может быть, вы о чем-то спрашивали её, Раиса Кирилловна?

— Спросила только, где её сын оканчивал среднюю школу. А она почему-то обиделась, тут же встала и ушла. Кстати, её сын неплохо поёт. Я слышала его выступление на вечере самодеятельной песни во Дворце культуры комбината. Можно даже сказать, уникальный голос у парня.

Они ещё немного поговорили. Раиса Кирилловна убедительно объяснила декану, что студенту Добеску не удастся сдать экзамен по начертательной геометрии никакой комиссии. Потом разговор незаметно перешел на её собственных детей и Алексей Натанович узнал, что старший сын Раисы Кирилловны увлекается математикой, а младший хорошо рисует. И что, вообще, детьми нужно постоянно и серьёзно заниматься. Тогда из них выйдет толк. А иначе — не на что рассчитывать.

Под конец разговора Алексей Натанович не очень вникал в то, что говорила Раиса Кирилловна. Он понял главное — что толкнуло

мать студента Добеску написать жалобу ректору. Её глубоко задел вопрос преподавателя, касающийся того, что сын окончил молдавскую школу и при такой слабой подготовке по техническому черчению претендует на получение специальности инженера-механика.

— Спасибо, Раиса Кирилловна, за ваши пояснения. Я обязательно приму их к сведению при принятии окончательного решения.

Старший преподаватель Глебова ушла, а Алексей Натанович продолжал размышлять, глядя на письмо, лежащее перед ним. Через какое-то время он вызвал к себе Ольгу Владимировну и попросил пригласить к нему на субботу в три часа мать студента Добеску.

10.10

В назначенное время в дверь кабинета декана постучали и Соловьёв увидел на пороге немолодую усталую женщину.

— Входите, пожалуйста. Присаживайтесь. Вы, как я понимаю, Софья Александровна Добеску?

— Правильно.

— Простите, Софья Александровна, если я нарушил ваши планы на субботу, пригласив вас к себе на беседу.

— Нет, ну что вы. Ничего не нарушили, — несколько смутившись, ответила женщина.

— Очень хорошо. А где ваш сын Максим?

— Он в приёмной сидит. Стесняется к вам заходить. Мы вообще с сыном люди простые. Я работаю крановщицей на стройке. Сына ращу одна.

— Понятно. Ну, если будет нужно, мы его позовём. Итак, Софья Александровна, расскажите, пожалуйста, что вас заставило написать письмо ректору института?

Алексей Натанович приготовился слушать обвинительную речь простого рабочего человека, который изо всех сил стремится дать единственному сыну высшее образование, а натывается на всяческие проблемы. Но ничего подобного не произошло. Вперемежку со слезами Софья Александровна начала жаловаться декану на свою тяжёлую жизнь. Весь день на работе. А ещё ни на что не хватает денег. И сейчас она должна распрощаться с мечтой увидеть своего сына инженером.

Улучив момент, когда Софья Александровна доставала из сумочки носовой платок, Алексей Натанович заметил:

— Софья Александровна, вы зря так расстраиваетесь. У вас хороший мальчик. Мы недавно говорили о нём со старшим преподавателем Глебовой, которая поставила вашему сыну двойку по начертательной геометрии. Нет у Максима склонностей к техническим наукам, но это же не конец света. Вот Раиса Кирилловна отметила, что у него редкий голос. Она его слышала на каком-то концерте во Дворце культуры комбината.

— Правда? Спасибо вам большое.

— А хотите, Софья Александровна, я договорюсь, чтобы Максима прослушали в Норильском музыкальном училище? Не исключено, что он станет знаменитым певцом, и ещё весь Норильск будет им гордиться.

Алексей Натанович тепло попрощался с мамой студента Добеску. Она не только забрала своё письмо на имя ректора, но и написала расписку о том, что претензий к Норильскому технологическому институту не имеет. Максим Добеску был отчислен из института по собственному желанию и начал учиться на вокальном отделении Норильского музыкального училища. Успешно окончив училище, он впоследствии был принят в оперную труппу одного из ведущих театров Сибири.

10.11

На следующий день декан Соловьёв написал ректору института Тихомирову служебную записку, в которой последовательно изложил свои действия по рассмотрению жалобы матери студента Добеску. А затем вместе с самой жалобой и распиской заявительницы отнёс всё в канцелярию института. Инцидент со студентом Добеску Алексей Натанович включил и в своё выступление на очередном открытом партийном собрании, посвящённом учебно-воспитательной работе на факультете. Каким образом об этом узнала городская газета Норильска, он не знал, но через два дня в институт пришёл корреспондент, чтобы взять у декана Соловьёва интервью.

— Скажите, Алексей Натанович, и часто родители студентов стараются решать с вами проблемы своих детей? — задал корреспондент провокационный вопрос декану.

— На младших курсах достаточно часто.

— Чем вы это объясняете?

— Инерцией родительского мышления на определённом отрезке времени и инфантильностью их детей.

— А вы как декан разделяете позицию родителей?

— Отчасти, да. Дело в том, что студенты первого курса в принципе ещё ничем не отличаются от тех мальчишек и девчонок, которые год назад ходили в школу: те же разговоры, те же шуточки, то же дурачество. Правда, сами они считают, что, поступив в институт, сразу стали взрослыми людьми. Никто не звонит домой и не интересуется, почему пропустил занятия. Не задают каждый день уроки на дом и не требуют их выполнения. Даже собственные деньги в виде стипендии завелись.

— Получается, что так оно и есть.

— К сожалению, нет. Эта взрослость, на самом деле, очень обманчива. Студенты первого курса ещё не знают, как учиться в институте. Они просто не ориентируются в новых для них условиях. Запутавшись в текущих проблемах, некоторые из них уже после первой сессии отчисляются из института.

— И что вы делаете, чтобы минимизировать потери контингента?

— Ишь какой серьёзный вопрос вы мне задали! Но я отвечу вам тем же — осуществляем индивидуальный подход к каждому студенту.

— А можно человеческим языком?

— Можно. Распоряжением по факультету прикрепляем к каждой группе студентов первого курса куратора. Куратор обязан знать всё о своих студентах.

— В каком смысле всё?

— В прямом. Где живёт, телефон родителей домашний и рабочий, что за семья, какие особенности у студента, чем любит заниматься. Мы его приняли в институт не для того, чтобы сразу потерять. Нет таких ребят, которые не могут учиться в институте, если поступили. Только ими нужно серьёзно заниматься.

— Так это получается повторением школы?

— Нет, это далеко не школа. Куратор, если можно так выразиться, является на первых порах для бывшего школьника поводырём. Он ему помогает разобраться в новой жизни, подсказывает, что делать и как поступить в той или иной затруднительной ситуации. А студент сам должен делать шаги в нужном направлении.

— Очень интересно. А куратор тоже кому-то подконтролен?

— Обязательно. Во-первых, на факультете есть заместитель декана по воспитательной работе, а во-вторых, раз в месяц я сам провожу явочную планёрку кураторов и беседую с каждым из них в отдельности.

— Но это же огромная дополнительная нагрузка.

— Ну, не такая уж и огромная. И, кроме того, это не нагрузка, а наша прямая преподавательская работа. Просто её нужно выполнять добросовестно. Студентов вообще нужно любить, а плохих — прогульщиков и двоечников — особенно. Они гораздо интереснее и более искренни в своих поступках.

— А есть преподаватели, которые не любят студентов?

— К сожалению, есть. Им, я считаю, в институте делать нечего. Они должны работать в другом месте.

— Скажите, Алексей Натанович, отличаются ли студенты вашего института от студентов с «материка»?

— Отличаются, и весьма существенно. Все они живут дома. У нас нет студенческих общежитий. О них постоянно заботятся близкие: кормят, поят, одевают. Не важно, на первом курсе учится молодой человек, или на пятом. Таким образом, нашим студентам не нужно отвлекаться от учёбы и искать каких-либо заработков на стороне.

— Хорошо, со студентами всё более или менее понятно. А как обстоят дела с преподавателями?

— А что с преподавателями?

— Преподаватели такие же, как на «материке», или другие?

— Наши преподаватели лучше, чем на материке.

— Вы шутите, Алексей Натанович?

— Нет, не шучу. Обыкновенных преподавателей в Норильском институте, по определению, нет. Это Крайний Север. Сюда люди едут или от большого отчаяния, или от большого желания.

— Понятно. А как эти неординарные преподаватели должны вести себя со студентами?

— На равных, не стараясь подчёркивать своё превосходство. Авторитет преподавателя от этого не пострадает, но зато он приобретёт среди студентов немало единомышленников. И потом следует всегда помнить: студент нужен преподавателю не меньше, чем преподаватель студенту.

— Последний вопрос, Алексей Натанович. В чём вы видите свою основную задачу как декан?

— Прекрасный вопрос. В том, чтобы студенту в нашем институте было всегда интересно. Когда студент в сорокаградусный мороз, полярную ночь и сумасшедший, сбивающий с ног ветер, приходит в институт — я считаю, что это большая награда за наш скромный труд.

— Спасибо вам за беседу, Алексей Натанович.

— Не стоит благодарностей. Всего хорошего.

10.12

Проректор Козлов позвонил Соловьёву в большой перерыв. Обычно ректорат старался этого не делать, так как во время перерыва студенты идут в деканат сплошным потоком и отвлекать декана от работы не следует. Но Козлов даже не попросил, а потребовал декана сейчас же явиться к нему. Не успел Алексей Натановича зайти в кабинет проректора, как тот с порога обрушился на него:

— Алексей Натанович, это что за листовки? Что за анкеты? У нас институт или броненосец «Потёмкин»? Вы знаете, что творится у вас на факультете? Сегодня студенты с упоением обсуждают кандидатуру декана, а завтра за ректора примутся?

— Я знаю, Семён Владимирович, о чём идёт речь, и не вижу в этой анкете ничего плохого.

— Так это, оказывается, под вашим патронажем всё происходит? Вы что, решили заработать таким образом дешёвый авторитет у студентов? Играете в своего парня?

— Ну, во-первых, авторитет не бывает дешёвым или дорогим. Он или есть у человека, или его нет. А во-вторых, я по положению должен быть для студентов своим парнем.

— Вы, Алексей Натанович, ещё умничать здесь будете? Кстати, сколько вам лет осталось до переизбрания деканом?

— Полтора года.

— Смотрите, они могут оказаться для вас последними в этой должности.

— Не буду возражать, если вы откажете мне в доверии. Хоть появится время заняться докторской диссертацией. Я могу идти?

— Идите. И проследите, чтобы весь этот бумажный мусор студенты за собой убрали.

Алексей Натанович вышел от проректора, в принципе понимая причину этого странного разговора. Козлов просто выместил на

нём свою злость. А настроение проректору могла испортить только очередная стычка с ректором. Отношения между ними накалились до предела. Истинную подоплёку конфликта Соловьёв не знал, но догадывался, что ректор поставил себе целью убрать Козлова. Раньше ректор и проректор ругались между собой без свидетелей, но в последнее время уже не стеснялись говорить друг с другом на повышенных тонах в присутствии подчинённых.

Работая много лет в должности декана, Алексей Натанович всегда находился в тесном контакте с ректоратом. Со всеми у него были нормальные деловые отношения. Он всегда придерживался правила: если можно решить вопрос самому, нужно делать это без участия начальства. Сложившаяся ситуация конфронтации между ректором и проректором была ему совершенно не нужна — неизвестно ещё, кто придёт на место каждого из них. Ректор Тихомиров, в силу своей открытости и демократического стиля руководства институтом, ему больше импонировал, чем проректор Козлов. В тоже время последний, в силу своего огромного опыта работы, мог найти решение практически любой проблемы, возникшей в учебном процессе. А что касается тяжёлого характера Козлова, то к этому Соловьёв уже давно привык.

10.13

Год назад Алексей Натанович решил изменить планировку деканата. Раньше в свой кабинет он должен был проходить через приёмную, в которой сидели методист факультета и секретарь. А сейчас вход в кабинет сделали ему прямо из коридора. Это было вызвано несколькими соображениями. Во-первых, из-за большого количества студентов, которые собирались в приёмной между парами, никому нельзя было спокойно пройти в кабинет декана. А во-вторых, новый секретарь факультета, милая девочка Лена, была дочерью преподавательницы с кафедры иностранных языков, и вся информация — кто и когда приходил к декану — регулярно становилась известной всему институту.

Сегодня Алексей Натанович был несколько часов на заседании методического совета института, а когда вернулся, в коридоре около кабинета его ожидала студентка Света Соколова. Приветливая, приятной внешности, но, судя по тому, что Алексей Натанович знал её имя, успеваемость студентки оставляла желать лучшего.

— Извините, Алексей Натанович, за беспокойство. Можно мне с вами поговорить?

— Заходите, Света. Присаживайтесь. Что у вас за проблемы?

— Даже не знаю, с чего начать. Мне так стыдно.

Казалось, что девушка находится в состоянии, близком к истерике и на разговор с деканом решилась с большим трудом.

— Вы успокойтесь, — подбодрил её Алексей Натанович, — а то у нас с вами разговора не получится.

— Сегодня у нас был экзамен по высшей математике, и я попала в жуткую ситуацию. Не знаю, что мне делать.

Света протянула декану раскрытую зачётную книжку и снова замолчала. Алексей Натанович взял зачетку и увидел, что в конце строки «Высшая математика» нет оценки и подписи преподавателя.

— Так что же случилось с вами на экзамене?

— Доцент Поздняков не поставил мне оценку в зачётке. Он сказал, что сделает это у себя дома за чашкой чая. Назвал свой адрес и время, когда я должна к нему прийти.

— И что вы ему ответили?

— Ничего. Взяла зачётку и ушла.

— Скажите, Света, вы больше никому об этом, кроме меня, не рассказывали?

— Нет. Я решила сначала поговорить с вами. А что, я неправильно сделала?

— Нет, вы всё правильно сделали. Хотите написать заявление?

— Нет, не хочу.

— Хорошо. Тогда давайте договоримся так. Завтра Александр Васильевич Поздняков должен представить в деканат экзаменационную ведомость. В зависимости от того, что там будет стоять в графе с вашей фамилией, мы продолжим разговор тем или иным образом. Зайдите ко мне после четырёх часов дня. Только не надо об этом больше никому говорить.

10.14

Соловьёв продолжал заниматься своими делами, но разговор со студенткой Соколовой не выходил у него из головы. До него доходили разные слухи о взаимоотношениях преподавателей и студентов, но чтобы имел место откровенный сексуальный шантаж —

такого в Норильском институте ещё не было. Поначалу, разговаривая с Соколовой, Алексей Натанович не очень обеспокоился — мало ли чего на факультете не происходит: огромный коллектив, молодые люди, неконтролируемые эмоции... Но спустя какое-то время он крепко задумался. Жалоба студентки Соколовой перестала казаться ему такой уж простой и безобидной.

Александр Васильевич Поздняков, симпатичный холостяк лет тридцати пяти, имел среди студентов кличку «Родной». Прилепилась она к нему из-за того, что он сам обращался так к своим студентам, причем звучало это из его уст без всякой иронии, а вполне по-доброму. Никто на него за это никогда не обижался. На корпоративных вечеринках Александр Васильевич активно ухаживал за женщинами, и те отвечали ему взаимностью.

Ситуация, о которой рассказала студентка Соколова, была для Алексея Натановича в новинку, и он откровенно терялся, как ему поступить. Уставившись в стену своего кабинета, где висела картина Шишкина «Утро в сосновом лесу», он пытался осмыслить все возможные варианты. Не исключено, что Поздняков хотел таким неуклюжим образом заманить девушку к себе домой и, в зависимости от «результата» встречи, поставить оценку. Но он должен был принять во внимание и тот вариант, что Соколова не захочет идти к нему в гости. В связи с этим — какие здесь могут быть завтра сценарии? Их два. Первый — в экзаменационной ведомости будет стоять оценка «неуд». И что? Все претензии к Позднякову без письменного заявления студентки не стоят ломаного гроша. Даже если Соколова повторно сдаст экзамен комиссии, Поздняков всегда может отказаться от предъявленных ему обвинений. Второй — в экзаменационной ведомости стоит положительная оценка. Тогда достоверность того, что рассказала ему сегодня Соколова, вообще ставится под сомнение. Какой же выход из ситуации? Только ждать. Человек с подобными наклонностями должен рано или поздно снова себя проявить. Других вариантов нет.

На следующий день в деканате появилась ведомость результатов экзамена по высшей математике, где против фамилии студентки Соколовой стоял «неуд». Света пришла к декану ровно в четыре часа. Бледная, с чёрными кругами под глазами, она была очень взволнована.

— Должен вас огорчить, Света. Вы не сдали экзамен доценту Позднякову.

— Значит, вы мне не верите? — с дрожью в голосе спросила Соколова.

— Почему не верю? Не имею основания не верить. Но я посмотрел вашу успеваемость за предыдущие семестры, и ситуация складывается пока не в вашу пользу. Даже если вы напишите сейчас заявление, будет много грязи, но доказать ничего не сможете.

— Какой же у меня выход?

— Выход простой — пересдать экзамен по высшей математике комиссии. Я напишу об этом на вашем направлении. И ждём следующего эпизода. Но, как я вас предупреждал, об этом никому не слова.

Соколова пересдала экзамен комиссии с оценкой «удовлетворительно», а попытки доцента Позднякова принять экзамен у кого-либо из студенток в «неформальной обстановке» в течение учебного года больше не повторились.

10.15

Профессор Прохоров выполнил своё обещание познакомить Соловьёва со своими друзьями в тундре. Так как Алексей Натанович давно не появлялся на кафедре, Прохоров решил зайти к нему в деканат сам.

— Здравствуйте, Алексей Натанович, разрешите войти.

— Заходите, Владимир Петрович. Рад вас видеть. Как ваше здоровье?

— Не жалуюсь, благодаря регулярному общению с природой. Вот пришёл пригласить вас в воскресенье поехать со мной к Боливару... ой, я хотел сказать к Воронову.

— А как мы будем добираться?

— Утром выедем на моём снегоходе, а вечером в тот же день вернёмся. Согласны?

— С удовольствием.

Уговаривать жену Алексею Натановичу не пришлось — Алиса сама неоднократно советовала ему устроить себе полноценный день отдыха. Она замечала, что Соловьёв в последнее время страшно устал — от скандалов, кляузных писем, ненужных разбирательств. От докторской диссертации, которая совсем не двигается. Плюс ко всему, когда муж возвращался с работы, ему не давал покоя их подрастающий сын.

— Поезжай, Лёша, отдохни, а главное, отвлекись от всех дел. Я как-нибудь сама со всем справлюсь. А если нет, Витя мне поможет. Всё-таки девять лет уже, совсем мужик.

В назначенное время, с рюкзаком за плечами, Соловьёв ждал Прохорова на выезде из города. Устроившись за спиной Владимира Петровича, Алексей Натанович ощутил мощный поток встречного воздуха. Пришлось натянуть на лицо до самых очков шерстяной шарф. Ехали молча, не мешая друг другу лишними разговорами. Примерно через два часа за деревьями показалось несколько строений. Владимир Петрович сбросил газ и плавно подрулил к крыльцу дома.

— Приехали, Алексей Натанович. Слезайте. Я не очень вас утомил?

— Что вы, Владимир Петрович? Всё прекрасно.

Как обычно, заслышав шум двигателя, все обитатели зимовья вышли встречать гостей.

— Знакомьтесь, это мой начальник — декан факультета Алексей Натанович Соловьёв.

— Скорей ученик, чем начальник, — с улыбкой возразил Соловьёв, здороваясь со всеми по очереди. — Какая тут у вас красота. И тишина, хоть пей.

— Заходите, раздевайтесь, — обратилась к гостям миловидная женщина. — Садитесь, куда хотите. Давайте поближе к печке. Меня зовут Адель. А это хозяева дома: Александр Николаевич Воронов и Николай Семёнов.

— А кто из них Боливар?

— Александр Николаевич, — ответил за Адель Семёнов. Все дружно захохотали, а Воронов погрозил Николаю пальцем.

10.16

Все заняли, как показалось Соловьёву, свои любимые места: Александр Николаевич и Адель сели за стол, Владимир Петрович удобно расположился в кресле. Правда, Николай, что-то буркнув, ушёл в другую комнату.

— А мы знали, что Владимир Петрович привезёт вас сегодня. Он сказал, что вы серьёзный учёный, — начал разговор Александр Николаевич.

— Кто, я? Это он серьёзный учёный, — повернулся к Прохоро-

ву Алексей Натанович. — Владимир Петрович, ну что вы, в самом деле, такую рекламу мне сделали. Неудобно даже.

— Ладно, ладно. Не скромничайте. Это же вы защищали диссертацию в лучшем инженерном вузе страны.

— А что это за вуз? — поинтересовался Александр Николаевич.

— Московское высшее техническое училище имени Баумана.

— Понятно. А я заканчивал в 1938 году Ленинградский политехнический институт. По специальности «Гидросооружения», — отреккомендовался Воронов. — Поступал туда, чтобы скрыть своё «контрреволюционное прошлое». Благо, на эту специальность брали всех без разбора.

— Александр Николаевич умалчивает, что он окончил ещё и привилегированный лицей в Париже, — вошла в разговор Адель. — А по совокупности знаний этот лицей не уступает хорошему университету.

— Алексей Натанович, судя по отчеству, вы еврей? — неожиданно спросил Воронов.

— Да, еврей. Папа у меня еврей, а мама русская.

— Вы не обижайтесь на мою бесцеремонность. Почему спросил — когда я учился в четвёртом классе лицея, очень тяжело заболел мой дядя, на котором держался весь дом в Париже. Пригласили к нему известного в городе врача. Врач выписал рецепт, и меня послали в аптеку за лекарством. Местный провизор посмотрел рецепт, задал мне несколько вопросов, а потом сказал: «Это лекарство вашему больному не поможет. Я к нему через два часа сам приду». Пришёл и оставался у постели дяди, пока ему не стало легче. Я на всю жизнь запомнил имя и отчество этого человека — Исаак Натанович.

— Интересное совпадение, — кивнул Соловьёв. — Но я в этом мало разбираюсь. Скажу только одно: для меня примером во всём и абсолютным авторитетом являлся и является мой папа. Я и национальность в паспорте записал «еврей», чтобы быть на него похожим. Это мой сознательный выбор. Вот и вся история. Впрочем, быть честным и порядочным может любой человек, независимо от того, что у него указано в графе национальность.

— А ещё дети в вашей семье есть? — спросила Адель.

— Есть. Трое. И все записаны «русские». По маме.

— Я глубоко не вникал в эту тему, но, как меня учили в парижском лицее, для Творца все народы на земле — его дети, —

продолжал рассуждать Воронов. — Однако связь с собой он поручил осуществлять именно евреям. К сожалению, евреи всегда жили да и сейчас живут, оцетинившись на своё окружение. Это всем, и прежде всего им самим, омрачает жизнь.

— Отношение евреев к другим народам возвращается евреям бумерангом, — снова подключилась к разговору Адель. — Весь мир знает, что у евреев сильная армия и серьёзное превосходство во многих областях науки и техники. Но и противники евреев, в ситуации ненависти и страха, что им придётся воевать с ними, тоже крепнут и год от года набирают силу.

— Из евреев вышли христиане, — подытоживая тему, сказал Александр Николаевич. — Они как матрёшки. Одна в другой. Поэтому христианскому миру следует оберегать евреев. Это залог существования на земле добра и благополучия, мира и спокойствия.

Глава 11. Деканские будни

11.1

Алексей Натанович нет-нет, да и вспоминал инцидент с доцентом Поздняковым и студенткой Соколовой, хотя, казалось бы, поводов для беспокойства не было и ничего подобного на факультете больше не случалось. В связи с этим на память приходили и некоторые факты из его московской студенческой жизни.

И вот в один из дней спокойствию пришел конец — появилась новая жалоба. Когда в деканате было относительно безлюдно, Соловьёв решил поговорить на эту тему с методистом факультета Ольгой Владимировной — его бывшим секретарем, которая в силу своих служебных обязанностей ежедневно общалась с большим количеством студентов.

— Ольга Владимировна, зайдите ко мне, пожалуйста, — позвонил Алексей Натанович по внутреннему телефону. — Ну как, справляетесь с делами без заместителя декана?

— Мне кажется, что справляюсь. Чем больше начальников, тем меньше человек ответственен за принимаемые им решения.

— Это верно. Но мне сегодня хочется поговорить с вами на весьма деликатную тему.

— Слушаю вас внимательно, Алексей Натанович.

— Когда я учился в институте, ребята в общежитии рассказывали, что в Москве существуют подпольные публичные дома, где работают в основном студентки. Стипендия маленькая, а хочется и одеться, и развлечься. Вот и «подрабатывают». Говорили, что в это «интересное» дело были втянуты даже отдельные преподаватели нашего института, которым под большим секретом сообщались адреса этих заведений. Как вы думаете, Ольга Владимировна, в Норильске наши студентки могут заниматься подобным бизнесом?

— Думаю, что нет. Во всяком случае, я об этом не слышала. И потом, основная масса студентов нашего института из обеспеченных семей и живёт дома. Да и стипендия у нас хорошая. Почти оклад инженера на «материке».

— А преподаватели? Может быть, некоторым из них хочется острых ощущений?

— Этого я не знаю, Алексей Натанович.

— Понятно. Ну, тогда прочитайте вот эту любопытную бумагу, которую я получил сегодня от студентки второго курса Нины Щербаковой. Кстати, у меня это не первая информация на подобную тему.

Пока Ольга Владимировна знакомилась с заявлением Щербаковой, Алексей Натанович внимательно следил за выражением её лица.

— Скандал, — густо покраснев, тихо произнесла Ольга Владимировна. — Я даже не могу себе этого представить.

— Постарайтесь представить. Хочу только добавить, что полгода назад на то же самое мне жаловалась студентка Соколова. С той лишь разницей, что Щербакова отличница, а Соколова практически в каждой сессии имеет переэкзаменовку.

11.2

Реакция Ольги Владимировны была важна декану Соловьёву, чтобы правильно выстроить разговор с ректором. Кроме информации о сексуальных домогательствах доцента Позднякова, от Алексея Натановича потребуются и предложения, как предотвратить подобные ситуации в будущем.

Разговор с ректором протекал более или менее спокойно до тех пор, пока Пётр Васильевич не спросил Соловьёва:

— А где вы, Алексей Натанович, в этой неприглядной картинке? Какой мерой ответственности сами себя наделяете? Каким образом я должен наказать вас за то, что делается на вашем факультете?

— Я не знаю, Пётр Васильевич, но это впервые в моей практике. Раньше такого никогда не было.

— Что за детский лепет? Никогда не было. Это не объяснение.

С каждым новым вопросом ректор заводился всё больше и больше. Таким разгневанным и одновременно расстроенным Алексей Натанович его никогда не видел. Немного успокоившись, Пётр Васильевич как бы подвёл черту под их тяжёлым разговором.

— Смотрите, Алексей Натанович, город у нас маленький, все друг друга знают. Когда инцидент дойдёт до горкома партии, подобные вопросы зададут уже не вам, а мне. Так что идите и думайте, как на них отвечать.

Не прошло и часа, как ректор сам позвонил Соловьёву:

— Алексей Натанович, зайдите ещё раз ко мне.

Было очевидно, что, исходя из каких-то собственных соображений, ректор озаботился по поводу их разговора не на шутку. За много лет, что Соловьёв проработал деканом факультета, не было случая, чтобы ректор перезванивал ему, да ещё лично. Значит, есть в этой ситуации что-то такое, чего ректор испугался или чем задумал воспользоваться. Пугаться ему было вроде нечего, так как молодёжная среда всегда характеризовалась «активным адюльтером», как любил выражаться доцент Кобылянский. Значит, остаётся второе: ректор решил кого-то крепко наказать. И этот кто-то был, по всей видимости, проректор Козлов.

— Ну что, Алексей Натанович, появились у вас какие-нибудь соображения по обсуждаемой теме?

— К сожалению, нет. Тема непростая. Нужно хорошо подумать.

— А вот я думаю, что это дело должно получить в нашем институте большой общественный резонанс. И для этого следует организовать общее собрание студентов и преподавателей вашего факультета. Провести его можно в актовом зале института. Вход для всех желающих сделать свободный. Председателем собрания должны быть вы сами или кто-нибудь из авторитетных преподавателей. Подумайте над регламентом, чтобы собрание не превратилось в базар, и на следующей неделе представьте его мне. Да, кстати. Собрание должно завершиться конкретными предложениями ректорату. Вам всё понятно, Алексей Натанович?

— Всё.

— Выполняйте.

11.3

Вернувшись от ректора, Соловьёв сразу начал думать, кому поручить вести собрание факультета. Как учил его Григорий Борисович, прежде всего следует определиться с конечным результатом. Подумать, чем должно закончиться это собрание и что от него ожидает ректор. Ведь недаром он сделал акцент на конкретных предложениях для ректората. Банально рекомендовать уволить доцента Позднякова из института — это ректор может сделать и сам, подкрепив своё решение представлением профсоюзного комитета и выпиской из заседания кафедры. Тогда чего такого особенного хочет от него ректор? Зачем ему нужен этот колокольный звон на весь город? По всей видимости, ректору нужен не доцент

Поздняков или доцент Соловьёв, а фигура посерьёзней. И опять, как час назад, в его догадках всплыло имя проректора Козлова.

Общее собрание студентов и преподавателей энергомеханического факультета было назначено на среду в 16.00. Это было время партийной организации института, которое никто не имел право занимать. Таким образом, выбор дня и времени проведения собрания говорил о том, что мероприятие находится также под контролем партбюро института. Большая афиша о предстоящем собрании располагалась не как обычно на доске объявлений, а на центральной колонне вестибюля, пройти мимо которой было просто невозможно. Актный зал института был полон уже к трем часам дня. А студенты всё подходили и подходили. Многие стояли в проходе, сидели на подоконниках и даже толпились у настешь открытых дверей. Первый ряд кресел, предназначенный для преподавателей, просили не занимать.

На сцене актового зала стоял небольшой стол, покрытый зелёной скатертью. За столом точно в назначенное время появился профессор кафедры механики Владимир Петрович Прохоров. Он деловито разложил на столе какие-то бумажки и поднял голову, оглядывая зал. Зал затих.

— Ну что, начнём? Представляться не буду. Думаю, что меня и так все знают. Руководство института поручило мне — как одному из старших по возрасту представителей профессорско-преподавательского состава — провести общее собрание студентов и преподавателей энергомеханического факультета. Я не умею вести подобные мероприятия, но согласился поговорить начистоту с коллективом об одном весьма деликатном происшествии. Дело в том, что наш пока коллега, доцент кафедры высшей математики Александр Васильевич Поздняков, выбрал оригинальный способ завершения своего экзамена путём приглашения студенток к себе домой. При этом он их предупреждал, что оценку за экзамен озвучит только тогда, когда они придут к нему в гости. С зачётками.

Зал среагировал на вступительное слово профессора Прохорова мощным гулом. Студенты шумно обменивались между собой репликами, замечаниями, шуточками. Прохоров, как опытный лектор, держал паузу, давая аудитории возможность выговориться.

— Ну, всё. Тихо. Закончили базар. Перед тем, как дать слово другим выступающим, я расскажу об одном случае из моей жизни. Только вы слушайте внимательно. Это было много лет назад, я

учился ещё в университете. Однажды решил пораньше вернуться с занятий домой, чтобы выгулять свою собачку Маню. У неё как раз началась течка. Подошёл к лестнице, которая вела на второй этаж к моей квартире, и не поверил своим глазам. На каждой ступеньке лестницы сидело по собаке. Маленькие, средние, большие, чёрные, рыжие, белые. Различных пород и мастей. Собаки сидели спокойно, с достоинством. Увидев этот парад кобелей, я сначала оторопел, не зная, как между ними пройти. Но всё-таки решил продолжить движение. Когда зашёл в квартиру, я увидел, что моя Маня тихо лежит около порога и жалобно на меня смотрит. Вот такие дела.

Зал молчал. Профессор переложил зачем-то с одного места на другое лежащие перед ним бумаги, а потом пробормотал что-то себе под нос:

— Почему я вам это рассказал? Потому что проблема взаимоотношений между мужчиной и женщиной стара как мир. Сексуальное домогательство — это чушь. Бороться с ним какими-то запретами, а тем более взысканиями — это всё равно что лечить понос зубным порошком. Женщины должны сами отбраковывать мужчин, которые им не подходят, находя для этого серьёзные аргументы. А то, что в наше время они провоцируют мужчин — беспорядочный факт. Раньше девушки, когда я был молодой, носили длинные юбки, чуть ли не до пола. Вот в этой-то юбке и была их притягательная, загадочная тайна. Для раскрытия этой тайны мужчины подвиги совершали. Глядя на женщину, они должны были многое додумывать. А сейчас и думать не надо — юбка и трусы у современных девушек заканчиваются одновременно. Вот так.

11.4

Профессор Прохоров грозно оглядел зал. Было заметно, что ему самому его корявое выступление не совсем понравилось.

— Ну, кто желает высказаться по данной теме?

— Страшноато после вас выступать, — заметил налысо стриженный студент, сидящий во втором ряду. — Ещё чего-нибудь брякнешь, потом не отмоешься.

— Ну, ты, Карасёв, выходи. Выскажи своё мнение.

— Не-а. Не хочу.

Выручила Карасёва появившаяся на трибуне без приглашения старший преподаватель кафедры экономики Виктория Павловна

Макарова. Блестящий лектор и грамотный аналитик, она собирала на свои лекции полные студенческие аудитории. На любой самый незначительный вопрос Виктория Павловна всегда давала логичный и исчерпывающий ответ.

— Уважаемые товарищи, коллеги! Меня не столько задел факт морального падения доцента Позднякова, который, пользуясь своим служебным положением, вымогает любовь у студенток. Здесь, мне кажется, и обсуждать нечего — администрация института должна принять в соответствии с законом соответствующее решение. А вот сюжет с собаками, о котором рассказал профессор Прохоров, мне очень понравился. У меня тоже много лет назад была собака. Такса. Звали её Нюрка. Рано утром она требовала, чтобы я шла с ней гулять. Поначалу я сама выходила из дома, а потом заметила, что моё присутствие вовсе не обязательно. При приближении другой собаки Нюрка сигнализировала ей взглядом или голосом, что этого делать не следует. Или наоборот. Вы спросите, зачем я снова затеяла этот разговор о собаках? Отвечу — для того чтобы поддержать профессора Прохорова. Пусть аналогия с миром животных покажется кому-то грубоватой, но законы взаимоотношений, которые диктуют людям соответствующее поведение, даны самой природой. Это касается, в первую очередь, взаимоуважения между мужчиной и женщиной. Женщина должна не жаловаться, а жёстко пресекать любой намёк на неуважение к себе. Сегодня она сделала вид, что не заметила какой-то незначительный жест со стороны мужчины, а завтра это может быть уже не жест, а серьёзное действие. Цель нашего собрания заключается в том, чтобы без ханжества и заламывания рук поговорить об этих проблемах и заставить всех крепко задуматься.

— А как вы, Виктория Павловна, относитесь к феминизму? — раздался мужской голос из середины зала.

— Отрицательно. Я считаю феминизм одной из выдающихся глупостей современного мира. Причём феминизм, как правило, заканчивается при встрече с первым достойным мужчиной.

— Следует ли сравнивать между собой мужчину и женщину? — спросила студентка из третьего ряда.

— Совершенно бессмысленное занятие. Мужчина и женщина принципиально отличаются друг от друга как в физиологическом, так и в эмоциональном плане. Женщина живёт чувствами, а мужчина — страстями. Но самое главное, женщина думает о послед-

ствиях до того, а мужчина — после. В общем, как писал Золя, женщина должна пахнуть духами, а мужчина — потом. Имеется в виду, что мужчина, для того чтобы завоевать женщину, должен тяжело и много трудиться. А иначе он не мужчина, а кобель, сидящий на лестнице в ожидании своей очереди.

Актовый зал содрогнулся от хохота и аплодисментов.

— Скажите, Виктория Павловна, а как понять, что мужчина, встретившийся на твоём пути, тот единственный, которого ты ждала всю жизнь? — с вызовом спросила студентка третьего курса Марина Сорокина.

— Что касается единственного мужчины, то это, Марина, объяснить нельзя. Чувство возникает внезапно, как выскочивший из темноты поезд. Оно ослепляет и парализует. Здесь уже не работают никакие религиозные, национальные или сословные ограничения. Любовь есть любовь.

— Откуда же берутся в таком случае разводы? — не унималась Марина.

— Не знаю ответа на твой вопрос. Здесь всё очень индивидуально. Могу только предположить, что мужчины меняют женщин, чтобы самоутвердиться в своих возможностях. Это их мужская природа.

— А женщины?

— А женщины меняют мужчин, постоянно ведя активный поиск надёжного для жизни партнёра. И это правильно.

Студенты проводили старшего преподавателя Макарову громкими аплодисментами. Полушутливый и одновременно серьёзный тон её выступления подхватили практически все последующие ораторы. Но апогей веселья настал, когда на трибуну вышел мастер учебно-производственных мастерских Фёдор Иванович Мальцев.

— Я вот послушал, о чём вы тут говорите, и тоже хочу сказать несколько слов. Отец и мать меня в строгости воспитывали. Без баловства. А жили мы в пригороде Минусинска. Не поймёшь — то ли деревня, то ли город. Всё одно — куры и огород. В квартире нас было четыре семьи. У соседей Митрофановых был сын Лёнька, учился в автомобильном техникуме. Смышлёный такой парнишка, начитанный. Так он каждый год новую жену в дом приводил. Я со счёту сбился, а он мне подсказывает — восьмая. Однажды я у него и спрашиваю: «Лёнька, что ты так часто девок меняешь?». А он мне отвечает: «Секс это называется по-иностранному, дядя

Федя». И есть он, значит, только у людей, шимпанзе и дельфинов. Остальные животные на земле занимаются этим делом только для продолжения рода.

Актовый зал дрожал от хохота. Студенты свистели, топали ногами, сползали с кресел. Казалось, все уже забыли, по какому поводу собрались. Профессор Прохоров тщетно призывал к тишине. Остановить веселье было невозможно, но и Федор Иванович Мальцев не спешил покидать трибуну, довольный произведённым эффектом.

— Ну, так вот. Когда я был молодой, любовь у нас с Танькой, соседкой моей, приключилась. А потом меня в армию забрали. Так Танька пришла к военкому и говорит: «Так, мол, и так. Федька обещал на мне жениться, а вы его в солдаты берёте. Не годится это». А военком осерчал и прогнал её со словами: «Обещать можно ребёнку конфетку дать, а не жениться. Здесь нужно чувства иметь, дура».

В зале происходило что-то невероятное. Фёдора Ивановича провожали на место такими овациями, каких институт не слышал, наверно, со дня своего основания.

Общее собрание энергомеханического факультета, вместо запланированных двух, длилось почти четыре часа. Когда Прохорову удалось навести, наконец, маломальский порядок, он зачитал решение, состоящее всего из двух пунктов: «1. Ходатайствовать перед ректоратом Норильского технологического института об увольнении из института доцента кафедры высшей математики Позднякова Александра Васильевича. 2. Считать целесообразным проведение общего собрания преподавателей и студентов энергомеханического факультета не менее одного раза в семестр».

11.5

После факультетского собрания прямо в коридоре к Алексею Натановичу подошло несколько студентов со своими вопросами. Пододал, как бы чего-то выжидая, стоял удручённый Поздняков. Разобравшись со студентами, Соловьёв подошел к нему:

— Александр Васильевич, вы меня ждёте?

— Да, Алексей Натанович. Хотелось бы с вами переговорить.

— Хорошо, пойдёмте ко мне в кабинет, пока меня здесь снова не перехватили.

В хорошем костюме, белой рубашке с галстуком, доцент Поздняков производил внешне весьма приятное впечатление. Алексей Натанович внимательно посмотрел в его открытое лицо. Высокий лоб, серые глаза. Спокоен, немногословен. Не было ничего в облике Позднякова, что могло бы вызвать отрицательные эмоции. На собрании, где обсуждалось его аморальное поведение, он просидел от начала до конца, не пытаясь выйти на трибуну и что-либо опровергнуть. О чем это говорило? Об уверенности в себе? О нежелании пачкаться? Или он был просто согласен со всеми обвинениями, которые ему предъявляли, и не хотел оправдываться? Его позицию можно было трактовать как угодно, только не однозначно.

— Что вы хотели мне сказать, Александр Васильевич?

— В принципе ничего. Только к тому, что сегодня обсуждалось на собрании, я не имею никакого отношения.

— Не понял. Почему же вы не выступили и не защитили своё доброе имя? Почему, в конце концов, не потребовали наказать своих обидчиц за клевету?

— Почему? Потому что в жизни я никогда и ни за что не оправдывался и не собираюсь этого делать. Это ниже моего достоинства. А оба обсуждаемых инцидента сексуального домогательства с моей стороны — это навет. В первом случае студентка Соколова не имела никаких шансов сдать экзамен по высшей математике, о чём я её сразу предупредил. И «неуд» ей поставил в ведомости в её присутствии, а не дома. Что касается Щербаковой, то здесь ситуация другая. По результату экзамена я поставил ей «хорошо», но она претендовала только на «отлично». Разозлилась, забрала зачётную книжку и кинулась опрометью из аудитории. Извините за подробности, но у меня с ней сложные отношения, инициатором которых является она сама. Щербакова регулярно поджидает меня около института после работы и провожает до дома. Часто звонит по телефону. Я объяснял, что у меня есть другая женщина, но ей, видимо, этого недостаточно. Она решила меня уничтожить до конца. Женская месть — страшная штука.

— Ну и всё-таки, Александр Васильевич, почему вы ничего не предприняли, чтобы защитить себя? Почему разрешили публично в течение четырёх часов себя оскорблять?

— Вы знаете, Алексей Натанович, это, по всей видимости, мой жизненный жребий, моя судьба. Не следует мне работать со студентами. Это для меня минное поле. Неизвестно, где подорвусь.

Не исключаю, что и в будущем могут быть подобные инциденты. Поэтому я решил уйти из института.

— И куда, если не секрет?

— Не секрет. В вычислительный центр комбината.

— Вы хорошо подумали?

— Хорошо. Вот моё заявление об уходе по собственному желанию. Только у меня к вам, Алексей Натанович, просьба: не нужно больше обсуждать это дело. Незаслуженно марать меня, да и молодых девчонок жалко.

— Оставьте ваше заявление, Александр Васильевич. Если не возражаете, я подпишу его позже.

11.6

Доцент Поздняков ушёл, а Алексей Натанович, размышляя о состоявшемся между ними разговоре, бесцельно перекладывал бумаги на своём столе. Вроде инцидент, в связи с поданным заявлением, был полностью исчерпан. Но это был шаг с его стороны, а как поведут себя в дальнейшем студентки — неизвестно. Сейчас женщины вообще заняли в жизни активную позицию. Причём в их цепкой памяти хранятся компрометирующие факты многолетней давности. Женщина может припомнить всё: кто, когда и при каких обстоятельствах положил на нее взгляд, руку, ногу и т. д. И главное — вытащить всё это на белый свет к нужному времени и месту. А услужливые люди, озабоченные общественной моралью, подхватят эту информацию и вывалят на голову бедного мужчины, давно и безвозвратно забывшего все «трогательные обстоятельства» дела.

И вдруг Соловьёв — благо, он был в деканате один, — зашелся от безудержного смеха. Ему показалось, что из всех углов кабинета ему грозят пальчиком девочки: «Ишь ты, проказник. Прикидываешься праведником. А на самом деле тот ещё окунь. Вот мы выведем тебя на чистую воду. Не уйдёшь».

Алексей Натанович принялся лихорадочно вспоминать, где, когда и с кем он мог сам «засветиться» за каким-нибудь неблагоприятным занятием. Набралось несколько ничтожных эпизодов, но в принципе волноваться было не о чём. И, тем не менее, он прекрасно понимал, что дело здесь не в количестве случаев, а в везении. Точнее, в невезении. Нет мужчин, которые никогда в своей жизни

не побывали в какой-нибудь истории. Значит, одним просто везёт, а другим нет. И что делать? А ничего. Продолжать жить и не оглядываться. Как говорила комендант его студенческого общежития, разбирая очередную жалобу студенток: «Девки, не нойте. Все мужики одинаковые».

Придя в шутовское расположение духа, Соловьёв уже не мог остановиться. Он взял чистый лист бумаги и большими буквами написал заголовок:

*«Воззвание мужщины
(воплъ души)*

Дорогие женщины!

Мы, мужщины, умоляем вас прекратить выяснять с нами отношения. Это глупо и неконструктивно. Помните замечательные слова А. П. Чехова: «Женщины без мужского общества блекнут, а мужщины без женского — глупеют». Мы уже на пути к полному идиотизму.

Остановите нас, пока не поздно.

Мы вас очень просим.

Любящие вас мужщины»

Свой «воплъ души» Алексей Натанович положил под стекло на своём письменном столе, закрыл кабинет и пошёл домой.

11.7

На следующий день, как только Соловьёв зашел в свой кабинет, сразу зазвонил внутренний телефон. Звонила секретарь ректора Лиза.

— Здравствуйте, Алексей Натанович. Пётр Васильевич просит вас подготовить все материалы по доценту Позднякову и явиться к нему в два часа дня.

— Хорошо, Лиза, я понял.

Алексей Натанович достал из ящика стола заявление Позднякова. Всего три строчки, а жизнь серьёзного умного человека кардинально меняется. Может быть то, что он вчера ему рассказал, правда, и тогда Поздняков достоин искреннего сочувствия и глубокого

уважения. А может, и нет. В любом случае Александр Васильевич Поздняков выглядел благородней студенток, отказавшись выяснять с ними отношения. Ректор, безусловно, уже знает, как прошло вчера общее собрание студентов и преподавателей энергомеханического факультета: что говорили, кто выступал, какое приняли решение. Институт, как никакое другое учреждение, опутан сверху донизу невидимыми информационными нитями. Неизвестно, как они функционируют, где начинаются и где заканчиваются, но любая новость распространяется в его стенах исключительно быстро. Так как основной «продукцией», производимой сотрудниками института, являются слова, то и гуляют они по коридорам, передаваемые от одного к другому «под большим секретом».

Кстати, не только ректор был всегда хорошо информирован о происходящем в институте. Не было ни одного мало-мальски заметного события, о котором Алексею Натановичу не доложили бы в тот же день. В принципе, он не видел в этом ничего плохого, так как подобная осведомленность позволяла ему оперативно следить за ситуацией на факультете.

В два часа дня Соловьёв был уже в кабинете ректора.

— Заходите, Алексей Натанович. Ну, что у нас нового в деле доцента Позднякова?

— Он написал заявление об уходе по собственному желанию.

— Когда?

— Вчера, после общего собрания. Попросил выслушать его и после этого написал заявление на увольнение.

— Где это заявление?

— Вот оно.

— А почему здесь нет даты?

— Разве? Я не обратил внимания.

Пётр Васильевич несколько минут молча рассматривал заявление Позднякова, как будто желал найти в нём другой смысл, кроме написанного. Потом отложил его в сторону и заговорил.

11.8

Монолог ректора длился не менее двадцати минут. Говорил Тихомиров тихо, спокойно и очень уверенно. Речь шла, как и предполагал Соловьёв, о проректоре по учебной работе Семёне Владимировиче Козлове. Начал ректор издали, со времени основания

Норильского технологического института. В начале их совместной работы они при обоюдном согласии поделили сферы своей деятельности: Козлов занимался организацией учебно-воспитательного процесса, а Тихомиров — материально-технической базой института и внешними контактами. Ректор подчеркнул, что на первых порах многие вопросы оснащения института лабораторным оборудованием решались только благодаря его дружеским связям с Норильским комбинатом. Комбинат всегда шёл навстречу институту, так как основной целью создания высшего учебного заведения в Норильске была подготовка кадров, адаптированных к условиям Крайнего Севера и знающих специфику местного производства. В этом случае приток молодых специалистов с «материки», требующих, прежде всего, жилой площади и нередко покидающих Норильск после трёх лет работы на комбинате, существенно уменьшался.

Пётр Васильевич сделал паузу, поднялся из-за стола и вынул из холодильника бутылку минеральной воды. Разлил её в два стакана, один протянул Соловьёву.

— Так продолжалось примерно первые пять лет. Институт рос, становился на ноги, зарабатывал у Норильского комбината авторитет. Но как-то раз Козлов неожиданно заявил, что вся моя деятельность в плане материально-технического обеспечения института, мягко говоря, незаконна. Нельзя-де всё время «левым путём» тащить с комбината приборы, оборудование и материалы, хотя этого и требует подготовка специалистов. Тогда я резонно заметил, что, во-первых, «правым путём» мы будем ожидать этого от министерства несколько пятилеток, а во-вторых, наша совместная с комбинатом деятельность прописана в коллективном договоре. Но в другой раз Козлов в пылу спора со мной уже впрямую намекнул, что у него имеется большой список эпизодов, за которые, настанет время, мне придётся перед государством отчитаться.

Пётр Васильевич вдруг поднял телефонную трубку и попросил секретаря, чтобы она ни с кем его не соединяла. Потом налил себе ещё полстакана воды и залпом выпил.

— На следующий день Козлов долго извинялся. Сказал, что ничего плохого в виду не имел — ляпнул, не подумав. Но вы, конечно, понимаете, что всё это неспроста. Не буду скрывать, что после этого инцидента наши отношения стали весьма натянутыми. Было ясно, что кто-то из нас должен из института уйти. Но тут есть одно

важное обстоятельство. Мы оба с Козловым, по норильским меркам, пенсионеры. Я «пересидел» свой пенсионный возраст на три года, Козлов — на один. Но существенная разница между нами состоит в том, что меня хоть завтра снова возьмут назад в горнорудное управление комбината, а Козлову найти работу в Норильске будет весьма затруднительно. Учебных заведений, кроме нашего института, здесь больше нет. Подумайте, Алексей Натанович, над тем, что я рассказал вам сегодня, а завтра продолжим наш разговор по поводу ситуации с Поздняковым. Подойдите ко мне к двенадцати часам. Сможете?

— Смогу.

— Очень хорошо. До свиданья.

11.9

Когда на следующий день Алексей Натанович зашёл к ректору, тот что-то писал и, не отрываясь от дела, жестом пригласил его присесть. И вдруг, подняв голову от бумаг, он неожиданно спросил:

— Скажите, Алексей Натанович, а почему вы в прошлом году открыли вход в свой кабинет из коридора и закрыли со стороны приёмной?

— Дело в том, что я принял на работу Ирину Баринову. Девочка хорошая, исполнительная, но постоянно уносит лишнюю информацию из деканата маме, которая работает у нас на кафедре иностранных языков. Вот я и решил сделать себе отдельный вход.

Кажется, ответ декана Петра Васильевича полностью удовлетворил.

— Ну, хорошо. Вернёмся к делу доцента Позднякова. Точнее, к его заявлению по собственному желанию. Что вы сами, Алексей Натанович, думаете по этому поводу?

— Думаю, что Позднякова нужно отпустить с миром, в соответствии с его просьбой. Мне не хочется копаться в этом грязном белье, тем более что нет возможности достоверно установить, кто из участников этого инцидента врёт, а кто говорит правду. Там много личного.

— Как это вы всё, Алексей Натанович, легко решили! Подписать заявление Позднякову, и с колокольни долой? Не получится. Мне уже сегодня звонили из горкома партии и просили представить развёрнутую информацию по этому резонансному делу.

— Да нет тут, в принципе, никакого дела, Пётр Васильевич. Вся информация — это жалоба студентки Щербаковой о сексуальных домогательствах, заявление об увольнении доцента Позднякова и протокол общего собрания энергомеханического факультета. Вторая девушка заявление на Позднякова писать отказалась.

— А вы говорите — нет информации? Да её больше чем достаточно. Нужно просто провести внутреннее расследование. Каково ваше мнение, Алексей Натанович?

— Мне кажется, что этого делать не следует. Из разговора с Поздняковым я понял, что он глубоко обижен на всех и уйдёт из института в любом случае. А если ещё выяснится, что виноваты сами студентки, то это только усугубит ситуацию. Придётся отчислять их из института.

— Вот это поворот, — удивился ректор.

— К сожалению, у меня самого есть подобный отрицательный опыт. Меня тоже преследовала одна студентка, при этом пыталась шантажировать. Так что, Пётр Васильевич, не всегда виноваты преподаватели.

— Хорошо. Будем думать, как закрыть это дело. Только вы, Алексей Натанович, подготовьте мне справку, чтобы, если понадобится, представить её вместе со всеми документами в горком партии.

Соловьёв ушёл, а ректор Тихомиров довольно потирал руки. Его психологический эксперимент, который он решил поставить, проверяя отношение декана к расследованию поведения доцента Позднякова, завершился так, как он и хотел. Соловьёв отказался участвовать в разборках. Выросший в производственном коллективе, где люди, как правило, прямо выясняют отношения друг с другом, Пётр Васильевич сам не любил всякие комиссии и не поощрял их создание. И ещё ректор был доволен разговором с деканом Соловьёвым, так как совет несколько лет назад секретаря парткома горно-рудного управления комбината Николая Егоровича Шмакова о приемнике начал приобретать более-менее реальные очертания.

11.10

Но скандал в Норильском технологическом институте набирал обороты. Война между Петром Васильевичем Тихомировым и Семёном Владимировичем Козловым шла по всем фронтам. Внешняя поддержка у обеих сторон была слабовата, поэтому основная

борьба между ними разгорелась внутри института. Первым делом оба начали вербовать в свои ряды сторонников. Больше их оказалось у проректора Козлова. Но зато на стороне ректора были «тяжеловесы» — заведующие кафедрами и начальники отделов. В течение рабочего дня сотрудники института собирались по разным углам и активно обсуждали создавшееся положение. Вся работа института, кроме учебной, практически остановилась. Противоборство ректора и проректора не позволяло нормально провести ни одно партийное или профсоюзное собрание. По той же причине сорвалось очередное заседание Учёного совета. Кое-кому из числа руководства института стали поступать телефонные звонки с угрозами, вызывая у них страх и панику.

Воспользовавшись отсутствием крепкой власти в Норильском технологическом институте, некоторые из его работников начали слать во все инстанции анонимные и подписанные письма, жалуясь на нереализованные планы, которые они строили в связи с переездом на Крайний Север. Институт лихорадило от разного уровня комиссий, только мешающих навести порядок в вузе. Естественно, что на такую неординарную ситуацию в заполярном институте активно отреагировала пресса, и в Норильск мгновенно слетелись журналисты из различных газет. Статьи, появлявшиеся в местной и центральной прессе, живописали, как правило, искажённую картину — в зависимости от того, из чьего лагеря была получена информация. В довершение ко всем неприятностям в здании института начали появляться посторонние люди, которые занимались спекуляцией. Говорили, что были случаи и торговли наркотиками. В условиях закрытого города данная ситуация была просто недопустима. Администрации института пришлось в срочном порядке обратиться к услугам вневедомственной охраны Норильска и ввести в институте пропускной режим.

11.11

Сегодня декан Соловьёв чувствовал себя неважно, но всё-таки решил пойти на работу. Только он зашёл в кабинет, как по внутреннему телефону позвонила секретарь факультета Ирина.

— Алексей Натанович, вам уже два раза звонил товарищ Боярский с комбината. Просил ему перезвонить. Я сейчас занесу вам его номер телефона.

— Спасибо, Ирина.

Номер телефона был ему не знаком, но в институте было принято перезванивать на комбинат сразу.

— Здравствуйте. Моя фамилия Соловьёв. Соедините меня, пожалуйста, с товарищем Боярским.

— Одну минуточку, — ответил молодой женский голос.

— Добрый день, Алексей Натанович. Боярский, секретарь парткома цементного завода. Горком партии поручил мне побеседовать с вами по ряду вопросов. Как нам это лучше сделать?

— Пожалуйста, я к вашим услугам.

— Вы не возражаете встретиться сегодня вечером?

— Нет, не возражаю.

— Тогда в шесть часов вечера за вами придёт моя машина.

— Хорошо, буду встречать.

На пороге просторного кабинета, освещённого только настольной лампой, Алексея Натановича встретил подтянутый человек приблизительно его возраста.

— Владимир Иванович, — представляясь, протянул руку хозяин кабинета. Рукопожатие было по-мужски крепким.

— Проходите. Присаживайтесь, пожалуйста. Если курите, не стесняйтесь. Я тоже курю.

— Нет, спасибо. Я не курю.

— Ну, тогда приступим к делу. Вы в Норильске давно?

— Около десяти лет.

— Нравится здесь?

— Да. Здесь всё настоящее.

— Скажите, Алексей Натанович, а почему в Норильском технологическом институте всегда так беспокойно? Вот и сейчас, как нам стало известно, затевается очередная буза.

— Почему всегда? В нашем институте, равно как и в других высших учебных заведениях, возникает периодически, так сказать, интеллектуальное цунами по той простой причине, что работают в нем не обычные преподаватели, а учёные. У них нестандартный склад ума. Тем более в Норильском институте, где всё особенное. Что касается бузы, то я, извините, не понял вашего вопроса.

Владимир Иванович Боярский не ожидал от гостя такой независимой позиции. Даже упоминание о городском комитете партии, по поручению которого проходит эта беседа, видимо, несколько его не смутило.

— А почему вы считаете, что ваш институт особенный?

— По ряду причин. Но начну, с вашего позволения, с небольшой поправки. Вот вы сказали «ваш институт», а это в корне неверно. Норильский технологический институт, а ранее Норильский горно-металлургический техникум, в здании которого он в настоящее время находится, был создан с единственной целью — обеспечить квалифицированными кадрами Норильский комбинат. Поэтому это «наш с вами институт», уважаемый Владимир Иванович. Позволю себе также напомнить, что Норильский техникум, созданный в 1944 году, подготовил для Норильского комбината в самые тяжёлые военные и послевоенные годы руководителей всех рангов, вплоть до самого высокого.

— А может быть, настало время, Алексей Натанович, отделить упомянутый вами техникум от института?

— С моей точки зрения, этого делать не следует. Среднетехнический факультет в составе Норильского института, заменивший в своё время техникум, позволяет на хорошей лабораторной базе готовить квалифицированных младших руководителей производства. Уверен, что наш пример совместной подготовки техников и инженеров со временем возьмут на вооружение и другие вузы «материка».

— Хорошо, Алексей Натанович. В чём ещё, по вашему мнению, заключаются особенности Норильского института?

— Во-первых, в удивительном профессорско-преподавательском составе. У нас есть кафедры, на которых нет преподавателей без учёной степени и звания. Такое редко встретишь даже в столичных вузах. С одной стороны, это очень хорошо — иметь высококвалифицированные кадры, а с другой, ситуация бывает иногда взрывоопасна. На кафедрах собрались преподаватели из разных научных школ, разного уровня подготовки, с разной методикой преподавания одной и той же дисциплины. Из них нельзя, по маговению волшебной палочки, сделать единый научно-педагогический коллектив. И ещё. Следует учитывать тот факт, что эти умные, образованные, остепенённые люди приехали в Норильск не просто так, а каждый со своей определённой целью: заработать денег, получить очередное звание, продвинуться по службе. Некоторые просто сбежали на Север от каких-то жизненных неприятностей: семья развалилась, с начальством поругался, всё кругом надоело. Решили поменять обстановку, хотя, конечно, от себя не убежишь.

А вы ещё спрашиваете — почему в Норильском институте бывает беспокойно?

— Понятно. А что, во-вторых?

— А во-вторых, в институте уникальный контингент студентов. Все студенты дневных факультетов более или менее обеспеченные молодые люди.

— Ну и что же тут плохого?

— Плохого ничего. Но есть один серьёзный момент. Студентов нашего института после обязательных занятий по расписанию необходимо чем-то занять, оставив в стенах института.

— Это ещё зачем?

— А затем, уважаемый Владимир Иванович, чтобы им было интересно жить. На улице в Норильске не погуляешь, а общаться молодым хочется всегда. Если мы не найдём им занятия в институте, они найдут его сами в других местах — по квартирам, в ресторанах, в кафе, на дискотеках. Благо, деньги-то есть. Но тогда наше участие может им уже больше не понадобится.

— Вы так хорошо разбираетесь в психологии студентов?

— Представьте себе, да. Правда, иногда в этом вопросе правоохранительные органы помогают.

— И что же из этого следует?

— А следует необходимость проводить со студентами большую внеаудиторную работу: привлекать к науке, организовывать кружки, спортивные секции, художественную самодеятельность, проводить различные культурно-массовые мероприятия. Но для всего этого, как вы понимаете, нужны деньги, а их, к сожалению, не хватает.

— На что вы намекаете, Алексей Натанович?

— Я не намекаю, а говорю прямо, уважаемый Владимир Иванович: в образование, в широком смысле этого слова, нужно вкладывать деньги. Хорошие деньги. По-другому ничего не получится. Все университеты мира живут за счёт спонсорских пожертвований и частных фондов.

— В Советском Союзе нет системы спонсоров, а тем более частных фондов.

— В таком случае нужно изыскивать другие возможности помогать образовательному учреждению. Норильский комбинат может взять наш институт на свой баланс и сделать его своим базовым подразделением. Извините меня, Владимир Иванович, за

некоторую скабрёзность, но если сделали ребёночка, то нужно его воспитывать, заботиться о нём, а не только контролировать поведение и читать морали.

11.12

Боярский с Соловьёвым беседовали уже два часа, но к обсуждению главной темы разговора — что за очередное брожение умов происходит в Норильском технологическом институте — они всё ещё не подошли.

— А давайте-ка, Алексей Натанович, попьём с вами чайку, — неожиданно предложил Боярский. — Предупредите жену, что немного задержитесь. Уж очень мне хочется продолжить нашу интересную беседу.

— Перед встречей с вами я позвонил ей и предупредил, что приду поздно.

— Очень хорошо. Ну, так продолжим. Значит, вы не согласны со мной, что в Норильском институте в настоящее время происходит буза. А городской комитет партии между тем завален письмами и жалобами. Пишут, что коллектив института раскололся на два лагеря: один поддерживает ректора, другой — проректора. Или вам это тоже не известно?

— До некоторой степени известно. Но, во-первых, у меня хорошие деловые отношения как с ректором, так и с проректором. А во-вторых, я уже вам говорил, что это всё имеет место в допустимых пределах для подобного учреждения. В институте периодически происходит обострение ситуации, которое в большей степени определяется личностными мотивами, а не чем-либо иным.

Боярский молча помешивал ложечкой чай, испытывающее глядя на Алексея Натановича.

— Хорошо, — продолжил говорить Алексей Натанович, — попробую объяснить по-другому. Дело в том, что Норильский институт — это не Норильский комбинат. Здесь с помощью демобилизованных воинов или комсомольского десанта кадровую проблему решить нельзя. Все вакансии в институте замещаются по конкурсу, как правило, приезжими людьми. Приехал такой человек, кандидат или доктор наук, отработал один или два пятилетних срока и уехал. Тогда как вузы «материка» живут преемственностью и традициями. Если в двух словах: пришёл на кафедру ассистентом,

ушёл на пенсию профессором. Не у всех, конечно, так получается, но по идее так должно быть. В основе успеха любого вуза лежит научная школа. Если её нет — ничего нет. В том числе и стабильности. А для возникновения такой школы требуется достаточно большой промежуток времени. У некоторых индивидуумов в нашем институте не хватает терпения, и они начинают жаловаться во все инстанции, ругаться с коллегами.

— А что вы скажете по поводу кандидатуры ректора? — спросил вдруг Боярский.

— Это, извините, Александр Иванович, вопрос не моей компетенции. Позвольте мне воздержаться от обсуждения данной темы.

— Ну что ж, Алексей Натанович, на этом мы разговор закончим. Сейчас я вызову машину и поедем по домам.

11.13

Соловьёв старался не пропускать заседаний своей кафедры. Во-первых, как доцент кафедры он был обязан регулярно отчитываться о преподавательской деятельности, а во-вторых, это был самый лучший способ пообщаться с коллегами. Иногда, в силу своей занятости, он мог и не прийти на заседание, но сегодняшнее было посвящено анализу результатов прошедшей экзаменационной сессии, а значит, напрямую касалось его как декана.

К сожалению, Алексей Натанович почти всегда чувствовал настороженное к себе отношение со стороны членов кафедры — преподаватели старались держаться подальше от начальства. Однако были на кафедре два человека, которые с ним не церемонились, — это секретарь Светлана и заведующий лабораториями Витёк. Не имея своего стола, Витёк на заседаниях кафедры подсаживался к Светлане и своими репликами веселил всех присутствующих. Вот и сегодня перед началом заседания он уже громко смеялся и шутил:

— А хотите я расскажу вам анекдот про сессию? — спросил Витёк у присутствующих.

— Хотим, — громко за всех ответил Кобылянский.

— Ну так вот. Один студент спрашивает другого: «Скажи, приятель, что такое экзамен?» — «Это разговор двух умных людей». — «А если один из них дурак?» — «То второй берёт зачётку и уходит».

Смеялись все. Даже Винокуров, которому по должности вроде не пристало этого делать. Заведующий кафедрой, как обычно,

восседал на подиуме, а профессор Прохоров притулился у стола старшего преподавателя Сидоровского. На время заседаний он всегда освобождал свой стол декану факультета Соловьёву, несмотря на все просьбы Алексея Натановича не делать этого.

— Уважаемые товарищи, прошу внимания! — призвал присутствующих к порядку доцент Винокуров. — Начинаем заседание кафедры. Повестка дня лежит у каждого на столе. Есть замечания по повестке?

— Есть, — сразу откликнулся Витёк. — Предлагаю поменять местами первый вопрос — результаты экзаменационной сессии и последний — состояние лабораторий кафедры. Во-первых, кафедра в кои-то веки серьёзно и без спешки рассмотрит, на какой базе мы учим студентов, а во-вторых, декан Соловьёв хоть раз в жизни до конца поприсутствует на заседании.

— Виктор Петрович, не нарушайте порядок, — попытался одёрнуть заведующего лабораториями Винокуров.

— А что я нарушаю? Вы же сами попросили дать замечания по повестке дня. Ну, я и дал.

— Всё. Дали и успокойтесь. Продолжаем заседание.

— А я поддерживаю предложение Виктора Петровича, — сказал старший преподаватель Сидоровский.

— Тогда давайте проголосуем.

Большинство было за повестку дня, предложенную заведующим, и по однажды заведенному порядку все преподаватели кафедры начали скучно докладывать о результатах успеваемости по своему предмету. Все знали, что если в экзаменационной ведомости нет неудовлетворительных оценок, то заведующий кафедрой будет считать, что преподаватель провёл экзамен поверхностно. И наоборот, большое количество двоек указывало на то, что преподаватель слабо работал с группой в течение семестра. Количество положительных оценок, полученных студентами, никого не интересовало.

Обсуждение результатов экзаменационной сессии подходило к концу, когда заведующий кафедрой Винокуров объявил:

— А сейчас я хочу предоставить слово для небольшого сообщения старшему преподавателю Сидоровскому, который в рамках своей госбюджетной работы сделал анализ некоторых психологических аспектов проведения экзаменов в нашем институте. Пожалуйста, Владимир Евграфович. Вам на сообщение десять минут.

11.14

Владимир Евграфович поправил бабочку, протёр своим белоснежным платком очки и только после этого начал говорить.

— Уважаемые товарищи! Дамы и господа! Всем членам кафедры известно, что я уже в течение нескольких лет выполняю государственную работу по анализу учебного процесса в Норильском технологическом институте. В процессе исследования я прибегаю для сравнения к некоторым положениям из опыта собственного обучения в Шанхайском национальном университете. Сегодня я по просьбе заведующего кафедрой Александра Ивановича Винокурова изложу некоторые свои соображения по организации и проведению экзамена — важнейшего акта в учебном процессе. Хочу заметить, что на экзамен работает не только лектор, принимающий его, но и преподаватели, которые ведут практические или лабораторные занятия в течение семестра, а также учебно-вспомогательный персонал кафедры. Таким образом, экзамены — это не только проверка знаний студентов, но и совокупная оценка деятельности кафедры за текущий семестр.

Мы сегодня на заседании кафедры заслушали сообщения преподавателей о количественных показателях прошедшей экзаменационной сессии, а я хочу коротко доложить некоторые соображения, касающиеся качественной оценки сессии. Итак, преподаватели, принимающие у студентов экзамены, делятся, по моей классификации, на две основные группы — принципиальные и непринципиальные.

Принципиальные преподаватели хорошо знают свой предмет. На серьёзном профессиональном уровне ведут занятия. Строго контролируют студентов на экзаменах и пресекают любое пользование шпаргалками. У принципиальных преподавателей никогда не бывает 100-процентной успеваемости. Передача студентами экзаменов отнимает у принципиальных преподавателей много дополнительного времени, но они — ради качества знаний студентов — идут на эти затраты. Принципиальные преподаватели всегда обсуждаемы, а в некоторых случаях порицаемы деканатом. Они, как правило, имеют мало друзей и много врагов.

Непринципиальные преподаватели плохо знают свой предмет. Посредственно ведут занятия и разрешают студентам пользоваться на экзаменах шпаргалками. У непринципиальных преподава-

телей успеваемость, как правило, 100%. Они на хорошем счету в деканате. Непринципиальные преподаватели сохраняют своё время и нервы. Они имеют много друзей и мало врагов. У меня всё. С удовольствием отвечу на ваши вопросы.

Кафедра сидела в оцепенении. Десяти отведенных минут Сидоровскому не потребовалось, чтобы озвучить то, что, в принципе, каждый из них знал и так. Действительно, ничего нового старший преподаватель не сказал. Просто никто и никогда не произносил вслух подобных формулировок.

Первым вопрос Сидоровскому задал доцент Кобылянский:

— Скажите, пожалуйста, Владимир Евграфович, предусматривает ли ваша классификация деление экзаменаторов на мужчин и женщин?

— Прекрасный вопрос, Пётр Петрович. Конечно, предусматривает, и у меня этой позиции в работе уделено достаточно много внимания. Преподаватели-женщины более эмоциональны, чем мужчины, но зато лучше чувствуют настроение и потенциал студентов. А это очень важный момент при проведении экзамена. Женщины менее объективны, но чаще, чем мужчины, принимают в спорных ситуациях правильные решения.

— А вот позвольте спросить, уважаемый Владимир Евграфович, — подал голос профессор Прохоров, — можно ли будет в будущем поручить машине принимать экзамены у студентов?

— Можно, но весьма нежелательно. Экзамен — это по большому счёту доверительная беседа двух человек — учителя и ученика — на интересную для обоих тему. Их разговор может выйти за ограничительные рамки и затронуть более широкий круг вопросов. Поэтому, мне представляется, заменить преподавателя машиной никак нельзя.

Алексей Натанович всех внимательно слушал, делая пометки в своём блокноте. Особых замечаний в адрес деканата у преподавателей не было. Правда, как всегда нервно, высказалась Ольга Павловна Афанасьева — по поводу ассистентов, которые вели практические занятия и семинары. Сделала замечание секретарю кафедры Светлане, что та задерживает представление экзаменационных ведомостей в деканат, но как ни странно обошлась без резких выражений в адрес других преподавателей.

Последним выступил декан Соловьёв.

— Прежде всего хочу поблагодарить кафедру за работу в экза-

менационную сессию. У деканата к кафедре претензий нет. И тем не менее позволю довести до сведения кафедры некоторые свои соображения. Я так же, как и Владимир Евграфович, считаю, что экзамен — это не только проверка знаний студентов, но и оценка труда преподавателя в течение семестра. Может быть, аналогия, которую я хочу сейчас привести, не совсем корректна, но экзамен похож на игру в теннис. Плохие результаты, показанные студентами, сравнимы со слабой игрой партнёра: или он не принял вашу подачу, или отбил удар так, что мяч не перелетел через сетку. Вы будете довольны такой игрой? Думаю, что нет. Ваши действия в случае повторяющейся плохой игры партнёра могут быть следующие: или вы меняете партнёра, или вид спорта. А привёл я эту аналогию, сравнив экзамен с игрой в теннис, потому что другого варианта оценить работу преподавателя нет. Если только ещё по разным бумагам. Более того, преподавателя и студента на экзамене следует рассматривать как единое целое. Только в связке. Подобные слова я могу позволить себе сказать только в своём коллективе, на своей кафедре. В другом месте их могут истолковать превратно. В том числе и в смысле, что декан подталкивает преподавателей ставить студентам на экзамене положительные оценки.

— Спасибо, Алексей Натанович, за ваши слова. Тут есть над чем подумать. Кто ещё желает высказаться?

И тут, как школьница, подняла руку секретарь кафедры Светлана.

— А можно мне сказать? — обратилась она к заведующему кафедрой.

— Конечно, можно. Всем можно. Говори, Света.

— Я не преподаватель, но хочу сказать, что Алексей Натанович совершенно прав. Я вижу всех преподавателей не только в течение какого-то одного дня, но и многих лет. Есть преподаватели, которые приходят в институт с желанием сделать что-то хорошее, доброе, полезное. А другие — чтобы провести занятие и поскорее убежать домой. Это же с порога чувствуется. А ведь, правда, мы проводим на работе большую часть своей жизни. И если ты не получаешь от работы удовольствие, то неизвестно на что свою жизнь вообще тратишь.

После выступления Светланы заговорили все разом. Сквозь шум выкрикнул доцент Кобылянский:

— Теперь мне понятно, почему профессор Прохоров сидит на кафедре с утра до вечера. Он таким образом продлевает свою жизнь.

После заседания кафедры Алексей Натанович подошёл к старшему преподавателю Сидоровскому. Поблагодарив его за весьма любопытное сообщение, он порекомендовал Владимиру Евграфовичу проанализировать результаты экзаменационных сессий студентов с учётом их вступительных экзаменов как абитуриентов. Здесь, по его мнению, могут быть интересные корреляции.

11.15

Работая деканом факультета уже достаточно много лет, Соловьёв пришёл к однозначному выводу, что качество выпуска молодых специалистов определяется в основном качеством абитуриентов. Норильскому институту следует брать под своё крыло школьников, начиная с восьмого класса. А с учётом того, что специалистов в конечном итоге использует Норильский комбинат, — привлекать и его к этой работе.

Декан Соловьёв поручил старшему преподавателю Сидоровскому подготовить черновик проекта совместной работы института, базовых школ города и Норильского комбината. После этого деканат разошлёт данный проект всем заинтересованным лицам и попросит дать свои замечания. Он понимал, что результатов этой многопрофильной деятельности следует ожидать не раньше, чем через несколько лет. И тем не менее этим нужно безотлагательно заниматься. Буквально на прошлой неделе ректор отчитывал деканов дневных факультетов за большой отсев студентов первого и второго курса.

На очередной День открытых дверей в Норильском институте Соловьёв шёл не в самом лучшем настроении. Он не спеша поднялся на сцену, где за столом уже сидели другие деканы. Предстоящее действо с давно заученными выступлениями и редкими вопросами из зала заранее навевало на него тоску. Но на сей раз всё пошло не по обычному сценарию. Вместо заболевшего декана Волобуева на встречу с будущими абитуриентами пришел его заместитель, улыбчивый молодой человек в джинсах и кремовой водолазке. Известно, что начальники, как правило, подбирают в заместители себе подобных, но здесь было явное исключение из правил.

Молодой человек быстро подвинулся, освобождая Алексею Натановичу место.

— Старший преподаватель кафедры физического воспитания Николай Иванович Халтурин, заместитель декана горно-металлургического факультета, — представился он. — Рад с вами познакомиться.

— Взаимно, — ответил Соловьёв. — Приятно видеть в деканате молодых людей.

А когда Николаю Ивановичу подошла очередь выступать, первое приятное впечатление от него у Алексея Натановича только усилилось.

— Привет, молодёжь, — поздоровался с залом Халтурин. — Я преподаватель кафедры физкультуры и одновременно экспериментальный образец заместителя декана факультета. Работаю в этой должности всего четыре дня, ничего в ней пока не понимаю, поэтому буду учиться вместе с вами. Задавайте вопросы, а то не знаю, о чём вам рассказывать.

В зале раздался дружный смех и аплодисменты.

— Какая у вас спортивная специализация? — спросил высокий молодой человек из третьего ряда.

— Я мастер спорта по биатлону. Умею стрелять, ходить на лыжах. Ну, в общем, от меня не убежишь.

— Чего строгий такой? — хихикнул рыжий парень во втором ряду.

— Не строгий, но противный. Долгое время у меня был тренер. Все звали его «Км» — километр. Прощтрафился — будь добр лишний километр: хочешь беги, хочешь ползи. Понятно?

— Понятно, — ответил зал хором.

— И чё, с нами тоже так? — не унимался рыжий абитуриент.

— А как же. В особенности с такими, как ты. Приметными.

— А звать как вас? — тихо спросила девочка, сидящая рядом с рыжим.

— Николай Иванович Халтурин. Был такой народоволец при царе. Степан Халтурин. Страсть любил царей казнить. Я другой, но тоже суровый. Живо выгону из института. Правда, без казни — в живых оставлю. А теперь приглашаю всех молодых людей поступать учиться в наш институт.

Зал взорвался аплодисментами. Молодёжь не любит штампов, общих слов и банальных ситуаций. Поэтому короткое выступление

заместителя декана Халтурина принесло пользы больше, чем весь День открытых дверей в целом. Так или иначе, но в этот год на все специальности Норильского технологического института был совершенно небывалый конкурс.

11.16

Со временем зимовье Боливара стало центром культурной и общественной жизни Норильска или что-то вроде загородного клуба. Но чести быть приглашённым туда достаивался не каждый. Здесь можно было встретить как местных, так и приезжих учёных, артистов, писателей, журналистов. Поучаствовать в интересном диспуте или послушать выступление известного исполнителя. С этой целью энтузиасты умудрились доставить на зимовье с помощью вертолётá неплохое пианино.

Завалиться без приглашения к Боливару было дурным тоном. Непрошенных гостей встречал Николай и дальше крыльца не пускал. А функции координатора посещений зимовья выполняла Адель, которая с присущим ей тактом беседовала по телефону с потенциальными гостями. Всем было известно также правило: закуски с собой, выпивки никакой.

Естественно, что центром любого мероприятия на зимовье был Александр Николаевич Воронов. Образованный, интеллигентный, спокойный, рассудительный, он к каждому человеку мог найти свой подход. Но самым большим достоинством Воронова была искренность, с которой он обсуждал любую тему. А ещё его прекрасный, чистый русский язык, не засоренный советским сленгом. Некоторые гости даже записывали за ним слова.

Сегодня на зимовье разговор зашёл о коммунизме, который был обещан Хрущёвым советским людям к 1980 году.

— Я думал дожить до этого светлого дня, — пожаловался Прохоров, — а мне, профессору, в очередной раз отказали в постановке домашнего телефона. Сплошная болтовня.

— Да вы не расстраивайтесь. Успеем его ещё и построить, и разрушить, — ответил Прохорову впервые присутствующий в гостях у Воронова молодой поэт Борисов.

— Вы, может быть, и успеете, а мой поезд уже ушёл, — развел руками Прохоров.

— Прошу прощения, — вмешался в разговор Александр Ни-

колаевич, — но коммунизм, как мне известно, предусматривает равное обеспечение членов коммуны только продуктами. И больше ничем. В то время как люди отличаются друг от друга, прежде всего, духовными запросами. Одни в результате своей неустанной деятельности достигают вершин в различных областях знания. Другие проводят жизнь легко — в праздности и лени.

— Правильно, — поддержал Воронова Николай. — Все равны только в общей бане, потому что голые.

— Коммунизм и всё, что с ним связано, — продолжал Александр Николаевич, не обращая внимания на реплику Николая, — является самым большим тормозом в развитии человечества.

— То-то я так некомфортно чувствую себя на всех партийных мероприятиях, — сострил Владимир Петрович.

— Я думаю, что это просто глупый лозунг, который вбросил в народ верховный правитель Советского Союза Хрущёв, — подытожил Александр Николаевич. — Дело в том, что между хвастовством и скромностью очень тонкая грань. Её может почувствовать только умный и образованный человек, коим, как мне представляется, Хрущёв никогда не являлся.

Все присутствующие на заключительную фразу хозяина дома предпочли промолчать.

Глава 12. Новый ректор

12.1

Всю неделю Алексей Натанович был под впечатлением от своего визита на зимовье и ему хотелось поделиться этим с кем-то ещё, кроме жены.

— Алиса, а давай пригласим в воскресенье Илью с Леной. Мы давно с ними не общались. Поговорим о том, о сём, а то живём как затворники.

— Это ты, что ли, затворник? Да я тебя неделями не вижу и не слышу. Домой приходишь только ночевать.

— Вот и хорошо. Зато не надоедаем друг другу. Ну, так как насчёт приглашения «золотых» гостей?

— Конечно, приглашай. Какой разговор. Только помоги мне налепить пельмени. Я их за окно на холод выброшу.

С приходом гостей в тихой квартире Соловьёвых стало шумно и весело. Тон задавал сын Золотых Валерий. Он был на год младше Виктора, сына Соловьёвых. Высокий крепкий мальчик с русским типом лица и светлыми волосами. Нельзя было и представить, что дедушка у него еврей, а бабушка эскимоска. Правда, второй ребёнок в семье Золотых — девочка, которую назвали Аэлита, была точной копией бабушки Клавы: с раскосыми глазами, чёрными волосами и широкими скулами. Спокойная, она всегда всем улыбалась и всему была рада. Над ней тряслась вся семья. В ясли Аэлита не ходила и никаких контактов с другими детьми не имела.

Мальчики ушли играть в другую комнату, и иногда оттуда раздавались их громкие голоса, в основном Валерия, который что-то хотел отобрать у Виктора, а тот возражал. Взрослые сели за стол. Хозяева и гости, как женщины, так и мужчины, пили водку. Под хорошую закуску на Севере ничего лучшего и придумать нельзя. После разговоров на общие темы — о работе и учёбе, о своих любимых детках и денежных проблемах, Лёша решил рассказать о своей поездке на зимовье Боливара. Он восторженно живописал, как его с профессором Прохоровым встретили хозяева дома, какие разговоры они вели во время встречи с этими интересными людьми. Больше всех его рассказ заинтересовал почему-то Илью.

— Слушай, Лёша, а мне кажется, что это редкое имя Боливар я

когда-то слышал от своей мамы. Приду сегодня домой и обязательно с ней на эту тему поговорю.

— А давай, Илья, мы как-нибудь съездим с тобой к нему на зимовье. Ты даже не представляешь, как там красиво. Уверен, что тебе понравится. Только нужно заранее с хозяевами договориться. Они далеко не всех принимают в гости.

— Послушайте, молодые люди, — вмешалась в разговор Алиса, — а не кажется ли вам, что хотя бы ради приличия вы и нас с Ленкой должны в этот поход пригласить?

— Да с удовольствием, только ты не сможешь пройти на лыжах до зимовья шестьдесят километров.

— Смогу, — не сдавалась Алиса.

— Хорошо. А на кого мы оставим Витюшу?

— Тётю Клаву попросим, — подхватила Лена. — Думаю, что большой разницы нет, с двумя детьми сидеть или с тремя.

— Ладно, не кипятитесь, девочки. Давайте подождём, что скажет по этому поводу сама тётя Клава.

12.2

Вечером, вернувшись от Соловьёвых, Илья сразу спросил у Клавы:

— Мама, а тебе знакома такая фамилия — Боливар.

— Конечно, знакома. Его вся тундра знает. Тундра маленькая. А он добрый и умный человек. Всегда всем, если может, помогает. Никому никогда не отказывает.

— А когда ты с ним встречалась?

Клава тяжело опустилась на стул.

— Извини, сыночек. Что-то нехорошо мне стало. Сейчас пройдёт. Поддай вон тот ларец, который на верхней полке стоит. Только осторожно, смотри не урони.

В этой простой деревянной коробочке Клава хранила всё, что связывало её с прошлой жизнью: клык волка, маленькую глиняную куколку с отбитым носом, иголку от шприца, пачку каких-то бумаг, схваченных резинкой. Ларец она открывала очень редко — не хотела, по всей видимости, ворошить воспоминания.

— Сядь, Илюша, рядом со мной. Хочу кое-что тебе рассказать. Папа у тебя, ты знаешь, рано умер. Как вышел из лагеря, только шесть лет и прожил. Всё время болел. Он и так-то не богатырского здоровья был, так его ещё одна сволочь в лагере доконала. А когда

у него рак мозга нашли, тебе только четыре года было. В Норильске пытались его лечить, и в Красноярск мы ездили, но всё без толку.

Клава краешком платка вытерла навернувшиеся на глаза слёзы.

— В ларце, сыночек, как мне твой папа перед смертью сказал, есть три важные бумаги. Он даже их цифрами пометил, чтобы легче было найти. Бумаги о его болезни. Вот это первая — справка. Её папе дал доктор Фёдоров, когда он ещё в лагерной больнице лежал.

Клава вытащила из пачки бумаг два листика, заполненных убористым почерком. Вверху на первом листе было написано: «Заключение по осмотру больного Золотого Ф. Л. комиссией в составе главного врача Норильской поселковой больницы Фёдорова В. А. и начальника медицинской части Фомина Н. И.». Внизу второго листа, кроме подписей, стояла дата — 28 мая 1953 года.

— А вот бумаги под номером два. Их нам дали в Красноярской больнице, куда папу положили благодаря помощи его названного брата, Валерия Николаевича Хохлова. Папа в этой больнице лежал больше месяца, а я всё время рядом с ним была. Тебя бабушка забрала к себе в стойбище на всю зиму. Смотри, тут всякие анализы, заключения разных врачей. Целая книга. А мне врачи на словах сказали: давай, вези мужа назад. Больше, чем полгода, ему не жить.

— А дальше что было? — спросил Илья.

— А дальше я пошла за помощью к нашему шаману. Деньги ему дала и всё такое. Только папе лучше от этого не стало. И вот тогда бабка Дарья из стойбища шепнула мне по большому секрету адресок Боливары. Сказала, что только он может помочь моему горю. Второго такого человека в тундре и сыскать нельзя.

12.3

Прошло много лет с тех пор, как Клава возила мужа к Боливару, но этот день она запомнила до мельчайших подробностей. Сначала Клава думала взять с собой сына, но потом решила оставить его у матери. Правда, мать была уже совсем старая — засыпала на ходу и ничего не помнила. Единственная надежда была на собаку Ветру, которая, если что, приглядит за ребёнком. Во всяком случае, не позволит ему выйти из чума на улицу и защитит от всех бед.

Клава запрягла в нарты восемь собак, с учётом того, что на обратной дороге нужно будет поменять уставшую первую пару на последнюю. Путь до зимовья был неблизкий — около двухсот кило-

метров в одну сторону. Больного мужа она посадила сзади спиной к спине и привязала к себе широким тёплым платком. День был морозный, но безветренный, так что особых проблем с поездкой не ожидалось.

Заслышав приближающиеся нарты и крик ездового, на крыльцо зимовья вышел довольно молодой мужчина.

— Здравствуйте, добрые люди. Кто вы и зачем сюда пожаловали?

— Муж у меня сильно болеет. Бабка Дарья сказала, что один Боливар может ему помочь.

— Подождите, я сейчас спрошу Александра Николаевича, будет он с вами говорить. — Мужчина ушёл в дом и скоро вернулся. — Заходите, но придётся немного обождать. Боливар сейчас обедает.

Когда Клава, поддерживая Файвуса, зашла внутрь дома, на встречу им из-за стола поднялся мужчина постарше с аккуратно подстриженной седой бородой.

— Доброго дня, уважаемый. Извиняйте за вторжение, — приветливо обратилась Клава к хозяину дома.

— Здравствуйте, присаживайтесь. — Мужчина поздоровался за руку с Клавой и Файвусом. — Чем могу быть полезен? Как вас звать? — участливо спросил он гостей.

— Клава. А мужа моего зовут Файвус, — ответила за двоих женщина. — Он был самый умный в норильском лагере. Умел заранее определять погоду. Все его всегда слушали. Даже большие начальники. А сейчас он головой болеет. Врачи говорят, что жить ему осталось полгода. А бабка Дарья сказала, что вы сможете его вылечить.

— Ну, если бабка Дарья сказала, это серьёзно, — усмехнулся Воронов. — Однако, дорогие гости, учтите, что я не врач и не колдун. Чудеса творить не умею. Просто постараюсь поговорить с вами, после чего вы уж сами выберете путь своего лечения. А теперь, Файвус, поясните, пожалуйста, что имела в виду ваша жена, когда говорила о погоде?

— Я умел предсказывать погоду. Не знаю, как, — просто чувствовал. Профессор Буров говорил, что я обладаю редкими паранормальными способностями. Обладал... Потому что после травмы головы я эту способность потерял и болеть начал сильно.

— Теперь мне более или менее понятно, о чём идёт речь.

12.4

Воронов взял стул и сел поближе к Файвусу.

— Итак, значит, профессор Буров сказал вам, что вы умеете делать то, чего больше никто не может?

— Да. Именно так.

— Следовательно, можно предположить, что вы, в отличие от других людей, можете и вылечить себя сами. Вы можете, а они нет. И это мы постараемся использовать для вашего блага.

— Это каким же образом?

— Не знаю, — ответил Александр Николаевич, — но залог любого успешного действия в психиатрии — это, прежде всего, позитивное отношение к данному действию заинтересованной стороны.

— Мудрёно звучит.

— Согласен. Но вы же заинтересованы в своём выздоровлении?

— Конечно. Поэтому и приехал к вам с женой за столько километров.

— А скажите, Файвус, в результате чего произошла ваша травма?

— Меня в лагере сильно избил охранник. Я после этого много месяцев был в коме, без сознания.

— Понятно. Я, уважаемый, в молодости увлекался психологией. Эта наука гласит, что человек может успешно заниматься мыслительной деятельностью в холоде, голоде, в условиях других жизненных неудобств. Единственное, когда он не может этого делать, так это в состоянии поспрапия его человеческого достоинства. Понимаете, о чём я говорю?

— Не совсем.

— Вас не только избил. Вас сильно унизили. Это причина того, что вы потеряли свои уникальные способности.

— И что же мне делать?

— Нужно постараться заново запустить те процессы, которые происходили в вашем сознании до избиения. В этом случае должна произойти регенерация вашей мозговой деятельности. Другими словами, вам необходимо самостоятельно, любым возможным способом восстановить своё эго.

— Вы в этом уверены, доктор?

— К сожалению, нет. И я не доктор. Но мне кажется, что только

так может произойти замена поражённых клеток мозга новыми, а главное — здоровыми. Это будет ваша и только ваша победа. Вы будете гордиться собой, и к вам вернётся многое из того, чем наградила природа.

— Значит, вариантов лечения с помощью каких-либо медикаментов не существует?

— Думаю, что нет. Перестаньте вообще принимать таблетки и займитесь укреплением своего физического и умственного здоровья всеми известными вам способами.

— Какими?

— Ну, не знаю — закаливанием, ходьбой, физическими упражнениями, домашней работой. Больше читайте, общайтесь с людьми. Не затворничайте. Поймите, Файвус, вам нужно заставить весь свой организм работать на больной орган. Активизировать все свои физические и умственные ресурсы, а не бросать этот орган в беде одного, прикармливая никому не нужными таблетками. Человек — гениально сбалансированная природой система и вам необходимо мобилизовать все элементы этой системы на борьбу за свою жизнь.

12.5

— Вот, сыночек, смотри. Это третья бумага. Свой разговор с Боливаром папа по памяти записал. Я видела, как он эту бумагу много раз переписывает. Зачем, не знаю. А когда закончил, то сверху написал для меня большими буквами: «Клаве!».

— А что, мама, ты это сама когда-нибудь читала? — спросил Илья.

— Нет, никогда. Я же читать только по складам могу. А тут видишь, как всё сложно написано.

Весь оставшийся вечер Илья думал об отце и его письме, которое он, будучи смертельно больным, написал своей любимой жене, заранее при этом зная, что она никогда его не прочтет. По существу он писал это уникальное письмо «в стол», в никуда. А для этого нужно быть очень сильным и мужественным человеком. Но ведь папа, как рассказывала мама, был слабым и мнительным. Значит, в конце концов, у него произошла в организме перестройка. Спасибо маме, что она сохранила этот документ. Потому что, может быть, папа писал свое письмо, думая и о нем, его сыне...

На следующий день Илья прямо с утра позвонил Алексею, но его уже не было дома. Желание поговорить об отце и Боливаре было настолько сильным, что Илья позвонил Лёше в деканат. Раньше он никогда этого не делал, но откладывать разговор до вечера у него просто не было сил.

По телефону ответила секретарь.

— Соедините меня, пожалуйста, с Алексеем Натановичем. — В трубке через минуту зазвучал голос Алексея.

— Лёша, привет.

— Привет.

— Я вчера оказался прав. Мама, когда заболел папа, встречалась с Боливаром. Есть даже по этому поводу интересные бумаги. Слушай, а давай сегодня вечером встретимся. Когда ты будешь дома?

— Часов в восемь. Подходите.

— Договорились. Придём.

Лекция, деканатские дела, совещание у проректора отвлекли Алексея Натановича от утреннего разговора с Ильёй. Только около шести часов он вспомнил, что пригласил на вечер гостей и спешно набрал номер домашнего телефона.

— Алиса, сегодня вечером к нам снова придут Илья с Леной. Какую-нибудь закуску можешь сообразить?

— Хорошо, только у нас выпить нечего.

— Я зайду в магазин, когда буду возвращаться домой, и что-нибудь куплю. Может, ещё что-нибудь, кроме выпивки?

— Нет, больше ничего не надо. У нас всё есть. Хотя... Купи две баночки майонеза.

Неожиданный звонок Ильи заинтриговал Алексея. За годы, проведенные в Норильске, он уже хорошо его узнал. Серьезный и ответственный парень, получивший уникальное воспитание в нецком стойбище и советском интернате, честный человек и преданный друг.

12.6

Илья и Лена пришли к Соловьёвым точно в восемь. Алиса высунулась из кухни и помахала гостям рукой, а Илья, ещё не успев толком раздеться, потащил Алексея в другую комнату.

— Лёша, я сегодня ночью почти не спал. Вчера вечером мама

показала мне папины бумаги и рассказала об их встрече с Боливаром. Боливар — удивительный, потрясающий человек. Ты должен срочно познакомить меня с ним. Он, оказывается, встречался с моими родителями и даже пытался вылечить моего отца. В общем, благодаря удивительным советам Боливара папа прожил ещё больше года.

— Подожди, Илья, не торопись. Зачем так срочно-то?

— Ну, во-первых, поблагодарить за отца. А во-вторых, очень хочется самому посмотреть на этого человека.

— Согласен. Но я уже говорил, что к нему так просто не попасть. Нужно пройти фильтр, который называется Адель. Это, как бы сказать, его секретарь и близкая подруга.

— Ну, так позвони ей.

— Хорошо. Завтра позвоню и попробую договориться о встрече.

— А сейчас позвонить нельзя?

— У неё нет домашнего телефона. Придётся потерпеть до завтра.

Алексею и самому хотелось снова побывать на зимовье. Окунуться в редкую обстановку доброжелательности, культуры и ума. Но часто просить об этом профессора Прохорова было неудобно. Он и так уже два раза прихватывал его с собой. Оставалось договориться с Аделью напрямую, объяснив целесообразность посещения зимовья Ильёй.

Разговор Соловьёва с Аделью вышел непростым. Она никак не могла взять в толк, зачем Алексей тянет с собой в гости к Боливару ещё какого-то человека.

— Алексей Натанович, по моему разумению, лично вас пригласил профессор Прохоров, обговорив заранее это с Александром Николаевичем. Молодой талантливый учёный, приехал из Москвы, учился в МВТУ имени Баумана. Декан большого факультета. А здесь, извините, кто? Кто этот молодой человек и чего он хочет от Александра Николаевича? По какому случаю будет банкет?

— По случаю того, что Александр Николаевич когда-то встречался с отцом этого молодого человека. Он, кстати, был уникальной в своем роде личностью. И благодаря рекомендациям Воронова прожил — вопреки прогнозам врачей — в два раза дольше, чем они ему прочили. Думаю, что Александру Николаевичу самому будет интересно услышать всё это из уст его сына.

— Ладно. Уговорили. Приезжайте со своим другом на зимовье в воскресенье часам к двенадцати. Кстати, как фамилия вашего друга?

— Золотой. Илья Золотой.

— Очень красивая фамилия. Ну, пока. До воскресенья.

Сначала Илья не хотел говорить маме Клаве, что собирается в гости к Боливару. Боялся, что опять растревожит её воспоминаниями о прошлом. Но потом всё-таки решил сказать.

— Не может быть, — всплеснула руками Клава. — Вот это да! Ты ему, Илья, всё расскажи, как отец вспоминал о нём перед смертью. И обязательно записи ему покажи, которые отец делал. А ещё поблагодари его от меня за то, что своим добрым словом он подарил ему целый год жизни. А я сейчас пирогов для него напеку. Наших, эскимосских. Пусть он всех своих гостей ими угостит.

12.7

О том, что в институте сменился ректор, Алексей Натанович узнал, отдыхая на черноморском побережье Кавказа. Приехал один знакомый из Норильска и сообщил ему эту неожиданную новость. Рассказывал приятель легко, между делом, не сознавая, какими последствиями это грозит Норильскому технологическому институту. Позднее, вернувшись в Норильск, Соловьёв узнал, что Министерство высшего образования РСФСР удовлетворило просьбу ректора Тихомирова и освободило его от занимаемой должности по собственному желанию. А «в целях оздоровления обстановки в институте» на должность ректора был назначен доктор химических наук, профессор Сергей Викторович Хромов. Проректором института по учебной работе остался доцент Семён Владимирович Козлов.

Алексей Натанович сразу вспомнил свою беседу с Боярским, которую тот проводил с ним по поручению Норильского горкома партии. Тогда на вопрос Боярского, что он думает о кандидатуре ректора технологического института, Соловьёв от ответа ушёл. А зря. В результате осуществился самый худший сценарий из тех, которые могли бы быть. Мало того что городские власти выразили институту полное недоверие, не найдя в коллективе вуза подходящую кандидатуру на эту ответственную должность, они ещё пригласили «варяга», который понятия не имеет, чем дышит это непростое образовательное учреждение на Крайнем Севере. Ректором должен быть человек, который хорошо знает институт, его историю, имеет достаточный опыт работы в нём. А приглашённый ректор по определению является инородным телом, которое, ко-

нечно, имеет шанс прижиться, но может быть и напрочь отторгнуто из организма института.

И вот Алексей Натанович уже несколько часов сидел на берегу моря, ведя нелегкий разговор с самим собой. Задавал себе каверзные вопросы и сам пытался на них ответить. Прежде всего, ему хотелось понять, что это за человек, который не побоялся совершить заведомо авантюрный шаг и согласился стать ректором совершенно незнакомого ему вуза. Чем он руководствуется, какие цели преследует, занимая столь ответственную должность? На что надеется, а главное — на кого? Для того чтобы эффективно работать в должности ректора, нужна своя команда. А где её взять? Здесь может быть несколько вариантов. Первый вариант — это привезти свою команду за собой. Но для условий Норильска это маловероятно. Во-первых, нужно подготовить плацдарм для высадки «десанта», создав вакантные места путём увольнения старых работников. А во-вторых, добиться выделения квартир для новых преподавателей, преодолев проблемы острого дефицита жилья в Норильске. Второй вариант — это подобрать себе команду из числа сотрудников Норильского технологического института, которые всё и всех знают. Но здесь существует опасность, что он попадёт в сети, расставленные ловкими и не всегда порядочными людьми, которые в таких случаях обычно первыми приходят «на помощь». Есть ещё и третий вариант — ничего не делать. Оставить всё как есть. Но, по существу, это не вариант, если новый ректор намерен выполнить задачу, которую поставили перед ним городские власти и министерство при назначении на должность.

Прождав мужа в санатории до вечера, Алиса пошла искать его на берег моря и нашла в глубоком раздумье.

— Соловей, ты чего тут сидишь, нахохлившись? Небось, замёрз уже. Идём в санаторий.

— Ты знаешь, Алиска, новый ректор образовался в нашем институте.

— И что? Какие у тебя заботы по этому поводу?

— Может, я ему не понравлюсь?

— Чего? Это он тебе должен понравиться, а не ты ему. Он только заходит в игру, а ты уже давно играешь на этом поле. Тоже мне, умник. Всё. Идём домой, а то ты ещё что-нибудь надумаешь.

12.8

Завтра начинался новый учебный год, а сегодня перед студентами первого курса должен был выступить с приветственным словом новый ректор института профессор Хромов. Об этом оповещала большая афиша, которая уже несколько дней висела на доске объявлений при входе в Норильский технологический институт.

Алексей Натанович зашёл в актовый зал за несколько минут до начала собрания и сел на свободное место среди студентов. Ему предстояло впервые увидеть своё новое начальство. В предыдущие годы на таких мероприятиях ректор института представлял первокурсникам деканов факультетов. Сегодня, похоже, всё могло пойти по-другому. Соловьёв приготовился просто слушать.

Ровно в двенадцать часов дня в актовый зал вошёл крепкий, невысокого роста мужчина лет пятидесяти в сопровождении проректора по учебной работе Козлова и ответственного секретаря приёмной комиссии Мироновой. Они быстро расселись за столом на сцене, и Миронова открыла собрание.

— Дорогие первокурсники, завтра наступит новый, самый интересный период в вашей жизни. Вы станете студентами самого северного в мире вуза. Хочу пожелать вам крепкого здоровья и успехов в учёбе. А сейчас слово предоставляется ректору Норильского технологического института профессору Сергею Викторовичу Хромову.

Выступление ректора прозвучало как-то слишком буднично и неярко. Он поздравил новоиспеченных студентов с поступлением в институт, пожелал всем успехов и ушёл. После этого слово взял проректор по учебной работе Козлов. Он довольно подробно рассказал о структуре института, факультетах, специальностях, а главное — представил присутствующих в зале деканов, предложив им встать, чтобы их все увидели.

После собрания Алексей Натанович, нигде не задерживаясь, прошёл сразу в свой кабинет. В деканате всё было чисто и аккуратно. Методист факультета Ольга Владимировна была на своём рабочем месте. В этом году она не уходила в отпуск летом и подготовила к его приходу справку о новом наборе студентов.

Через пятнадцать минут раздался телефонный звонок. Секретарь ректора Лиза пригласила декана энергомеханического факультета Соловьёва к 16 часам на встречу с новым ректором Норильского технологического института профессором Хромовым.

12.9

В назначенное время Алексей Натанович был в приёмной ректора. Сначала он немного волновался, но потом, вспомнив слова жены: «Не ты ему должен понравиться, а он тебе», — успокоился. В приёмной уже сидели и ждали приглашения в кабинет ректора остальные деканы факультетов. Факультетов в институте было четыре: два дневных — энергомеханический и горно-металлургический, один вечерний и один заочный. Деканом горно-металлургического факультета был кандидат технических наук, доцент Степан Степанович Волобуев, высокий грузный мужчина лет сорока пяти. Студенты за глаза называли его Стёпой. Он, естественно, знал об этом, но не обижался. Добрый, а точнее сказать, мягкотелый, Стёпа никогда никому ни в чём не отказывал — ни преподавателям, ни студентам, подписывая все бумаги. Даже экзамены принимал, не ставя ни одной двойки. В разговорах с коллегами часто хвастал, что у него в институте все друзья и он может решить любую проблему. Алексей Натанович старался поменьше общаться с Волобуевым, считая его слабым деканом, недобросовестно исполняющим свои обязанности. Деканат не та инстанция, где всех надо «гладить по шерсти», как говорил ему, когда он заходил на должность, профессор Прохоров. Иногда требуется и «против», хотя это и чревато. И тем не менее Алексей Натанович старался ни в какие дебаты со Степаном Степановичем не вступать. При этом все показатели на факультете у Волобуева были всегда лучше, чем на параллельном.

Деканом вечернего факультета была кандидат химических наук, доцент Маргарита Григорьевна Королёва. Ей, как и Алексею Натановичу, не нравилась манера Волобуева общаться запанибрата со всеми и вся, на что она ему неоднократно пеняла. Степан Степанович с Маргаритой Григорьевной не спорил, но поведения своего не менял. Деканом заочного факультета, самого большого в институте по количеству студентов, был старший преподаватель Борис Петрович Фомичёв. Одинокий, очень нервный большой мужчина предпенсионного возраста. Кроме своих бумажек — ведомостей, разрешений, контрольных работ, методических указаний — он знать ничего в жизни не хотел.

В своем кабинете новый ректор встретил деканов факультетов, стоя за своим рабочим столом.

— Садитесь, товарищи, — жестом указал он на стулья вдоль стены. Все деканы сели, но ректор продолжал стоять. То ли уже насадился, то ли хотел сразу показать, кто здесь хозяин, но за время своего короткого выступления так и не присел. Говорил ректор чётко, отрывисто, без интонаций и намёка на улыбку.

— Назначен ректором Норильского технологического института. Хромов Сергей Викторович. Доктор химических наук, профессор. Ректор познакомился с каждым из вас по личным делам. Если будет желание встретиться в приватной беседе, пожалуйста, обратитесь к секретарю. Она назначит вам время. Вопросы есть — давайте.

— Скажите, пожалуйста, Сергей Викторович, — поднялась декан вечернего факультета Королёва, — будет ли проводиться традиционная планёрка по понедельникам?

— Нет, не будет. У каждого из нас свой график работы. Незачем всех собирать на ненужные посиделки. Всё будет решаться в индивидуальном порядке. Ещё есть вопросы?

— Есть, — снова откликнулась Маргарита Григорьевна. — В субботу утром мы хотим провести собрание студентов первого курса вечернего факультета. Вы будете принимать в нём участие?

— Нет, не буду. Проводите собрание без меня. Все свободны.

12.10

Соловьёв вышел с совещания в некотором смятении. Причину своего состояния он сначала связал с отказом ректора проводить планёрку, на которой ставились и обсуждались насущные общеинститутские проблемы. А потом понял: его задело не это. Его поразило то, что новый ректор говорил о себе в третьем лице, тем самым выстраивая невидимую стену между собой и подчинёнными. Своим коротким выступлением он сразу дал понять деканам факультетов, что им следует работать в автономном режиме, не отвлекая его от управления институтом в целом. В принципе, такой подход к решению вопросов на факультете Алексея Натановича вполне устраивал. Он и раньше не бегал в ректорат советоваться по каждому поводу. Но новый ректор, к сожалению, упразднил планёрку, на которой можно было обсудить принимаемые решения, получить замечания и учесть их в дальнейшей работе. Кроме того, планёрка позволяла быть в курсе того, что дела-

ется на других факультетах, сверять правильность своего курса и не допускать ошибок.

Первое впечатление о Хромове как неприветливом замкнутом человеке со временем только усилилось. Да и внешне он не являл собой пример для подражания. В мятом пиджаке, давно неглаженных брюках, он стремительно перемещался по институту, кивком головы отвечая на приветствия, никому не улыбаясь, ни с кем не разговаривая. Заскакивал к себе в кабинет и сразу вызывал секретаря. Создавалось впечатление, что только за стенами своего кабинета он чувствует себя уютно и старается поменьше из него выходить.

Фигура нового ректора вообще была окутана каким-то таинственным флёром. Кроме того, что он доктор химических наук, никто о нём ничего не знал. В горкоме партии и на комбинате наверняка было больше сведений, но это были инстанции, которые не допускают утечки информации.

Трудно было понять и поведение Хромова: то ли у него такой характер, то ли он просто не знал, с какого края начать кусать этот огромный кусок пирога под названием Норильский технологический институт. Но его нервное состояние как руководителя, вольно или не вольно, передавалось коллективу и формировало общий неблагоприятный фон. В Норильском институте наступила какая-то зловещая, не предвещающая ничего хорошего, тишина.

12.11

И тут в советской стране грянула Перестройка, причём с ускорением, как трубили на всех перекрёстках глашатаи этих эпохальных событий. Ректор Норильского технологического института поспешил в Москву и через неделю привёз оттуда «убойные» новости. Оказывается, студент — это самостоятельный взрослый человек и, в соответствии с этим, институт кураторов групп нужно упразднить. Более того, посещение студентами занятий совсем не обязательно. Студент может сам выбирать, какие дисциплины ему следует изучать, а какие игнорировать. А это уже ставило под сомнение необходимость тщательного исполнения учебных планов специальностей.

В разговорах преподавателей начали появляться новые для советских вузов иностранные понятия — бакалавр и магистр. Как выяснилось позже, информация о них была «вброшена» в коллектив также вернувшимся из столицы ректором. А через некоторое

время Хромов решил провести по этой теме совещание и пригласил к себе деканов факультетов. Предваряя обсуждение, он дал небольшую справку.

— В настоящее время в Министерстве высшего и среднего образования СССР обсуждается целесообразность перехода отечественного образования на европейскую модель, предусматривающую два уровня: бакалавриат — с продолжительностью обучения 4 года, и магистратуру — с продолжительностью обучения 6 лет. Этот переход, безусловно, вызовет изменения на всех этапах среднего и высшего образования в стране. И мы должны быть готовы к этому переходу.

Закончив своё выступление, ректор выразительно посмотрел на присутствующих. Первым на информацию среагировал декан заочного факультета Фомичёв.

— Я не знаю, есть ли в Европе заочное образование или нет, но у меня к вам, Сергей Викторович, личная просьба: не вводите никаких новшеств на заочном факультете. Люди на Севере и так учатся, надрывая жилы, а здесь нужно будет ещё к чему-то новому приспосабливаться.

Зато, как можно было ожидать, идею перехода на новые уровни образования активно поддержал декан горно-металлургического факультета Волобуев. Степан Степанович заверил ректора, что, если будет нужно, он мобилизует на выполнение этой задачи весь факультет.

После Волобуева поднялся декан энергомеханического факультета Соловьёв.

— Мне представляется, что нашему институту целесообразно обсуждать любые изменения в системе образования только вместе с Норильским комбинатом. Это раз. Второе. Необходимо в обязательном порядке принять во внимание, что у нас, в отличие от стран Европы, совсем другая подготовка детей и юношества, начиная с детского сада и заканчивая школой. Да и студенты нашего института по многим параметрам отличаются не только от западных, но и от «материковых» вузов. И, наконец, третье. Новая образовательная система предполагает свободное распределение специалистов, в то время как мы работаем для Норильского комбината. При участии комбината составляются учебные планы всех специальностей, в них вносятся дополнительные дисциплины, учитывающие специфику производства на Крайнем Севере.

— А что вы думаете по этому поводу, Маргарита Павловна? — обратился ректор к декану вечернего факультета Королёвой.

— Я против этих новшеств, так как не вижу смысла в подготовке недоношенных или переносных специалистов, как бы красиво они ни назывались. Мне представляется, что наиболее разумной системой подготовки специалистов в технических вузах является форма с равной долей теоретического и практического обучения, которую мы успешно используем в настоящее время на вечернем факультете.

— Ну что ж, спасибо, — подвёл итог совещания ректор, убедившись, что три декана — Фомичёв, Соловьёв и Королёва — были явно против этого нововведения. — Вынесем, когда подойдёт время, данную серьёзную тему на заседание Учёного совета института. А пока все свободны.

12.12

Обещание своё ректор выполнил, и на одном из ближайших заседаний Учёного совета был поставлен вопрос о новых формах обучения студентов в Норильском технологическом институте. Открыл заседание Совета сам Хромов:

— Уважаемые товарищи, в настоящее время в нашей стране идёт подготовка к переходу высшей школы на европейскую систему обучения студентов, предусматривающую двухступенчатое образование с выпуском бакалавров и магистров. Не скрою, что рассмотрение этого вопроса на совещании деканов факультетов нашего института месяц назад закончилось неоднозначным решением. Поэтому я посчитал целесообразным поставить обсуждение этого важного и актуального вопроса на Учёном совете нашего института. В работе Учёного совета принимает участие и представитель Норильского комбината, который, думаю, тоже выскажет своё мнение.

Представителя Норильского комбината пригласил проректор Козлов, которого на комбинате хорошо знали. Об этом он сообщил ректору буквально перед началом заседания:

— Сергей Викторович, я позвонил сегодня на комбинат и сообщил о заседании Учёного совета.

— Зачем? Вопрос сугубо внутриинститутский, и Норильский комбинат не имеет к нему никакого отношения.

— Ещё как имеет. По большому счёту, мы готовим инженерные кадры для Норильского комбината, и без его поддержки и помощи нас бы уже давно закрыли.

— За помощь мы всегда благодарны, но до выпуска специалистов нам ещё нужно дожить. Мы только в самом начале перестройки вузовского образования в стране. Кстати, я ещё не слышал вашего мнения, Семён Владимирович, по данному вопросу — как проректора по учебной работе.

— Я его обязательно сформулирую в самое ближайшее время. Мне ещё нужно кое над чем подумать.

— Ну, вот когда сформулируете своё отношение, тогда и поговорим. А сейчас идёмте на заседание. Люди уже ждут.

Расчёт проректора Козлова был понятен и прост: Норильский технологический институт исторически всегда имел две точки опоры — Норильский комбинат и Министерство высшего образования РСФСР. Козлов прекрасно понимал, что Норильский институт должен выполнить поручение министерства в любом случае, но если Норильскому комбинату эти новации не понравятся, то институт ждёт очень нелёгкие времена.

Первым в прениях попросил слово главный бухгалтер института Василий Петрович Полозков:

— Я работаю в Норильском технологическом институте уже много лет. Начинал ещё во времена техникума, когда вокруг была зона. Так вот. Я думаю, то, что хорошо для московских институтов, нам может просто не подойти. Задача, которую поставило министерство перед всей высшей школой, заключается в унификации системы обучения в нашей стране и за рубежом. Понятно, что у них, в Европе, всё должно быть едино, а нам зачем? Но я не об этом. На Западе учебные заведения живут на другие деньги. У нас денег катастрофически не хватает. В особенности на науку, новую технику, лабораторное оборудование. То, что мы получаем от Министерства высшего образования — это слёзы. Мне представляется, что нужно прежде всего подсчитать, сколько эти преобразования будут стоить, а уже потом что-то обсуждать. У меня всё.

После главного бухгалтера слово попросил заведующий кафедрой механического оборудования профессор Борис Валентинович Дронов.

— Я не знаю, зачем нам нужна новая система обучения. Мы один из немногих вузов страны, где в структуре института есть

среднетехнический факультет. Таким образом, половину задания министерства, то есть бакалавриат, Норильский институт выполняет даже более эффективно, чем это делают европейские вузы. А что касается магистратуры, то здесь нужно хорошо подумать, а не слепо следовать за вузами «материка». Спасибо.

Следующей слово взяла декан вечернего факультета Маргарита Григорьевна Королёва.

— Я полностью согласна с профессором Дроновым. По вопросу подготовки техников в нашем институте, или, если угодно на иностранный манер, бакалавров, мы давно впереди колонны всей. Теперь в отношении специалистов. По вечернему факультету мы традиционно имеем 6-летнее обучение. То есть тоже формально выполняем программу магистратуры, а фактически работаем по заявкам Норильского комбината. Все наши учебные планы согласовываются с научно-техническим управлением комбината и отраслевыми специалистами. Если что-то в этих планах не так — мы их меняем. Нужно всегда идти от производства к образованию, а не наоборот. Пригласите, Сергей Викторович, инициаторов этой реформы к нам в институт. Мы им всё с удовольствием покажем и расскажем.

Было заметно, что от последнего предложения Королёвой ректору Хромову стало даже как-то не по себе. Но его, как всегда, выручил декан горно-металлургического факультета доцент Волобуев.

12.13

Степан Степанович начал пафосно:

— Товарищи! Мы работаем на норильский земле рядом с трижды орденоносным Норильским комбинатом и должны соответствовать этому обстоятельству, используя передовые методы подготовки кадров в нашем институте. То, что рассказал нам сейчас ректор института профессор Хромов, исключительно интересно. Мы обязаны поддержать предложения Министерства высшего образования по изменению системы обучения студентов. Пока предложения, которые озвучил Сергей Викторович, являются проектом. Но когда нам придёт приказ министра, инициативу проявлять будет уже поздно. Считаю целесообразным создать комиссию с участием представителей Норильского комбината для разработки и обоснования условий перехода нашего института на двухуровневую систему подготовки специалистов.

— Кто ещё желает выступить? Активней, товарищи, активней, — воодушевлённый выступлением Волобуева, поторопил присутствующих ректор. — Алексей Натанович, а вы не хотите сказать несколько слов?

— Хочу. — Декан Соловьёв тяжело поднялся из-за стола. Он был необычно бледен и взволнован. — Я категорически против новой системы обучения студентов. Более того, считаю, что она совершенно не подходит Норильскому технологическому институту. Я шесть лет учился в МВТУ им. Баумана и не вижу никакого резона обзывать годы моей учёбы магистратурой. От этого ничего по сути измениться не может. Что коренным образом может улучшить качество подготовки специалистов в нашем институте, так это трансформация дневной пятилетней формы в вечерне-дневную сроком обучения в шесть лет. Причем, стипендию от государства студенты будут получать только на двух первых курсах дневной формы обучения. На остальных четырёх, вплоть до защиты дипломов, студенты должны совмещать учёбу в институте с работой на комбинате и будут за это получать заработанную плату. Без пустых, никому не нужных ежегодных практик с отвлечением на их руководство работников комбината и института.

Алексей Натанович сделал паузу. Его никто не торопил. Все тихо сидели и ждали продолжения выступления.

— Я беру на себя смелость заявить, что в любом техническом вузе страны инженерные кадры нужно готовить не «в белый свет как в копеечку», а под определённого заказчика. Для этого по рекомендации заказчика в учебный план специальности должны вноситься соответствующие дополнения и изменения. Не должны выпускники, которым читали, например, спецкурс по эксплуатации механизмов и машин в условиях Крайнего Севера, ехать на работу в Казахстан. Это смешно и грустно. Студенты обязаны возратить государству — в лице, например, Норильского института — все затраты на их подготовку. А у нас это, не будем забывать, умножается ещё на северный коэффициент. Далее. Должно быть полностью изменено отношение к агитационно-разъяснительной работе, которая ведётся, как правило, халтурно и бездарно. Следствием этого является возникновение совершенно непонятных, а порой вредных разговоров о престижных и непрестижных специальностях. Кстати, на последних держится любое государство. Убеждён, что вечерне-дневная «осмысленная» система обучения даст возможность студентам

приобрести к моменту окончания вуза настоящий производственный опыт и защищать не липовый, а реальный дипломный проект.

После выступления Соловьёва слово попросила представитель Норильского комбината Антонина Петровна Васильева. Впрочем, она только скромно сообщила, что всё услышанное на Учёном совете института доведёт до сведения руководства Норильского комбината. На этом обсуждение первого и главного вопроса повестки дня закончилось, и ректор перешёл к следующему.

12.14

Отношения между ректором Хромовым и деканом Соловьёвым были исключительно натянутыми. Сам Алексей Натанович к ректору не ходил, а тот его демонстративно к себе не приглашал. Хромов последовательно уничтожал то, на что в течение длительного времени было потрачено много сил и здоровья как администрации факультета и преподавателей, так и самих студентов. «Под нож» пошли студенческий факультет искусств, художественная самодеятельность, спортивные секции и кружки. Студенты начали пропускать занятия, во время лекций болтались в коридорах. В институте процветала спекуляция импортными вещами, сигаретами, жвачками. В туалетах на полу валялись окурки и шприцы.

А тем временем страну накрыла антиалкогольная истерия. В Норильске винно-водочные изделия начали продавать в ограниченном количестве и не во всех торговых точках. Появились талоны на алкоголь, а вслед за ними и спекулятивная торговля: приобрести бутылку водки в ночное время можно было у барыг, но за три-пять номиналов её стоимости.

То, что ни один нормальный человек не относился к антиалкогольной кампании с пониманием и уважением, было очевидно. За кличем: «Не пей» — не было никакой альтернативы существования без водки. Просто сказали русскому человеку: прекрати пить, откажись от многовековой традиции, от самого себя. Это всё равно что запретить цыганам петь или индейцам охотиться. Поэтому пить продолжали все, и даже больше прежнего: в гостях, в бане, в ресторане, на природе, на различных больших и маленьких мероприятиях. Запретный плод всегда манит, особенно молодёжь. Это становилось похожим на игру в рулетку — выпить и не попасть в серьёзную неприятность. Появилась такая показушая

форма пропаганды, как безалкогольные свадьбы, которые ничего, кроме смеха и брезгливого отношения к ним, не вызвали. На этих свадьбах всё равно все пили, но только уже в туалетах, подсобках, за вешалками или в кустах, принося выпивку с собой. И это при том, что ужесточились меры к распивающим спиртное в поездах, скверах, парках и прочих общественных местах. Задержанные в пьяном виде имели серьёзные неприятности на работе. Их «песочили» на собраниях, лишали премий и льгот, исключали из партии. Студентов отчисляли из учебных заведений.

Официальная торговля спиртными напитками в Норильске начиналась в 14 часов. Однако задолго до открытия магазинов около их дверей, а точнее — решёток, которыми очень скоро стали огораживать специализированные магазины, — выстраивалась длинная живая очередь. И в ней вынуждены были стоять не только алкаши и пьяницы, но и нормальные граждане, хотевшие для какого-то события купить выпивку. Люди стояли в мороз и пургу, плотно прижавшись друг к другу, чтобы не замёрзнуть. Выйти из очереди было нельзя — назад не пустят. Занесённая снегом, обледелая толпа людей, под окрики хамовитых блюстителей порядка, молча ждала, когда им за свои же деньги, заработанные тяжёлым трудом на Крайнем Севере, разрешат пройти внутрь «конюшни», называемой теперь винным магазином. Отстояв на улице несколько часов и продрогнув насквозь, люди, дойдя до стойки магазина, хватали, естественно, столько бутылок выпивки, сколько могли унести с собой, но чаще — сколько им давали. Ни у кого не было сомнений, что страна деградирует, теряет всякие нравственные ориентиры.

12.15

В деканат энергомеханического факультета стали регулярно приходиться письма о появлении студентов в нетрезвом виде на улицах, дискотеках, в общественных местах. Пьяных студентов доставляли в милицию и вытрезвитель. Крупно штрафовали. Сообщали об этом в институт, по месту работы родителей, но поток подобных инцидентов не прекращался. За год из Норильского технологического института было отчислено более тридцати человек. Каждый приказ об отчислении студентов за пьянство, подготовленный факультетом, ректор подписывал с разносом деканов и обвинением их в отсутствии серьёзной воспитательной работы.

После очередного крупного разговора с ректором по факту отчисления студента Алексей Натанович пригласил к себе методиста Ольгу Владимировну. Она была в курсе всех событий на факультете, так как готовила проекты приказов. Когда она зашла в кабинет, Алексей Натанович задал ей простой вопрос:

— Как вы считаете, Ольга Владимировна, что заставляет людей напиваться до скотского состояния? Что является побудительным мотивом вести себя подобным образом?

— Мне кажется, Алексей Натанович, что многие этим просто самоутверждаются, желая вызвать у своих товарищей восхищение и дополнительное уважение к себе. Ведь после заявления какого-нибудь молодца: «А мы вчера с Петькой четыре пузыря приняли на грудь, и хоть бы что», — он выглядит в глазах окружающих былинным богатырём. Нужно у пьяниц выбить этот табурет из-под ног.

— Ну и как, по вашему мнению, это можно сделать?

— Начав борьбу с алкоголизмом, государству нужно загасить ореол героизма вокруг пьяниц. В этом корень зла, как вы этого не поймёте, Алексей Натанович?

— Так каким же образом это сделать?

— Очень простым. Продавать водку без каких-либо ограничений, круглосуточно, в любое время дня и ночи. А главное, сделать её качественной и дешёвой.

— А вы не боитесь, что народ окончательно сопьётся?

— На начальном этапе такая ситуация может возникнуть. Я этого не исключаю. Но нужно максимально ужесточить меры воздействия на пьяниц, сделав основной акцент не на партию, комсомол и профсоюз, а на семью. Пусть с ними разбираются домашние — жена, дети, внуки. Пусть они создадут своим пьющим родственникам невыносимые условия жизни. Во-первых, государство перестанет обирать семью, в частности детей, путём постоянного удорожания выпивки. А во-вторых, я вас уверяю — далеко не все пьяницы откажутся от семьи.

— Да, но, продавая дешёвую водку, государство потеряет огромные дармовые деньги?

— Ничего страшного, если на первых порах оно что-то даже и потеряет. Хотя, думаю, что нет, так как водка будет продаваться круглосуточно, без перерыва. Но к этой работе должны активно подключиться учёные, медики, психологи, спортсмены, работники культуры и искусства. Это огромная проблема. Проблема всей

страны. Следует предложить людям альтернативу: или бутылка без семьи и детей, или интересная жизнь. А не применять к ним всё время репрессивные меры воздействия.

— И откуда, Ольга Владимировна, у вас появились такие глубокие мысли по этой проблеме?

— В результате некоторых размышлений о своей личной жизни.

Ольга Владимировна ушла, а Соловьёв продолжал размышлять об алкогольном терроре, который в очередной раз развязала советская страна против своего народа, и его страшных последствиях.

12.16

Ситуация с нарушением антиалкогольного законодательства продолжала оставаться тупиковой. Не проходило недели, чтобы кто-нибудь из студентов или даже преподавателей не попал в милицию в связи с появлением на улице в нетрезвом виде. Всё это вызывало у Алексея Натановича внутренний протест, так как сама постановка вопроса — запретить пить водку на Крайнем Севере — была, по определению, абсурдной. Но однажды произошло событие, которое потрясло основы Норильского технологического института. Милиция забрала в вытрезвитель пьяного доцента Коробкова — заведующего кафедрой, которая непосредственно относилась к факультету Соловьёва.

Когда Алексей Натанович появился на работе, к нему в кабинет сразу же зашла Ольга Владимировна и почему-то шёпотом сообщила:

— Алексей Натанович, ректор всё утро разрывает телефон. Сегодня ночью в милицию попал Владимир Васильевич Коробков. Ректор просит, чтобы вы, как только придёте, сразу явились к нему.

— Я понял вас, Ольга Владимировна, спасибо.

Спускаться на второй этаж, чтобы предстать пред светлые очи ректора Хромова, декан Соловьёв не спешил. Ничего хорошего эта встреча ему не сулила. Он заранее знал, что тот выльет на него ушат грязи. Отношения между ними день ото дня становились всё хуже и хуже. Не далее как на прошлой неделе Алексей Натанович вступил в перепалку с профессором Хромовым, когда на Учёном совете института утверждали план госбюджетных и хоздоговорных научно-исследовательских работ на следующий год. Тогда Соловьёв имел неосторожность заметить:

— Я прошу прощения, но в техническом вузе, коим является Норильский технологический институт, просить финансирование у

министерства на госбюджетные работы неперспективно. Общеобразовательные кафедры — высшей математики, начертательной геометрии, химии, физики, общей электротехники — должны участвовать в выполнении хоздоговорных работ, на которые выделяет деньги Норильский комбинат.

Это вызвало бурю негодования у ректора института. Доктор химических наук Хромов камня на камне не оставил от «незрелых рассуждений» кандидата технических наук Соловьёва, который не понимает роли фундаментальных наук в формировании будущего страны. Пока ректор его распекал, Алексей Натанович вспоминал, как сдавал в МВТУ «Теоретические основы электротехники». Читал лекции и принимал экзамен по этой дисциплине доцент Соколов. Строгий, требовательный, бескомпромиссный преподаватель. Он никому не давал никаких поблажек. Когда Соколов ставил студенту двойку и при этом говорил: «Вы, уважаемый, — химик» — это означало, что студент должен менять специальность и переходить на факультет, где «Теоретических основ электротехники» нет.

12.17

Открыв дверь в кабинет ректора, Алексей Натанович сразу понял, что разговор намечается крупный. Видимо, для усиления воспитательного эффекта ректор Хромов пригласил к себе проректора Козлова и секретаря партийной организации института Васильева.

— Я собрал вас, чтобы сообщить пренеприятнейшую новость. Сегодня ночью был доставлен в милицию в пьяном виде заведующий кафедрой нашего института доцент Коробков. Даже не в милицию — в вытрезвитель. С оказанием всех услуг, соответствующих его нетрезвому состоянию. Я думал, что сквозь землю провалюсь, когда утром позвонил заведующий этим учреждением и поставил меня в известность. А теперь я хочу услышать ваш комментарий по поводу случившегося. Начнём, пожалуй, с декана факультета. Алексей Натанович. Прошу.

— Я так же, как и вы, Сергей Викторович, считаю эту ситуацию очень некрасивой.

— Не некрасивой, а отвратительной, — перебил Соловьёва Хромов. — Продолжайте, Алексей Натанович, только постарайтесь говорить поконкретней, без этих ваших заумных закруглений.

— Да какие уже тут закругления. Думаю, что к доценту Коробкову нужно применить самые строгие меры административного взыскания, которыми располагает институт.

— И какие меры, позвольте спросить, вы конкретно предлагаете?

— Это вам решать, Сергей Викторович.

— Я уже решил, без вашего участия. Доцента Коробкова следует немедленно отстранить от исполнения обязанностей заведующего кафедрой. А в отношении вас, Алексей Натанович — как декана факультета, на котором регулярно творятся подобные безобразия, — хочу услышать мнение проректора Козлова.

По всему было видно, что Хромов намерен, во-первых, быстро дистанцироваться от инцидента с Коробковым и принять упреждающие меры, а во-вторых, оперативно отрапортовать наверх. А главное, и это выглядело совершенно очевидным — история с Коробковым для него очень подходящий повод, чтобы как следует наказать декана энергомеханического факультета Соловьёва.

— Полностью согласен с вашим решением, Сергей Викторович, относительно заведующего кафедрой Коробкова, — начал проректор Козлов. — Что касается Алексея Натановича, то у меня есть предложение заслушать на открытом партийном собрании, если секретарь партийной организации Васильев не возражает, отчёт всех деканов о состоянии учебно-воспитательной работы на факультетах нашего института.

Соловьёв понял, что проректор Козлов, как и прежде, играет в свою непростую игру. С одной стороны, он безоговорочно согласился с предложением ректора, а с другой, старается вывести Соловьёва из-под прицельного удара Хромова, чтобы на всякий случай не потерять доверительных отношений с деканом.

12.18

Лёша с Ильёй предполагали пройти на лыжах расстояние от Норильска до зимовья Боливара за несколько часов, но встречный ветер и сильная позёмка смешали их планы. До цели они с трудом добрались только к двум часам дня.

— Слава советской науке! — приветствовала их Адель. Она первой, как всегда, вышла на крыльцо.

— Здравствуйте! — дружно ответили гости.

— Хотя мой друг не работает в институте, но отношение к науке имеет, — заметил Алексей. — Его жена — моя коллега. Так что общая формулировка принимается.

— Ну, заходите в дом, ученые, — улыбнулась Адель. — Александр Николаевич вас ждёт.

Воронов встретил гостей на пороге большой комнаты.

— Рад вас видеть, Алексей Натанович. А это ваш друг, с родителями которого, как мне рассказала Адель, я был знаком?

— Точно так. Я — Илья Золотой. А мои родители — Клава и Файвус. Вы встречались с ними больше двадцати лет назад.

— Вы молодец, что приехали ко мне. Я вам скажу точно, когда это было. Первый раз — в ноябре 1958 года, а второй — в апреле 1959. Прошло столько лет, но такое не забывается. Ваш отец, Илья, был уникальный, удивительных способностей человек. Ему бы людей учить, а не в лагере сидеть. Да и матушка ваша была интересной женщиной. Помнила всех врачей, которые лечили вашего отца, все диагнозы, выписки, лекарства, хотя грамотой, как я понимаю, владела не сильно. Она, извините, жива?

— Да, жива. И передаёт вам привет.

— Спасибо. Обязательно скажите, что я её хорошо помню.

— А вы знаете, мама показала мне стенограмму ваших с папой разговоров.

— Что вы говорите? А кто же сделал эту стенограмму?

— Папа. Мама хранит её как реликвию.

— Любопытно было бы на неё взглянуть.

— Я вам в следующий раз, если вы меня ещё раз к себе пригласите, обязательно привезу.

— Спасибо заранее. Приезжайте ко мне опять непременно.

— Обязательно приеду.

— А вообще, какая удивительная и интересная штука — жизнь. Всё возвращается на круги своя. Да что же мы всё стоим? Садитесь, пожалуйста, дорогие гости.

Оказалось, что все присутствующие в этот день у Александра Николаевича с большим вниманием стоя слушают разговор между ним и Ильёй. Никто не ожидал, что молодой человек, впервые приехавший на зимовье, вызовет такой повышенный интерес у хозяина дома. Но больше всех был доволен Алексей, что сумел уговорить Адель пригласить его и Илью в гости к Боливару.

12.19

Сам Алексей Натанович приехал сегодня к Александру Николаевичу не только из-за Ильи. У него была своя тема для разговора. Дело в том, что местное телевидение пригласило его поучаствовать в передаче на тему «Самостоятельная работа и её роль в процессе обучения учащихся и студентов». И он хотел услышать мнение людей, не имеющих отношение к образовательному учреждению.

Адель в очередной раз блеснула своими кулинарными способностями. После того как все отдали должное вкусному обеду, Соловьёв спросил у Воронова:

— Александр Николаевич, расскажите, пожалуйста, каков был распорядок дня учащихся вашего лицея в Париже.

— Ничего себе вы задали вопрос, Алексей Натанович! Да на него можно отвечать целый день, ибо это очень интересная, а главное, многоцелевая проблема.

— В таком случае прошу меня извинить — я постараюсь сузить вопрос. Чем отличается, с вашей точки зрения, внеаудиторная работа студентов и учащихся от аудиторной?

— Прежде всего тем, что она выполняется за сеткой обязательных занятий. Например, в нашем лицее учащимся было предложено изучать дополнительно латинский или греческий язык.

— А можно было отказаться?

— Можно. Но вы сразу ограничивали себя в выборе будущих университетских специальностей. Дорога для обучения на юридическом, медицинском или искусствоведческом факультетах для таких учащихся была закрыта.

— Понятно. Но я, Александр Николаевич, хотел спросить вас несколько о другом. Какую, по вашему мнению, нагрузку несёт самостоятельная работа учащегося и студента?

— Очень большую. Без самостоятельной работы дома учащийся или студент не может претендовать на уровень выше среднего. Она даже важнее, чем работа в аудитории, ибо, во-первых, индивидуальна, а во-вторых, выходит, как правило, за рамки обязательной программы обучения. В блок самостоятельной работы у нас входило чтение дополнительной и специальной литературы, решение задач повышенной трудности, переводы с иностранных языков и так далее. Правда, эту работу мы в лицее выполняли под руководством наших же преподавателей. Это очень в жизни многим из моих учеников помогло.

— Позволю вас перебить, Александр Николаевич, — подключилась к разговору Адель. — Образование может быть книжное и жизненное. Сколько раз, только честно, подсказывал вам правильное решение очередной проблемы Николай, у которого всего четыре класса?

— Вы, голубушка, не путайте жизненный опыт и интеллект, который формируется в результате образовательного процесса. Я определяю интеллект человека не только по тому, что он рассказал, но и на что слегка намекнул. Неважно, анекдот это или случай из жизни. Вот попробуйте, дорогая моя Адель, сформулировать: что такое «интересная книга».

— Пожалуйста. Это книга, которая вызывает у читателя интерес к чему-то через представленную в ней информацию.

— А я позволю себе вашу формулировку уточнить и дополнить. Интересная книга — это книга, которая вызывает у читателя чувство, что её написали о нём и для него. Вот так.

12.20

— А мне определение Адели больше нравится, — заметил молчавший до этого Илья. — Вот у меня сын в третьем классе учится. Так я открою иногда какой-нибудь его учебник и оторваться не могу. А другой раз открою и сразу закрою, потому что нет никакой информации.

На некоторое время все замолчали, но потом первым снова заговорил Александр Николаевич.

— Глубоко уверен, что самым высокооплачиваемым в системе школьного образования должен быть учитель начальных классов. Он первый принимает эстафету обучения и от него во многом зависит, что получится в конечном итоге из того или иного ребёнка. И, конечно, учитель не должен получать за час своей работы плату, равную стоимости трамвайного билета. В этом случае никакого толку от него ожидать не приходится.

— В высшей школе та же картина, — заметил Алексей Натанович. — Оклад преподавателя растёт не в соответствии с ростом его педагогического мастерства, а в зависимости от получения им учёной степени и звания. А как был он плохой преподаватель, так и продолжает им быть, независимо от уровня защищённой диссертации.

— В каком смысле плохой? — спросил Александр Николаевич.

— В прямом. У нас в МВТУ в течение полного учебного года два семестра лекции по спецкурсу читал доцент Чумаков. Потом он защитил докторскую диссертацию. А студенты как не ходили к нему на лекции, когда он был кандидатом наук, так и продолжали не ходить, когда стал доктором. Он со временем и звание профессора получил.

— Мой наставник в лицее, — заметил Александр Николаевич, — любил повторять одну интересную фразу: масштаб личности определяется не количеством барьеров, которые человек преодолел в своей жизни, а их высотой.

— Извините, Александр Николаевич, но, к сожалению, слова вашего наставника не всегда имеют определяющее значение для советской высшей школы. В Норильском технологическом институте, как и в любом другом вузе, основная деятельность администрации проходит «под ковром». Это обстоятельство нужно принимать в расчёт, когда разговор заходит о заработной плате преподавателей и занимаемых должностях.

— А мне всегда казалось, — улыбнулся Александр Николаевич, — что институт — это чудесный храм науки. Правда, учился я, уважаемый Алексей Натанович, в другое время и у других учителей. Например, профессор Сперанский читал нам лекции по минералогии в стихах. Мел в руки никогда не брал — для этого у него были специальные щипчики.

— Простите, Александр Николаевич, что навязал вам эту тему. Последний вопрос. Скажите, в каком возрасте, по вашему мнению, профессор должен уходить из института на пенсию?

— Думаю, что ему позволительно работать бессрочно. Профессор не только старший товарищ и во многих случаях наставник. Профессор облагораживает любой научный коллектив. Он его талисман. Только вид деятельности профессора должен соответствовать его возрасту. Ну, например, его не стоит посылать руководителем практики студентов в другой город. Или ставить в расписание его занятия на утро и на вечер.

— То есть вы считаете, что возраст профессора не имеет никакого значения?

— Не имеет. Что такое возраст, уважаемый Алексей Натанович? Старый телом — это просто изношенный человек. Жизнь у него такая непростая была. А головой он может ещё дать фору и молодому.

Глава 13. Маленькая война

13.1

Сегодня, как только Соловьёв пришёл на работу, раздался телефонный звонок.

— Доброе утро, это Света, — весело приветствовала его секретарь кафедры. — Алексей Натанович, я сейчас сижу и выполняю ваш приказ. Составляю график прохождения преподавателями кафедры курсов повышения квалификации. Вы собираетесь повышать свою квалификацию на будущий год? Или вам уже не надо? — спросила она со смехом.

— Собираюсь, но пока не знаю, где.

— А когда узнаете? Мне нужно график вам завтра представить.

— А ты оставь против моей фамилии пробел. Я его сам заполню.

— Нет, Алексей Натанович. Это непорядок. В документе все строчки должны быть заполнены, как положено. Вы же сами этого требуете.

— Это правильно. Хорошо, сегодня же постараюсь дать тебе информацию. У тебя всё?

— Нет, не всё. Сообщаю вам, что через неделю, во вторник, состоится заседание нашей кафедры. Заведующий попросил уведомить вас персонально.

— Вот так и сказал — персонально?

— Алексей Натанович, не буду же я с деканом в прятки играть, — и Света снова рассмеялась. Она обладала удивительной способностью располагать к себе своим мелодичным голоском, разговаривая при этом в одной манере со всеми, независимо от должности и занимаемого положения.

— Конечно, не будешь. Тебе, матери троих детей, слава богу, есть с кем поиграть в прятки.

— Естественно. А вы подтягивайтесь до передовиков, а не завидуйте. А то родили одного сыночка и отдышаться никак не можете.

— Света, не дерзи старшим.

— Ой, Алексей Натанович, о чём вы говорите? Да вы всего на два года старше меня. Это не возраст в вас говорит, а лень-матушка. Ладно, я вам сообщила о заседании кафедры. Всё. До свидания. Ой, нет. Не всё. Я ещё хотела вам, Алексей Натанович, сказать, что у

меня сестра учится у вас на факультете. Младшая. Так вот она мне регулярно на вас жалуется. Вы приходите на первую пару и делаете переключку. А её на лекции нет. Сами знаете, Алексей Натанович, дело молодое. Утром поспать хочется.

— Ну, вот ты её ко мне пришли. Я с ней за молодое дело отдельно поговорю. Поняла?

— Да поняла я, поняла. Лучше бы я вам этого не говорила. Только вы меня не выдавайте.

— Не переживай. Всё будет хорошо.

13.2

Прошло три месяца, но страсти по бедному заведующему кафедрой Коробкову, умудрившемуся попасть пьяным в милицию, в Норильском технологическом институте не утихали. Ректор Хромов, без согласования с деканом факультета Соловьёвым, назначил исполняющим обязанности заведующего кафедрой высшей математики старшего преподавателя Александру Анатольевну Синецкую, совершенно неопытного человека, которая не могла и шагу ступить без помощи Коробкова. В результате этого снятый с должности Коробков фактически остался руководителем кафедры, но без какой-либо ответственности за свои поступки.

Одновременно в институте сформировалась группа активистов в защиту Коробкова. Они, как бы между прочим, беседовали о Коробкове с преподавателями и студентами, пытались внушить им мысль о случайности происшедшего. Мол, с кем не бывает. Человек просто попал в беду, и ему нужно помочь, а не топить его окончательно. При этом, чтобы «спасти» Коробкова, активисты постоянно переводили стрелки на деканат. Не было в последнее время ни одного партийного собрания, на котором не звучала бы критика в адрес организационной и воспитательной работы на энергомеханическом факультете. Создавалось впечатление, что кто-то решил отвести удар от несчастного Коробкова и перенаправить его на Соловьёва. Довести Алексея Натановича до такого состояния, чтобы он сам ушел с должности. Ректорат на постоянную критику декана Соловьёва никак не реагировал, храня гробовое молчание. Не выступал в свою защиту и сам Алексей Натанович, с иронической улыбкой выслушивая всё, что говорят о нем с трибуны.

В конце концов, доценту Коробкову был объявлен строгий вы-

говор по партийной линии. Но ситуация с заведующим кафедрой Коробковым и деканом Соловьёвым имела необычное продолжение.

На одном из очередных партийных собраний на трибуну вышла работающая с Алексеем Натановичем на одной кафедре старший преподаватель Ольга Павловна Афанасьева и заявила, что доцент Соловьёв, помимо того что ненадлежащим образом ведет дела на факультете, ещё и ничего не делает на кафедре. Он вообще там редко бывает, а на приём в деканат к нему просто не попасть. Кампания по очернительству Алексея Натановича принимала серьёзный оборот. Его могли обвинить в служебном несоответствии и рекомендовать администрации института рассмотреть вопрос о нецелесообразности дальнейшего использования в должности декана. И тут произошло неожиданное. В середине собрания незнакомая женщина из зала попросила дать ей слово.

— Уважаемые товарищи, я первый раз в жизни выступаю перед таким представительным сообществом. Моя фамилия Батуева, по национальности я бурятка. Работаю в Управлении главного механика Норильского комбината. Окончила МВТУ им. Баумана вместе с Алексеем Натановичем Соловьёвым и являюсь его женой. Сейчас очень жалею, что при регистрации брака не взяла фамилию мужа, а оставила свою — в память об отце, который героически погиб в 1945 году на войне с японцами. Я круглая сирота, так как моя мать тоже умерла, когда мне было пять лет. Воспитывалась в детском доме, где принято все вещи называть своими именами. Так что не взывайте, если скажу что-то не то и не так.

Алиса на мгновение остановилась и обвела зал взглядом, полным достоинства.

— Я пришла на ваше партийное собрание, чтобы высказать своё отношение к той грязи, которую вы вот уже который раз льёте на голову моего мужа. Если он не в состоянии сам сказать что-нибудь в ответ, то это сделаю за него я. Но поначалу хочу уважаемому собранию задать один вопрос: как можно совместить уничтожающую критику в адрес декана Соловьёва с доской Почёта института на втором этаже, на которой висит его фотография? Вы уж приведите в соответствие эти два обстоятельства, а то слишком больно они режут глаз, а заодно и ухо. И тем не менее, мне представляется, что ситуация с гонением декана Соловьёва возникла не случайно, а в результате работы группы лиц под чьим-то авторитетным

прикрытием. Это не Соловьёва критиковала дама, которая выступала передо мной. Это она критиковала вас, товарищ ректор. Ведь он выполняет ваши приказы, насколько я понимаю. А вы тут сидите, слушаете, что говорят с трибуны, и делаете вид, что вас это не касается. Очень жаль, что вы не до конца понимаете свою роль в коллективе института. И ещё. Если кому-нибудь из присутствующих в зале не нравится отчество Алексея Натановича, то мы с вами по этому поводу встретимся в другом месте.

После этого в зале раздались аплодисменты. Так отреагировали на последние слова Алисы Батуевой студенты, которые тоже сидели на собрании и слышали выступления всех его участников.

— А теперь хочу сказать самое главное. Мы с вами, товарищ ректор, одинакового уровня начальники над Алексеем Натановичем. Половину дня я им командую, половину вы. Так как я не хочу иметь мужа-инвалида после инфаркта, а вы поставили задачу довести его до этого состояния, то я отдала ему сегодня утром следующий приказ. После собрания он вам должен подать заявление об уходе с должности декана по собственному желанию. Всё равно его добросовестную работу в Норильском институте не ценят. И последнее. Меня Алексей Натанович дома будет очень ругать за это, но я всё равно скажу. Дело в том, что декан горно-металлургического факультета Волобуев, работой которого вы весьма довольны, товарищ ректор, каждый день на большом перерыве закрывается в своём кабинете со своими друзьями и пьёт водку. Это вместо того чтобы работать в это время со студентами и преподавателями. У меня всё. Извините, если что не так сказала.

Тут с дальних мест, которые занимали студенты, вскочил вихрастый парень и заорал на весь зал:

— Вы всё правильно сказали. Спасибо вам за ваше выступление. И нечего за что-то извиняться. Студенты против ухода Алексея Натановича с должности декана нашего факультета.

13.3

Почти сразу после выступления Алисы Батуевой партийное собрание закрыли. Все разошлись по своим рабочим местам. Ректор института Хромов попросил зайти к себе в кабинет секретаря партийной организации Васильева и проректора института Козлова.

— Ну, что вы скажете о выступлении этой дамы с улицы? Зачем ей вообще предоставили возможность выступить? Так любой может зайти в зал и делать что захочет.

— Но как можно запретить выступить человеку? У нас открытое партийное собрание, — оправдывался секретарь партийной организации Васильев.

— Хуже будет, если факт попоек декана Волобуева посреди рабочего дня подтвердится, — заметил молчавший до этого проректор Козлов.

Ректор нажал кнопку звонка, вызвал к себе секретаря Лизу и гаркнул:

— Найдите мне срочно декана Соловьёва.

Потом Хромов повернулся к Васильеву и спросил:

— Ну, и что мы будем делать с этой интернациональной семейкой?

Но ответить на вопрос ректора Васильев не успел — в кабинет Хромова зашёл декан Соловьёв.

— Вы меня вызывали?

— Да, вызывал. Объясните нам, пожалуйста, каким образом в институте оказалась ваша жена?

— Не знаю. Она меня об этом не уведомляла.

— Зато вы её так наведомляли, что она за десять минут сумела оболгать весь коллектив института.

— Позвольте мне не обсуждать поведение жены. Она поступила так, как посчитала нужным.

— Нет, не позволю. Для нас ваша жена — посторонний человек. А вот вы, уважаемый, работаете в институте на высокой административной должности и устраиваете здесь чёрт знает что.

— Я ничего не устраиваю, кроме того что сейчас подал в канцелярию заявление на ваше имя об освобождении меня от обязанностей декана факультета.

— И что вы думаете, Алексей Натанович, ваш демарш может произвести на нас впечатление?

— Я не для впечатления подал заявление, а для освобождения от должности.

— Всё. Вы свободны. Ваше заявление будет рассмотрено в установленном порядке.

После ухода Соловьёва все некоторое время молчали. Первым заговорил ректор Хромов.

— Семён Владимирович, что будем делать с заявлением Соловьёва?

— Будем отпускать с отработкой двух недель со дня подачи заявления.

— А я думаю, что нужно создать серьёзную комиссию по передаче дел на факультете, чтобы Соловьёву жизнь мёдом не казалась.

— Я бы этого не делал, Сергей Викторович. Зачем дразнить Соловьёва? Неизвестно, какие ещё будут выводы по декану Волобуеву. Или вы уверены, что он не занимался распитием спиртных напитков в деканате?

— Я уже сейчас ни в чём не уверен.

— Ну вот поэтому с Соловьёвым надо расстаться мирно.

Через две недели Алексей Натанович Соловьёв оставит должность декана энергомеханического факультета. До выборов нового декана исполнение его обязанностей ректоратом будет возложено на Вячеслава Николаевича Павлова, доцента кафедры металлургии. Этим же приказом ректор упразднит должность методиста факультета и восстановит должность заместителя декана.

13.4

Алексей Натанович сидел в своём кабинете один. Это был его последний рабочий день в должности декана. Незаметно пролетели почти десять лет. Он многому научился, многое пережил. Убедился, что декан — самая хлопотная, но и самая необходимая для студентов должность в институте. Сейчас он встанет со своего кресла и уйдёт. Оставит кабинет, в котором столько передумал, столько перечувствовал, столько узнал нового. В этом кабинете много раз обсуждались человеческие судьбы, принимались непростые решения, которые кардинально меняли жизнь многих. Может быть, эти решения были поспешными, непродуманными, неправильными, но он честно может признаться себе, что никогда они не были во вред людям. В этом кабинете был аккумулирован громадный административный опыт, позволяющий взглянуть на вузовскую жизнь в совершенно неожиданном ракурсе.

А теперь вопрос: что с этим опытом делать? Кому всё это передать? И тут Алексея Натановича осенило. Ему нужно составить памятку для новых деканов. Дать им наказ на будущее. Объяснить, что первично, а что вторично в этой важной для любого высшего

учебного заведения должности. Алексей Натанович положил перед собой чистый лист бумаги и начал писать. Однако всё выходило как-то пафосно и отдавало грубой канцелярщиной. Получался какой-то тупой манифест, которым должен руководствоваться новый руководитель факультета. Соловьёв снова и снова переписывал текст своего послания, но состояние катарсиса не наступало.

В конце концов, он всё разорвал и выбросил в корзину. После этого, не торопясь, стал собирать свои вещи — книги, тетради, сувениры, всякие мелочи. Набралась целая коробка. На столе остался только первый том «Высшей школы», которым Алексей Натанович постоянно пользовался в своей работе. В нём жёстким казённым языком было изложено на многих страницах «что» должен делать декан, но не было ни одной страницы, где было бы сказано — «как». И тут он вспомнил любимое выражение своего научного руководителя Григория Борисовича, обобщающее любую жизненную ситуацию: «Каждый человек свой столб должен найти сам!» Научить быть деканом никого нельзя.

Соловьёв встал, взял со стола книгу по высшей школе и поставил на полку. Никакой ностальгии по должности декана факультета, которую оставляет, а тем более, жалости к себе он не испытывал.

13.5

Сегодня, 31 марта 1989 года, Боливару — Александру Николаевичу Воронову — исполнилось 75 лет. Из них он более пятидесяти провёл на Крайнем Севере. Всю неделю со всех концов тундры к нему на зимовье приезжали люди с подарками, поздравлениями и пожеланиями самого наилучшего. Но сегодня, в день его рождения, за праздничным столом собрались только те, кого он пригласил сам.

На председательском месте сидел Николай Семёнов, прошедший с Вороновым весь таёжно-тундровый путь — от первого до последнего дня. Вместе они попадали в разные жизненные ситуации, вместе из них успешно выходили. Было заметно, что Николай очень волнуется. Он то расстегивал верхнюю пуговицу своей новой рубашки, то застёгивал. При этом всё время поправлял шнурок нательного креста. Наконец, когда за столом стало тихо, Николай встал.

— Дорогие друзья. Сегодня моему другу и учителю 75 лет. Я не умею говорить речи. Поэтому скажу только одно: Александр

Николаевич — надёжный во всём человек. Высшей оценки в тундре нет. А теперь прошу отведавать то, что мы с Александром Николаевичем вместе приготовили. Правда, нам немного помогала Адель. Спасибо ей за это. Но, в основном, мы всё делали сами.

На столе и в самом деле стояли удивительные блюда. С одной стороны, простая русская пища, с другой — какие-то заморские добавки. То ли французские, то ли турецкие. Трудно было разобрать, но всё было очень вкусно. Тем более что гости пришли с мороза и отсутствием аппетита не страдали.

— А сейчас слово по старшинству предоставляется уважаемому Владимиру Петровичу Прохорову, — объявил Николай.

— По какому старшинству? Я, милостивый государь, старше Александра Николаевича всего на один год. А это разница в пределах статистической погрешности. Ну да ладно. Конечно, с удовольствием скажу несколько слов, и не только. Я давно живу на белом свете и, в отличие от Александра Николаевича, всё время среди людей. Особого удовольствия от этого, к сожалению, не испытываю, так как на одного такого, как Александр Николаевич — чистого и светлого человека — приходится много грязного и тёмного люда. Человек как устроен? Он всё время чего-то ждёт. Какого-то необыкновенного события или интересной встречи. Ждёт своего счастья. А счастье в нём самом. Он только должен захотеть его увидеть. И тогда его жизнь из скучной и противной превратится в интересную и приятную. Спасибо вам, Александр Николаевич, что вы умеете жить счастливо и учите этому других. Спасибо, что вы есть. Спасибо, дорогой друг.

— Ай да профессор, ай да — как у Пушкина — сукин сын! В двух словах объяснил, что человеку в жизни надо и как этого достичь, — откликнулся на слова Прохорова Александр Николаевич. — Честно говоря, я даже не думал о подобной интерпретации нашего с Николаем существования. Мы, по большому счёту, обыкновенные люди, а тут, оказывается, такое...

— Ну, во-первых, вы не обыкновенные. Нечего приbedняться. А во-вторых, позвольте нам судить, кто вы есть на самом деле, — сразу отреагировал Прохоров. — И вообще, без обыкновенных людей не бывает великих. На обыкновенных, смею вас заверить, мир держится.

Ещё долго сидели гости за праздничным столом. Шутили, говорили на разные темы, читали стихи, пели песни. Это было со-

бране людей разных возрастов, интересов, специальностей, но которых объединял воедино удивительный человек — Александр Николаевич Воронов. И сегодня, как всегда, в его доме царил непринуждённая дружеская обстановка. А когда Адель взяла в руки гитару и стала её настраивать, минуту внимания попросил Алексей Натанович. Он встал со своего места и тихо, но проникновенно произнёс:

— Дорогой Александр Николаевич! Извините, что я к вам так несколько выпренно обращаюсь. Но меня переполняют чувства гордости и самоуважения, что сижу с вами за одним столом. Я представляю поколение людей, которое родилось после Великой Отечественной войны. Не видевшее её страшного оскала, но опалённого ею с головы до ног. Выросшее рядом со своими родителями, которые прошли через это тяжелейшее время. И тем не менее я, благодаря общению с вами, получил столько уникальных знаний о прошлом, такой мощный заряд жизненного оптимизма, что это невозможно ни с чем сравнить. Глубокоуважаемый Александр Николаевич, я считаю вас своим учителем и духовным отцом. Человеком, на которого должны все равняться. Ваши ученики и последователи могут стать кем угодно — профессорами, академиками, министрами, но дистанция между вами и ими никогда не сократится. Вы всегда будете стоять на высоком пьедестале, а мы с почтением взираем на вас.

13.7

Летом 1989 года, когда все преподаватели Норильского технологического института были в отпуске, скоростно скончался от инфаркта профессор Прохоров. Умер, как жил, никого ничем не обременив. Дочь и другие родственники на похороны не приехали. Ограничились телеграммами. Заведующий лабораториями кафедры Витёк организовал для знакомых и друзей скромные поминки, на которых никто из руководства института не присутствовал. Оставшиеся от Владимира Петровича вещи упаковали в большой ящик и отправили дочери, а все книги, тетради и отдельные рукописи покойного аккуратно сложили на кафедре. Любимый снегоход Прохорова Витёк поставил себе в гараж — приборёг для Алексея Натановича, который последние годы часто ездил с покойным профессором в тундру.

О том, что скончался профессор Прохоров, члены кафедры механики узнали, возвратившись из отпуска. На кафедральной доске объявлений, без текста некролога, просто висело фото Владимира Петровича в траурной рамке. Это была ужасная новость, в которую даже трудно было сразу поверить. На кафедре в течение нескольких дней стояла гнетущая тишина. Говорили вполголоса, как будто профессор где-то рядом продолжает работать и все боятся ему помешать. На подиуме сиротливо стоял его стол с плотно придвинутым к нему стулом. На пустой столешнице ничего, кроме маленького букетика искусственных цветов в простой вазочке, не было.

Заведующий кафедрой Винокуров назначил на первое сентября заседание кафедры, посвящённое памяти Владимира Петровича Прохорова. Желающих принять в нём участие было столько, что стулья пришлось нести со всех лабораторий кафедры. Открыл заседание кафедры сам Винокуров, рассказав о жизненном пути Прохорова — от учащегося ФЗУ до профессора. Много тёплых слов о Владимире Петровиче было сказано ветеранами Великой Отечественной войны. После этого выступали коллеги Прохорова по Норильскому институту. Оказалось, что тихий, молчаливый профессор был весьма заметной фигурой в коллективе института: кому-то помог поступить в аспирантуру и сформулировать тему диссертации, кому-то отредактировал автореферат, а кого-то просто поддержал в трудную минуту. В течение нескольких часов люди вспоминали этого скромного человека, как бы оправдываясь за то, что не присутствовали на его похоронах. В конце заседания была назначена специальная комиссия во главе с доцентом Соловьёвым по оценке творческого наследия профессора Прохорова, куда передали все оставшиеся после него материалы. Секретарь кафедры Светлана накрыла стол и угостила всех членов кафедры и гостей чаем с тортом.

13.8

Учебную нагрузку профессора Прохорова распределили между несколькими членами кафедры: лекционный курс поручили вести доценту Соловьёву, практические занятия — старшему преподавателю Сидоровскому. Заведующий кафедрой несколько раз предлагал Алексею Натановичу занять рабочий стол покойного на подиуме, но тот под разными предлогами отказывался и продолжал сидеть вместе со всеми преподавателями.

Сегодня Винокуров, как только Соловьёв зашёл на кафедру, попросил его подойти.

— Алексей Натанович, ректор института профессор Хромов интересуется, как у вас обстоят дела с защитой докторской диссертации. Вы будете брать творческий отпуск или нет?

— О защите диссертации говорить ещё рано, но думаю доложить первый вариант работы на своей кафедре в МВТУ до конца этого календарного года. Если, конечно, ничего не помешает. Хочу как можно быстрее получить замечания от кафедры и внести соответствующие исправления в диссертацию. Творческий отпуск пока брать не буду.

— А в Норильске когда собираетесь делать сообщение?

— После получения замечаний от московской кафедры. Для доклада на нашей кафедре буду просить вас организовать совместное заседание нашей кафедры и научно-технического совета Норильского комбината.

— Хорошо, Алексей Натанович, я так и передам ректору. Желаю успехов. Если что нужно будет, обращайтесь.

— Спасибо.

Оговорка Соловьёва — «если ничего не помешает» — оказалась пророческой. Через некоторое время в адрес кафедры МВТУ имени Баумана поступило анонимное письмо на Алексея Натановича Соловьёва. В нём было сказано, что кандидат технических наук Соловьёв, воспользовавшись положением председателя комиссии по оценке творческого наследия известного учёного, доктора технических наук, профессора Прохорова Владимира Петровича, заимствовал при подготовке своей докторской диссертации неопубликованные научные работы покойного.

В принципе, анонимные письма к рассмотрению не принимались, но в данном случае аноним рассчитал всё верно: нельзя было оставить без внимания письмо, имеющее прямое отношение к содержанию диссертации. Ситуация осложнялась ещё тем обстоятельством, что заявитель в своём письме не указал, какие именно материалы заимствовал диссертант у профессора Прохорова. Таким образом, проверяющей комиссии необходимо будет проанализировать не только текст диссертации Соловьёва, но и сравнить его с материалами, оставшимися после смерти профессора. Обвинение в воровстве и плагиате выставляло Алексея Натановича Соловьёва в очень неприглядном свете.

13.9

Был конец сентября. Прошло почти два месяца с тех пор как не стало Владимира Петровича Прохорова, но сегодня Алексей Натанович почему-то остро почувствовал его отсутствие — мудрого, выдержанного, надёжного человека, один голос которого успокаивал и настраивал на поиск разумного решения любой проблемы. Сейчас о нём напоминали только 11 толстых тетрадей с набросками будущих научных статей. И тут Соловьёва точно пронзило: как же он мог забыть про друзей Владимира Петровича на зимовье! А может они до сих пор не знают, что он умер?

В первое воскресенье октября Алексей Натанович сел на снегоход и поехал к Боливару. Дул небольшой ветерок. С перерывами падал снег. Природа будто нехотя примеривалась к приближающейся зиме и длинной полярной ночи. Снегоход уверенно рассекал светом фонаря полярную мглу. Отдельные резкие порывы ветра как бы испытывали на прочность снегоход и водителя, но оба не поддавались. Всё указывало на то, что к вечеру может начаться сильная пурга.

Заслышав шум мотора, на крыльцо зимовья вышла Адель.

— Ой, Алексей Натанович, давненько вы у нас не были. Мы по вам уже очень соскучились.

— Да и я тоже, не буду скрывать. Только хочу спросить у вас, Адель, когда вы прекратите называть меня по имени-отчеству?

— Да, наверное, никогда. Как представил вас Владимир Петрович, так и буду называть.

— Ну что с вами поделать?

— Со мной делать ничего не надо. Придётся терпеть. Да вы приходите в дом. Вас там ждут.

— Здравствуйте, дорогой наш друг, — радостно встретили Соловьёва Александр Николаевич и Николай. — Что-то вы нас совсем забыли. Уже больше месяца прошло, как вы вернулись из отпуска, а к нам никак не найдёте время приехать.

— Виноват, исправлюсь. Какие мои годы.

— Это точно, — помогая ему снять полушубок, ответил Николай. — Я в ваши годы на медведя один ходил. А вы...

— Ну, рассказывайте, какие новости, — прервал воспоминания Николая о его охотничьих заслугах Воронов. — Чем занимались последние полгода? Вы ведь у нас с апреля не были. Сразу хочу

предупредить, что о кончине Владимира Петровича мы знаем. По тундре новости распространяются быстро.

— Был в отпуске с семьёй на «материке». Сейчас занимаюсь со своими коллегами рукописями профессора Прохорова. Хотим подготовить посвящённый ему сборник научных трудов. Светлый был человек, царство ему небесное.

— Это точно. Мы все ваши слова подтверждаем. Вы знаете, Алексей Натанович, в таёжных условиях люди удивительно раскрываются, сами того не замечая. Тут особая обстановка. Бывает, придет на зимовье человек один раз и больше его видеть не хочется. А Владимира Петровича мы по сегодняшний день вспоминаем.

13.10

В тёплом гостеприимном доме Боливара Алексей Натанович полностью расслабился. То ли после непривычной трёхчасовой поездки на снегоходе, то ли от разговоров о безвременно ушедшем профессоре Прохорове. И вдруг ему захотелось рассказать Александру Николаевичу обо всём, что его последнее время гнетёт. Рассказать человеку, далёкому от институтской «кухни», но трезво мыслящему и умеющему правильно расставлять акценты.

Дождавшись, когда Николай уйдёт в свою комнату, а Адель займётся чем-то на кухне, Алексей Натанович тихим голосом обратился к Александру Николаевичу:

— Простите меня великодушно, но хочу посоветоваться с вами по нескольким вопросам личного характера. Вопросы касаются специфической темы, но, думаю, что вы мне подскажете, в каком направлении следует действовать.

— Извольте, Алексей Натанович. Буду рад оказать вам полезен в любом качестве.

Соловьёв коротко рассказал Воронову о его непростых взаимоотношениях с ректором, о застопорившейся на неопределённое время защите докторской диссертации, а главное — о мерзком письме, в котором его незаслуженно облили грязью. Александр Николаевич слушал Алексея Натановича внимательно, не перебивая и не переспрашивая. Слушал, не отводя своих умных глаз от его лица. И даже когда Соловьёв окончил свой рассказ, они ещё некоторое время сидели молча.

— Извините, Алексей Натанович, — неторопливо заговорил Воронов, — но сначала я хочу высказать одно предположение общего характера. Ректор вашего института, по моим ощущениям, хотя и профессор, но далеко не интеллигент. Интеллигентность человека не определяется образовательным или имущественным цензом. Это нечто другое. Не знаю, какого он рода и откуда к вам приехал, но думаю, что в цепи событий, о которых вы мне сейчас рассказали, он центральное звено.

— На каком основании, Александр Николаевич, вы сделали такой ошеломляющий вывод?

— Мне так кажется. Вы позволите, Алексей Натанович, задать вам несколько коротких вопросов?

— Конечно, будьте добры.

— Скажите, пожалуйста, на какой почве у вас не сложились отношения с новым ректором?

— Он пришёл к нам в институт и развалил всё, что мы выстраивали до него много лет.

— Но, как я понял из вашего рассказа, его новации были во многом связаны с поездками в Москву? Не так ли?

— Правильно.

— Значит, он ревностно выполнял нелепые директивы, которые привозил из столицы?

— Всё так, но он всегда категорически отказывался от особого, специфического подхода к нашему институту и продолжает это делать до сегодняшнего дня.

— Понятно. А теперь вернёмся к истокам нашего разговора. Молодой декан факультета в вашем лице, имеющий опыт работы в заполярном вузе, постоянно мешает ректору руководить институтом на основе директив, полученных им из центра.

— Ну, не такой уж я и молодой, Александр Николаевич. Максимум на десять лет его моложе.

— Прекрасно. Идём дальше. В соответствии с новыми веяниями, ректора вашего института должны в скором времени переизбирать. А тут ему в затылок дышит доморощенный доцент с готовой докторской диссертацией.

— И что?

— А то. Он подсылает к вам своего человека — заведующего кафедрой, который проясняет всю программу ваших действий на перспективу. Испортить вам биографию — это уже дело техники.

Как вы мне рассказали, такое письмо, хоть и анонимное, будет в обязательном порядке проверяться соответствующей комиссией. За это время ректор спокойно переизберётся в должности на новый срок и забудет о вашем существовании.

— Серьёзную вы картину нарисовали, Александр Николаевич. И что мне, по вашему мнению, следует делать?

— А вот что. Во-первых, ни в коем случае не подавать виду, что вы из-за этой анонимки расстроились. Ведите себя, как ни в чём не бывало. Во-вторых, если будут объявлены выборы ректора, вы обязаны в них участвовать. И в-третьих, продолжайте серьёзно готовиться к защите докторской диссертации. Думаю, что вы не первый и не последний, на кого пишут анонимные и подписанные письма. Эта практика имеет в России многовековую историю и всегда себя оправдывала. Помните, дорогой Алексей Натанович: любое ваше достижение в жизни будет сопряжено с чьим-то неудовольствием и противодействием. Будьте к этому готовы. Будьте выше этого. Умейте держать удар.

13.11

Алексей Натанович возвращался с зимовья Боливара совсем в другом настроении. Воронов буквально в течение десяти минут всё расставил по своим местам. Он не только разобрался в настоящей ситуации, но и обрисовал её на перспективу.

Перед отъездом с зимовья Соловьёв предложил Адели, как это всегда делал Владимир Петрович, подвезти её до города, но та с улыбкой отказалась.

— Нет, это теперь неактуально.

— Почему? Вам же завтра, Адель, утром на работу?

— Вот видите, уважаемый Алексей Натанович, как вы отстали от жизни. Осенью этого года я ушла в очередной отпуск с последующим увольнением. Потому что вышла замуж за самого умного, красивого, образованного, порядочного, неповторимого и единственного на всём белом свете мужчину — Александра Николаевича Воронова.

— Как? И свадьба уже была? — оторопело спросил Алексей Натанович.

— Была. Замечательная свадьба. Присутствовало на этой свадьбе всего три человека: невеста — это я, жених — это Александр

Николаевич, и свидетель — это Николай. Данное таинство происходило в лесу, недалеко отсюда, километра полтора. На поляне с удивительным названием «Уходящие в небо». Там две великолепные сосны растут из одного корня, образуя букву V.

— Очень романтично. И всё-таки — как же без гостей? Гости не только придают торжественность мероприятию, но и позволяют жениху и невесте разделить с ними огромную радость от обряда бракосочетания.

— Понимаете, Алексей Натанович, это была не совсем обычная свадьба, — вмешался Александр Николаевич. — Мы с Аделью — люди совершенно разного вероисповедания. Я — православный, крещённый по всем правилам ещё при царе-батюшке. Адель иудейского происхождения. Мы с вами однажды беседовали на эту тему, и вы со мной, помнится, согласились, что Бог един.

— Да, припоминаю этот разговор.

— Ну, так вот. На той поляне, о которой вам рассказала Адель, раз в год, 28 сентября, происходит удивительное явление. Если встать под букву V, то от лучей заходящего солнца у человека появляется над головой божественный нимб. Там мы с Аделью поклялись любить друг друга до конца своих дней. Засвидетельствовал эту клятву наш друг Николай.

— То, что вы сейчас рассказали, Александр Николаевич, это сказка, воплощённая в жизнь. Я от всей души вас поздравляю и желаю вам долгих лет совместной жизни. — Алексей Натанович сердечно расцеловал Адель и Александра Николаевича.

Прожили они вместе восемнадцать лет. Умер Александр Николаевич на руках у Адели. Просто закрыл глаза и умер. Похоронили его в леске, на той поляне, где они дали клятву верности друг другу.

13.12

Приближалась дата конференции, на которой должны были избирать ректора института. Исполняющий обязанности ректора профессор Хромов делал вид, что руководит институтом, а на самом деле просто затаился и выжидал. Алексей Натанович хорошо запомнил главный совет Александра Николаевича Воронова. Его простой и ясный смысл состоял в том, что никогда нельзя терять самообладание. Нужно уметь сохранять спокойствие в любой жиз-

ненной ситуации. Это обезоруживает противника и многократно мобилизует твои силы.

В связи с этим тезисом в памяти Алексея Натановича всплыл один из последних разговоров с профессором Хромовым в актовом зале института. Это было на 8 марта 1988 год. Коллектив Норильского технологического института собирался поздравить своих женщин с праздником. Желающих принять участие в этом мероприятии было столько много, что зал института не мог всех вместить. Опоздавшие студенты и преподаватели толпились в коридоре.

Когда Алексей Натанович зашёл в актовый зал, свободных мест уже не было. Его окликнул Хромов, указав на место рядом с собой.

— Садитесь, Алексей Натанович, сегодня мы с вами зрители. Женщин будут поздравлять профком института и профком студентов.

— А кто будет делать доклад на тему Международного женского дня? — спросил Соловьёв.

— Доклада не будет. Только вручение подарков и большой концерт, — ответил ректор.

— Интересное нововведение. Мне нравится.

— Мне тоже, — поддержал декана ректор. — А что вы вообще пьёте? — задал неожиданный вопрос Хромов.

— До Норильска всегда пил вино, а в Норильске — водку. Как-то она лучше идёт в соответствии с климатическими особенностями.

— А ваша жена?

— Жена пьёт то же, что и я.

— Ну, молодцы. Дружная семья.

Поговорив ещё немного на отвлечённые темы, они стали смотреть на сцену. После концерта ректор с улыбкой пожал декану Соловьёву руку и быстрым шагом покинул актовый зал.

А на следующее утро, не успев ещё Алексей Натанович войти в свой кабинет, раздался звонок. Без каких-либо приветственных слов Хромов не своим голосом закричал в телефонную трубку:

— Вы чем там, в самом деле, занимаетесь? Мало того что я сегодня утром не мог зайти в здание института, так ваши студенты, оказывается, не знают своего ректора в лицо. Нахамили мне, понимаешь, по полной программе. Немедленно зайдите ко мне.

13.13

Как только Соловьёв появился в приёмной ректора, секретарь Лиза кивнула ему головой в сторону кабинета. Приоткрыв дверь, Алексей Натанович спросил:

— Разрешите?

— Входите. И поплотней закройте за собой дверь, чтобы никто не слышал нашего разговора. Вы что тут устроили, Алексей Натанович? Это институт или проходной двор с шутами?

— А в чём дело? — настороженно спросил Соловьёв.

— Не перебивайте меня, — зарычал Хромов, — извольте всё дослушать до конца. Сегодня я пришёл в институт в восемь минут десятого. Мало того что — по моей прикидке — на крыльце было более двухсот студентов, опоздавших на занятия, так они ещё отказались меня пропустить. Один из них вообще нагло заявил, что в нашей стране, дескать, молодым везде дорога, а старикам — только почёт. Так что соблюдай очередь, дядя. И всё это под хохот толпы.

— Извините, Сергей Викторович, но студенты вас в шапке и шубе никогда не видели и поэтому, видимо, не узнали.

— Вы ещё будете защищать это хулиганье! Объяснять мне, что и почему произошло! Даю вам сутки на то, чтобы навести порядок в институте. В противном случае пеняйте на себя. Всё. Свободны.

Алексей Натанович вышел из кабинета ректора и машинально посмотрел на часы. Было девять часов двадцать девять минут.

Судя по поведению Хромова, а главное — по тону, которым он с ним разговаривал, ситуацию с опоздавшими студентами ректор воспринял как личное оскорбление. А значит, в своих угрозах пойдёт до конца. Соловьёв поднялся на третий этаж и зашёл в свой кабинет. Что же делать? Заняться поиском студента, который послал ректора в конец очереди, и примерно его наказать? Собрать всех кураторов групп и заставить их с завтрашнего дня подавать ему рапорт обо всех опоздавших? Может, пригласить к себе секретаря партийной организации факультета и председателя профкома и вместе обсудить данную проблему, а также меры, которые следует принять? Решение пришло само собой. Завтра, без всякого предупреждения, ровно в девять часов утра входную дверь в институт закроют. Все студенты, опоздавшие на занятия, останутся на улице до окончания первой пары.

На следующий день Алексей Натанович пришёл в институт в восемь тридцать утра и с первым звонком дал команду закрыть входную дверь. В течение получаса с улицы доносились крики, а в дверь непрерывно стучали. В какой-то момент Соловьёву даже показалось, что её сейчас выбьют. В половине десятого он сам вышел на крыльцо в одном костюме и без шапки. Около входных дверей собралась толпа в количестве (как и сказал накануне Хромов) не менее двухсот человек. Все орала и требовали немедленно впустить их в здание.

— Тишина! — громко сказал Соловьёв. Все мгновенно замолчали. — Это я закрыл сегодня в девять часов утра вход в институт. И так будет впредь. Сейчас вы зайдёте внутрь, но на этажи дежурные преподаватели вас не пустят, пока не кончится первая пара. Все останутся в холле. Завтра и этого не будет. Опоздавшие будут коротать время на улице. Всё понятно?

— Да, — дружно ответила толпа.

Пропустив вперёд декана, студенты стали быстро заходить в здание института. С этого дня все знали, что, если опаздываешь на первую пару, лучше оставаться дома. В противном случае предстоит полтора часа мёрзнуть на улице, а потом ещё объяснять в деканате, почему пропустил занятие. И ещё. Попадаться на глаза декану во время занятий ни в коем случае нельзя — коридоры института должны быть пустые.

13.14

В этом году Алексей Натанович Соловьёв вернулся с семьёй из отпуска 30 августа. Всё лето они с женой провели в Ленинграде, так как их сын Виктор поступал в Ленинградский военно-морской институт. Алексей Натанович был уверен, что с Виктором всё будет в порядке. Он хорошо сдал вступительные экзамены. Но Соловьёв решил подстраховаться и в последний день своего пребывания в Ленинграде пошёл в приёмную комиссию военно-морского института. Молодой курсант на входе, внимательно посмотрев на его служебное удостоверение декана, спросил:

— Вы к кому, товарищ декан?

— К ответственному секретарю приёмной комиссии по поводу зачисления моего сына в институт.

— Одну минуту, я сейчас узнаю. — Курсант по внутреннему телефону набрал нужный номер. — Мария Васильевна, дежурный по КПП Солнцев. С вами хочет говорить декан Соловьёв из Норильска.

— Передайте ему трубочку.

— Здравствуйте, Мария Васильевна. Вас беспокоит отец абитуриента Виктора Соловьёва. Мы с женой завтра улетаем в Норильск. Связь с Ленинградом, как правило, очень плохая. Дозвониться до вас тяжело. Поэтому, если возможно, хочу узнать, как обстоят дела с зачислением моего сына.

— Виктор Соловьёв? — переспросил по телефону женский голос.

— Да, верно.

— Ваш сын зачислен в институт. Завтра будут вывешены списки. Двадцать девятого августа состоится общее собрание студентов первого курса и их встреча с администрацией института.

— Спасибо вам, Мария Васильевна, за хорошие новости.

Но, помимо поступления сына в институт, Алексея Натановича всё лето занимали мысли, связанные с предстоящими выборами ректора. У профессора Хромова в августе истёк пятилетний срок пребывания в роли главы института. В первой каденции Хромов был назначен ректором по приказу Министерства высшего образования РСФСР. Сейчас же ему предстояло состязание с другими претендентами. В конкурсную комиссию Норильского технологического института пока было подано только два заявления — от самого профессора Хромова и заведующего одной из выпускающих кафедр профессора Попова. Последний ничем особым в институте себя не зарекомендовал, поэтому соперником для Хромова, по существу, не являлся.

Как обычно, в первую субботу сентября кафедры механики собралась, чтобы поделиться отпускными впечатлениями и принять участие в последующем чаепитии. После этого все преподаватели разошлись по домам, кроме доцента Соловьёва, которого заведующий кафедрой Винокуров уговорил, наконец, занять стол покойного профессора Прохорова, и старшего преподавателя Сидоровского.

Покрутившись некоторое время по кафедре, Сидоровский подошёл к столу Соловьёва.

— Покорнейше прошу прощения за беспокойство, Алексей Натанович, но позволю задать вам один деликатный вопрос. Почему вы не участвуете в конкурсе на замещение вакантной должности ректора нашего института? По моему разумению, у вас есть на это

все основания. Да и докторская диссертация, как мне известно, у вас на выходе.

— А почему, уважаемый Владимир Евграфович, это вас так озаботило — если не секрет?

— Нет никакого секрета, Алексей Натанович. Знаете, чем интеллигентный человек отличается от хама?

— Чем же?

— Интеллигентный человек, включая музыку, думает, не мешает ли она людям, а хам — все ли её слышат.

— Согласен с вами, Владимир Евграфович. Но какое это имеет отношение к предстоящим выборам ректора?

— Думаю, что самое прямое. Дело в том, что место ректора должен занимать благородный интеллигентный человек, желающий работать во благо людям. С обострённым чувством достоинства и чести. По моему глубокому убеждению, профессор Хромов таким человеком не является. Смеею заметить, что излишний такт, который вы хотите в этой ситуации продемонстрировать, Алексей Натанович, только мешает вам в принятии правильного решения. Подумайте над моим тезисом. Ещё раз искренне прошу прощения за беспокойство.

Сидоровский ушёл, а Алексей Натанович вспомнил, как Илья Золотой рассказывал ему, что однажды Владимир Евграфович, будучи ещё холостым, предоставил свою комнату незнакомой женщине, а сам несколько дней ночевал на кафедре.

13.15

Срок подачи заявления для участия в конкурсе на замещение вакантной должности ректора подходил к концу, и Соловьёв, памятуя о разговоре с Александром Николаевичем Вороновым на зимовье, сделал последний шаг. Подал своё заявление. В тот же день профессор Хромов пригласил его к себе на разговор.

— Заходите, Алексей Натанович, присаживайтесь. Как провели отпуск, где были?

— Несколько недель гостили у родителей. Потом были в Ленинграде — сын поступал в институт.

— В какой?

— Ленинградский военно-морской.

— Серьёзное заведение. Поступил?

— Да, всё нормально.

— Прекрасно. А что слышно с защитой докторской диссертации? Вы уже доложили её на кафедре?

— На московской — да. А на нашей планирую сделать это в ближайшее время.

— Это очень хорошо. Институту нужны специалисты высшей квалификации. Дерзайте.

— Извините, Сергей Викторович, хочу у вас спросить, почему в нашем институте упразднили должность проректора по науке?

— В стране нет денег, уважаемый. Поэтому и упразднили. Что тут непонятного.

— Всё не понятно. Мы же технический вуз, живём и работаем рядом с Норильским комбинатом. А на таком огромном комбинате проблемы для проведения научных исследований были, есть и всегда будут.

— Проблемы есть, а денег нет. Ну ладно, Алексей Натанович, не будем о грустном. Мне сказали, что сегодня вы подали заявление в комиссию по выборам ректора?

— Да. Решил участвовать в выборах.

— Это хорошо. Если не будет состязательности, министерство вообще может отменить выборы. Так что желаю успехов.

— Спасибо.

— Только хочу вас предупредить, Алексей Натанович: для того чтобы выиграть выборы, вам нужно обеспечить поддержку своей кандидатуры в соответствующих инстанциях.

— Понятно. Но выходов на эти инстанции у меня, к сожалению, нет.

— Тогда, может, объединим наши усилия? Не будем устраивать потешные игры?

— Нет, Сергей Викторович, я пойду на выборы самостоятельно.

— Ну, смотрите. Моё дело предложить. А дальше вам решать.

— Спасибо. До свидания.

Соловьёв вышел от ректора в полной уверенности, что принял правильное решение. Из разговора с Хромовым он понял, что тот не видит в нём серьёзного соперника. На это указывало, как минимум, два момента: во-первых, предложение Хромова объединить усилия, а во-вторых, намек на то, что у него нет поддержки серьёзных людей. Но это не имело для него сейчас никакого значения. Он всё равно решил участвовать в выборах.

13.16

Конференция по выборам ректора Норильского технологического института была назначена на 30 декабря 1990 года. Полярная ночь в полном разгаре. Мороз небольшой, но крепко пуржит. Алексей Натанович простоял на остановке, ожидая автобуса, больше тридцати минут. Опаздывать нельзя, но со стихией не поспоришь.

В гардеробе института было много людей, в том числе и незнакомых. В связи с тем, что начало конференции было назначено на час дня, третью пару занятий у студентов отменили. Большинство из них ушли домой, что позволило администрации разместить верхнюю одежду многочисленных гостей. Поднимаясь по лестнице в актовЫй зал, Алексей Натанович увидел, что поддержать его пришли Алиса и Илья.

Открыл конференцию председатель комиссии по выборам ректора института проректор Козлов. Он предоставил слово секретарю Учёного совета Данилову, который ознакомил присутствующих с порядком проведения конференции. Кандидатов занять вакантную должность ректора было трое: профессор Хромов, профессор Попов и доцент Соловьёв. В таком же порядке они и выступали.

Профессор Хромов подготовил демонстрационные листы, которые позволяли наглядно оценить его деятельность как ректора за прошедшие пять лет. Это было похоже на отчёт о проделанной работе с элементами программы на будущее. Профессор Попов рассказал о современном состоянии системы высшего образования в стране и в мире. Обосновал необходимость создания учебно-методического комплекса в единственном заполярном вузе, функционирующем на территории гигантского по своим размерам и потенциалу Норильского промышленного района.

Алексей Натанович выступал последний. Говорил он, несколько отстранившись от микрофона, и заметно волновался.

— Уважаемые товарищи! Моё выступление после солидных докладов профессора Хромова и профессора Попова покажется вам несколько поверхностным, но сразу хочу ответить на основной вопрос: как я вижу будущее Норильского технологического института? Никак. Норильский институт может продолжать надувать щёки, рассказывать, сколько умных и остепенённых людей работает в его стенах, вводить всякие иностранные термины для характеристики своей работы, но он обречён на регрессивное, а

не на прогрессивное будущее. И эта ситуация будет продолжаться до тех пор, пока Норильским институтом совместно с Норильским комбинатом не будет разработана, создана и реализована на практике всеобъемлющая программа подготовки и использования инженерных кадров в Норильском промышленном районе.

Я не раз говорил о том, что если в институт поступает заведомо слабый, не подготовленный к получению современного высшего образования контингент, то на выходе получается такая же некачественная продукция. Дай бог, чтобы — как говорила моя покойная бабушка — они мосты не строили. Сейчас в обиход нашей жизни вошли термины «бюджетное и платное образование». И мне здесь непонятно, кого мы и, главное, зачем обманываем? Что это за жонглирование словами? Неквалифицированный специалист, получивший диплом инженера, неважно за какие деньги — свои собственные или государственные, — когда-нибудь начнёт работать по своей специальности, и тогда уже ничего нельзя будет исправить. Мы всё время повторяем как мантру, что есть престижные и непрестижные специальности. Да, есть. Более того. Мы знаем, что молодые люди не хотят учиться на этих специальностях, но мы их туда затачиваем. А это кадры для горнодобывающих предприятий, металлургической промышленности, строительных и энергетических объектов. И что, я вас спрашиваю, с этой ситуацией делать? Продолжать набирать на эти специальности тех, кто учился в школе с двойки на тройку, лишь бы выполнить план приёма? А они не только не хотят на этих специальностях учиться, но и в дальнейшем на них работать. Зачем такому выпускнику быть горным мастером, если можно устроиться официантом в ресторане или обменивать деньги в киоске? Не по этой ли причине в стране вообще упразднили систему распределения молодых специалистов? Очень печальная картина. Кстати, я недавно прочитал книгу об истории Петербургского института инженеров путей сообщения. В этот вуз всегда было тяжело поступить, но ещё тяжелее было в нём учиться. Так вот. Выпускники этого института заранее знали, что им предстоит работать в чистом поле. Строить и эксплуатировать железные дороги на ветру и на морозе. И всё равно шли туда поступать, несмотря на высокий конкурс. Вот такого уровня спроса на все специальности нужно достигнуть в нашем институте, а не заниматься демагогией по поводу непрестижных специальностей.

Алексей Натанович вдруг остановился, повернулся к учёному секретарю Данилову и попросил стакан воды. Зал сидел молча и ждал продолжения его выступления.

13.17

— Прошу прощения за паузу. Я проработал деканом факультета нашего института более десяти лет и думаю, что имею право, с учётом своего опыта и знаний, претендовать на должность ректора. Деканат — это самое сложное подразделение вуза. Здесь всё связано в один узел — студенты, преподаватели, кафедры, ректорат, общественные организации, комбинат. Декан, так же как и ректор, должен уметь принимать непопулярные решения и отстаивать их. И здесь я хочу высказать своё мнение по поводу принятия ректором Хромовым решения об упразднении в нашем институте должности проректора по науке. Причина, как объяснил мне сам профессор Хромов, весьма банальна — нет денег на науку. Так вот я с этой трибуны ответственно заявляю: оставлять технический вуз без науки — это безумный шаг. Не может быть качественного обучения студентов без научных исследований и, следовательно, Норильский технологический институт априори не выполняет основную задачу, связанную с подготовкой квалифицированных инженеров. Это прямой обман государства, которое надеется получить от нас современных грамотных специалистов, а получает неизвестно что. Проведение научных исследований — это не только постоянное повышение квалификации самих преподавателей, но и привлечение к научной работе студентов.

Замечу, что ординарных преподавателей, не способных заниматься наукой, преподавателей в высшем учебном заведении, а особенно в нашем заполярном, по определению, не бывает. Ректорату просто нужно к каждому преподавателю найти индивидуальный подход, помочь раскрыться ему на научной стезе. Мне опять возразят — для этого нужны деньги. Да, нужны. Никто с этим не спорит. И поэтому ректор должен, извините за выражение, не вылезать вместе с проректором по науке из приёмной директора Норильского комбината. Я допускаю, что должность ректора не позволяет до такой степени одалживаться, но ситуация требует только такого и никакого другого подхода.

И последнее. Наверное, самое важное. Труд преподавателя института должен оплачиваться таким образом, чтобы ему хватало заработной платы на достойную, подчёркиваю, достойную жизнь. Чтобы он не бегал с работы на работу в мороз и пургу, а полностью отдавал себя одному серьёзному делу. Мы в Норильске живём, а не в Сухуми. Не может преподаватель прийти в институт за пять минут до занятия. Ему нужно хотя бы полчаса, чтобы элементарно согреться. У нас в Москве на кафедре был профессор, который в день своей лекции отменял все другие виды работ. Даже встречи с аспирантами. Настолько серьёзно он относился к своим обязанностям.

В заключение своего выступления хочу поддержать профессора Попова, который отметил, что Норильский технологический институт в своей повседневной деятельности должен соответствовать задачам и результатам работы Норильского комбината. В соответствии с этим, для вскрытия колоссальных научных резервов профессорско-преподавательского состава института, в случае если меня выберут ректором, обязуюсь лично встретиться с каждым преподавателем и задать ему два простых вопроса. Первый: «Ваши научные планы на ближайшие пять лет?» и второй: «Какая помощь необходима для их реализации?». А все красивые слова, попавшие сегодня в наш лексикон с Запада, так и останутся словами, пока мы не научимся спрашивать себя «что нужно сделать, а не зачем это надо?». В нашем институте люди должны мечтать работать, а не попадать сюда от безысходности. Благодарю за внимание.

Конференция по выборам ректора Норильского технологического института проголосовала за избрание на должность ректора профессора Сергея Викторовича Хромова. Алексей Натанович Соловьёв отстал от победителя на восемнадцать голосов.

Глава 14. Докторская степень

14.1

В кабинете Хромова Алексей Натанович Соловьёв не был с того дня, как подал заявление об освобождении от должности декана. За прошедшее время он успел не только защитить докторскую диссертацию на Учёном совете МВТУ им. Баумана, но и пройти утверждение Высшей аттестационной комиссии СССР. Сегодня ректор института должен был вручить Соловьёву диплом доктора технических наук. Хромов выполнял эту миссию добровольно, привозя из Москвы полученные по доверенности документы. Как ему казалось, это делало его причастным к данным радостным событиям.

По традиции церемония вручения диплома была последним пунктом повестки дня, но приглашённый должен был присутствовать на нём с самого начала. Алексей Натанович откровенно скучал, разглядывая обстановку кабинета, в котором раньше бывал много раз. В отличие от кабинета проректора, кабинет ректора был на четыре окна и поражал своими размерами. Помимо огромного письменного стола, к которому примыкала тумбочка с несколькими телефонами, стоял длинный стол для совещания. За ним свободно могли уместиться одновременно до двадцати пяти человек. По углам ректорского кабинета красовались три кадки с фикусами, а напротив окна стоял диван, два кресла и журнальный столик. Завершал композицию большой застеклённый шкаф. Часть шкафа была занята книгами, а часть — подарками, которые получил Норильский технологический институт по разным поводам.

Разглядывая всё это великолепие, Алексея Натановича занимал только один вопрос: зачем большим начальникам нужны большие кабинеты, в которых, как эхо, разносятся голоса людей? Какую они преследуют цель: парализовать волю посетителя его размерами или показать разницу между хозяином кабинета и всяк в него входящим? Человек, в самом деле, пугается такого кабинета и, входя в него, становится, как правило, маленьким и жалким.

Но сейчас Алексею Натановичу вспомнился разговор, который состоялся у него с ректором, когда он попросил предоставить ему очередной отпуск для завершения докторской диссертации.

Написав заявление заранее, он подал его Хромову после обсуждения какого-то рабочего момента.

— Что это, Алексей Натанович?

— Моё заявление. Прошу предоставить мне отпуск для завершения докторской диссертации.

— Какой может быть отпуск в середине учебного года? Вы что? А факультет на кого оставите?

— Обязанности декана можно возложить на методиста факультета Ольгу Владимировну. Она полностью подготовленный для этого человек.

— Нет, не уговаривайте меня. Отпуск я вам могу предоставить не более чем на три месяца, и то присовокупленный к летнему.

— Но летом, Сергей Викторович, в Москве никого на кафедре нет, и мой отпуск будет малоэффективен.

— Не понимаю, что вас не устраивает? Вы выходите в отпуск первого июля и возвращаетесь на работу первого октября. Для работы на московской кафедре у вас есть полный сентябрь. И вообще, вы в курсе, Алексей Натанович, что в настоящее время научная общественность активно обсуждает целесообразность защиты докторских диссертаций в СССР. Ведь нигде в мире, кроме как у нас, нет системы защиты двух диссертаций. Хоть я сам тоже защищал докторскую. Что вы на это скажете?

— Ничего. Думаю, что советская наука должна, во-первых, идти своим путём, а не оглядываться всё время на кого-то. У нас тоже есть чему поучиться. А во-вторых, уж больно мы отличаемся по многим параметрам от всего мира, чтобы равняться по количеству защищаемых диссертаций. Кстати, на Западе весьма положительно относятся к научной деятельности учёного после защиты диссертации. У них это называется «постдокторат», который заканчивается, как правило, серьёзной монографией. Так что между нами и ими, мне кажется, незначительная разница. Больше в названии и процедуре.

— Вы зачем, Алексей Натанович, мне это рассказываете? Вы думаете, что я ничего не знаю о постдокторате?

— Извините, к слову пришлось. Кстати, мой научный руководитель любит повторять: кандидаты должны тянуться за докторами, а не вытягиваться перед ними.

— Красиво сказано. Почему же не все кандидаты становятся докторами наук?

— По моему глубокому убеждению, исключительно из-за лени. Есть кандидаты, которые дадут фору любому доктору. Они просто не хотят заниматься неблагоприятным процессом подготовки и защиты докторской диссертации.

— А вы, значит, хотите?

— Хочу.

— Ну, тогда перепишите, пожалуйста, своё заявление и подайте мне через канцелярию в установленном порядке. И поразмышляйте над моими предложениями.

14.2

Совещание подходило к концу, когда ректор Хромов, расплывшись в улыбке, обнажившей розовые дёсны, радостным тоном объявил:

— А сейчас по поручению Высшей аттестационной комиссии СССР я хочу вручить диплом доктора технических наук нашему уважаемому коллеге Алексею Натановичу Соловьёву и пожелать ему дальнейших успехов.

Ректор вышел из-за стола и направился к Соловьёву. Крепко пожав ему руку, протянул диплом. За ректором с поздравлениями потянулись другие участники совещания — проректоры, деканы, руководители различных подразделений. В числе прочих подошла и Алла Ивановна Доронина, которая во время совещания сидела за большим столом спиной к Алексею Натановичу. Красивая, высокая, элегантно одетая, она как-то по-особенному на него посмотрела.

— Дорогой Алексей Натанович, искренне поздравляю вас с высоким научным званием и желаю всего самого хорошего. У меня к вам только один вопрос: как вы умудрились на своей хлопотной должности написать докторскую диссертацию?

— Большое спасибо, Алла Ивановна, за поздравление. Только диссертации не пишут. Диссертации делают, а пишут романы.

— Неважно. Вы всё равно большой молодец.

Алла Ивановна протянула ему свою маленькую, узкую в запястье правую руку, и Соловьёв, удерживая докторский диплом, попытался её пожать. Ему это почти удалось, но диплом вдруг выскользнул и упал на пол. Поднимая его с пола, Алексей Натанович на мгновение разжал пальцы, но тут же снова ухитрился погрузить ладонь Аллы Ивановны в свою. И тут произошло необъяснимое. Будто сгорел предохранитель в соединяющей цепи и накоротко

замкнул их руки. Алла Ивановна попыталась высвободить свою, но у нее ничего не получилось. Рука Алексея Натановича тоже не слушалась никаких команд. Так они и стояли посреди кабинета ректора, взявшись за руки и обращая на себя внимание окружающих. Выдернув, наконец, свою руку, она шёпотом проговорила какое-то извинение и быстрым шагом направилась к выходу, а Соловьёв продолжал машинально принимать поздравления.

После всех пожеланий и рукопожатий Алексей Натанович вышел в коридор. Щёки его горели. Не понимая, что с ним происходит, он зашёл в туалет и сполоснул лицо холодной водой. Потом спустился на первый этаж и вышел на крыльцо. Мартовский мороз позволил ему простоять раздетым несколько минут, но, к сожалению, этого оказалось недостаточным, чтобы прийти в себя. Снова зайдя в здание института, Алексей Натанович остановился перед доской объявлений. Бессмысленно глядя на доску и ничего там не видя, он пытался понять, что за необыкновенное состояние возникло у него при прикосновении к руке Дорониной? Почему он никогда не испытывал ничего подобного, пожимая руки другим женщинам? Что за ток, которым его неожиданно в этот момент ударило?

Алексей Натанович поднялся на четвёртый этаж и открыл дверь своей кафедры. Кроме Светланы, которая, как обычно, была занята какими-то документами, и говорящего по телефону Кобылянского, там никого не было. Он прошёл вглубь кафедры и сел за свой стол. Перекладывая какие-то бумаги, Алексей Натанович сделал вид, что очень этим озабочен. В результате своих действий привёл всё на столе в полный беспорядок. Но он этого не замечал, силясь посекундно вспомнить, что же с ним произошло в кабинете ректора. К большому сожалению, в его сознании запечатлился только миг, когда Алла Ивановна буквально вырвала свою руку из его, прекратив тем самым неприятный для неё контакт. Вывод напрашивался только один: своим безобразным поведением он не только поставил серьёзную женщину в неловкое положение, но и навсегда испортил с ней отношения. Такое поведение приличные люди не прощают.

14.3

Прошло два месяца. С Дорониной Соловьёв больше нигде не встречался. В его преподавательской деятельности общих с ней дел не было. В институтскую столовую Алексей Натанович тоже не хо-

дил, так как обедал дома. Работали они в разных частях огромного институтского здания, поднимаясь по разным лестницам на свои этажи — она по правой стороне, он по левой. Общественные мероприятия, где им можно было бы пересечься, в перестроечные времена практически прекратились. Даже партийные собрания — в связи с непонятным статусом партийной организации — не проводились. И тем не менее одно мероприятие — с точки зрения встречи с Аллой Ивановной — Алексея Натановича весьма заинтересовало.

Это было общее собрание студентов и преподавателей института по выдвижению кандидатов в народные депутаты СССР по Норильскому избирательному округу. Когда Алексей Натанович зашёл в актовый зал института, свободных мест уже не было. Кто-то из студентов уступил ему свое место в середине шестого ряда. Оглядевшись по сторонам, Алексей Натанович заметил Доронину. Она сидела в третьем ряду наискосок от него. Ему было хорошо её видно — собранный на затылке золотистый пучок волос, перехваченный дорогой заколкой, и правое ухо со сверкающей бриллиантовой серёжкой. Алла Ивановна производила впечатление довольной жизнью женщины, которую ничего, по большому счёту, не интересует. Алексей Натанович всё собрание просидел, не отрывая от неё взгляда. Алла Ивановна несколько раз поёжилась, но ни разу не оглянулась назад.

За несколько минут до окончания собрания Алексей Натанович незаметно вышел из зала, чтобы не попасться ей на глаза.

14.4

Это было 22 мая 1991 года. До начала весенней сессии оставалась ещё неделя и Алексей Натанович решил использовать это время для командировки в Красноярск. Он зашёл в отдел кадров института за своим командировочным удостоверением и в журнале записей убытия увидел: «Доронина А. И., город Красноярск. Срок командировки — с 17 по 24 мая 1991 года». Его опалило жаром. Так как он вылетает в командировку завтра, то есть возможность пересечься с Аллой Ивановной. Найти её там не представляет большого труда, так как все норильчане останавливаются, как правило, в ведомственной гостинице Норильского комбината «Север». Поменять билет с завтрашнего дня на сегодняшний было абсолютно

невозможно. Майские рейсы из Норильска во всех направлениях всегда вылетают с полной загрузкой. Это время, когда норильчане целыми семьями убывают на всё лето в отпуск. Придётся лететь своим рейсом.

Самолёт из Норильска приземлился в Красноярске в четыре часа дня. Памятуя о наставлениях, которые в своё время он получил от заведующего лабораториями кафедры Витька, Алексей Натанович вышел из самолёта одним из первых. Небольшой чемодан в одной руке, плащ в другой. На выходе из здания аэропорта Емельяново стояло несколько свободных такси. Сейчас далеко не все пользуются, ввиду его дороговизны, этим видом транспорта. Поездка до гостиницы «Север» заняла сорок минут. У стойки администратора толпилось несколько человек. Чтобы не терять время на очередь, Алексей Натанович прошёл в буфет ресторана при гостинице и купил там красиво упакованную в целлофан подарочную корзину. В корзине лежала бутылка армянского коньяка, коробка шоколадных конфет и два больших апельсина. Когда он вернулся к стойке, очереди уже не было. Администратор гостиницы, женщина средних лет, приветливо ему улыбнулась.

— Здравствуйте. Дежурный администратор Васильева. Слушаю вас внимательно.

— Здравствуйте. Я профессор Соловьёв из Норильска. Мне нужен одноместный номер.

— К сожалению, уважаемый профессор, в нашей гостинице свободных одноместных номеров нет. К тому же у вас бронь на одно место в двухместном номере.

— Тогда я беру весь номер.

— Так там ведь две кровати? — Приветливость с лица женщины почему-то сразу исчезла.

— Я готов оплачивать обе кровати.

— При настоящем дефиците мест в гостинице для этого вам нужно получить разрешение заместителя директора гостиницы.

— Зачем? Ведь я плачу за весь номер.

— Таков порядок.

Женщина с укоризной смотрела на Соловьёва. Ей было совсем непонятно, зачем платить деньги за пустую кровать. Что за блажь? Ну да ладно, этим гостям из Норильска виднее. У них, как известно, шальные северные деньги.

После разговора с заместителем директора гостиницы и опла-

ты номера за пять дней вперёд Алексей Натанович получил ключи от 208-го номера. Номер был достаточно просторный и не совсем стандартный. Большая прихожая с вешалкой и зеркалом, из которой был вход в комнату с одним окном, выходящим во двор. В комнате стояли две односпальные кровати, стоящие вдоль разных стен на почтительном расстоянии друг от друга, а также круглый стол с двумя стульями и платяной шкаф. Алексей Натанович разложил по полкам в шкафу свой скромный гардероб. Потом пошёл в ванную, принял душ и побрился. Хотя то и другое уже делал сегодня утром дома в Норильске. После этого освежился дорогим одеколоном с непонятно на что намекающим названием «Для тебя» и тщательно причесался перед зеркалом. Решив надеть светло-голубую рубашку и галстук в крупную полоску, в последний момент обнаружил, что костюм, в котором просидел несколько часов в самолёте, изрядно помят. Идти искать утюг и гладить брюки не было времени. Поэтому вместо костюма Алексей Натанович надел тёмно-коричневую тенниску с короткими рукавами, джинсы и спортивные туфли. Посмотрев в зеркало, он таким понравился себе даже больше, чем в традиционном пиджаке и рубашке с галстуком. На часах уже было половина седьмого вечера, а он ещё даже не узнал, в каком номере гостиницы оставилась Алла Ивановна Доронина.

14.5

Алексей Натанович быстро спустился в фойе. У стойки, где он оформлял номер, была уже другая женщина, безразлично взглянувшая на него.

— Извините, я хочу узнать, в каком номере проживает Доронина Алла Ивановна из Норильска.

— Одну минуту, сейчас посмотрю по журналу гостей. Вот, нашла: номер 310.

— Благодарю вас. А скажите, где в Красноярске можно купить цветы? — поинтересовался у неё Алексей Натанович.

Необычный вопрос о цветах администратору, видимо, очень понравился, так как она с удовольствием начала подробно на него отвечать:

— Днём можно купить в цветочном магазине, но он работает до шести часов. А вечером только на рынке, у спекулянтов. Ещё цветы

продаются в киоске на первом этаже Центрального универмага. Но, к сожалению, они не всегда там бывают.

— Спасибо. Вы очень любезны.

Ехать за цветами на рынок и терять, как минимум, час дорогого времени не хотелось. Вернувшись в свой номер, Алексей Натанович достал из подарочной корзины бутылку коньяка, коробку конфет и выставил их на стол. Рядом с ними пристроил большие оранжевые апельсины. Осмотрев шкаф и не найдя там рюмок, принёс из ванной два гранёных стакана. Другой посуды в номере не было. Полюбовавшись со стороны своим натюрмортом, поправил скатерть и плотно придвинул к столу оба стула. После этого внимательно оглядел номер и убрал чемодан в шкаф, плотно закрыв его створки. Ещё раз обошёл комнату, стараясь не пропустить какую-нибудь мелочь. Поправил покрывало на кровати. Потом подошёл к окну и наглухо задёрнул тяжёлые шторы, практически не пропускавшие свет.

Алексей Натанович понимал, что он всеми способами оттягивает момент, когда должен выйти из своего номера и подняться по лестнице на третий этаж. От этих мыслей его ноги стали ватными и в груди что-то заныло. К последнему выражению Алексей Натанович всегда относился как к фигуре речи, но нытьё это, оказывается, на самом деле существует — необъяснимое удручённое состояние организма, с которым необходимо быстро справиться. Слабость была не только в ногах, но и во всём теле. Хотя, как он прекрасно сознавал, это была не слабость. Это был страх, который никогда в своей жизни не испытывал. Он, зрелый мужчина, и вдруг испугался? И кого? Женщины, которой бредит во сне? О встрече с которой мечтает много лет? Женщины, которая сейчас находится на расстоянии одного этажа от него? Да это уже клиника. Ему лечиться надо, а не думать о любовных авантюрах.

И опять в голове мелькнула спасительная мысль: а может, всё-таки смотаться на рынок за букетом цветов? От страха и пустых вопросов Алексей Натанович снова вспотел. Он снял тенниску и пошёл в ванную. Там ополоснул лицо и грудь холодной водой. Насухо вытерся полотенцем и глянул в зеркало. Оттуда на него смотрел жалкий и слабый человек, который непонятно зачем всё это затеял.

Алексей Натанович стоял, с сожалением созерцая своё отражение, и тут с ним что-то произошло. Взгляд стал жёстким и требовательным, как будто кто-то из глубины зеркала отчётливо, не терпя-

щим возражения тоном, сказал: «Не будь идиотом! Учти, если ты сейчас спасуешь, то до конца своих дней не простишь себе этого. Никаких слюней, никаких сомнений. Только вперёд».

14.6

Номер 310 был на третьем этаже почти над ним. Алексей Натанович подошёл к двери и постучал. Дверь открыла незнакомая молодая женщина.

— Извините, мне нужна Алла Ивановна Доронина.

— Она куда-то ушла.

— Не сказала, когда вернётся?

— Нет, не сказала. Может, ей что-то нужно передать? Я её соседка Света.

— У вас, Света, не найдётся листка бумаги? Я напишу Алле Ивановне записку.

— Конечно, найдётся. Да вы проходите — что стоите в дверях? Даже неудобно как-то.

— Нет-нет, спасибо. Я здесь постою.

— А если желаете, подождите Аллу в комнате.

— Нет, большое спасибо. Я только напишу ей записку.

После ухода мужчины, не пожелавшего даже зайти в номер, Света сразу развернула записку. В ней было всего три бессвязных слова: «Жду. 208. Я».

Никогда в своей жизни Алексей Натанович не следил за тем, как течёт время. Ему это было не интересно. Он его просто не замечал. А сейчас каждая секунда гулко отдавалась в голове, как будто кто-то бил ему по темени тяжелой кувалдой. Встречая в литературе образное описание времени — летит, ползет, стоит на месте, — он прекрасно сознавал, что это происходит только в сознании человека. Но сейчас Алексей Натанович был категорически не согласен с этой аксиомой. Он не хотел, он больше не имел сил ждать реализации мечты, которая не оставляла его в покое уже много лет.

Через каждые пять минут он тупо смотрел на свои часы. Было впечатление, что они стоят. Один раз он даже сильно встряхнул их, но стрелки не ускорили свой ход. И тут его снова, как полчаса назад, охватил страх. А если она сегодня, в последний вечер своей командировки, вообще не придёт ночевать в гостиницу? У неё ведь могут быть в Красноярске друзья, родственники, хорошие

знакомые. Она может остаться у кого-то из них ночевать. Алексей Натанович чувствовал, что сейчас просто заорёт, завоюет как раненый зверь. От отчаяния он так сильно сцепил руки, что побелели косточки пальцев.

Он начал ходить кругами по гостиничному номеру, постепенно убыстряя темп. Потом сел на стул и тупо уставился на бутылку с коньяком. Через полчаса со стула пересел на кровать и... сразу задремал. Сказался перелёт из Норильска в Красноярск.

Ему снилось, что в номер врывается дежурный администратор гостиницы Васильева и, не закрыв за собой дверь, с перекошенным от злости лицом громко кричит на весь коридор: «Я разрешила вам занять вторую кровать как профессору, а не приводить ночью в номер кого попало. Есть строгий приказ гостиничного начальства, категорически запрещающий делать это».

На этих убийственных словах администратора Алексей Натанович проснулся. Часы показывали без двадцати девять. Он проспал меньше часа.

А ещё через несколько минут раздался тихий стук в дверь. Это была она, Алла Ивановна Доронина, его недосыгаемая звезда. Счастливая, румяная, не успевшая даже снять с себя плащ, она без слов повисла у Алексея Натановича на шее. Он еле успел подхватить её и удержать. А она впилась своими губами в его губы. Казалось, что сейчас ничто не может оторвать их друг от друга и поцелуй будет продолжаться вечно.

Отстранившись от него на миг, она тихо прошептала:

— Потуши свет.

14.7

Алексей Натанович нащупал выключатель. В комнате сразу стало совершенно темно. Не отпуская Аллу Ивановну ни на секунду, он стал пятиться в глубину комнаты по направлению к кровати. Она не сопротивлялась и только всё время повторяла:

— Мальчик мой любимый. Дождалась. Чудо-то какое.

А он целовал её и раздевал, не успевая вставить ни единого слова. Целовал и раздевал.

Они лежали на узкой односпальной кровати обычного гостиничного номера, крепко прижавшись друг другу. В полной темноте и абсолютной тишине. Вся гостиница спала и не догадывалась о

долгожданном, выстраданном в течение долгих лет счастье двух достойных людей.

И тут она заговорила, тихо-тихо, только чтобы он слышал:

— Запомни, Алёша, на всю жизнь. Интуиция женщины — это великая неземная сила. Я знала, что ты сегодня приедешь, и поэтому раньше обычного вернулась в гостиницу.

— Не может быть, — прошептал он в ответ.

— Может. Я вообще всё знаю про нас с тобой на многие годы вперёд.

Она замолчала, а потом почему-то беззвучно заплакала. А он, не задавая никаких вопросов, осушал её слёзы своими поцелуями.

Алексей Натанович проснулся от её взгляда. Подперев голову рукой, Алла Ивановна с какой-то глубинной теплотой смотрела на его лицо сквозь беспорядочно рассыпанные пряди волос. Как будто хотела что-то увидеть там новое, неизвестное и надолго запомнить. Её потрясающей белизны тело светилось в темноте гостиничного номера. Без очков она казалась совершенно беспомощной и очень молодой. Он потянулся к ней и нежно поцеловал в плечо.

— Крепкие у вас нервы, Алексей Натанович. Смотрю на вас влюблёнными глазами уже больше получаса, а вы спите и никак на это не реагируете.

— Да? А я не чувствовал вашего взгляда, Алла Ивановна.

— Восхищённого взгляда. Вы, мужчины, много чего в жизни не чувствуете. Природа распорядилась на ваш счёт таким удивительным образом, чтобы не отвлекать от серьёзных государственных дел.

— И это правильно, любимая моя. Природа мудра. Она ничего не делает зря. Вы к ней, милые женщины, время от времени прислушивайтесь.

— В каком плане прислушивайтесь? Да мы с ней никогда не расстаёмся. Это наше естественное состояние. Ведь женщины живут чувствами, а мужчины — страстями.

— Молодец, нашла, чем уколоть мужчин. А чем плохо быть страстным? Который сейчас, кстати, час?

— Уже десять утра.

— Десять утра? А мы с вами ещё не завтракали.

— Так мы ещё и не ужинали. Вон на столе стоит весь ваш, Алексей Натанович, нераспечатанный боекомплект: коньяк, конфеты, апельсины. Основательно вы подготовились к штурму новой женщины. Вы так всегда поступаете?

— Всегда. А что в этом плохого? К женщине необходимо найти подход, а не лезть напролом. Она сама, после рюмки хорошего коньяка, вам его подскажет. Или, по вашему мнению, так не следует поступать?

— Почему не следует? Следует, но не во всех случаях.

— А в каких случаях, душа моя, следует, а в каких нет? Я в этом не очень разбираюсь.

— Это вы уж сами, дорогой Алексей Натанович, сообразите. Без моей подсказки. А теперь скажите мне, почему вас вдруг потянуло налево?

— А вас почему?

— Не хотите отвечать, не надо. Тогда я вам скажу. Дело в том, что я в вас давно влюблена. С самого первого дня, как увидела. В вас, Алексей Натанович, много естественного, мужского, что в сочетании с природным обаянием встречается не так часто.

— Согласен, продолжайте, Алла Ивановна, — попытался перевести разговор в шутку Соловьёв.

— С чем это вы согласны?

— С тем, что вы сейчас сказали обо мне. Мой папа любил повторять одну поговорку: уступи женщине в малом, чтобы потом ещё раз уступить в большом.

— Умный у вас папа, Алексей Натанович. А что в высказывании вашего папы означает большое, а что малое?

— Малое — это то, что вы мне безумно нравитесь, Алла Ивановна. Давно нравитесь.

— А большое?

— А большое — что мне ужасно хочется кушать.

— Ах вы обманщик, Алексей Натанович. Я приготовилась услышать от вас что-нибудь приятное, а вы выставляете напоказ свои мужские инстинкты.

— Простите меня, любовь моя. Обещаю подумать над этой проблемой. Вы лучше мне скажите, какие у вас на сегодня планы?

— Планы очень простые — провести с вами, мой повелитель, весь день. До самого вечера. Я вчера, как чувствовала, закрыла свою командировку. Единственное, что мне нужно сделать, так это пойти собрать свои вещи и перенести чемодан к вам в номер. Если вы, конечно, не возражаете. Да, ещё спуститься на первый этаж и отдать ключ от номера администратору. А у вас какие на сегодня дела, позвольте узнать?

— А у меня только одно дело — сегодня и до конца своих дней любить вас. Пока вы меня не бросите.

— И не надейтесь, Алексей Натанович. Я вас никогда не брошу. Вы всегда были, есть и будете в моей жизни. У меня, кстати, на работе, в ящике письменного стола, лежит ваша фотография. Когда я прихожу на работу, я выдвигаю ящик стола и здороваюсь с вами. Когда ухожу — прощаюсь. Я с вами всё время в течение дня разговариваю, советуюсь по всем вопросам и просто люблюсь.

— А как и когда к вам попала моя фотография?

— Точно не помню. Лет десять назад.

— Это не годится.

— Почему не годится?

— Потому что это старая фотография. Она не соответствует моему нынешнему статусу.

— Какому статусу?

— Статусу профессора.

— Помилуйте, уважаемый. О каком профессоре может идти здесь речь? Вы навечно останетесь в моей памяти робким, жалким преподавателем, который пришёл ко мне в кабинет много лет назад посоветоваться, как вести себя со студентами. Это была незабываемо увлекательная беседа.

— Обижаете, Алла Ивановна. Я уже тогда был старший преподаватель.

— Хорошо, пусть будет старший преподаватель. Я обязательно учту ваше замечание и найду другую фотографию, отвечающую настоящему моменту. А вообще, вы зря волнуетесь, Алексей Натанович. Без вас и вашей фотографии я всё равно уже никогда не смогу жить.

14.8

Алла Ивановна и Алексей Натанович со смехом продолжали называть друг друга по имени-отчеству, как будто прошедшей ночью ничего между ними не было. Как будто они не признались друг другу в большой и искренней любви.

— Ну так что, Алексей Натанович, вы не возражаете против того, чтобы я оставила вас на часок?

— Нет, конечно, Алла Ивановна. Тем более что вы меня об этом заранее уведомили. Правда, я буду за вами очень скучать. Скорее возвращайтесь.

— Как банально, уважаемый профессор, вы сформулировали своё трогательное отношение ко мне. Утешьтесь апельсинчиком и ждите. Всё пройдёт. И это тоже, как сказал царь Соломон.

Алла Ивановна ушла. Алексей Натанович быстро убрал кровать, принял душ и побрился. На часах было без десяти одиннадцать. Он спустился на первый этаж в ресторан. Его входная дверь была закрыта, хотя сквозь матовое стекло были видны движущиеся силуэты людей. Алексей Натанович аккуратно постучал, но прошло несколько минут, прежде чем на его стук обратили внимание.

— Извините, молодой человек, но ресторан до двенадцати часов закрыт, — строгим голосом сообщил официант, приоткрыв дверь.

— Я хочу заказать обед в номер. С кем можно по этому поводу переговорить.

— Одну минуточку, я сейчас узнаю. — Официант ушёл, но ненадолго. — Пройдите, пожалуйста, в кабинет метрдотеля ресторана. Вас там ждут.

Метрдотелем оказалась молодая симпатичная женщина в чёрном костюме и белой блузке с жабо. На лацкане её пиджака красовалась карточка: «Светлана Фёдоровна Солдатова. Менеджер зала».

— Здравствуйте, уважаемый гость. Чем могу быть вам полезна?

— Здравствуйте, уважаемая Светлана Фёдоровна. Я бы хотел заказать в свой номер обед на две персоны по высшему разряду. Дело в том, что у меня сегодня очень знаменательный день. День моего признания в любви одной прекрасной женщине. Поэтому прошу вас обставить этот обед аксессуарами в соответствии с рангом данного события.

— Позвольте узнать ваши имена и номер комнаты.

— Алла Ивановна и Алексей Натанович. Номер 208.

— Будете смотреть меню, Алексей Натанович?

— Нет, всё на ваше усмотрение.

— К какому часу подать обед?

— К двенадцати.

— Не волнуйтесь. Всё будет исполнено в лучшем виде.

14.9

Они подошли к 208-му номеру почти одновременно — Алла Ивановна и Светлана Фёдоровна. На стук в дверь раздался бодрый голос Алексея Натановича:

— Входите, открыто. Прошу вас, Светлана Фёдоровна, хозяйничайте. А это моя любимая женщина — Алла Ивановна. Познакомьтесь, пожалуйста.

— Очень приятно, но я только на минутку, Алексей Натанович. Расстелю на столе скатерть и поставлю вазу с цветами. Остальное всё сделают официанты.

Официантов было двое — один пожилой, уже явно пенсионного возраста, другой совсем молодой. Пожилой немногословно руководил действиями молодого, который только подносил блюда. Расставлял их пожилой, виртуозно работая руками в белых перчатках. Стол в центре комнаты был сервирован посудой из дорогого сервиза. Рядом с тарелками лежали серебряные приборы с какими-то вензелями и фирменные льняные салфетки. К большому столу официанты подкатили маленький столик на колёсиках, посередине которого сверкало ведро с шампанским во льду, а по бокам свисали два белоснежных полотенца. Всё было очень красиво и богато.

Официанты выполнили свою работу и ушли, а в комнату снова зашла Светлана Фёдоровна.

— Дорогие гости, приятного вам аппетита. Второе блюдо принесём в час дня, а десерт — в половине второго.

Когда за метрдотелем закрылась дверь, Алла Ивановна со смехом спросила:

— Алексей Натанович, а скажите, пожалуйста, в связи с чем нас обслуживают как членов Политбюро?

— Я честно сказал Светлане Фёдоровне, что сегодня самый счастливый день в моей жизни — признался одной замечательной женщине в любви и хочу заказать по этому поводу изысканный праздничный обед.

— И всё?

— И всё. Лучше правды ничего в жизни нет. Это самый короткий путь к достижению любой намеченной цели.

— Дорогой мой, любимый Алексей Натанович, это уже не правда. Это посвящение посторонних людей в самые интимные стороны нашей с вами жизни. Я не хочу, чтобы в сегодняшнем празднике участвовал кто-то ещё, кроме нас. Мне стоило чересчур много душевных сил, чтобы открыть вам свои объятия. Я не хочу ни с кем, слышите, ни с кем делиться своим маленьким человеческим счастьем.

Все эти слова Алла Ивановна произнесла на одном дыхании, а в конце своего короткого страстного монолога снова расплакалась. Всхлипывая и шмыгая носом.

Не зная, что ответить, Алексей Натанович молча утирал ей слёзы своим платком.

— Успокойтесь, дорогая моя. Понятно, что женщины умнее и тоньше нас, мужчин. Сейчас вы в очередной раз преподали мне урок. Я же хотел сделать как лучше. Простите меня, любимая. Я буду просить у вас прощение всю жизнь. Позвольте мне предложить вам бокал шампанского. За нас.

Рейс у Аллы Ивановны был ночной. В восемь часов вечера пришло такси, чтобы отвезти её в аэропорт. Алексей Натанович вынес чемодан и поставил в машину. Затем расплатился с водителем и попросил немного подождать. Расставались они долго, не в силах оторваться друг от друга.

— Ну, всё, Алексей Натанович, всё. Я пошла. Вы мне не звоните. Я вас сама найду. Будьте счастливы.

14.10

Из очередного отпуска Алексей Натанович вернулся в Норильск к началу учебного года. Настроение было отвратительное. От Аллы Ивановны не было никаких известий. В мозгу почему-то всё время крутились её последние слова, сказанные при расставании: «Будьте счастливы».

Он не находил себе места. Однажды даже решился подойти к её двери и дернуть за ручку. Дверь кабинета Аллы Ивановны была заперта.

А через несколько дней на кафедре раздался телефонный звонок. Секретарь Светлана взяла трубку.

— Вас, Алексей Натанович. Приятный женский голос.

— Слушаю, Соловьёв.

— Здравствуйте. Я подруга Аллы Ивановны Дорониной. У меня для вас от неё письмо. Как мы можем встретиться, чтобы я вам его передала?

— Как вам удобно.

— Тогда давайте сегодня в зале первого почтового отделения. В шесть часов вечера. У меня на голове будет берет белого цвета.

От института до первого почтового отделения неторопливым

шагом было не более пятнадцати минут, но Алексей Натанович плёлся около часа, загребая ногами осеннюю норильскую грязь. По дороге зачем-то зашёл в кафе, хотя есть не хотелось. Полистал красочное меню и снова вышел на улицу. Стоя за оградой стадиона, понаблюдал за тренировкой местных футболистов. Он всеми возможными способами старался оттянуть момент встречи с подругой Дорониной, интуитивно чувствуя, что она несёт ему негативную информацию. Он словно шел за «похоронкой», которую ему должны, хочет он того или нет, непременно сегодня вручить.

Женщина в белом берете уже была в зале. Она одиноко стояла около высокого стола, за которым обычно заполняют почтовые отправления. Алексей Натанович медленно направился к ней.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, Алексей Натанович.

— Мы разве с вами знакомы?

— Нет, но однажды я видела вас по телевизору. Меня зовут Рита. Вот письмо Аллы Ивановны. Не знаю, что там написано, но она попросила меня всё передать вам на словах. У неё самой не было никаких сил подробно написать.

Рита на несколько мгновений остановилась, но потом продолжила:

— Летом она уехала из страны.

— Как уехала? Куда? — охнул Алексей Натанович, чувствуя, что всё плывёт у него перед глазами. Ему вдруг стало очень холодно, словно кровь покидала тело. В особенности голове. Как будто кто полил её на морозе водой и вода сразу превратилась в лёд.

— Она уехала в Израиль. Дело в том, что ещё год назад Алла Ивановна хотела уйти от мужа, но он уговорил её этого не делать.

— Почему хотела уйти от мужа? И зачем в таком случае уезжать в Израиль? — одними губами произнес Алексей Натанович.

— Алла Ивановна сказала мужу, что давно любит вас и поэтому не может продолжать жить с ним. У них дома был страшный скандал. Муж хотел пойти в институт, чтобы выяснить с вами отношения.

— Ну, и почему не пошёл?

— Она дала согласие уехать с ним и детьми на постоянное место жительства. Попытаться начать в Израиле новую жизнь и всё забыть.

— Вы сказали, что Алла Ивановна давно собиралась уйти от мужа. Но я несколько месяцев назад встречался с ней в Красноярске, и она ничего о своих планах не говорила.

— Ваша встреча с Аллой Ивановной уже ничего не могла изменить. Все документы на отъезд были оформлены заранее.

— Вы знаете её новый адрес?

— Нет, не знаю. Возьмите, пожалуйста, письмо и извините, что принесла вам скорбные вести.

— От кого-то я всё равно должен был их услышать.

— Извините, Алексей Натанович, вас не интересует, кто муж Аллы Ивановны?

— Нет, не интересует. Всего хорошего.

— До свидания.

Рита ушла, а Алексей Натанович продолжал стоять у стола первого почтового отделения. Перед ним лежал аккуратный белый конверт, который она ему оставила. На конверте ничего не было написано. Ни с одной, ни с другой стороны. Его можно было не вскрывать. Просто взять и бросить в урну. Или потерять. Любой человек, нашедший письмо, всё равно бы ни о чём не догадался.

Конверт был заклеен. Алексей Натанович аккуратно надорвал край. На тетрадном листке круглым ученическим почерком было написано: «Теперь ты всё знаешь. Я очень тебя люблю. Не ищи меня».

Через три года Алексей Натанович Соловьёв был избран по конкурсу профессором кафедры МВТУ им. Баумана и уехал с женой Алисой из Норильска. По рекомендации своих норильских друзей они сначала купили трёхкомнатную квартиру в девятиэтажном доме в городе Протвино Московской области. Дом стоял в тихом месте. Окна двух комнат выходили на лес, что полностью соответствовало их жизненной мечте. После отъезда Алиса больше нигде не работала, ожидая выхода на пенсию. А ещё через год они продали свою квартиру в Протвино и купили четырёхкомнатную квартиру в Москве.

Глава 15. Обретение счастья

15.1

Сейчас Алексей Натанович Соловьёв жил один. Его жена, Алиса Батуева, умерла в 1996 году, не дожив до выхода на норильскую пенсию буквально нескольких дней. Умерла от рака кожи. Врач, наблюдавший её последний год, объяснил Алексею Натановичу, что в смерти жены виновато южное солнце. После морских купаний Алиса всегда любила подолгу загорать — всё хотела выглядеть молодой, свежей, привлекательной и нравиться мужу. Но дело в том, что буряты могут загорать только лицом, а не телом. Сотни лет они кочевали по степи, подставляя лицо солнцу и ветру, а тело прятали под одеждой. Загар для Алисы оказался губительным. Их сын, Виктор Соловьёв, окончил Санкт-Петербургский военно-морской институт и был направлен на военную службу в Северодвинск, на подводный флот.

Ранним мартовским утром 2013 года в квартире профессора Соловьёва раздался телефонный звонок международной связи.

— Извините, пожалуйста, за беспокойство. Можно говорить с Алексеем Натановичем Соловьёвым?

— Слушаю вас.

— Я звоню из Израиля. С ведома Аллы Ивановны Дорониной, которая дала мне этот телефон. Я хочу написать вам письмо. Для этого мне нужен ваш почтовый адрес.

— Ничего не понял. А почему Алла Ивановна сама не может мне позвонить, а поручает это вам? Вы, собственно говоря, кто такой?

— Я её сын. Вы меня ещё раз извините. Быстро говорите, пожалуйста, свой адрес, а то нас сейчас перервут.

И Алексей Натанович продиктовал свой почтовый адрес незнакомому молодому человеку. Судя по тому, как тот старательно выговаривал слова, русский язык был для него не родной. Более того, создавалось впечатление, что он вообще читает по бумажке заранее написанный текст. А рядом с ним кто-то стоит и подсказывает их произношение.

Алексей Натанович положил телефонную трубку и почувствовал, что у него вспотели руки. Спустя более чем двадцать лет он впервые услышал, что на белом свете где-то есть Алла Ивановна

Доронина. Алексей Натанович искал глазами стул, чтобы присесть. Не найдя стул, прилёг на диван. А в голове один вопрос теснил другой. Почему не сама Алла Ивановна говорила с ним по телефону? Почему она поручила сказать самые первые после двадцатилетней разлуки слова какому-то чужому парню? Неужели до сегодняшнего дня она думает, что он на неё смертельно обижен? Не хочет его ни слышать и ни видеть? Да он готов хоть сейчас идти к ней пешком, лишь бы позвала. Сказала бы несколько слов своим удивительным бархатным голосом. Этого было бы вполне достаточно, чтобы он сразу оказался у её ног.

И всё же Алексей Натанович ликовал. Она его не забыла, хоть и не подошла сама к телефону. Дала, в конце концов, о себе знать, где-то найдя его номер. Оставалось только ждать письма от этого незнакомого молодого человека, а дальше появится ниточка, которая приведёт его к любимой женщине.

Алексей Натанович вдруг впервые в жизни почувствовал тупую боль в груди. Правда, очень далёкую и почему-то с правой стороны. Он пошёл на кухню и стал перебирать в ящичке лекарства, которые иногда покупал в местной аптеке. Однажды он попросил Валентину Александровну, приходившую убирать его квартиру, выбросить в мусоропровод всё содержимое этого ящичка, но та спокойным тоном посоветовала ему этого не делать.

— Вы меня извините, Алексей Натанович, но мужчине за шестьдесят это может в какой-то момент очень пригодиться.

— Вы же знаете, Валентина Александровна, что я занимаюсь спортом и веду здоровый образ жизни.

— Как раз такие люди, как вы, и попадают внезапно в тяжёлую ситуацию.

— Будем надеяться, что со мной это не случится.

— Надеемся, Алексей Натанович, надеемся. А вообще, похорошему вам давно уже следует жениться.

— Ну, зачем вы об этом говорите, Валентина Александровна? Эта тема для меня закрыта раз и навсегда.

И тут этот звонок из Израиля. С одной стороны — радостный, а с другой — тревожный. Звонок, который может изменить его жизнь к лучшему, а может её окончательно угробить.

15.2

По три раза на дню Алексей Натанович открывал свой металлический почтовый ящик. Постукивал по нему, заглядывал внутрь, но письма из Израиля не было. Прошло уже более двух недель, как он разговаривал с неким молодым человеком по телефону. По всем расчётам оно уже должно было придти. Алексей Натанович даже сходил на почту и предупредил служащего, что ждёт очень важное письмо из-за границы. В голову лезли разные дурные мысли: вдруг этот парень раздумал писать или письмо потерялось в пути. Ведь он не предупредил отправителя, что в Россию письма нужно обязательно посылать заказной почтой. Ему оставалось только ждать и перестать нервничать. Но это были только благие намерения — настроение было ужасное. И если раньше Алексей Натанович мог перебить тоску или какие-то жизненные неприятности занятием научной работой, то сейчас и это не помогало.

И вот оно пришло. В конверте необычной формы с большой красивой маркой. Адрес — прямой и обратный — был написан на английском языке. Только внизу конверта значилось по-русски «Россия», а рядом в скобках по-английски — «Russia».

Алексей Натанович дрожащими руками аккуратно вскрыл долгожданный конверт. Внутри него лежал лист бумаги, исписанный сверху донизу корявым почерком на русском языке. Некоторые слова в письме были выведены печатными буквами. Это свидетельствовало о том, что писавший изо всех сил старался. Он очень хотел, чтобы его правильно поняли. Алексей Натанович быстро пробежал письмо глазами от начала до конца, а потом стал читать вслух, проговаривая каждое слово.

«Здравствуйте, глубокопочитаемый Алексей Натанович!

Обращаюсь к вам настоящим письмом, так как не могу больше эту информацию носить в себе и скрывать её от вас.

Меня зовут Натан. Мне 21 год. Я родился 17 февраля 1992 года в Израиле. Моя мама — Алла Ивановна Кауфман. Вы её раньше знали как Аллу Ивановну Доронину. Она мне сказала, что вы — мой биологический отец.

Неделю назад я окончил службу в израильской армии. Это очень серьёзно и почётно. В Израиле принято после армейской службы перед учёбой в университете путешествовать по миру. Я тоже

раньше собирался поехать на три месяца в Индию. Но когда узнал о вашем существовании, решил это время провести в России. Хочу увидеть своими глазами родину моей любимой мамы и познакомиться с вами.

Вы меня извините, что я так активно набиваюсь к вам в гости, но у меня никогда не было настоящего отца. Мама с господином Кауфманом разошлась в Израиле, когда мне не было ещё трёх лет. У него уже давно другая семья.

Сейчас, когда я знаю всю правду, мне требуется сделать выбор — кого считать своим отцом: господина Кауфмана, который дал мне свою фамилию, или вас, который дал мне жизнь. Думаю, что вы меня правильно поймёте и положительно отнесётесь к моему желанию приехать в Москву.

Я неплохо говорю, правда, с ошибками, по-русски, так как дома все говорили с мамой всегда на русском языке. Умею немного хорошо писать и читать. У нас дома много русских книг. Когда я учился в школе, то познакомился с Достоевским и Толстым. Но мне больше нравится Лермонтов и Паустовский. Чтобы не нагружать вас своим слабым русским, можно нам общаться на английском, который я знаю вполне прилично. Два года подряд учился в Англии в летней школе.

Ещё раз прошу извинить меня за беспокойство.

В конце своего письма открою вам маленький секрет. Письмо прочитала и исправила все ошибки моя мама.

С искренним пожеланием здоровья

Натан Кауфман

26 мая 2013 года

Р. С. Извините, что не сообщаю наш номер телефона. Не хочу, чтобы вы звонили в Израиль и расстраивали мою маму».

15.3

Алексей Натанович уже в пятый раз читал это наивное, но очень тёплое письмо, одна страничка которого вместила в себя огромную человеческую трагедию, разыгравшуюся много лет назад в Норильске, в одной благополучной советской семье. В центре этой трагедии оказалась замечательная женщина, принесшая себя и свою жизнь в жертву высокой любви. Много лет спустя эта женщина нашла в себе силы рассказать своему взрослому сыну, про-

шедшему очень непростую воинскую службу, кто его настоящий отец. И сейчас этот молодой человек, узнавший новость, способную сбить с ног взрослого мужчину, доверчиво спрашивает своего биологического отца: кто же вы, как жили без меня столько лет, можно ли приехать в гости и познакомиться с вами?

Алексей Натанович вынул носовой платок, чтобы высморкаться, но машинально снял очки и, будто стесняясь самого себя, прижал его к глазам, полным слёз. Затем надел очки, но лучше видеть от этого не стал, и снова отложил очки в сторону. Сейчас они ему были не нужны. Внутренним взором он видел всю картину жизни Аллы Ивановны — всё, что произошло на самом деле с его любимой женщиной много лет назад. И, как в бреду, Алексей Натанович начал вслух что-то говорить:

«Аллочка, моя дорогая! Оказывается, за год до встречи со мной в Красноярске ты призналась мужу, что не любишь его. Для того чтобы всё забыть, муж предложил тебе вместо развода уехать с ним в Израиль. С учётом всех обстоятельств этого непростого дела, он заранее оформил выездные документы для всей семьи, включая тебя и двоих детей.

Проведя со мной один день в Красноярске, ты поняла, что я из семьи не уйду и что единственно разумным выходом из этой запутанной ситуации — без крупного скандала и выяснения отношений — остаётся отъезд из страны. В Израиле ты родила от меня сына и назвала его в честь моего папы Натаном.

Через некоторое время, окончательно разлюбив своего мужа Кауфмана, ты с ним разошлась. Кауфман женился во второй раз, а ты осталась одна с тремя детьми. Тем не менее, Кауфман, будучи порядочным человеком, в течение многих лет продолжал участвовать в воспитании своих детей и материально их поддерживать.

Всё бы могло на этом закончиться, но ты решила открыть своему младшему сыну Натану, когда он вернулся из армии, секрет его рождения. Этим шагом ты продемонстрировала высочайший уровень благородства, предоставив ему право самому решать, кто его отец».

Алексей Натанович снова надел очки и в который раз, внимательно всматриваясь в каждое слово, прочитал письмо сына от

начала и до конца. Как будто хотел понять, что же ещё осталось за его пределами. И тут он просиял: «Ах, какая ты умница, Аллочка! Чтобы помочь Натану сделать правильный выбор, ты предложила ему написать мне письмо».

15.4

Всё происходящее так повлияло на самочувствие Алексея Натановича, что на следующий день он пошёл к врачу и взял бюллетень. Что-то продолжало покалывать в области груди. Врач успокоил его, сказав, что это не инфаркт, а межрёберная невралгия, связанная с какой-то стрессовой ситуацией. Прописал Алексею Натановичу на три дня постельный режим и рекомендовал оставаться дома.

В последний день пребывания его дома на больничном листе в квартире Соловьёва раздался телефонный звонок.

— Здравствуйте, Алексей Натанович. Это Натан из Израиля. Вы получили моё письмо?

— Да, дорогой, получил.

— И что вы, извините меня за вопрос, решили?

Алексей Натанович молчал и плакал. Голос сына, которого он никогда не видел, вызвал у него не просто слёзы — поток слёз. Он пытался с ними справиться, но у него ничего не получалось. А телефонная трубка продолжала громко кричать:

— Алексей Натанович, вы меня слышите? Алло... алло! Вы меня слышите? Что вы решили?

— Приезжай, я тебя очень жду, — только и сумел он произнести.

— Понятно. И ещё, Алексей Натанович. Закажите для меня, пожалуйста, номер в гостинице. И чтобы был не очень далеко от вашего дома.

— Хорошо.

Трубка ещё что-то говорила, но он уже ничего не слышал, продолжая сжимать её в руках. А потом раздался щелчок, и в комнате сразу стало тихо.

15.5

30 июня 2013 года Алексей Натанович Соловьёв встречал своего сына Натана в московском международном аэропорту Шереметьево. Было очень жарко, с подмосковных полей тянуло гарью. Горели

торфяники. Алексей Натанович стоял в зале прилёта пассажиров с табличкой «Натан», которую он соорудил из крышки картонной коробки для обуви. У него дрожали руки, а вместе с ними и табличка, но он ничего не мог с этим поделать. Просто надо было сделать картонку на шнурке и повесить её себе на шею. Тогда бы он не чувствовал себя так неловко. А пассажиры, прилетевшие рейсом «Тель-Авив–Москва», шли и шли, не обращая на грустного немолодого человека никакого внимания. Среди них были молодые и пожилые, в костюмах и в шортах, с чемоданами и вообще без багажа. Все они громко разговаривали, смеялись, жестикулировали, но среди них не было Натана.

Он появился совершенно неожиданно — молодой, красивый, высокий, с уверенным взглядом. Молча подошёл к Алексею Натановичу, и они без слов замерли друг у друга в объятиях.

— Здравствуйте, Алексей Натанович.

— Здравствуй, дорогой. Здравствуй, Натан. А где твои вещи?

— Вот они. Все со мной. Мама говорит, что в другую страну нужно ехать без багажа, а там надевать всё по моде, — сказал Натан с улыбкой.

— Ты, наверное, хотел сказать «одеваться по моде».

— Да-да, — ответил Натан и снова заулыбался. — Вы не обращайте внимания на мой русский. Он у меня очень оригинальный.

— Почему? Ты правильно и красиво всё сказал. А теперь поехали домой.

— Извините, Алексей Натанович. Я вас просил по телефону заказать номер в гостинице. Мне неудобно вас потеснить.

— Опять шедевр. Нужно говорить: «Мне неудобно вас стеснять».

— Неважно, как сказать. Важен смысл.

— Правильно. А теперь ответь мне только на один вопрос: в качестве кого ты прилетел сегодня в Москву?

— Не понял, о каком качестве вы меня спрашиваете?

— Я спросил, кто я для тебя?

— Как кто? Мама сказала, что вы — мой отец.

— Правильно. А как отец и сын должны жить?

— Как жить? Вместе жить.

— Правильно. А теперь поехали домой.

И они оба так громко рассмеялись, что на них стали оглядываться.

— Алексей Натанович, но у меня есть ещё один вопрос. Как мне позволено тебя называть? Не удивляйся, у нас в Израиле все друг с другом на ты.

— Естественно, отец.

— Это хорошо. Это очень хорошо. Отец.

15.6

Четырёхкомнатную квартиру рядом с Измайловским парком, в доме сталинской постройки с высокими потолками и двумя балконами, Алексей Натанович купил ещё в 1995 году. Это были лихие 90-е, когда хорошую квартиру в Москве можно было приобрести за небольшие деньги. Вопрос о его избрании профессором кафедры МВТУ им. Баумана был уже положительно решён, и для его реализации требовалась только московская жилплощадь, чтобы не ездить ему каждый день из Подмосковья в Москву.

— А кто ещё, отец, живёт с тобой в этой квартире?

— Сейчас никто. Жена Алиса умерла много лет назад, а сын Виктор служит на подводной лодке в Северодвинске.

— Так мы будем жить вдвоём?

— Нет, втроём. У меня ещё есть маленькая собачка по кличке Килька.

— А где она сейчас?

— Она нас дома ждёт, но прячется. Будет за нами откуда-нибудь внимательно наблюдать. У Кильки свой подход к людям. Если ей гость нравится, она вылезет из своего укрытия и будет проситься к нему на руки. А если нет, то начнёт на него лаять.

Отец и сын быстро подошли к платной стоянке перед зданием аэропорта, где Алексей Натанович оставил свою машину. До Москвы ехали долго, больше часа. Натан с удовольствием смотрел из окна машины на огромный город, изредка задавая отцу вопросы. Наконец, въехали во двор большого дома и поднялись на лифте на шестой этаж. Открыв ключом дверь, Алексей Натанович пропустил Натана вперёд.

— Проходи, а главное — не стесняйся. Судя по тому, что Килька пока молчит, проверку ты проходишь успешно. Можешь переодеться, а я пока что-нибудь приготовлю поесть. И вообще, чувствуй себя как дома.

Натан пошёл в ванную помыть руки и по дороге заглянул в не-

большую комнату. По всей видимости, это был кабинет отца. В комнате стоял большой письменный стол, на котором лежало множество книг. Некоторые из них были открыты.

— Отец, ты что, читаешь одновременно несколько книг?

— Да, эта привычка у меня с детства. А почему это тебя удивляет?

— Потому что текст одной книги налезает на текст другой и нейтрализуется смысл того, что ты хотел прочитать.

— Красиво сказал, но при чтении научных и художественных книг это вполне допустимо. Просто нужно иметь для этого определённый навык. Ты лучше скажи, каким образом мама нашла мой московский телефон?

— В каком смысле нашла?

— Я имею в виду, как она узнала мой номер телефона?

— Очень просто. Наша мама обычно смотрит в Израиле русское телевидение и однажды на заседании какого-то важного комитета по науке увидела тебя. Ты там умно сидел и что-то писал. Мама каким-то образом всё выяснила: что за заседание, где проводилось, кто участвовал. Потом позвонила куда-то в Москву и узнала твой номер телефона. Больше я ничего не знаю. Это её нужно спрашивать.

— А скажи, Натан, что ты собираешься делать в России? Что хочешь посмотреть в Москве? Дело в том, что я ещё некоторое время буду занят в университете и не смогу уделить тебе много внимания. Но с середины июля у меня будет большой отпуск.

— Ты меня, папа, рассмешил. Думаешь, что к тебе в гости приехал маленький мальчик, который может потеряться в большом городе? А я, для твоего сведения, капитан израильской армии. И это очень серьёзно. Ты, кстати, имеешь какое-нибудь офицерское звание?

— Да, я старший лейтенант.

— Старший лейтенант? Тогда слушай мою команду. Перестань меня воспитывать. Мне вполне хватает мамы. Кстати, надо ей позвонить и сообщить, что я благополучно прилетел.

— Позвони. Ты знаешь, как звонить в Израиль?

— Знаю, папа. Я всё знаю. Только ты не подслушивай, о чём мы будем говорить. А впрочем, можешь подслушивать. Мы всё равно будем с ней говорить на иврите.

15.7

Полтора месяца пролетели для Алексея Натановича совершенно незаметно. Он провёл их в волшебном общении со своим взрослым сыном, о существовании которого узнал совсем недавно. Они осмотрели многие достопримечательности Москвы, посетили театры и музеи, парки и стадионы. Особое впечатление на Натана произвели Большой театр, московское метро и Третьяковская галерея. Он был в восторге от увиденного и всё пересказывал по телефону маме, прибавляя, что ничего подобного нигде в мире не встречал. Кроме того, Алексей Натанович с Натаном на две недели съездили в Санкт-Петербург и даже заскочили на несколько дней в гости к старшему сыну Виктору в Северодвинск. Капитан второго ранга Виктор Алексеевич Соловьёв очень хорошо встретил Натана. Он даже специально взял отпуск и провёл с отцом и младшим братом все дни. Похожие друг на друга, одного роста, спортивные, весёлые, они не расставались друг с другом ни на минуту. Уезжая, Натан взял с Виктора слово офицера, что тот приедет на следующее лето с семьёй в отпуск в Израиль.

Время пребывания Натана в России подходило к концу, но Алексей Натанович не совсем понимал, что сын собирается делать по возвращению в Израиль. А главное, каковы перспективы его собственных отношений с Аллой Ивановной.

Вечером, накануне отъезда Натана из Москвы, когда отец с сыном устроились на диване, чтобы посмотреть фильм на английском языке, Алексей Натанович спросил:

— Слушай, сын, так мы с тобой не обсудили, где собираешься ты учиться — в Израиле или в Москве. Да и в отношении мамы у меня полный туман. Ничего не хочешь мне о ней рассказать?

— Ты не спрашиваешь, я не рассказываю.

— Я не знал, что для твоего рассказа о маме должен быть какой-то особый повод.

— Теперь знаешь?

— Теперь знаю. — И они дружно рассмеялись.

— Ну, так вот, папа. По первому вопросу. Я служил в самой лучшей армии в мире, а она своим солдатам предоставляет по окончании службы финансовую возможность учиться в любом университете страны. В каком из них, я ещё не определился, но если мне

будет не хватать денег на учёбу, я уверен, что ты мне поможешь. Правда?

— Конечно, правда. А почему тебе не учиться, например, в моём университете в Москве? Он один из лучших технических учебных заведений мира.

— Понимаешь, папа, преподавание в России идёт на русском языке. А многие вещи, как говорится нюансы, я глубоко понимаю только на иврите. Это мой родной язык.

— А то, что ты, будучи моим сыном, не совсем еврей по израильским законам, тебя не волнует?

— Нет, не волнует. Я в душе даже больше еврей, чем ты думаешь. Ты же не побоялся при русской матери, моей бабушки, много лет назад записаться евреем? — Натан внимательно посмотрел на отца.

— Ты и это знаешь? Ну, молодец.

— Я много чего знаю, папа. Когда-нибудь тебе расскажу. Я вообще считаю, что настоящий еврей — это еврей по папе. А то, что где-то несколько тысяч лет было записано иначе, так у нас сейчас другое время. Евреи уже давно пересели с осла на скоростную железную дорогу, и ничего в мире от этого не рухнуло.

— Это точно, — поддержал его Алексей Натанович. — И пусть все дотягиваются до нашего с тобой уровня, сын, а не наоборот. Ну, а теперь скажи несколько слов о маме?

— С мамой всё сложнее.

— В чём сложнее?

— Знаешь, папа, я не очень разбираюсь в ваших взаимоотношениях. Короче, у меня есть для тебя от мамы письмо. Но она меня строго предупредила: письмо отдать тебе только при соответствующих обстоятельствах.

— И ты считаешь, что такие обстоятельства сейчас возникли?

— Да. Считаю.

15.8

Натан ушёл в другую комнату. Было слышно, как щёлкнули замки его чемодана. По всей видимости, письмо от мамы он хранил там. Вернувшись назад, Натан протянул Алексею Натановичу незапечатанный конверт. Это было второе письмо от Аллы Ивановны за всю его жизнь. Первое ему передала в Норильске двадцать два года

назад её подруга Рита, а сейчас сын. Наверняка Натан был знаком с содержанием письма, но вида не подавал. Письмо было очень коротким и максимально сдержанным.

«Спасибо, что пригласил моего сына в Москву. Для него это огромное событие. Думаю, что он тебе понравится, так как, по большому счёту, это твоя копия.

Храню в памяти день, который мы вместе провели в Красноярске. Этим все годы и живу.

Интересно, помнишь ли ты ключевой эпитет, который я использовала со словом «взгляд», чтобы разбудить тебя утром в гостинице?

Звонить не надо, так как мне будет очень тяжело говорить с тобой по телефону. Если хочешь, напиши ответ и передай с Натаном.

28 июня 2013 г.»

По форме и содержанию письма чувствовалось, что Алла Ивановна писала его не один день, многократно изменяя и исправляя текст. Всё в нем говорило, с каким достоинством эта удивительная женщина несет в себе свою неизбывную боль. Был в письме и слабый намек на примирение. В любом случае, Алексей Натанович должен быстро, не откладывая на потом, написать ответ. Завтра утром Натан улетает в Израиль и на раздумье всего одна ночь. Да и что тут раздумывать? Он столько раз мысленно с ней говорил, что все нужные слова были у него наготове.

«Дорогая моя, любимая Алла Ивановна!

Прежде всего, огромное тебе спасибо за сына. Получить готового, взрослого, умного и красивого парня — это бесценный подарок судьбы. Замечу, что это не только твой сын, как ты пишешь, но и мой. Не забывай об этом. Тем более что с такой постановкой вопроса он полностью согласен. А то, что ты назвала сына в честь деда Натаном, сразило меня наповал.

Почему ты написала мне такое суровое письмо? Я этого не заслужил. Я тысячу раз вспоминал каждую минуту одного дня, проведенного нами в Красноярске, и никогда этого не забывал.

Я не искал тебя все прошедшие годы в соответствии с твоим строгим наказом. Записка, переданная в Норильске Ритой, была

для меня смертным приговором, заменённым, правда, на пожизненную любовь. Ты, Натан и мой старший сын Виктор — сейчас самые близкие для меня люди.

Живу один. Алиса умерла 17 лет назад. Виктор служит на подводном флоте в Северодвинске.

Страшно хочу тебя увидеть, но в силу особой специфики моей научной деятельности выезд за границу для меня закрыт. Напиши, пожалуйста, о себе. И умоляю, перестань на меня обижаться. Тем более что я ни в чём перед тобой не виноват.

Р. С. Мучительно старался вспомнить эпитет, который ты использовала тогда со словом «взгляд». Но, к сожалению, не могу. Теперь буду ходить больным, пока не вспомню. Пищу ряд эпитетов. Подскажи, любимая, какой из них: внимательный = сосредоточенный = глубокий = умный = томный = многообещающий = зовущий = пристальный = серьёзный = тоскливый = радостный = изумлённый = заманчивый = загадочный = предупреждающий = зоркий?

Есть ли среди них это заветное слово? Поцади и подскажи.

Я».

15.9

Ответ на письмо, переданное через Натана, пришёл Алексею Натановичу заказной почтой с уведомлением только через месяц. По всей видимости, Алла Ивановна боялась, что письмо может потеряться и переписка с Алексеем Натановичем на этом прекратится. Тональность нового письма была совершенно другой. То ли Алла Ивановна поверила в искренность чувств Алексея Натановича, то ли на неё повлиял красочный рассказ Натана о встрече с отцом, но это было уже совсем иное письмо.

«Дорогой Алексей Натанович!

Спасибо тебе за тёплый приём Натана. Конечно, он наш общий сын и ты имеешь право на его любовь, так же, как и я. Что касается категорического приказа меня не искать, переданного тебе Ритой, то я расскажу тебе по этому поводу маленькую старинную притчу: «Если женщина говорит „нет“, то это „может быть“, если женщина говорит „может быть“, то это „да“, если женщина говорит „да“, то что это за женщина». Выводы делай сам.

Я прожила в Израиле двадцать два года, родила сына, выучила иврит. Двое моих старших детей отслужили здесь в армии. Сама я проработала много лет в израильской школе учителем математики (дети здесь замечательные). Заработала израильскую пенсию. Объездила полмира.

К сожалению, а может быть к счастью, я уже не та Алла Ивановна, которую ты знал в Норильске. Жизнь — хороший учитель. Единственное, что осталось во мне неизменным от прежней Аллы Ивановны, так это тёплое отношение к тебе.

Израиль — очень непростая страна. Для кого-то она мать родная, а для кого-то злая мачеха. Из огромной массы приехавших в 90-е годы эмигрантов страна получила в неограниченном количестве инженеров, учёных, врачей, инженеров, преподавателей любой специальности и квалификации. К сожалению, это не пошло на пользу многим людям. Израиль опустил до одного уровня (поднять, по определению, ничего нельзя) и обнулil всех новых жителей, заставив их участвовать в жизненном марафоне, независимо от возраста, темперамента, воспитания, образования и других личностных характеристик. Естественно, что в таком забеге побеждают, как правило, пробивные и напористые участники. Тебе с твоим характером и принципиальностью здесь было бы нестерпимо тяжело.

Основная проблема, которую мы сейчас всей семьёй решаем, — где продолжать учиться нашему младшему сыночку Натану. Но, думаю, что всё будет в порядке. Может, ты со своего профессорского положения ему что-нибудь интересное порекомендуешь?

А правильный эпитет к слову «взгляд» ты пока не нашёл. Поэтому продолжай думать и вспоминать.

18 сентября 2013 г.»

15.10

Алексей Натанович читал письмо от Аллы Ивановны и удивлялся, как женщина одним предложением может расставить всё по своим местам. Как элегантно она разрубила гордиев узел, который они вместе завязали много лет назад. Завтра он напишет ей письмо и обо всём расскажет. Признается по-настоящему, полным ртом, в своей любви к ней.

Но ни завтра, ни через неделю ответ Алле Ивановне у Алексея Натановича не выстраивался. Или получался чересчур заумным,

или звучал совершенно неискренне. Прошло больше месяца, прежде чем он созрел для ответного письма.

«Дорогая моя, любимая Алла Ивановна!

Извини, что задержал ответ на твоё последнее письмо. Не мог подобрать нужные слова. Сейчас попробую это сделать.

Прежде всего хочу попросить у тебя прощение за всё: за отъезд из СССР и вынужденную эмиграцию, за жизнь в чужой стране и борьбу за существование. И самое главное — за все трудности, связанные с рождением и воспитанием нашего потрясающего сына.

Ты — моя героиня, и не смей от этого высокого звания отказываться. Я тебя очень люблю.

Ты обязана со мной согласиться, что ты, я и Натан — одна семья. Мы глубоко больны друг другом, и это медицинский факт, который бесполезно кому-либо оспаривать. Лечение этого заболевания излагаю ниже.

Я, Алексей Натанович Соловьёв, находясь в полном здравии и трезвом рассудке, с огромной радостью делаю Алле Ивановне Дорониной (Кауфман) официальное предложение руки и сердца. Клянусь до конца своих дней любить её и быть надёжной опорой во всём.

Подтверждение о её согласии принять мою любовь готов получить в любом виде: письмом, телеграммой, телефонным звонком, личным приездом.

Р. С. Сдаюсь. Прошу подсказать, какой эпитет ты использовала со словом «взгляд» из следующего ряда (больше не могу вспомнить): зовущий = серьёзный = цепкий = восхищённый = искренний = красноречивый = откровенный = чувственный = шаловливый = ясный = яркий = запоминающийся = задумчивый = удивлённый = ласковый = рассеянный.

Я.

22 октября 2013 г.»

15.11

Через две недели, 8 ноября 2013 года, в московской квартире профессора Соловьёва раздался телефонный звонок.

— Алёша, я согласна, — прошептал в трубке тихий женский голос. Это был голос Аллы Ивановны Дорониной.

— Аллочка, я безумно счастлив, — прокричал в трубку Алексей Натанович.

Но телефонная трубка молчала.

— Аллочка, любимая моя, ты меня слышишь? Аллочка... Почему ты молчишь? Скажи что-нибудь... Алло!

— Я слышу тебя, Алёша, но говорить не могу.

— Почему? Что случилось?

— Я плачу.

Они разговаривали всего двадцать минут, когда раздался неприятный щелчок в телефоне и чужой голос сообщил:

— Лимит разрешённого времени на международный разговор исчерпан. Заканчивайте разговор.

— Девушка, возьмите с меня оплату по любому тарифу, но дайте ещё хоть три минуты. Очень вас прошу, — кричал он в трубку, но трубка откликнулась гулкой тишиной.

Алексей Натанович аккуратно положил трубку на рычаг. Несмотря на то, что телефонный разговор так нелепо оборвался, настроение у него было праздничное. За это не грех и выпить. Алексей Натанович вынул из серванта начатую год назад бутылку коньяка и две рюмки. Разлил по рюмкам коньяк и чокнулся ими, пожелав вслух своей любимой Аллочке и себе здоровья, счастья и благополучия.

Совсем другая ситуация была в Израиле. Сразу не сообразив, почему прервался телефонный разговор, Алла Ивановна позвонила сыну.

— Натан, я сейчас говорила с твоим отцом, и разговор неожиданно прервался. Мне что-то не по себе.

— Почему, мама? — удивлённо спросил Натан.

— Как-то резко связь с папой оборвалась. Я очень нервничаю.

— А о чём ты с ним говорила?

— Он мне сделал предложение, и я дала своё согласие, — тихо произнесла Алла Ивановна, ожидая реакции сына.

— Ну и что ты так волнуешься? Радоваться надо этому, а ты хнычешь.

— А может ему стало плохо?

— Нет, мама. Мужчинам от этого плохо не бывает. Только хорошо.

— Много ты понимаешь. Бывает — не бывает. Умник нашёлся. Завтра полетишь в Москву к отцу. Он один там всё переживает. Поддержишь его, а заодно подготовишь к моему приезду.

15.12

Алла Ивановна прилетала в Шереметьево 14 ноября 2013 года в 22.45. Её встречали Алексей Натанович и Натан.

Они приехали в аэропорт за час до прилёта самолёта, так как находиться дома у них уже не было сил. С самого утра в квартире Алексея Натановича царил напряжённая обстановка. Они оба, отец и сын, очень нервничали, но как-то отдельно друг от друга, по-мужски. Даже во время обеда почти не говорили между собой.

Сейчас они стояли в аэропорту и внимательно смотрели в окно, пытаясь что-то там рассмотреть. Каждые несколько минут темнота пульсировала огоньками очередного идущего на посадку самолёта. Оба напряжённо ждали нужного им сообщения.

— Граждане встречающие, совершил посадку самолёт рейсом «Тель-Авив — Москва», — постным голосом сообщила диктор.

— Ты слышал, папа? Мамин самолёт приземлился. А ты знаешь, нигде в мире не делают подобные объявления. Только в России.

— И это хорошо, — каким-то не своим, дрожащим голосом ответил Алексей Натанович сыну. — Людям заранее сообщают замечательную информацию о прилёте того, кого они приехали встречать в аэропорт.

— Ты уверен, папа, что это хорошо?

— Уверен. Потому что, как ни странно, встречающие всегда больше волнуются и переживают, чем прилетающие.

— А почему, как ты думаешь, это происходит?

Но Алексей Натанович не успел ответить сыну. На выходе в зал ожидания появилась она. Алла Ивановна Доронина. Мама и любимая женщина. С одним небольшим чемоданчиком на колёсиках и сумочкой через плечо. Загорелая, привлекательная, молодая. Она вся сияла, каждым своим движением, каждой деталью своего туалета демонстрируя, что бесконечно счастлива. А отец и сын стояли рядом и не смели пошевелиться. Один седой, другой русый, один пожилой, другой молодой. Каждый со своим букетом цветов.

Алла Ивановна сначала подошла к сыну. Обняла его и крепко поцеловала. Потом повернулась к Алексею Натановичу и протянула ему руки. А он, не отрывая от неё глаз, протянул свои. Так они и стояли, взявшись за руки и боясь их расцепить, как много лет назад в кабинете ректора Норильского технологического института.

Прошло больше двадцати двух лет, как они расстались, каждый день страдая от разлуки. Уверенные в том, что больше никогда не увидят друг друга. А сейчас произошло чудо, в которое невозможно было поверить.

Алла Ивановна тихо прошептала:

— Алёша, тебе сын нравится?

— Да, очень, — так же шёпотом ответил он.

— Это самое главное, — продолжала шептать она.

— А ты насколько приехала? — едва слышно спросил он.

— Навсегда, — одними губами выдохнула она.

15.13

Они смотрели друг на друга, ни на кого не обращая внимания. Смотрели так, как будто хотели восполнить все прошедшие врозь годы. Забыв обо всём на свете, в том числе и о сыне, который тихо стоял в стороне, переминаясь с ноги на ногу.

Натан деликатно покашлял, надеясь привлечь к себе внимание родителей.

— Хороший мальчик, воспитанный, — отозвался на намёк сына Алексей Натанович. — Это у вас весь багаж, Алла Ивановна?

— Да, весь, — ответила она. — В Израиле у всех людей гардероб на два сезона: идёт дождь — зима, светит солнце — лето. Сегодня в Тель-Авиве, когда я вылетала в Москву, было двадцать пять градусов тепла.

— А я где-то читал, что, когда людям не о чем говорить, они говорят о погоде, — влез в разговор уставший молчать Натан.

— Правильно, начитанный ты наш, — попытался пошутить Алексей Натанович.

— А ещё, папа, я тебе уже несколько раз говорил, что в Израиле нет «вы», а есть только «ты». Почему ты к маме обращаешься на вы?

— Но мы же не в Израиле, дорогой мой, а в России.

— И что?

— А то. Я даже представить себе не могу, как может такая ситуация выглядеть у нас. Объясни мне, сын, какой смысл в таком обращении?

— А смысл состоит в том, чтобы напомнить людям о равенстве всех перед Богом.

— Молодец, Натан. Хорошо сказал. Но в России такое обращение будет выглядеть как неуважение к человеку и панибратство. Например, студент заходит к декану и спрашивает: «Ну что, Петя, ты мне заявление на отпуск подписал?». Думаю, что декану это не понравится.

За шутками и анекдотами не заметили, как приехали домой. На пороге квартиры их встречала Килька. Она сидела тихо, не лая, и преданными глазами смотрела на Аллу Ивановну, безоговорочно соглашаясь с её ролью хозяйки дома.

— Ну, так, мужчины. Что там у вас делается на кухне?

— Мама, сегодня мы тебя угощаем. Ты не возражаешь?

— Возражаю. Просто как только я встречаюсь с твоим папой, нас обязательно кто-то кормит. Только не я. В первый раз, в Красноярске, он нашёл какую-то тётку. Сегодня мобилизовал тебя. Мужчина даже не представляет, как приятно женщине покормить любимого человека.

— Дорогая Аллочка, — подал голос Алексей Натанович, — клятвенно обещаю тебе, что это в последний раз. С завтрашнего дня ты не выходишь из кухни.

— Согласна.

Через полчаса праздничный ужин был на столе. Благо, Алексей Натанович всё заранее купил. Проговорили обо всём до трёх часов ночи.

— Ой, Алёша, а я тебе подарок привезла и забыла вручить, — воскликнула Алла Ивановна. — Где моя сумочка?

— Она на вешалке висит, — ответил Натан. — Ты сама её туда, как зашла в квартиру, повесила.

Алла Ивановна открыла сумочку и достала из нее продолговатую коробочку, в которой лежали какая-то бумажка и обычная чернильная авторучка.

— Дорогой Алексей Натанович, я хочу вернуть вам авторучку, которой вы написали мне в гостинице города Красноярска историческую записку. С этой коробочкой я никогда в жизни не расставалась.

— Мама, ты таким торжественным тоном говоришь, будто этой ручкой подписывали, как минимум, Версальский договор.

— Это для тебя, Натан, договор, хоть и Версальский. А для меня эта коробочка была единственной ниточкой, связывающей многие годы нас с твоим отцом.

— А это что за шифровка? — Натан вертел в руках бумажку, на которой было написано: «Жду. 208. Я».

— А эта записка перевернула всю мою жизнь.

Пока Алла Ивановна шутиливо отвечала сыну, Алексей Натанович сидел, не проронив ни слова. Он был в шоке. И даже не от того, что Алла Ивановна сохранила его ручку и записку, а от того значения, которые имели для нее эти мелочи. Он хорошо помнил свою ручку. Она была удобной в работе с документами и заправлялась обычными чернилами. Её потерю Алексей Натанович обнаружил на следующий день, после того как Алла Ивановна улетела в Норильск. Но он даже предположить не мог, что эта ручка вместе с запиской приобретут для неё такой важный смысл в жизни.

Алексей Натанович выскочил из-за стола, схватил Аллу Ивановну в охапку и стал кружить, стараясь на лету поцеловать, а она, нехотя отбиваясь, только повторяла:

— Ну, перестань, Алёша, перестань, я тебе говорю. Ребёнок здесь.

А сама заливалась счастливым смехом.

Когда Алексей Натанович, наконец, поставил её на пол, Алла Ивановна, глядя ему в глаза, сказала:

— Знаешь, дорогой, в последнем письме ты, наконец, указал тот эпитет, который я использовала утром в Красноярске со словом «взгляд».

— Что ты говоришь? И какой это эпитет?

— Восхищённый...

Эпилог

Они встречали Новый год вдвоём — Алла Ивановна и Алексей Натанович. Алексей Натанович заказал на дом новогодний ужин в ресторане московской гостиницы «Метрополь». Настроение было замечательное. Накануне звонили дети и поздравили их с наступающим праздником.

— Аллочка, ты приглашала Натана встретиться с нами Новый год?

— Да, но я заранее знала, что он откажется.

— Почему? Откуда у тебя была такая уверенность?

— Понимаешь, Лёша, Натан — израильтянин до мозга костей. Во-первых, он родился в Израиле и там окончил школу, а во-вторых, прошёл израильскую армию. А это такой мощный заряд патриотизма, что его ни в чём невозможно переубедить.

— Не понял, причём тут патриотизм и в чём нужно Натана переубеждать? Новый год — это праздник, связанный с переходом из старого календаря в новый. В этот вечер каждый человек желает своим близким в новом календарном году счастья, здоровья и благополучия.

— Дело в том, что евреи отмечают Новый год в другое время и по-другому, нежели все остальные народы. Еврейский Новый год не связан с календарём.

— Но ты, Аллочка, надеюсь, не возражаешь встретиться со мной Новый год, как это принято в России?

— Сочту за честь, дорогой профессор. И позволь мне первой сказать несколько слов. Я нахожусь в Москве уже полтора месяца и счастлива рядом с тобой. Мне так хорошо, как никогда не было в жизни. Желаю, чтобы это продолжалось вечно.

— Спасибо, любимая, за прекрасный гост. Но я хочу тебе напомнить, что на 8 января нового года назначена наша регистрация в ЗАГСе.

— Лёша, может, не будем этим заниматься в нашем замечательном возрасте?

— Не понял, Аллочка, о каком возрасте ты говоришь? Мне только шестьдесят семь, а сколько тебе я не знаю и знать не хочу. Так что этот вопрос не обсуждается. И потом, ты должна понимать,

случись что со мной, ты - бездомная. А куда, в таком случае, будут приезжать наши дети и внуки? Так что готовьте фату, мадам.

То ли Алла Ивановна просто проверяла Алексея Натановича, то ли её и в самом деле испугала перспектива не увидеть больше своих детей и внуков, но она сразу поменяла тему разговора и стала расхваливать ресторанный ужин. Алексей Натанович с удовольствием её поддержал.

— А знаешь, Аллочка, что я вспомнил в связи с нашим ужином?

— Что?

— Норильск, а точнее, обед в тундре со своим другом Ильёй Золотым. Однажды мы ушли с ним на лыжах километров за сорок от города. Было это в конце апреля. Вокруг огромные сугробы снега — метров пять высотой. На лицах у каждого из нас, чтобы не обморозиться, шарф, натянутый до самых глаз, весь покрытый ледяной коркой от ветра. Мы ужасно проголодались. И вот Илья разжег костёр на снегу. Поставили на огонь котелок, вскипятили примерно литр воды и бросили туда всё, что было у нас с собой съестного: банку консервированного борща неизвестно какого года изготовления, две вяленые рыбки, луковицу и несколько промёрзших картофелин. По-хорошему, есть это варево было невозможно, но мы — молодые, голодные — вычерпали ложками котелок до самого дна. Более вкусного обеда я никогда в жизни не ел.

— Я заметила, Алёша, что у тебя как ни знакомый, так друг. Натан тоже был такой в детстве. Одни друзья.

— Нет, Аллочка, не так. Просто я плохих людей стараюсь не замечать. Это прежде всего сохраняет мне здоровье. Хотя иногда и ошибаюсь. Помню, как-то летом нас с женой пригласили на загородную турбазу. Проводником был неприятный угрюмый мужик. Всю дорогу или молчал, или делал замечания. Пришли на турбазу, а там туча комаров. Кусают — невозможно терпеть. Так этот мужик сначала намазал мазью от комаров свою собаку, а потом себя. И я сразу поменял о нём мнение.

Они сидели за столом уже несколько часов. Говорили обо всём, смеялись по каждому пустяку. Им было необычайно хорошо.

— Аллочка, а можно задать тебе вопрос, на который я в течение многих лет не могу найти ответ?

— Спрашивай, дорогой.

— Скажи, пожалуйста, как ты догадалась в красноярской го-

стинице, что это я тебя приглашаю в 208-ю комнату? Ведь в записке даже не были указаны мои инициалы.

— Понимаешь, Алёша, женщина воспринимает любимого мужчину особыми рецепторами, которые ошибиться по определению не могут.

— Ну-ка, ну-ка, расскажи. Очень интересно.

— Пожалуйста. Если ты помнишь, мы с тобой однажды сидели в актовом зале института на собрании по выдвижению кандидата в народные депутаты. Так вот ты тогда своим немигающим взглядом сделал мне ожог на шее. С того момента твоё физическое присутствие я безошибочно идентифицирую в любой точке мирового пространства.

Алексей Натанович смеялся до слёз, так насмешила его теория Аллы Ивановны. А она сидела серьёзная, собранная и, не отрываясь, смотрела на него. В её взгляде было столько любви и нежности, что можно было и в самом деле поверить в сказку, которую она ему сейчас рассказала.

— Аллочка, я раньше даже не представлял, какая ты удивительная женщина. Это для меня потрясающее открытие. Пойду в знак глубокой признательности, что ты одного меня, как я понимаю, закодировала, приготовлю настоящий кофе.

— Иди, большой учёный, но учти — после Израиля меня этим не удивишь.

— Не скажи. Варить такой кофе меня научил один аспирант из Египта. А пока я буду его готовить, посмотри телевизор. Там сейчас будут транслировать хоккейный матч мирового первенства. Я ненадолго.

Алексей Натанович ушёл на кухню, а Алла Ивановна включила телевизор. Игра была тяжёлая — с жутким шумом, мордобоем, удалением игроков. Причём казалось, что чем сильнее один хоккеист ударит другого, тем больше он сорвёт аплодисментов. Когда Алексей Натанович вернулся из кухни с готовым кофе, она рассказала ему о своём впечатлении от матча.

— Молодец, Аллочка. Сразу ухватила смысл игры.

— Ты смеёшься надо мной, Алёша?

— Нет, не смеюсь. Хоккей тем и хорош, что позволяет каждому болельщику излить свою накопившуюся в душе злость на игрока противоположной команды. А в той злости вся его суетная жизнь, все его проблемы и неприятности.

— Но это же игроки мирового класса? Мне всегда казалось, что чем выше класс игры игрока, тем меньше он должен допускать грубостей?

— Нет, Аллочка, в хоккее как раз всё наоборот. А твоя формулировка больше подходит к миру науки.

— В каком смысле?

— В прямом. Чем выше научная квалификация человека, тем тоньше он делает гадости.

— Ты смеёшься, Лёша?

— Нет, Аллочка, не смеюсь. Недаром я столько лет был деканом факультета.

Оглавление

От автора	5
Пролог	8
Часть 1. Таёжный Боливар	
Глава 1. Корни	15
Глава 2. Надежды	33
Глава 3. Разочарования	67
Часть 2. Самостоятельная жизнь	
Глава 4. Первые проблемы	87
Глава 5. Аспирантура	110
Глава 6. Новые горизонты	133
Часть 3. Норильский технологический	
Глава 7. Кафедра	163
Глава 8. Ранний декан	192
Глава 9. Понимание ситуации	219
Часть 4. Декан	
Глава 10. Становление	243
Глава 11. Деканские будни	271
Глава 12. Новый ректор	300
Часть 5. Любовь	
Глава 13. Маленькая война	331
Глава 14. Докторская степень	357
Глава 15. Обретение счастья	375
Эпилог	395

Эдгарт Бенционович Альтшулер

Декан

роман

Редактор

Владимир Механик

Художественный редактор

Александр Просеков

Корректор

Маргарита Нестерова

Художественное оформление, вёрстка

Анна Просекова

Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура ГТС Charter, AtomicAlice. Печать цифровая.
Тираж 50 экз. Заказ № 1530, типография «Наука».